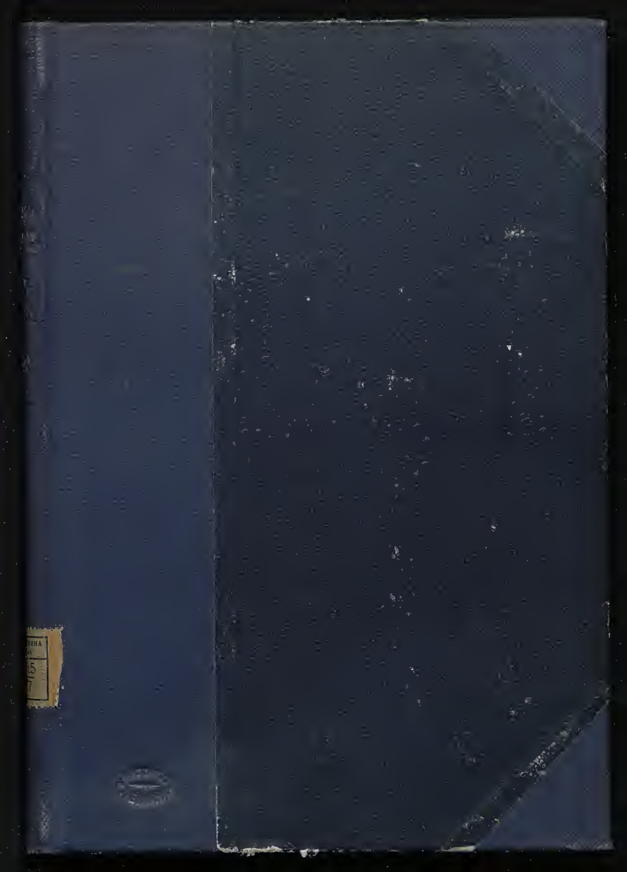
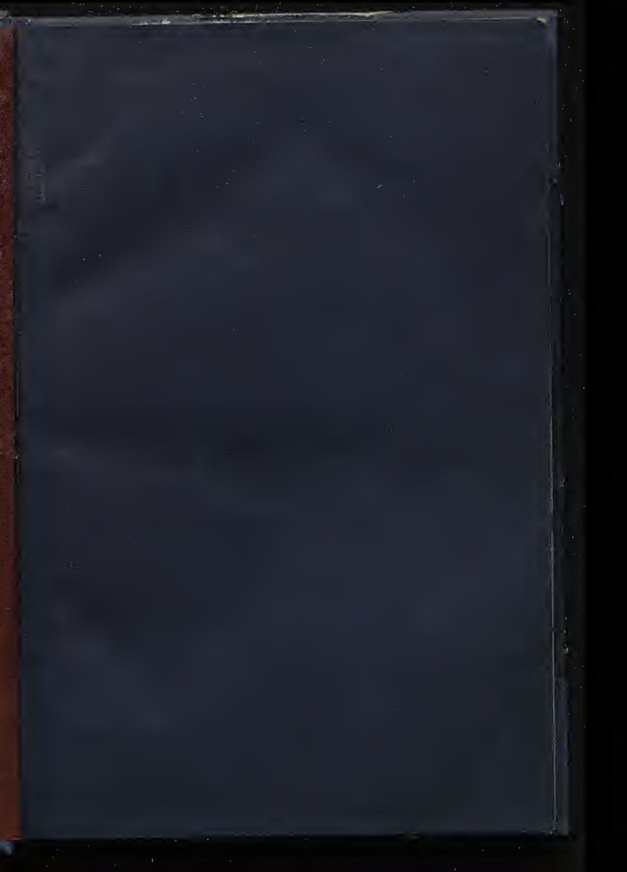

М. Ф. Бунегин

Революция и Гражданская война в Крыму (1917-1920)

Крымгосиздат
1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

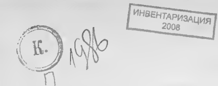
Комиссия по подготовке и проведению празднования 10-тилетия Октябрьской революции при Ц. И. К. Кр. А. С. С. Р.

М. Ф. БУНЕГИН

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КРЫМУ

(1917—1920 гг.)

КРЫМГОСИЗДАТ
1927

Напечатано в 1-й Гостиполитографии „Крымполиграфтреста“ в Симферополе в количестве 3000 экз. Зак. № 3818. Крымлит № 3582.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение вопросов, разбираемых в предлагаемой работе, вызвано возрастающим с каждым днем интересом к богатому событиями периоду революционных бурь со стороны широких слоев трудящегося населения советской страны, необходимостью изучения этапов революции и гражданской войны. Кроме того, работа вызывается практической потребностью увязки в агитпропработе, а затем и преподавательской в учебных заведениях Симферополя, злободневных вопросов и отдельных разделов программы по истории революционного движения с недалеким прошлым Крыма, с теми событиями, которые находят отражение в современной хозяйственно-политической деятельности.

Неполное освещение вопросов революции и гражданской войны в вышедшей к настоящему времени литературе толкнуло к работам над вопросом по материалам Крымцентроархива, сохранившимся газетам того времени и материалам Истпарта ОК ВКП(б). Несколько докладов по отдельным вопросам революции в Крыму указали на то, что вопросы эти живо интересуют партийно-советский актив и преподавателей учебных заведений. Нужда в книжке, излагающей все события, чувствуется и у работников, прибывающих для работы в Крым и не имеющих возможности заниматься изучением вопроса по архивным материалам и отдельным статьям и воспоминаниям.

Все эти причины, а затем и собственный интерес к более глубокому изучению вопроса толкнули к тому, чтобы дополнить уже добытые материалы, сведения новыми, а затем все это напечатать.

Сознание большой ответственности, возложенной на себя, заставляло автора заниматься изучением материалов не

менее года, при чем окончание работы было рассчитано на ноябрь—декабрь 1927 года. Мне хотелось проверить итоги проработки путем докладов и лекций, участия на вечерах воспоминаний и пр. в связи с десятилетием Октября. Но нужда в работе предлагаемого типа еще более резко выявилась перед десятилетием. Она-то и заставила несколько ускорить выпуск в свет итогов изучения.

Предлагаемая работа далеко не является совершенной. Вопросы, затрагиваемые в ней, настолько сложны, что требуют работы над ними еще ряд лет.

Поставив перед собой задачу более глубокого исследования вопросов революции и гражданской войны в Крыму, в надежде на помощь участников революции, преподавателей школ и общественных работников автор решил все же издать эту, повторяю, требующую дополнительной работы брошюру. Она будет являться первой попыткой разобрать события за весьма богатый ими период 1917—20 годов.

Все замечания товарищей будут приняты мною с благодарностью и будут учтены в дальнейшей работе.

Приношу искреннюю благодарность т. В. С. Балашову, А. А. Таксеру, Г. П. Вейсбергу, просмотревшим работу и давшим некоторые указания, т. И. Прохорову—завкрымархивом—помогавшему мне в розыске и подборе архивных материалов, и т. Мамут-Недиму, редактировавшему татарский перевод работы.

Максим Бунегин.

Крым,
Сентябрь 1927 года
г. Симферополь

ВВЕДЕНИЕ

Революция не что иное, как борьба новых форм, которые подготовлялись всей историей развития общества, со старыми. Революция насильственно разрушает отжившие формы общественного бытия, расчищает путь для новых форм производства и распределения, новых форм бытия. Появление на свет мелкой и крупной буржуазии сопровождалось революциями.

Право торговать с прибылями, право нанимать другого человека, заставлять его работать на себя, отнимать землю, а бывшего ее владельца делать наемным рабом, отнимать детей у родителей и заставлять их в невероятно тяжелых условиях работать день и ночь, право за деньги покупать чужую жизнь, распоряжаться тысячами, миллионами себе подобных разумных существ, называемых людьми,—иначе то, что называет буржуазия своим правом, а угнетенный рабочий называет бессовестным грабежом, эксплоатацией,—все это добыто в революционных боях буржуазии с феодализмом.

Эксплоатируя рабочих, буржуазия постепенно в рыночной борьбе подчиняет себе, уничтожает самостоятельность слабых, не могущих противопоставить ее силе силу своих капиталов, уничтожает мелкую буржуазию. Не желая потерять своего мещанского благополучия и иллюзорной самостоятельности, мелкая буржуазия выступает против крупной с требованием урезки аппетитов своего противника, с требованием закрепления за ней больших прав на продукты общественного производства. На этой стадии борьба мелкой буржуазии совпадает с борьбой рабочих. Мелкий буржуа идет за рабочим. Но как только наступает следующий период борьбы за уничтожение собственности, мелкий буржуа, вчерашний союзник, отскакивает от рабочих, как от зачумленных, и начинает кричать о ненужности борьбы, ее жестокости и т. д. и т. п.

Пролетариат при условии проведения им необходимой политической и тактической линии может удержать мелкую буржуазию, используя ее силы в борьбе за коммунистический строй.

Тот, кто сегодня кричит о ненужности революции, потому ли что она, ее борьба направлена против него, или

потому, что революционные требования идут дальше его желаний, не должен забывать того, что „История всего предшествующего общества есть история борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче—угнетатели и угнетаемые находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, которая каждый раз кончалась революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов“ (Маркс и Энгельс, „Коммунистический манифест“, изд. ГИЗ, 1923 г., стр. 71).

Революция это не плод размышления отдельных досужих умов, а исторически неизбежная борьба угнетенных с угнетателями, борьба, которая в наше время поставила своей задачей уничтожение классов, уничтожение всех тех условий, которые вызывают войны и революции.

Революция социалистическая, победоносно начатая Российским пролетариатом, ставит своей целью уничтожение классов; она не является такой, когда один угнетатель сменяется другим,—нет, она сметает угнетение вообще, стремясь к социально-экономическому равенству людей.

Организаторами-вождями всякой революции являются наиболее сознательные передовые элементы того класса, который наиболее угнетен и в интересах которого ведется самая борьба. Без организаторов-руководителей борьба-революция немыслима вообще, а особенно революция, направленная к свержению капитализма организованного, владеющего огромными материальными и идеологическими ценностями.

Борьба классов вырастает, подготовляется и принимает формы революции по причинам, таящимся в социально-экономическом развитии общества.

Страны более жестокой капиталистической эксплоатации имеют более развитое революционное движение, при менее жестокой—революционное движение принимает менее яркий характер.

Единство задач рабочего класса во всем мире вызывает необходимость единой борьбы. Однако, местные условия той или иной страны и даже отдельной области налагают на революционное движение свойственный особенностям отпечаток, заставляют применять иногда особые присущие области или стране формы борьбы. Особенности не исключают, понятно, общеклассовых целей, они только или усложняют, или облегчают борьбу, вовлекают в нее большее или меньшее число наиболее активных и последовательных участников, на ряду с общими задачами выдвигают частные, в других местах отсутствующие.

ГЛАВА I

Крым перед войной и революцией

Прежде чем приступить к анализу революционного процесса в Крыму, попытаемся рассмотреть, из каких элементов слагалась хозяйственная и общественная жизнь Крыма, посмотрим, нет ли здесь условий, несколько отличных от условий других, особенно центральных и средне-российских районов.

Крым в географическом отношении полуостров, соединенный на северо-западе узкой полосой суши с материком, в остальном же на протяжении около 800 верст окруженный морем, которое издавна служило дорогой, соединяющей восточную и часть средней Европы с Малой Азией, Африкой и др. странами; в административном отношении со второй четверти 19 века Крым входил в состав Таврической губернии.

Весь полуостров был разделен на 3 градоначальства и 5 уездов, которые в свою очередь делились на 34 волости. По площади равный 22241 квадр. версте, Крым меньше ряда губерний, граничащих с ним, кроме этого он меньше Голландии почти на 7000 квадр. верст, Бельгии около 4000 верст, но значительно больше бывш. Черногории, Люксембурга.

По плотности население распределено неравномерно между отдельными уездами, а именно:

	Число городского и сельского населения на 1 кв. вер.	Только сельского
1. Евпаторийский	15	10
2. Перекопский	11	10
3. Симферопольский	43	19
4. Ялтинский	87	36
5. Феодосийский	30	14

Здесь необходимо обратить внимание на то, что районы полеводческого и скотоводческого хозяйства уступают по плотности населения районам курортным, садоводческим и табаководческим. К таковым относятся два первых уезда (Евпаторийский и Перекопский) и значительная (северная) часть Симферопольского, во всем Ялтинском и значительной части Феодосийского уезда население было занято садоводством, табаководством, виноделием. Немалый процент

населения в двух последних уездах занят обслуживанием курортного хозяйства.

По плотности населения на 1 кв. версту Крым стоит выше Швеции, Сев. Америки, Соединенных Штатов, Турции, Норвегии и Персии. Плотность населения Керчь-Еникальского градоначальства, включавшего город Керчь, 19 пригородных поселков и заштатный город Еникале, равнялась по данным первой переписи 303,67 на 1 кв. версту. При рассмотрении данных о населении резко бросается в глаза разница в распределении населения между городом и деревней и его многонациональность.

Так, если средний процент городского населения в России равнялся 16,7, то в Крыму на долю городского приходится 49,2%, а на долю сельского 50,8%.

Такое распределение, однако, как увидим ниже, не является показателем промышленного развития Крыма.

Многонациональность Крыма создавалась на протяжении всей истории жизни полуострова за последние несколько сотен лет. Здесь можно найти потомков былых владетелей полуострова, начиная с греков, татар и пришедших сюда после присоединения Крыма к России в 18 и 19 веке немцев, эстонцев, чехов, русских, последние по данным ряда историков начали проникать в Крым задолго до его присоединения к России.

Всего в Крыму насчитывается 22 национальных группы, среди которых основное место по количеству занимают русские и татары, затем идут евреи, немцы, армяне, греки, болгары и проч.

К 1917 году население по национальному признаку распределялось следующим образом:

	В городе	В деревне
Русские и татары вместе	71,7%	72,5%
Отдельно татары	11,3%	37,6%
Евреи	14,5%	—
Немцы	1,4%	9,6%
Греки	4,7%	2,4%
Армяне	2,7%	0,9%
Болгары	0,5%	2,6%

Представляет некоторый интерес распределение отдельных национальностей по уездам Крыма.

Возьмем данные всеобщей всероссийской переписи (см. Стат. Справочник Тавр. губ., выпуск 6, Симферопольский уезд, изд. 1915 г., стр. 16):

Уезды:	Из 100 жителей обоего пола			
	Русских	Татар	Немцев	Проч.
Перекопский	45,3	23,5	22,8	8,4
Феодосийский	42,2	37,2	4,2	16,4
Евпаторийский	39	40,5	12	8,5

Уезды:	Из 100 жителей обоего пола Русских	Татар	Немцев	Проч.
Симферопольский	37	41,8	4,1	16,4
Ялтинский с градоначальством	30	58,7	0,5	10,6
Керчь-Еникальское градоначальство	72,1	—	—	27,9
Севастопольское	76,2	—	—	23,8

В состав русских включены собственно русские, украинцы и белоруссы. Количество белоруссов не превышает в отдельных уездах 0,5%, украинцы же в Перекопском уезде достигают 22%, Евпаторийском—21,1, Феодосийском—11,5, Симферопольском—7,1 и в Ялтинском—2,8.

Такое распределение отдельных национальных групп по уездам и градоначальствам объясняется, с одной стороны, историческим прошлым, с другой—ролью и значением не только в крымском, но и в общегосударственном военном и торговом смысле отдельных городов.

Сельское хозяйство

Татарский, русский и иной помещик, пришедший и усиливший свое влияние в Крыму после его присоединения к России, помещик, организующий здесь хозяйство не на принципах натурального, а на торговых формах, вытеснял татарское население из степных районов и районов наиболее плодородных. Татарское население уходило в предгорный и горный районы, постепенно уменьшая свои стада скота. Все лучшие земли были захвачены помещиками. Процесс обезземеливания крестьянства особенно быстрым темпом шел в XX веке. Столыпинская земельная реформа нашла большое применение в Крымской деревне. Земли не только покупал банк, крупный землевладелец, округлявший свои участки, не только деревенский кулак, но и перекупщик, спекулирующий на повышении цен земли. Цены на землю вырастали чрезвычайно быстро.

Приводим таблицу средних цен за ряд лет:

Годы	Десятина в рублях	Годы	Десятина в рублях
1899	121,3	1911	228
1909	157	1912	240
1910	167	1914	233

Таковы средние цены. Совсем иное обнаруживается при рассмотрении цены десятины, проданной одиночками или группами крестьян. Например, при средней цене в 1909 году в 157 рублей крестьяне продавали свою землю ниже на 9 рублей, т. е. получали 148 рублей, а группы крестьян еще дешевле. В этом же году продажная цена десятины, проданной группой, была равна 140,2 руб. Самая высокая цена попадала в руки среднего землевладельца, этого нового выросшего за последние десятилетия типа землевладельца, пройдохи, умеющего выгодно продать и еще более выгодно оттянуть лучшие куски земли себе.

Доказательством того, что за последние годы после 1905 года земля продавалась крестьянами, что кадры безземельных росли, можно видеть из следующих данных:

Годы	Сколько случаев продажи	Из них продано крестьянами
1909	353	276
1910	288	272
1911	276	268
1912	259	240

По данным о количестве проданной земли обнаруживается то же самое.

Вот эти данные:

Годы	Продано						
	До 5 дес.	от 5—10	10—25	25—50	50—100	100—250	Свыше 250
1909 . .	109	69	76	30	10	22	27
1910 . .	101	64	55	22	18	13	15
1911 . .	156	43	33	16	13	6	9
1912 . .	74	56	62	16	19	16	16

Так, если принять три первые колонки цифр о случаях продажи земли, т. е. считать продажу до 25 десятин за землю крестьянскую, то будет видно, что до 70—75% случаев продажи земли ведут за собой обезземеливание крестьян.

Весьма интересно посмотреть еще и данные о том, за каким количеством крестьян закреплена земля в личную собственность. За время с момента издания закона 9 ноября 1906 года по 1 января 1915 года закреплено в:

Перекопском	уезде за	290	домохозяевами
Феодосийском	„ „	493	„
Симферопольском	„	427	„
Евпаторийском	„ „	782	„

Таким образом, если сравнить цифры закрепленной за крестьянами земли почти за десятилетие с цифрами проданной за 4 года, то лишний раз мы убедимся, что в эти годы в деревне происходила борьба кулака и капиталиста вообще, направленная к превращению крестьян в безземельных, вынужденных потом итти в батраки, сельских пролетариев, иными словами, происходил процесс классового расслоения деревни.

Яркую характеристику нравов при купле и продаже земли дают корреспонденты Статбюро, они пишут: „Продают свою надельную землю мелкие крестьяне по цене 100 рублей за десятину (чернозем. мягкая). Такую же землю крупные владельцы продают за цену свыше 200 рублей. В 1910 году крестьяне покупали ее у крупных владельцев за цену по 215 рублей за десятину.

Цены на землю поднимаются, главным образом, потому, что крестьяне-перекупщики не продают дешевле, как

180, 200 и 230 рублей за десятину те надельные земли, которые они скупили у мелких надельщиков за 90—95 и не свыше 100—110 за десятину. У перекупщиков землю покупают колонисты-немцы и отчасти болгары"[1].

Разбирая причины колебания цен, автор сельхоз. обзора Таврической губернии за 1910 год заявляет, что они кроются не в преходящих явлениях природы и не в почвенных условиях, „причину этого явления следует, повидимому, искать глубже и, очень возможно, в экономических условиях малоимущих элементов той категории продавцев, которая... обращает на себя особенное внимание с момента проведения в жизнь закона 9 ноября"[2]...

В обзоре Таврической губернии за 1914 год, разбирая вопрос о ссудах на закупку земли у частных владельцев, автор замечает: „Резкое повышение цен на земли Таврической губернии, вызываемое не столько развитием местных хозяйств и увеличением их доходности, сколько деятельностью посредников и спекуляторов, а также и влиянием расценки прибрежных участков и участков, занятых специальными культурами, — подняло за последний ряд лет уровень цен на такую высоту, при которой наиболее нуждающиеся крестьяне и поселяне по недостатку средств для оплат во многих случаях даже с помощью банка не имеют возможности выступить в роли покупщиков..."[3] (разрядка моя, *М. Б.*)

Автор обзора недооценивает значение роста цен на продукты сельского хозяйства. Они, понятно, стимулировали в определенной степени рост цен на землю (цена пшеницы с 98,3 коп. в 1907 году дошла до 111,5 коп. в 1912 году, ячмень с 77,3 коп. в 1907 году до 89,6 коп. в 1912 году), но безусловно нужно согласиться с тем, что в ограблении крестьян огромнейшая роль принадлежала перекупщикам и спекулянтам.

Такое положение привело к тому, что при земельном запасе по 5 крымским уездам в 3,5 десятины на человека масса крестьянского населения осталась безземельной.

Земельный запас по отдельным уездам распределялся так[4]:

Евпаторийский	6,7 десятин
Перекопский	9,2 "
Симферопольский	2,5 "
Ялтинский	1,02 "
Феодосийский	3,5 "

[1] Сельхозобзор Таврич. губ. за 1910 г., изд. губ. земства, стр. 157.
[2] Там же, стр. 153.
[3] Обзор Таврической губернии за 1914 г., изд. 1915 г., стр. 17.
[4] Стат. Справочник Тавр. губ., выпуск 6, часть 1, Симфероп. уезд, стр. 9.

Средний земельный запас на человека в Крыму превышал таковой в Венгрии, Франции, Австрии, Германии, Японии, Великобритании и Бельгии.

Безземелье было весьма распространенным явлением в Крыму. До 40% дворов не имели земли совершенно. В Евпаторийском уезде этот процент доходил до 63,46, в Феодосийском—45,9.

При колоссальном безземельи крестьян в руках частных владельцев дворян и купцов, сосредоточилось 944160 десятин, или 40% земельного фонда.

Крестьяне в личной собственности имели	557998	дес.	или	23,64%
„ „ надельной	424872	„	„	18%
Церковных и вакуфных земель было	141624	„	„	6%
Городских земель	70812	„	„	3%
Казенных	96416	„	„	4%
Удельных	2360	„	„	0, 1%
У немцев-колонистов	32101	„	„	1,36%
Разных общ. орг. и проч.	44848	„	„	1, 9%[1]

Безземельное крестьянство вынуждено было брать землю у помещика на правах аренды или скопщины. Обе эти формы являлись весьма распространенными. Так, например, в 1917 году при некотором сокращении площади засева было взято в аренду и скопщину 266,5 тысяч десятин земли. Арендная плата за десятину в год была весьма высокой и создавала такое положение, когда крестьянин не мог пользоваться плодами своего труда: оставаясь полуголодным, он отдавал все за аренду и в налог. В 1914 году только окладных сборов было начислено около 900 тыс. руб., что составляло около 3 руб. на душу населения. Арендная плата в этом году колебалась между 13 и 20 руб. в отдельных районах.

Вся сумма условий создавала характер хозяйства в крымской деревне. Община была разрушена и сохранилась в весьма незначительных, теряющихся в общей массе районччиках. Хозяйство, при указанных выше формах землевладения и при наличии большого внутреннего городского, курортного рынка и внешнего рынка Центральной России, являющегося потребителем продуктов сельско-хозяйственного производства (продукты садоводства, табаководства, виноградарства), стало до революции товарным.

Крестьянин-бедняк был в двойной кабале: с одной стороны, помещик, владелец арендуемой или взятой на правах скопщины земли, с другой стороны, купец, скупщик, пользующийся затруднительным положением крестьян и скупающий продукты крестьянского труда за бесценок.

[1] Весь Крым. Сборник, статья Думаревского „Землеустройство и переселение“, стр. 55.

По этим, как подробно будет видно в следующих главах, двум направлениям против землевладельца и против купца идет борьба крестьян в деревне перед и в революцию 1917 года.

Сельское хозяйство Крыма дает больше 50% валовой доходности всего хозяйства, а в сельском хозяйстве основное место принадлежит полеводству и животноводству. Так называемые спецкультуры занимают всего 1,12% земельного фонда.

Несмотря на это, их роль в валовой доходности Крымского хозяйства была достаточно высокой.

Необходимо отметить еще один момент, влияющий на расстановку сил. Заключается он в том, что районы отдельных культур в сельском хозяйстве, а затем и районы малоземелья совпадают в значительной доле с распределением национальных групп населения по районам. Так, районы курортные, садоводческие, табаководческие, виноградные, т. е. такие, в которых торгово-капиталистические элементы хозяйства появились и овладели хозяйством раньше, являются районами, населенными, главным образом, татарами.

Это районы, в которых эксплоатация сочеталась с национальным гнетом, а этот последний в Крыму достаточно ярко отражал борьбу мурзака, бея с барином, господином, т. е. борьбу национально-татарской буржуазии и буржуазии других национальностей.

Степные районы, полеводческие, находились в одинаковом гнете от землевладельца и купца. Немецкие колонисты требуют исключения, потому что большое количество владельцев хозяйств являлись собственниками земельных участков. Хозяйство немецких колоний было весьма похожим на фермерское хозяйство Северо-Американских Соединенных Штатов.

Рассмотрение состояния сельского хозяйства будет неполным, если не коснуться изменений, которые произошли во время войны с 1914 года. Особенно резкое падение площади посева по различным сельхоз. культурам начинается с 1915 года. Кривая площади посева, начиная с 15 года, неуклонно идет вниз до 21 года. По отдельным культурам имеются следующие данные:

	Пшеница	Овес	Рожь
1915 г. . .	366580	127644	12747
1917 г. . .	341464	96117	11820

Сбор хлебов за эти же годы снизился еще больше. Так, урожай, достигавший в 1913 г. для пшеницы 81,5 п. с десятины, в 1915 г. достигает только 65,9 п., в 1916 г.—32 п. В 16 г. урожай был ниже среднего за последние 17—20 лет на 18 пуд. Урожай овса с 52,4 пуд. с десятины в 1915 г.

достигает 51,02 пуд., а в 16 году всего 28,8 пуд., что меньше среднего на 13 пуд. Уменьшение сбора хлебов нельзя объяснить только явлениями погоды, некоторая доля должна быть отнесена за счет ухудшения обработки земли, в связи с уходом рабочей силы из крестьянского хозяйства и ростом зарплаты сельхоз. рабочих.

Сокращение площади посева объясняется теми же причинами, т. е. уходом рабочих рук, отсюда сокращение засева своей земли, уменьшение спроса на аренду помещичьей земли.

Помещики наймом рабочих из местных жителей и военнопленных старались заполнить образовавшуюся брешь, однако, удержать сокращения вообще по Крыму не удалось, несмотря на то, что увеличение засевов землевладельцами и было им выгодно тем, что они занимались поставками на армию.

Имеющиеся данные по скоту тоже говорят об упадке и в этой отрасли хозяйства:

	Рабочих лошадей	Молодняка	Всего
В 1916 г. . .	145103	47595	192698
В 1917 г. . .	133598	37898	171496

Рогатый скот с 204628 голов сократился к 17 году до 188272 голов; овец насчитывалось в 1916 году—690710, к 17 году имелось—527126 голов.

Промышленность в Крыму

Переходим к вопросам промышленности в Крыму. Из ранее приведенных цифр уже видно было, что промышленность не играла решающей роли в хозяйстве полуострова. Вся продукция промышленности равнялась 59,6 рубля на душу населения, тогда как в Московской губ. соответственная цифра была равна 116,9 рубля.

Промышленность включала предприятия металлургические, табачные, кожевенные, мельничные и др. Немалое место в ряде других отраслей занимали добыча соли и рыбный промысел. Главное место по стоимости продукции (62,4% стоимости) принадлежало пищевой промышленности.

Не местное значение имела до войны табачная промышленность. В общем по России в производстве папирос Крым имел 3,3%, а в обработке табаков 23%. Табачная промышленность неуклонно росла. Так, переработка табака на предприятиях двух имеющих господствующее положение фирм за шесть лет с 1909 по 1914 годы включительно выражалась в следующих цифрах:

	На предприятиях:	
	Стамболи	Месаксуди
1909 г.	57771 (в пудах)	42113
1910 „	64649	41210
1911 „	75802	47982
1912 „	80570	55255
1914 „	97579	—

С ростом переработки табака выростало и количество занятых рабочих.

Годы	Всего	Число рабочих Из них: Мужчин	Женщин
1909 г. . .	1461	688	773
1910 г. . .	1487	702	785
1911 г. . .	1434	615	819
1912 г. . .	1514	622	892
1913 г. . .	1687	—	—
1914 г. . .	1978	752	1126

Уменьшение числа рабочих в 1911 году объясняется затруднениями финансового характера на предприятиях Бр. Крым.

Консервная промышленность Крыма объединяла до 2030 рабочих, разбросанных на фабриках, из которых самая большая имела 600 рабочих, остальные значительно меньше. Если табачная промышленность за время войны выросла и число рабочих дошло почти до 3000 человек, то в консервной было иное положение. Вследствие недостатка сахара, увеличилась выработка овощных консервов, число же рабочих несколько сократилось.

Мукомольная промышленность развилась, потому что было весьма выгодно перерабатывать хлебные излишки Тавриды, достигающие 8 миллионов пудов. На мельницах было занято 3020 человек рабочих и служащих. Из общего числа 1090 мельниц было только 43 с производительностью 1000 и более пудов в сутки.

Кожевенная промышленность Крыма была кустарной местного значения и не могла целиком удовлетворять спроса местного рынка.

По добыче соли работало (сезонно) до 3660 человек рабочих. Крымская соль отправлялась не только на русские, но и на иностранные рынки.

Видное место по числу рабочих, стоимости и значению вырабатываемой продукции занимали Керченский металлургический завод и Севастопольский морской завод. Число рабочих на первом к 1917 году достигало 3000 человек и на втором 3500 человек. Эти два завода являются единственными в Крыму по числу рабочих, их организации, производственной квалификации и проч. Все остальные мелкие или сезонные.

Предприятия полукустарные не могли являться центрами рабочего движения, не могли оказывать столь заметного влияния на общественную жизнь края. Отдельно нужно отметить рабочих, занятых на работе в авио-строительной

промышленности, возникшей в годы войны, но число этих рабочих было весьма незначительно.

Рабочие имеющих огромное общероссийское значение портов включали основную массу грузчиков, не отличающихся большой организованностью. Кроме того, с уменьшением экспортно-импортных операций, в связи с закрытием Черного моря, количество их значительно уменьшилось.

В заключение, прежде чем перейти к разбору вопросов общественной жизни, посмотрим, как же распределялось население Крыма по занятиям. Об этом дает представление следующая таблица:

Занятие городского и сельского населения вместе:[1]

Источники существования	% к общему числу населения
Сельское хоз. со всеми отраслями	67,64
Обрабат. промышленность и ремесла . . .	9,78
Поденщина, прислуга и пр. частная служба	6,89
Живущие на свои или чужие капиталы (пенсия, доходы с недвижимого имущества и т. п.)	2,03
Добыча руды и копи и проч.	0,23

Процент занятых сельским хозяйством в данной таблице выше указанного ранее, потому что здесь включено население всей Таврической губернии с тремя материковыми уездами. В городах население по занятиям распределялось так:

Обработ. промыш. и ремесла	24,34
Поденщина, прислуга, занимающиеся частной деят.	16,38
Торговля	14,32
Живущие на свои или чужие капиталы (пенсия, доходы с недвижимых имуществ)	6,52
Железная дорога, почта, телеграф, телефон	3,75
Служба по админ., в суде и полиции . .	2,06

Как уже было указано выше, рабочих в Крыму весьма мало, а наличный состав их разбросан маленькими группами по предприятиям. Так, в Керчь-Еникальском градоначальстве, по сумме производительности превышающем Севастопольское почти в два раза, рабочих по данным градоначальства и ремесленной управы — 4250, промышленных заведений—570[2], т. е. на каждое предприятие приходится около $7^1/_2$ человек.

[1] Таблица данная и ниже помещаемая (обе сокращены) заимствованы из Статистич. Справочника Таврической губ., часть I, Сим. уезд, стр. 79 и 86.

[2] Там же, стр. 85.

Общественно-политическая жизнь перед Февралем

Революционное рабочее и крестьянское движение в прошлый довоенный период имело место в 1905 году. Керчь, Севастополь, Феодосия, Симферополь к этому времени имели, правда небольшие, социал-демократические группы, при чем, как и следовало ожидать, это были меньшевистские группы.

Севастопольские моряки не имели связи с другими городами Крыма, тем более с крестьянством. Среди крестьянской интеллигенции и наиболее зажиточных слоев деревни находили себе приют социалисты-революционеры. Кадеты в Крыму были наиболее организованной группой, второе место занимала татарская националистическая интеллигенция и буржуазия, организующаяся вокруг газеты „Терджиман", редактируемой наиболее ярким представителем панисламистского движения Гаспринским[1]. В деревне представителями и упорными пропагандистами националистического (панисламистского тож) движения были учителя и молодые муллы. Те и другие в своем большинстве получали образование в Турции и были связаны с турецкими националистами. В стремлении содействовать объединению мусульман, крымские националисты проводили сборы на помощь воюющей в империалистической войне Турции. Они считали, что победа Турции принесет освобождение тюрко-татарам, ускорит осуществление панисламистских чаяний. Во время войны националисты были наиболее активными в части работы среди населения. Взяв под свое влияние школы и мечети, националисты в постоянном общении с населением широко развили свою пропаганду. Не ограничиваясь устной пропагандой, они привлекали на свою сторону крестьянство работой благотворительных обществ, помощью учащимся в средних и иных учебных заведениях. Религиозные праздники использовались для организации разного рода национальных игр, общественных угощений и проч. Все это укрепляло влияние буржуазных националистов, способствовало затушевыванию классовых противоречий в татарской деревне.

Соц.-демократические организации создавались в Крыму в 900 годах. После раскола партии и в революции 1905 года Крымская организация РСДРП примкнула к меньшевикам. В 1905 году в некоторых городах (Симферополь, Севастополь, Керчь и др.) меньшевикам удалось развить пропаган-

[1] Гаспринский по происхождению крымский татарин. Получил образование в Турции, а затем во Франции. Был корреспондентом одной из московских газет. Затем начал издавать газету в Крыму. Газета держалась панисламистского направления. Суть этого направления заключается в стремлении объединить в одно целое государство народы, исповедующие Ислам.

Среди татар пользовалось сочувствием и другое направление — пантюркистское, ставившее целью объединение тюркских народов вокруг Турции.

дистскую работу в массах, что содействовало количественному росту организаций. Выступление против погромов, руководство отдельными забастовками, участие и руководство рядом рабочих организаций закрепило влияние меньшевиков. В годы реакции наиболее видные деятели выехали из Крыма, часть отошла от движения, а оставшиеся группы были бессильны что-нибудь сделать.

Война внесла изменения в настроения масс населения, но не принесла существенных изменений в деятельности партий, за исключениями разве кадетов. О кадетах, октябристах и прогрессистах начальник жандармского управления 21 июля 1916 года писал: „Ближайшей политической задачей выставлено захват в свои руки столь злободневного вопроса о продовольствии, чтобы, пользуясь им, создать могучую организацию, в виде объединенного союза городов и земств, которая бы могла развить агитацию и добиться конечной их цели — создания в России конституционной монархии“ [1]. В том же донесении жандарм пишет: „С окончанием войны, когда на первый план будут выдвинуты вопросы внутренней политики, разница в политических течениях будет проявлена гораздо ярче. Особенно ярко это должно проявиться среди общественных деятелей, занятых службой как по выбору, так и по найму в земских и городских самоуправлениях. В настоящее время все они заполнены лицами прогрессивного лагеря, при чем за отсутствием партийных органов трудно указать на принадлежность кого-либо из них к определенной политической партии. Все они более или менее открыто находятся в оппозиции правительству и в случае принятия правительством реакционной или слишком консервативной политики несомненно, что местным чинам администрации трудно будет добиться от них содействия видам правительства“ [2].

В донесении, датированном 18 октября 1916 года, тот же полковник кончает рассуждения указанием на то, что они (т. е. общественные деятели) в „случае принятия правительством реакционной или вообще консервативной политики окажут ему явное противодействие“ [3]. Тут он указывает, что общественное мнение ждет предстоящего открытия сессии государственной думы, которая „не только сумеет наладить продовольственное дело, но и разрешит ожидаемые с некоторой нервозностью злободневные вопросы о городском самоуправлении и волостном земстве“ [4].

---

[1] Дело жанд. управл. Крымцентроархив.
[2] Тоже.
[3] Тоже.
[4] Тоже.

Продовольственное дело всерьез начинает беспокоить не только жандармского полковника, им интересуются все. Вывоз хлеба из Крыма, неурожай в ряде районов, невероятнейшая спекуляция заставляют поставить „продовольствие" во главу угла. Таврический губернатор решил обратиться к „общественной самодеятельности", разрешив обществу купцов избрать комитет по борьбе с дороговизной. Комитет этот ничего существенного в борьбе с мародерской торговлей не сделал. Печать также уделяет этому вопросу внимание, но все деятели и организации при решении вопроса не доводят дела до конца. Рассуждая о недостатке товаров, а в некоторых районах и хлеба, они молчат об основном, как взять хлеб у помещика-землевладельца, лишив его возможности спекулировать. „Южные Ведомости" в № 85 15 апреля 1916 года в статье „К съезду городских деятелей" пишут: „Все города находятся под гнетом одних и тех же злоб и забот, везде дают себе чувствовать затруднения переживаемого момента, везде ищут выхода из тупиков, в которые загнана местная жизнь, везде принимаются разрозненные меры борьбы с всевозможными „кризисами" и „голодами", везде производятся разнообразные опыты в деле снабжения"...

Выход из тупика автор находит в том, что „нужно обмен мнений, нужно объединение опыта, взаимное обогащение дорогими уроками жизни. Но необходимо не только коллективное обсуждение (разрядка автора) острых вопросов дня: момент диктует потребность в коллективных действиях" (то же).

Однако, и сам автор не верит в выполнение его пожеланий. В той же статье он заявляет: „мы знали, что и при самых благих намерениях и самом энергичном напряжении воли и сил многие трудности могут оказаться неодолимыми".

8 декабря та же газета становится уже более решительной. Если в апреле газета считала возможным „сделать заявление тем, от кого зависит принятие общих мер", то в декабре в статье „Продовольственный вопрос и политика" пишется уже о том, что „надо только отказаться от старых путей, приведших к современным затруднениям, и тогда мы с нашими рессурсами сумеем организовать тыл для обороны страны. Это путь—раскрепощение общественных сил и уничтожение пропасти между властью и обществом" (разрядка моя, *М. Б.*).

В цитированном выше донесении жандармского полковника 18 декабря имеются уже более прямые, хотя и старательно им вуалируемые указания на то, что „среди населения Таврической губернии раздается ропот по адресу Центрального правительства и обвинение такового в якобы полной бездеятельности"...

Война, вскрыв язвы бюрократического аппарата, обострив противоречия самодержавного капиталистического строя, заставила отдельные группы более активно выступать, требуя „раскрепощения общественных сил".

Оживление нужно отнести не только за счет кадетов— буржуазии, недовольной тем, что затянулось время получения прибылей от войны для одних и желающих еще больше нажиться от войны для других.

В июле отмечавшее, что „мирное и спокойное по характеру" население Крыма „занято исключительно насущными вопросами", что „вопросы политики общей массе чужды", жандармское управление в октябре с некоторой тревогой заявляет о далеко не спокойном, не мирном характере населения. Прежде всего жандармское управление констатирует, „что утомление последнего (общества, *М. Б.*) безусловно чувствуется, и общество нервирует не столько сама война и ее ужасы, сколько с каждым днем развивающиеся неурядицы и беспорядки внутренней жизни, при чем даже раздаются голоса, что дальнейшее успешное движение войны возможно лишь при условии немедленного устранения существующих непорядков тыла"[1]. Однако, оно не может скрыть, что „с остановкой общего нашего наступления, оно (т. е. настроение) несколько понизилось". Узость мышления не позволяет жандарму указать настоящие причины упадка настроения; он, не связав концов, объясняет это так, как присуще бюрократу, скудостью „официальных сообщений, получаемых с театра военных действий".

Одновременно указывается на „мародерство торгового класса", которое „с каждым днем интенсивнее". Оказывается, что „общество самостоятельно бороться с этим злом не в состоянии", а администрация „многого сделать и устранить не в силах, без общей планомерной работы в империи". Вероятно, под влиянием растущего голода, особенно в неурожайных в этом году районах Крыма, или под влиянием потухшего электричества и вставшего за недостатком топлива трамвая, под влиянием растущего недовольства во всех слоях общества, жандарм, верный хранитель монархического строя, вынужден был признать бессилие бюрократической администрации в решении кардинальных вопросов и, даже больше, сам того не желая, признал неизбежность и необходимость серьезных реформ или „планомерной работы в империи".

Крестьянство, придавленное безземельем, нуждой, быстро в войне разоряющееся, ждет от правительства решения двух, по заключению н-ка жандармского управления, вопросов: 1) отмену ограничений сословного порядка и 2) наделения

[1] Дело Тавр. губ. жанд. упр. за 1916 год, № 34 (по описи 258). Крымцентроархив.

землей „хотя бы за плату“, добавляет он. Последнее, конечно, неверно, ибо крестьянство в первые же дни революции, начав отбирать пахотную землю и сенокосы у крупных землевладельцев, доказало, что его идеалом является взять землю без всякой платы; на разговорчики агитаторов, доказывающих на основании „политической экономии“ необходимость уплаты за землю, крестьяне отвечали, что этого не будет. Но безусловно правильно отмечено то, чего ждут крестьяне. Верно и то, что „неудовлетворительное разрешение этого вопроса может грозить большими осложнениями, без всякого участия революционных партий“. Вероятно, не представляя себе точно, к чему может притти крестьянство под руководством самой революционной партии, начальник жандармского управления, однако, правильно указал вековое стремление крестьянства к земле, наряду с выросшим в условиях товарного хозяйства стремлением к уничтожению пережитков крепостного строя, заключающихся в различных сословных ограничениях для крестьян.

Важно также указать факт, способствующий на почве экономической заинтересованности разжиганию национальной вражды и патриотизма. Факт заключается в том, что правительство выдвинуло закон о ликвидации немецкого землевладения в Крыму. Почему немецкий крестьянин должен пострадать за грехи якобы германского императора, на самом деле за желание империалистов поделить колонии, уничтожить друг друга с тем, чтобы уменьшить количество конкурентов? Об этом меньше всего думало правительство. Оно, чувствуя, как почва ускользает из-под его ног, искало случая доказать искреннее желание обогатить свою доморощенную буржуазию и, кроме того, оно этим поступком разжигало враждебность между национальными группами, населяющими Крым, поддерживая быстро угасающий патриотический огонек.

Внимание крестьян отвлекалось от решения земельного вопроса в целом надеждой на получение освободившихся от немцев участков земли „хотя бы за плату“.

Рабочее движение, как указано выше, не было развитым вследствие слабости рабочего класса при неразвитой промышленности с господством кустарно-ремесленного производства.

Подготовляемое на заре нового подъема в рабочем движении после годов жестокой реакции восстание матросов в Черноморском флоте в 1912 году не имело связи с рабочими массами Крыма. Подготовка закончилась расстрелами, ссылкой на каторгу, что понятно расстроило флотские организации. После 1905 года севастопольские предприятия (военпорт, морзавод) комплектовались таким составом,

который был вполне „благонадежен". Все так или иначе замешанные в революционном рабочем движении увольнялись и их место занимали бывшие сверхсрочные служаки и подобные им элементы.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что Крым во время войны являлся пограничной полосой со всеми вытекающими из этого последствиями. Строжайшие приказы военного начальства, некоторая угроза со стороны турецкого флота, а иногда и обстрел прибрежных городов, законы военной полосы, распространяемые на гражданское население,—все это создавало условия, затрудняющие, делающие зачастую невозможной революционную пропагандистскую массовую работу. Флот со специально подобранным командным составом, выполняющий военную работу, которая сводилась к нескольким неудачным погоням за „Гебен" и „Бреслау", нападениям на турецкое побережье и к минированию выхода из Босфора,—жил своей жизнью. Несвязанный с населением при вышеуказанных условиях, флот отставал, революционная работа в нем была весьма слаба.

При учете всей суммы условий станет понятным заявление жандармского управления, в котором указывается:

„Самое левое течение общественной жизни, основывающее свою политическую платформу на социалистических началах, как социалисты-революционеры и социал-демократы, никогда не было сильно распространено в районе моего наблюдения", и дальнейшее более ясное: „В районе губернии нет в данное время объединенных антиправительственными идеями рабочих масс и лиц, всецело занятых развитием и укреплением в среде последних духа социальных учений и противоправительственных воззрений, в силу чего рабочее движение в общей массе не может пока получить правильного организационного основания и развития на политических началах" [1].

Жандармское управление на опыте своих собратьев и своем собственном знало, что движению нужны руководители. Недаром же всегда жандармы и полиция старались взять в организации ее головку. А вот головки, организованного ядра, вообще организации, в Крыму не было у социалистических групп. Одиночки социал-демократы, социалисты-революционеры и др., проживающие в Крыму, вели работу каждый отдельно.

Несмотря на отсутствие сколько-нибудь сильных организаций, под дамокловым мечом законов прифронтовой полосы, отдельные группы рабочих, выведенные из терпения

---

[1] Дело Таврич. губ. жандарм. упр. за 1916 год № 34—II (по описи 258) Крымархив.

большим вздутием цен, общим ухудшением экономической жизни края, выступали с рядом экономических требований, иногда подкрепляя их забастовками. Забастовки имели место в Симферополе, где наиболее активной и революционной группой были рабочие завода Анатра, а также в Феодосии, Севастополе.

О росте цен дает представление следующая таблица:

Название товаров	Цены накануне войны	В 1917 г.
Хлеб	3— 4 коп. фунт	11 коп.
Мясо	18—22 „ „	65—75 коп.
Баранина	20 „ „	90 к.—1 руб.
Масло подсолнечное	15 „ „	50—54 коп.
„ коровье	40—50 „ „	2 р.—2 р. 40 к.
Картофель	30—40 „ пуд	3 р. 20 к.-4 р.
Пшено	5 „ „	16 коп.
Молоко	12 коп. кварта	50—60 коп.
Яйца	25—30 коп. десяток	1 р. 20 коп.
Ботинки	4— 8 руб.	30 р.—50 руб.
Ситцы	16—18 коп.	48—50 коп.
и прочее.		

Нужно отметить, что на ряде предприятий в Крыму, как и в других районах, было очень много военнопленных и укрывшихся от мобилизации на фронт русских. На Керченском заводе военнопленных было больше 200 человек. Рабочие, укрывающиеся на предприятиях от мобилизации, были весьма нереволюционным элементом, они не шли даже на экономические забастовки, так как участие в забастовке в условиях „особого“, „военного“, „прифронтового“ и всяких иных положений вело к увольнению с предприятия, отправке на фронт, а от этого последнего они и скрывались.

Особого внимания заслуживает промышленная Керчь, где имелись крупные предприятия (табачная фабрика, металлургический завод). Интересна Керчь не революционным движением рабочих, а ярко выраженным влиянием торгово-промышленной буржуазии на рабочих. Вот что пишет тов. Е. Полуян-Верецкая в № 64 газеты „Красная Керчь“ 21 марта 1927 года: „Если социалисты не вели подпольной революционной работы среди керченского пролетариата, то торгово-промышленная буржуазия вела и подпольную и открытую работу по одурманиванию демократических слоев местного населения. Особенно деятельными и яркими фигурами на этом поприще являлись фабриканты-табачниик и Месаксуди.

Промышленники американской складки, они ловким подходом к рабочим своей табачной фабрики разлагали

и убивали в них всякое человеческое достоинство и пролетарское самосознание. Давая подачки в виде наградных, крестя у них детей, устраивая кооператив, они добились того, что рабочие поверили в искренность их „доброты“, пошли на удочку и, работая не за страх, а за совесть 10—11 часов в сутки, создавая предпринимателям громадные прибыли, считали их своими „благодетелями“.

Таким образом, эти хищники со спрятанными когтями добились максимальной производительности на своей фабрике. И в то же время сделали из своих рабочих не сознательных пролетариев, а „барских людей“.

Эта совершенно правильная характеристика подтверждается телеграммой керченского градоначальника, адресованной командующему Черноморским флотом в первые дни февраля. В ней сообщается следующее: „Рабочие пытались устроить манифестацию, но отказались, не желая нарушить покойного течения жизни“.

Одурманивание зашло настолько далеко, что уже после революции Месаксуди был избран городским головой.

Обработка масс перед революцией шла не только по линии рабочих, но и по линии флота. В материалах Крымцентрархива есть указания на то, что Колчак практиковал своеобразные „инструктивные“ собрания офицеров и духовенства по вопросам борьбы с „вредными“ влияниями в среде матросов.

Наиболее активной военной группой, в которой были брожения, нужно признать запасных различных полков. Их настроения перед февралем начинают беспокоить местную власть.

В Крыму к 1917 году было очень много беженцев из местностей, занятых австро-германскими военными частями. Беженцы эти в большинстве буквально голодали. Оторванные от родного крова, разоренные, они не могли найти здесь работы, пособие же, выдаваемое им, было настолько мизерным, что не позволяло быть сытым. Пособие равнялось 20 коп. в день. Выдача пособия затягивалась иногда на месяц, а то и больше. В Симферопольском уезде беженцев насчитывалось до 2706 человек, в Феодосии 1770 чел. Своим присутствием, голодовками, они лишний раз говорили населению о тех ужасах, которые несет с собой война, заставляли некоторых задумываться над вопросом о целях войны. Играть субъективно революционную роль в незнакомом для них до этого крае они, конечно, не могли.

Все сказанное выше позволяет сделать выводы о том, что к февралю 1917 года в Крыму при отсутствии рабочего класса, большом влиянии буржуазии, при отсутствии сколько-нибудь крепко организованной партии, с крестьянством,

совершенно неорганизованным, а в отдельных частях национально враждебным — серьезного движения в пользу февральской революции не было. Исключение составляют кадеты и близкие им группы. Остальное население выражало свое недовольство войной в формах, при которых власти надеялись на мирный исход. Революционизирующим фактором был земельный вопрос для крестьянства, но и тут, как указано выше, подготовкой ликвидации немецкого землевладения удавалось временно отвлечь внимание от главного врага—царизма и буржуазии, направив его в другую сторону—разжигания национализма и патриотизма, натравливания против „немцев-шпионов, захвативших землю“.

ГЛАВА II

Февральская революция

Первые дни Февральская революция для значительного числа населения Крыма явилась неожиданностью. Первые сведения о революции были получены из отрывочных сообщений газет и слухов о „каких-то событиях в Петрограде“. События в Петрограде генерал-губернатор Эбелов, вице-губернатор Горчаков и командующий флотом Колчак старались представить простыми беспорядками. Эбелов в своем приказе сообщал, что „беспорядки последних дней в Петрограде прекращены вмешательством председателя государственной думы Родзянко“... Приказы Эбелова и Колчака заканчиваются призывом „твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед государем императором и родиной“. Подробные сообщения о революции газеты первые дни не печатали. Только 5 марта вице-губернатор Горчаков принимает у себя депутацию „общественных“ деятелей, которые благодарят его за гуманное отношение к населению и постоянную готовность помогать общественным организациям. С 6 марта власть от него перешла к председателю губернской земской управы Харченко. В других городах Крыма события шли тем же путем. Так, в Севастополе 5 марта по требованию огромнейшей толпы народа Колчак должен был выступить с сообщением о революции; до этого он собирал командный состав, которому дал указания о поддержании порядка и боевой готовности флота.

В Феодосии еще 5 марта в местном суде слушаются дела „за оскорбление его величества“ и в этот же день испрашивается разрешение губернатора на созыв собрания, где бы можно было сообщить о революции, „событиях в Петрограде“, как официально называли разразившуюся революцию.

4, 5, 6 марта по городам Крыма быстро создаются общественные комитеты. Руководящая роль в общественных комитетах достается буржуазии. Советы, начавшие органи-

зовываться, в эти же дни заполняются меньшевиками, эсерами, вернее, депутаты совета попадают под влияние нескольких представителей указанных партий. Буржуазия, взявши власть, не думала о многом: она считала, что „события скоро получат твердое правовое обоснование", революция „развяжет руки общественности, которая получит полную возможность служить родине и борющимся братьям" (из речи Налбандова в Симф. гор. думе)[1]. Дальше стремлений, высказанных в ноябре—декабре 16 года о том, чтобы уничтожить разрыв между властью и обществом, буржуазия не шла. Наиболее откровенной в своих помыслах оказалась керченская буржуазия. 6 марта там было опубликовано такое воззвание городской думы: „Городская дума считает долгом разъяснить, что опубликованная местной газетой „Южная Почта" телеграмма под заголовком „Отречение великого князя Михаила Александровича от престола" по своему заглавию не соответствует истине, так как великий князь Михаил Александрович в действительности согласился вступить на царский престол, поставив условием, чтобы его избрал весь русский народ"[2]. Уничтожив для вида полицию, начальником милиции назначили бывшего полицеймейстера Смирнова И. Революция по отношению к жандармам в первые дни выразилась в замене синего цвета нашивок белым.

Не допускать глубоких изменений, свести революцию к куцым и выгодным для буржуазии реформам, затормозить развитие массового движения—такова была линия буржуазии в этот момент. Большую услугу в этом отношении оказывали капиталистам меньшевики: не разъясняя населению сути происшедшего, они явно тормозили самое движение. Классическими документами, характеризующими предательство меньшевиков, служат обращения Феодосийского и Керченского сов. раб. деп. Первый, феодосийский, указав на серьезность переживаемого момента, призывает население к тому, чтобы „ни в каких демонстрациях участия не принимать". Керченский совет обратился к рабочим с таким призывом: „10 марта в Петрограде устраиваются гражданские похороны героев великой борьбы за освобождение. В этот день вся свободная Россия должна увековечить память положивших жизнь свою за всенародное дело. Народное Правительство и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде объявили день 10 марта днем всенародного почитания. 10 марта день весны, который должен праздноваться ежегодно всей Россией.

[1] См. газету „Южные Ведомости".
[2] Дело обществ. комитета. Керченский райархив.

Товарищи и граждане!

Впервые этот день празднуется в момент, когда идет организация нового строя. Теперь от всех нас требуется работа, дело.

Товарищи и граждане!

Помните, что каждый день, каждый час нам дорог. Каждый миг праздничного промедления задерживает нашу работу, которая так необходима сейчас для дела свободы и мощи армии.

Об этом керченский совет счел священным своим долгом подумать. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов признал, что в переживаемый нами момент мы должны всенародный праздник провести за работой, за делом. Мы считаем, что теперь это будет лучшая почесть, которую мы окажем памяти тех, кто жизнью своей заплатил за наше освобождение. Они не пожалели своей жизни, мы не должны жалеть своего труда, чтобы закрепить новый государственный строй.

Исполнительный комитет считает, что теперь работы в мастерских, фабриках и заводах не должны прекращаться ни на минуту. Работа должна идти с удвоенной энергией, усиленным напряжением.

Никаких выступлений, никаких митингов, от всего этого нужно воздержаться, когда от работы, от нашей энергичности зависит окончательный успех революционного движения. Поэтому исполнительный комитет призывает всех товарищей и граждан в первый день весны, в день гражданских похорон героев оставаться на местах за своим обычным делом, за своей постоянной работой" [1]...

Симферопольские меньшевики не отстают от своих собратий по предательству. Они убеждают рабочих, задумавших объявить забастовку экономического и политического характера, не выступать, т. к. момент требует напряжения сил. Это имело место по отношению к рабочим ряда симферопольских и джанкойского заводов. В Севастополе совет рабочих депутатов порта, по свидетельству Колчака, заявил последнему, что рабочие „будут выполнять свои работы, как и раньше; даже вначале заявили мне (Колчаку, *М. Б.*), что они не признают 8-мичасового рабочего дня и будут работать столько, сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самое лучшее отношение с рабочими севастопольского порта...." [2].

Такое единение меньшевиков и с.-р. с буржуазией позволило капиталистам укрепиться у власти и начать бешеную

[1] № 1 „Известий Совета" 10 марта 1917 г.
[2] Допрос Колчака. Под ред. К. А. Попова, изд. ГИЗ, 1925 г., стр. 52.

агитацию против революционных методов разрешения отдельных вопросов. Буржуазная пресса до того в первые же дни обнаглела, что, откровенно высказывая сожаление по поводу революционного разоружения полиции, писала: „картина обезоружения полиции производила тяжелое впечатление“[1]. Однако, губернский комиссар на другой день после обезоружения в Симферополе дал распоряжение провести это и в других городах. В лице организуемой милиции буржуазия надеялась создать себе опору. Привлечение в милицию явно враждебных революции лиц вызвало протест в массах и заставило советы вынести решение о предварительном утверждении кандидатов Советами.

Первые дни революции приносят большое оживление в политической жизни. Уже к 12 марта создаются комитеты РСДРП меньшевиков, к.-д., с.-р. Кустарь, ремесленник, мелкий буржуа, интеллигент—поставляют человеческий материал для меньшевиков и с.-р. Последние также значительно росли за счет армии и флота. В июне м-це эсеров насчитывали в Севастополе и его районе, считая флот, огромнейшую армию больше 20 тысяч человек. Социалистические партии, не имея средств, не могли в первые дни думать о большой печатной агитации, тогда как буржуазная клика, собравшись у кресла власти, могла под флагом внепартийности развить бешеную агитацию. С первых же дней начали возникать самые разнообразные по названию, но весьма тождественные по внутреннему существу организации. Организовались все с домовладельцев, торговцев до групп „активных деятелей февральской революции“, союза имени Минина и внепартийных групп республиканской демократии. В апреле месяце в Ялте на собрании граждан истеричный буржуазный интеллигент кричал: „Я дикий и вас призываю к этому. Организуйтесь в союз домовладельцев и квартиронанимателей,

Россiйская Соцiалъ-Демократическая Рабочая Партiя.

ТОВАРИЩИ

МАТРОСЫ и СОЛДАТЫ!

НА ВЫБОРЫ!

Мытросы и солдаты!

Голосуйте за соцiалъ-демократовъ, голосуйте за кандидатовъ Россiйской Соцiалъ-Демократической Рабочей Партiи.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 1.

Севастопольскiй Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Избирательный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. помѣщается на Нахимовскомъ проспектѣ № 14.

Листовка меньшевиков к выборам в думу в Севастополе в 1917 г.

[1] Газета „Южные Ведомости“ 9 марта.

платящих налоги. Работники всех классов, объединяйтесь. Совет вставил палку и остановил государственную колесницу". Напрасные, незаслуженные обвинения бросали меньшевикам и с.-р. Они с первых же дней взяли твердый лакейский курс; не напрасно же керченские социалисты оказались отзывчивыми на призыв Месаксуди такого содержания: „Городское самоуправление решило отпраздновать великий день свободной России и постановило: пригласить всех граждан на Соборную площадь, где будет в соборе отслужена панихида по борцам, павшим за свободу, и благодарственный молебен. После молебна и слова пастыря будут произнесены речи городским головой и представителями от войск, рабочих и учащихся" (цитирую по материалам керченского истпарта).

Услужливость и предательство меньшевиков в дальнейшем сказались еще ярче.

Общественные комитеты и городские думы

Общественные комитеты, созданные в первые дни после получения сообщений, превращаются в простые осведомительные, иначе агитационные, бюро. Власть распределяется между советами, городскими думами и комиссарами. Общественный комитет в Симферополе на одном из своих заседаний решает информацию населения вести „внепартийно", всякие партийные выступления от комитета не разрешались. На деле такое решение приводило к тому, что информация носила явно буржуазный характер.

В апреле 1917 года состоялось совещание общественных комитетов, где на ряду с вопросами была заслушана информация о состоянии организаций в городах и просветительной работе в городе и уезде. Сообщения сводились к указанию на важность демократизации городских самоуправлений. Все общественные комитеты для создания большего доверия городским думам ввели туда своих представителей. Кстати нужно отметить, что сами общественные комитеты представляли из себя собрания, где большинство принадлежало буржуазным и соглашательским элементам. Так, в исполнительное бюро симферопольского комитета было на первом заседании комитета дано рабочим 2 места. Рабочие на этом заседании не присутствовали потому, как сообщают „Южные Ведомости", что „они были заняты делом организации совета рабочих депутатов". Буржуазия не могла, конечно, пойти на ломку старой машины управления, пополнение думы было в ее глазах уже большим шагом демократизации.

Характерную резолюцию по вопросу о думе вынесла группа организованных рабочих города Симферополя и его окрестностей. Приведем ее полностью:

„Группа организованных рабочих г. Симферополя и его окрестностей считает самой необходимой задачей настоящего великого момента организацию народных сил для укрепления власти нового правительства и устранения разрухи в политической и экономической жизни страны. Ближайшим образом такая организация на местах должна стать обязанностью городского самоуправления. Поэтому группа предлагает городской думе опереться в своей деятельности на организованные элементы местного населения и пополнить свой состав его представителями. Принимая во внимание, что рабочие и армия вынесли на своих плечах всю борьбу последних дней и что без организованной поддержки рабочих немыслимо положительное разрешение продовольственного вопроса, поддержание внутреннего порядка и промышленной деятельности города, группа предлагает думе привлечь к своей работе делегатов рабочих города Симферополя и его окрестностей, а также представителей армии. Для осуществления такого рабочего представительства группа предлагает городской думе взять на себя устройство собраний на фабриках и заводах для производства выборов уполномоченных, которые в свою очередь выберут представителей в думу. Считая городское самоуправление, пополненное представителями населения, единственной в настоящий момент организацией, общественной силой— группа организованных рабочих отдает в распоряжение городской думы все свои наличные силы для разрешения основных вопросов момента. Группа приветствует героическую армию, в решительный момент жизни родины ставшей на сторону народа, и призывает население г. Симферополя к гражданской выдержанности и мужественному спокойствию, столь необходимым для упрочения завоеванных народом прав".

Неспособность дум и управ старого состава справиться с работой в новых условиях очевидна большинству так же, как очевидна и их непопулярность в массах населения, однако, в них стремятся влить новое вино. Одновременно с этим губернское совещание общественных комитетов ходатайствует о введении в продовольственные комитеты своих представителей, ибо они „являются выразителями воли масс населения". Избрание дум и управ происходит значительно позднее. На выборах побеждает социалистическая группа. О распределение мест в думе дает представление следующая таблица:

Какой партии	Избрано депутатов			
	Симферополь	Севастополь	Ялта	Евпатория
С.-р.	31	56	39	21
С.-д. м-ков	6	3	—	3
„ „ б-ков	—	1	—	—
Сионисты	5	—	—	—
К.-д.	20	3	9	7

Несмотря на то, что большинство в думах принадлежало социалистам, они и не думали о каких бы то ни было коренных реформах. Додумались некоторые до того, что во главе управы поставили представителей буржуазии, при чем на этой почве разыгрался весьма поучительный инцидент в Керчи. Керченская дума избрала городским головой Месаксуди. На сообщение об избрании он ответил, что с неизвестными ему людьми, не знающими городского хозяйства и непопулярными у населения, он работать не будет.

Несмотря на такую звонкую оплеуху, социалисты вновь просили Месаксуди занять должность городского головы и только после второго отказа решили посадить на это место Могилевского (социалист). Программы социальных преобразований, после десятка звонких фраз ни к чему не обязывающих авторов, в своей конкретной части ограничивались пунктами о содействии „доблестной армии“, реорганизации продовольственного снабжения через введение общественных представителей и двумя-тремя мелочами. Основную причину экономического расстройства, разрухи и надвигающегося для отдельных районов голода деятели, „облеченные дове-

ТОВАРИЩИ ГРАЖДАНЕ ИЗБИРАТЕЛИ ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 8.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 8.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Товарищи граждане избиратели Вы 16 іюля скажете свое свободное слово кому Вы ввѣрите защиту Вашихъ интересовъ.

Если Вы голодны, если свѣтъ знанія не освѣтилъ Васъ, если теряете Вы дѣтей своихъ отъ болѣзней и нищеты, если дома у Васъ грязно, темно и сыро, если Вы чувствуете, что Васъ гнететъ и давитъ эксплуататоръ, если въ жизни у Васъ нѣтъ радостей, если каждый шагъ Вашъ скованъ, если Вы вѣрите, что интересы трудового народа должны быть защищены всѣмъ народомъ, гдѣ **одинъ за всѣхъ и всѣ за одного**, Вы исполните свой долгъ гражданина Свободной Россіи, Вы будете голосовать за **списокъ №8** партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Борьбой неустанной безпощадной партія будетъ отстаивать интересы трудящихся.

Вы ей вѣрите, ибо знаете, что всегда партія въ борьбѣ за народное дѣло отдавала всѣ свои силы и жизнь членовъ партіи въ защиту интересовъ **всѣхъ трудящихся**

Капиталисты и буржуа уступятъ свои позиціи и отдадутъ народу то, что ему должно принадлежать въ видѣ новыхъ жилищъ, университетовъ, школъ, больницъ..

Партія ни одной секунды не опуститъ своего знамени въ борьбѣ **за землю и волю**, въ борьбѣ за осуществленіе соціализма, царства правды, братства и свободы.

Товарищи граждане избиратели голосуйте за списокъ № 8.

Севастопольскій комитетъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

Товарищи! Голосуйте за СПИСОКЪ № 8.

[illegible] № 42

Листовка эсеров к выборам в думу в Севастополе в 1917 г.

рием масс“, видели в низком уровне культурного развития населения. В подтверждение и с целью углубления этого сказанного в Симферополе выступают в Керчи, заявляя следующее: „Не следует забывать, что первые дни великой русской революции были всенародным светлым праздником, но затем этот праздник стал омрачаться. Русский народ, воспитанный веками в пьянстве, грубости и невежестве, не понял полученной им свободы, оказалось, что революция опередила развитие нашего народа“ (по материалам Керч. истпарта).

Комментарий такое заявление не требует. К нему можно добавить только то, что страх перед возможностью развития массового движения преследует буржуазию, а за ней и социалистов. Все внимание направляется к тому, чтобы остановить дальнейшее движение, развитие революции и представить происшедший переворот, как не имеющий никакого отношения к вопросам классовой борьбы. Несмотря на большую неорганизованность в управлении краем, буржуазия кричит: „власть находится в твердых руках“. Одновременно с этим губернский комиссар вынужден очень часто менять уездных комиссаров; дело дошло тут до того, что министерство внутренних дел вынуждено было обратить внимание на комиссарскую чехарду, предложив внимательнее подбирать лиц, „облеченных доверием общества“.

Чтобы доказать ненужность, вредность самостоятельного выступления пролетариата, кадетский писака в „Южных Ведомостях“ заявляет, что 1-е мая не является пролетарским праздником, этот праздник „великой идеи социализма“. Огромнейший переполох вносит в среду буржуазии и социалистических партий выступление в Петрограде возвратившегося в Россию В. И. Ленина. Лидер местных меньшевиков закричал о том, что Ленин дезорганизатор, он губит революцию, где бы он ни появлялся, там „распадается единение и начинается раскол“. Мирное сожительство меньшевиков, социалистов-революционеров и буржуазии они никак не желали разрушить, а так как дух Ленина, несмотря на отсутствие организации большевиков (она начала складываться позднее, см. об этом ниже), начал витать над полуостровом, нарушая мирный сон буржуа и его лакеев, они нашли легкий с их точки зрения выход „считать деятельность Ленина пагубной для свободы России и провокационной в том виде, как она сейчас проводится, а потому удалить имя этой заразы из наших умов и сердец“ (из резолюции, принятой собранием с.-р. агитаторов в Севастополе. Газета „Революционный Севастополь“).

Вероятно, слабо надеясь на удаление из „умов и сердец“, было решено принять и более радикальные меры. Так, в Евпатории в апреле решено: „1) признать в принципе

приезд Ленина в Евпаторию нежелательным, 2) просить начальника гарнизона выделить караул для ежедневной поездки в Саки для недопущения проезда Ленина в Евпаторию и 3) если бы Ленину удалось проскользнуть в Евпаторию, немедленно арестовать его и выслать обратно из Евпатории"[1].

Керчане оказались более любезными. Они не возражают против приезда Ленина, но при условии не выступать, а если выступит—арестовать. Севастопольцы приняли решение о недопуске Ленина 342 голосами при 20 против и 47 воздержавшихся. Феодосия искала у себя якобы приехавшего Ленина, но не нашла. Обыскивающий гостиницы начальник караула доложил, что приехавший и заподозренный, как Ленин, никакого отношения к „известному большевику не имеет".

Продовольственный вопрос

Между буржуазией и „социалистами" произошло молчаливое распределение обязанностей. Одни из них сели в городские думы, взяв роль уговаривающих и „организующих", вторые, т. е. буржуазия, являющаяся более реально мыслящей, захватили в свои руки руководящую роль в губернии и особенно в продовольственном деле. Так, например, Месаксуди, отказавшийся от должности городского головы, с удовольствием взял на себя обязанности председателя продовольственной управы. Он отлично понимал, что держать в своих руках массы мелкой буржуазии значительно лучше можно экономическими, в данном случае продовольственными мероприятиями, а затем правительственным давлением, поэтому-то Месаксуди и держал в своем распоряжении вначале и управление градоначальника, т. е. такой аппарат, который располагал реальной силой. Впоследствии обязанности градоначальника были переданы „в надежные руки" эсеров. О том как пользовались своими правами „господа деятели продовольственные", дает представление следующее: „Приверженцы Месаксуди начали вести среди городского мещанства агитацию за необходимость возвращения нашего „благодетеля" обратно. И когда в конце августа гор. думой было опубликовано распоряжение врем. правительства о повышении цен на муку и хлеб на 100%, то результаты агитации резко выявились. Собралась толпа народа, преимущественно женщины, и прежде всего бросилась за защитой к „благодетелю" комиссару врем. прав. П. Месаксуди. Он не мог отказаться от удобного случая развести демагогию и заявил толпе, что все останется по старому, что никаких повышений цен на муку и хлеб он не допустит. Когда же на следующий день мука все же стала продаваться по повышенным ценам, то толпа собралась еще большая, вваливаясь в продовольственную управу,

[1] Цитирую по газете „Южные Ведомости".

и чуть не разгромила ее, затем захватила на улице Могилевского и с антисемитскими выкриками чуть его не избила.

И вот в эти тревожные для Керчи дни, когда разбушевалась народная стихия, Месаксуди уклонялся от какого бы то ни было отрезвляющего воздействия на толпу, кричавшую „дайте нам Месаксуди, он обещал нам муки и мануфактуры, а вы, жиды, все попрятали“[1].

О нравах продовольственников и особоуполномоченных дает представление следующее постановление прокурора Симферопольского окружного суда. Кстати нужно отметить, что дело это началось только после того, как грабеж и спекуляции, будучи весьма явными, вызвали ропот и требование убрать Харченко.

„Прокурор симферопольского окружного суда, рассмотрев препровожденную на основании 9 ст. Постановления Временного правительства от 11 апреля 1917 года инспектором особого совещания при особоуполномоченном по закупке хлеба, сахара и соли для нужд армии капитаном гвардии Евреиновым 23 апреля с/г за № 17 переписку о злоупотреблениях по закупке хлеба дла армии в Таврической губернии нашел, что 28 мая 1916 года доверенный торгового дела С. Ш. Барановский и К° С. Барановский заявил уполномоченному по закупке хлеба для армии в Таврической губернии Я. Т. Харченко просьбу об освобождении его от договора от 2 апреля 1915 года о поставке 400 вагонов ячменя, основываясь на неполученин им мешков от уполномоченного для отправки этого ячменя.

Это обстоятельство было удостоверено уполномоченным Харченко в отношении его от 16 сентября 1916 года за № 16567 на имя таврической контрольной палаты, согласившейся на этом основании на расторжение договора; однако, как установлено ревизией, в действительности в распоряжении Барановского находился излишек мешков, каковой мог быть им употреблен на поставку ячменя.

Таким образом, Барановским не выполнен договор о поставке ячменя в количестве 400000 пудов без каких-либо уважительных причин, указанная же им в заявлении причина непоставки—недостаток мешков—оказалось ложной.

Делопроизводитель уполномоченного Израиль Житомирский, заведуя нарядами мешков, допустил выдачу Барановскому мешков в излишнем против необходимого количестве, следствием чего на руках у Барановского, как установлено ревизией, оказался излишек в 121090 казенных мешков, в то время, как из-за недостатка мешков уполномоченный был вынужден расторгнуть договоры с рядом поставщиков.

На основании изложенного и руководствуясь 9 ст. Постановления Временного Правительства от 11 апреля 1917 года, постановил: возбудить уголовное преследование против бывшего уполномоченного по закупке хлеба для армии в Таврической губернии Я. Т. Харченко по 417 ст. Ул. о Нак., против бывшего делопроизводителя того же уполномоченного Израиля Иосифова Житомирского по 2 ч 341 ст. Ул. о Нак. и против поставщика С. Ш. Барановского по 115 Уг. Улож., предложив производство предварительного следствия судебному следователю по важнейшим делам г. Буримову при копии сего постановления“.

---

[1] „Красная Керчь“ 26 марта 1927 г., статья т. Полуян-Варецкой („Революция 1917 г. в Керчи“).

Предъявленные здесь обвинения являются маленькой долей общей большой мародерской деятельности. От гражданских спекулянтов не отставали и военные. Так, генерал-майор Петров, помощник начальника порта в Севастополе, обвинялся в содействии спекуляции кожами некоему Дикштейну.

Что же, однако, предпринималось для уменьшения остроты продовольственного вопроса?

Продовольственные затруднения, дававшие себе чувствовать до февраля, в марте особенно обострились. Таврическая губерния, вывозившая в довоенное время до 80 миллионов пудов в год и пережившая в 1916 году частичный неурожай, имела к вывозу не больше 20—25 миллионов пудов. Южные крымские районы губернии нуждались в ввозе хлеба, северный степной район имел излишки, которые в большей доли были сосредоточены в руках помещиков. В первые дни после февраля усилиями бесчисленных эмиссаров временного правительства удалось собрать некоторое количество хлеба у крестьян; однако, положение было такое, что вместо 600 вагонов, намеченных к отгрузке для армии и промышленных центров, в марте отправлено было всего 10 вагонов и, кроме того, росли местные затруднения. Выходом из положения могло быть принятие решительных мер по отношению к владельцам хлеба. Временное правительство, не желавшее „портить отношения" с помещиком, вместо решительных мер пошло по пути повышения покупной цены хлеба. Создалось такое положение: крестьянин увез хлеб по низким твердым ценам (1 р. 81 к.), помещик продает хлеб тому же правительству по повышенным (2 р. 90 к.). Вызванный на революционную патриотическую помощь правительству крестьянин оказался у разбитого корыта, его обманули на первой же сделке.

Местные буржуазные и социалистические деятели, с одной стороны, потому, что в их интересах было не повышение, а, наоборот, даже понижение цен, с другой,—потому, чтобы не допустить быстрого роста недовольства со стороны крестьян, подвергли продовольственный вопрос обсуждению на губернском совещании общественных комитетов. Обсуждение продовольственного вопроса вылилось в решение вопроса о ценах на хлеб. „Многие члены собрания,—значится в протоколе совещания,—указывают, что, когда правительство обратилось к населению с призывом поставлять хлеб для армии и цена была назначена 1 р. 81 коп. за пуд, большинство средних и мелких земледельцев сдали свой хлеб казне. Крупные же земледельцы и спекулянты, видя неустойчивую политику правительства, задерживали у себя хлеб и скупали его у желающих продать. Ныне вре-

менное правительство установило твердые цены на хлеб в 2 р. 90 к. за пуд. Принимая во внимание, что хлеб остался только у крупных помещиков и спекулянтов, задерживающих его в ожидании повышения цен, многим же крестьянам теперь придется покупать хлеб для пропитания до нового урожая, члены собрания высказываются за отмену новых твердых цен на хлеб урожая 1915 и 16 г. и возвращение к старым ценам 1 р. 81 к. пуд. франко-амбар, при чем хлеб крупных помещиков и спекулянтов должен быть реквизирован по старым ценам 1 руб. 81 коп. за пуд франко-амбар, со скидкой 15%"[1].

Один из членов совещания указывает собранию на тяжелое положение, в каком очутились кооперативы; он говорит: „Движимые чувством патриотизма, кооперативы приняли все меры к тому, чтобы поставить возможно большее количество хлеба. Кооперативы закупали хлеб у крестьян и старались скорее сдать его казне. А теперь правительство резко повысило цены, и кооперативы оказались под подозрением у населения, не сумели защитить интересы крестьян. В деревне есть еще хлеб, и если его будут ставить помещики,—крестьяне поставят все, что только у них есть лишнего".

В выступлениях отдельные участники совещания указывали на неурядицы и несогласованность действий отдельных лиц и организаций, заготовляющих хлеб. В виде примера задержки хлеба было сообщено, что в имении Фальц-Фейна есть налицо до 400 тысяч пудов хлеба, при чем представитель волостного комитета ближайшей к имению волости заверил совещание, что они вывезут хлеб в несколько дней, нужно только решить вопрос о его реквизиции по старым ценам.

В результате обсуждения совещание постановило: „1) ходатайствовать об отмене новых твердых цен на хлеб урожая 1915-16 гг. и установлении прежних цен 1 р. 81 к. без доставки на станцию железной дороги;

2) ходатайствовать о том, чтобы хлеб урожая 1915-16 гг. у помещиков и спекулянтов был реквизирован по цене 1 р. 81 к. пуд без доставки на станцию железной дороги, со скидкой с этой цены 15%;

3) немедленно заняться на местах организацией волостных продовольственных комитетов;

4) ходатайствовать о том, чтобы для Таврической губернии разрешено было представителей в губернском, уездных и городских продовольственных комитетах от земства и города заменить соответствующим числом представителей от губернского, уездных и городских общественных комитетов;

[1] Протоколы совещания обществ. комитетов. Крымцентроархив.

5) ходатайствовать, чтобы в состав губернского продовольственного комитета были введены с правом решающего голоса председатели уездных продовольственных комитетов;

6) просить уполномочен. министра земледелия А. А. Стевена срочно телеграфировать на места, чтобы уплата за хлеб урожая 1915 и 16 годов по новым твердым ценам была приостановлена;

7) просить уполномочен. министра земледелия А. А. Стевена, чтобы мельницам предоставлялось право помола только чужого зерна, но не самостоятельной закупки".

Решения эти мало содействовали улучшению продовольственного дела. Вопрос продолжал оставаться камнем преткновения на всех съездах, совещаниях и в постоянной работе организаций. Особенно остро для Крыма этот вопрос встал тогда, когда северные украинские уезды взяли курс на автономную Украину. С каждым днем вырастали затруднения, росли в городах очереди, а одновременно вырастала бешеная спекуляция хлебом. Бороться со спекуляцией и мародерствами полумерами было нельзя, на решительные же меры ни местные, ни центральные органы власти не могли пойти. Для них решительные меры были равносильны отказу от своих программных принципов и изменению всего направления революции.

Так, например,—сообщая о решении временного правительства, запрещающем торговать мясом в течение 4 дней в неделю, феодосийский комитет пишет:

„Граждане, только три дня покупайте и кушайте мясо. Не отнимайте его у армии. Неужели вы омрачите светлые дни нарождающейся свободы поступком, который будет осужден всеми гражданами и преследоваться законом".

В этом же номере „Известий Городского Общественного Комитета" (28 апреля № 6) сообщается, что от введения карточной системы решено воздержаться.

В мае месяце губернский общественный комитет, обсуждая продовольственный вопрос, отмечает:

„Крайне недостаточное снабжение сельского населения предметами обрабатывающей промышленности, в причинной связи с чем находится недостаточное снабжение городского населения продуктами сельско-хозяйственной промышленности".

Комитет считает необходимым объединение регулирующих производство и распределение функций в руках правительства.

Освещение продовольственных дел будет несколько неполным, если не остановиться кратко на роли торговцев и политики по отношению к ним. Невероятнейшая спекуляция, ежедневное вздувание цен объяснялись торговцами тем, что нарушены нормальные условия торговли. Трудно достать

товар, еще труднее его провести—таковы основные мотивы. Недовольство спекуляцией вырастало с каждым днем. Чтобы отвлечь внимание масс и показать им, что власть что-то делает, в городах Крыма созываются собрания купцов, где ставятся на обсуждение вопросы снижения цен.

В Симферополе убеждать купцов пошли наряду с другими и меньшевики. Горячо с пафосом выступал меньшевик, доказывая несправедливость чрезмерной наживы, призывая к установлению „нормальных прибылей". В итоге совещаний „благодетели" выносили пожелания, голосовали за резолюцию, призывающую снизить цены, а после этого выступали вновь с такими заявлениями: „нас ругают мародерами, обвиняют в спекуляции,—все это происходит потому, что мы не организованы, нужно создать союз торговцев" и... под крылышком меньшевиков союзы торговцев создавались с тем, чтобы организованно противодействовать снижению цен.

Недостаток товаров, купеческое противодействие снижению цен и беспардонная спекуляция на местах выводили из терпения отдельные организации. При нажиме со стороны масс некоторые исполнительные комитеты проводили реквизиции. Но отдельные попытки пресекались губернской властью. Так, например, в Армянске было решено реквизировать товар по довоенным ценам у некоего Кальф. Немедленно ему на помощь пришел губернский комиссар, приказавший приостановить продажу реквизированного и отменить самую реквизицию, как незаконную.

Все решения комитета являлись пожеланиями для губернского комиссара, являющегося одновременно председателем комитета. Комитеты собственно были организациями, обрабатывающими общественное мнение, своим существованием прикрывающими буржуазную политику представителей власти. Присутствие в комитете меньшевиков, социалистов-революционеров не делало комитеты органами, отражающими волю рабочих или бедняцких масс населения Крыма. Фраза господствовала над умами социалистических вождей при выполнении указаний хозяина-капиталиста. Так, сложный земельный вопрос общественными комитетами был разрешен следующим образом:

Решения комитета о земле, учредилке и нацвопросе

1) Признать необходимым издание декретов временным правительством о передаче всей земли в ведение земельных комитетов и о праве земельных комитетов издавать обязательные постановления, не противоречащие общественным интересам и декретам временного правительства.

2) Признать необходимым устранить двойственность в деле распоряжения землей путем отмены циркуляра

министра продовольствия о передаче пустующих земель в распоряжение продовольственных комитетов.

3) Признать, что до сих пор политика министра внутренних дел не была согласована с политикой министерства земледелия, и признать необходимость такого согласования.

4) Признать, что обратная передача ликвидированных немецких земель свыше трудовой нормы прежним собственникам, в виду настроения, созданного последними событиями и в связи с ними, чревата тяжелыми последствиями, не исключая аграрных волнений.

5) Признать необходимым, чтобы распоряжение всеми общегосударственными имуществами в губернии было передано губернским земельным комитетам.

6) Признать необходимым сокращение штатов старых учреждений министерства земледелия и государственных имуществ и привлечение оставшегося состава служащих к активной работе в качестве трудового элемента при земельных комитетах.

В начале постановления говорится о передаче земель, о введении земельных комитетов, но... с тем, однако, чтобы это не противоречило декретам временного правительства и интересам общества. Зная, что при капиталистическом строе буржуазия путем насилия принуждает интересами общества считать свои интересы, что капиталисты не считаются с интересами других групп, и, с другой стороны, зная, что действительная передача земли крестьянам как раз противоречила декретам того времени, неизбежно приходишь к выводу: резолюция не лишена некоторых смелых словечек, но основная ее задача заключается не только в оттягивании решения этого вопроса, не только в замазывании глаз, но и в прямой защите буржуазии.

По целому ряду важнейших для Крыма вопросов буржуазия или молчала, или выносила весьма куцые решения. Так, национальный вопрос оказывался совершенно неразрешенным, несмотря на значительную политическую активность татарского населения, руководимого буржуазно-националистической интеллигенцией.

Значительно позднее начала развития местного национального движения общественный комитет вынес решение „признать желательным, чтобы национальным меньшинствам каждой данной местности была обеспечена возможность обращаться в местные правительственные учреждения на родном языке“. Совершенно ясно, что без решительного содействия со стороны власти проведению даже только этого решения оно оставалось простым жестом.

Возникшее на Украине в пользу автономии движение нашло также отражение в решениях общественного коми-

тета. Молчать было нельзя, потому что связь и экономическая зависимость Крыма от северных хлебных районов губернии, т. е. южных уездов Украины, а затем и зависимость от промышленных центров, на пути к которым лежала Украина, весьма сильно чувствовались. Комитет вынес по этому вопросу такое решение: „Признав невозможным включение той или иной местности в состав какой-либо автономной территориальной единицы без ясно выраженного желания населения данной местности, обратить внимание временного правительства на то, что вопрос о включении Таврической губернии в состав автономной Украины не разрешен ни одной из общественных организаций губернии и что поэтому и разрешение его временным правительством преждевременно".

Важным в вопросе было, конечно, не то, что общественное мнение не подготовлено, что не высказались организации, а стремление крымской буржуазии избежать создания барьера между Москвой, Ленинградом и Крымом и затянуть решение нацвопроса—такова суть решения.

Украина не являлась рынком для крымских товаров и не могла в ближайшее время стать им. Соединиться с Украиной, значит лишиться рынка, порвать связи местной русской буржуазии с центрами, утерять влияние, экономическую базу, значительно уменьшить возможности эксплоатации местного населения, поделить господствующее положение на полуострове с самостийной украинской буржуазией и крымско-татарской, которая в соединении на федеративных началах с Украиной видела путь буржуазно-национального самоопределения в это время.

Заслуживают внимания решения об учредительном собрании. На требование некоторых групп населения принять меры, ускоряющие созыв „учредилки", общественный комитет 13 марта ответил отказом, а в мае месяце принял решение, которым сообщал временному правительству ряд затруднений, вызывающих отсрочку выборов, и просил продлить срок составления избирательных списков.

Заем свободы имел большой отклик в городах, по отношению же к деревенской буржуазии было принято решение:

„Чтобы при распределении рабочих для сельско-хоз. работ в первую очередь удовлетворялись из крупных владельцев те лица, которые представят наибольшее количество купленных ими облигаций".

Имена купивших облигаций меньше, чем позволяет доход, предполагалось публиковать в печати.

Февраль в деревне

Далеко не все крестьянство сочувствовало займу свободы. Так, например, на съезде крестьянских депутатов в Феодосии выступавшие крестьяне заявляли о том, что деревня обнищала и задачей является не заем свободы, а „конфискация неправильно

нажитых капиталов". Выступавшие нашли сочувствие у всего съезда и только после выступления 6 человек (в том числе меньшевик, плехановец и несколько с.-р.) удалось протащить резолюцию, приглашающую крестьян содействовать распространению займа свободы.

Настроение деревни в первые дни революции было выжидательным. Крестьяне, не получавшие точных сведений о событиях, высказывались весьма осторожно. Расправы 1905 года были свежи в памяти и заставляли быть осторожными.

Представители старой, уже сметенной революционной волной власти использовали старые методы воздействия на крестьян, в ход была пущена поповская машина. Крестьян убеждали в том, что все будет по старому, главными виновниками бунтов, как и прежде, объявлялись евреи. В некоторых местах были попытки организовать группы еврейских погромов, распространялись листовки с призывом „бить жидов". Наиболее активными во всей этой работе наряду с попами были земские начальники. Севастопольский военный исполком 18 марта 1917 года сообщает губернскому комиссару следующее:

„Общему собранию комитета 16 марта 1917 г. Поступило заявление, что бывший земский начальник Сахновский в селе Акшаих, собрав народ, заявил, что народ не должен верить в существование нового правительства, что как было, так и будет старое правительство. В деревнях Юскуя, гор. Геническе земские и священники не объявляли народу о новом правительстве и даже, собрав народ, сбивали с толку. Встречались афиши с призывом бить жидов".

Некоторой растерянностью и абсолютной неорганизованностью крестьян воспользовались волостные писаря и кулаки. Власть в деревне попала в руки кулацкой верхушки. Яркую характеристику деревенской власти дают „Известия" Феодосийского общественного комитета. Вот она:

„Старые власти вновь умудрились захватить власть, местами писаря правят при содействии темной татарской массы или в согласии с богатыми татарами. В Петровской волости положение особенно тягостно: телеграммы жителей с просьбой к солдатским депутатам о посылке делегатов так и не получено здесь, а население ежедневно выезжает для встречи делегатов. Писарь правит безудержно, бесконтрольно и самовольно. В Сарайминской волости правят два управляющих крупнейших имений".

Губернский съезд советов заявляет, что „состояние деревни внушает опасение в смысле недостаточного укрепления там революционных начал", и отмечает наличие реакционной политики в деятельности некоторых общественных комитетов. Выносится решение об организации советов крестьянских депутатов.

Обращает на себя внимание то, что „крестьяне с первых же дней, как только начало яснее для них становиться

положение, обращаются за помощью к новым организациям—советам солдатских депутатов. Позиция этих советов для крестьян еще неизвестна, однако, они не могут доверять общественным комитетам и земствам, в которых сидят известные им своей прошлой деятельностью лица. Советы приобретают в глазах деревни большую цену, как „наши“ революционные организации. Крестьяне северных уездов Тавриды обращаются за помощью к исполнительному комитету флота в Севастополе. Тут происходит перекличка крестьян из деревни с крестьянами же, взятыми в армию.

Советы солдатских депутатов, организованные в первые дни революции, хотя и подпали под влияние офицерства и не могли являться центрами, сосредоточивающими силы не только армии, но и крестьян, однако же, помогали крестьянам в организации власти, направляя внимание деревни в сторону создания крестьянских союзов. Деревенская интеллигенция, которую усиленно начали обрабатывать социалисты-революционеры и среди которой до революции было много сочувствующих с.-р., активно содействует организации крестьянского союза. Особенно активно работает интеллигенция северных не крымских уездов и затем татарская интеллигенция, но эта последняя выступает прежде всего с лозунгами националистического характера. Татарская интеллигенция выставляет требования о реформе религиозного правления, о культурно-национальной автономии и является в своем большинстве группой, обособленной от общерусских политических партий.

Требования крестьянских союзов—повторение эсеровских требований. Однако, уже в первые дни настроение крестьян отдельных деревень вносит беспокойство в среду буржуазии и кулацких „социалистов“. Находятся люди, которые предлагают убеждать крестьян в невозможности конфискации земель, путем распространения в крестьянской среде знаний по истории и политической экономии.

Первые съезды крестьянских депутатов проходят под эсеровскими лозунгами. Левое крыло съездов, привлекающее внимание очень многих делегатов, не может взять руководства в свои руки вследствие неорганизованности, малоподготовленности, а самое главное, так вследствие того, что это левое крыло представляет из себя группу политически еще неоформившего свои взгляды, но чувствующего лживость эсеровской тактики крестьянства.

На некоторых уездных съездах левая часть ставит вопросы об опубликовании договоров с союзниками, но тут же голосует безоговорочно за войну до конца. Иногда к этому решению добавляются пункты о продолжении войны до революции в других странах. На ряду с выдвижением требо-

ваний о конфискации „неправильно нажитых капиталов" замалчивается или откладывается до учредительного собрания вопрос о земле, хотя, как увидим ниже, к этому времени в ряде волостей крестьяне явочным порядком начинают распахивать помещичьи земли.

Татарская буржуазия и крестьянство в феврале

Татарское крестьянство, как сказано выше, находилось под влиянием своей националистически настроенной интеллигенции. 15 марта собрание татар в Симферополе, поддержанное выступлениями ряда деревень, особенно приморских и горных, требует уничтожения вакуфов[1], духовного правления и настаивает на выборах муфтия (служитель культа, то же, что епископ у православных).

Требования этого собрания были переданы совету рабочих депутатов и губ. общественному комитету. Губернский комиссар под давлением совета вынужден был согласиться на выделение представителей от татар для контроля над деятельностью учреждений, ведающих делами мусульман.

25 марта в Симферополе был созван татарский делегатский съезд, собравший больше 200 человек представителей. Основными вопросами были избрание муфтия и комитета по делам мусульман и вопрос о вакуфах.

Съезд прошел со значительным подъемом, муфтием и председателем татарского исполнительного комитета был избран Челибиев Челибиджан, сразу занявший в татарском движении роль вождя.

Расчет татарской буржуазии был верен, она использовала темноту и невежество татарского крестьянства, сделав Челибиева не простым председателем татарского исполнительного комитета, а одновременно религиозным руководителем. По вопросу о вакуфах тотчас после съезда была дана большая телеграмма министру-председателю. В ней, указав на историческое прошлое вакуфов, которое сводилось к их разграблению, напомнив о том, что вакуфы являются по шариату имуществом, принадлежащим религиозной общине мусульман и должны служить по повелению религиозно-правовой догмы средством на содержание школ и мечетей, муфтий и председатель управления вакуфными имуществами сообщают о решениях съезда, заключающихся в том, что: „1) все вакуфные имущества и капиталы, образованные от доходов с этих имуществ, считаются достоя-

---

[1] Вакуфами называют землю, постройки и деньги, являющиеся собственностью мусульманской религиозной общины. Земли и др. имущество были даны мечетям феодалами или выделены общиной в целях обеспечения доходами с вакуфов нужд школ и мечетей. Вакуфы со временем оказались в руках мулл и ими эксплоатировались в собственных интересах. Вакуф значит дар, пожертвование.

ниями национальными и принадлежащими крымским татарам; 2) вследствие сего управление вакуфными имуществами и хозяйственное распоряжение капиталами должны находиться непосредственно в руках крымских татар и под их контролем [1]; 3) все административные учреждения, находящиеся во главе управления вышеупомянутыми имуществами, состоят из лиц, избираемых всеми крымскими татарами, путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; 4) конференция крымских татар, считая вакуфную комиссию упраздненной, обязала исполнительный комитет учредить управление вакуфными имуществами в Крыму, состоящее из выборных председателя и совета [2]. На местах также организуются административные органы: уездные и волостные комитеты для управления вакуфными имуществами, и авторы телеграммы высказывают уверенность, что временное правительство пойдет навстречу крымским татарам. Однако, временное правительство пыталось толковать вопрос о вакуфах по своему. В проекте закона о вакуфах министр внутренних дел пытался сохранить право контроля над вакуфами со стороны государства и заявлял об их принадлежности духовенству.

Исполнительный мусульманский комитет свой ответ на проект м. в. дел заканчивает следующим заявлением: „Оставаясь преданным делу революции и поддерживая горячо в целом созидательную работу временного правительства, все же крымские татары категорически отвергают невероятное суждение о принадлежности вакуфов духовенству и о праве правительственного контроля в делах административного и хозяйственного распоряжения вакуфными имуществами и капиталами“.

Стремление закрепить за собой вакуфные имущества и капиталы диктовалось двумя соображениями: первое—это лишение материальной базы реакционного, находящегося на службе у царизма и поддерживающего руссификаторскую политику духовенства, второе — необходимость подведения экономического фундамента под национально-буржуазное движение. Безземелье и малоземелье среди татарского населения было весьма велико, и это дало возможность вовлечь крестьян в борьбу за освобождение вакуфов от государственного контроля и изъятие их от духовенства. Крестьянин-татарин надеялся получить в свое распоряжение 87614 дес. 287 сажен вакуфной земли, разбросанной по всем пяти крымским уездам, кроме того, крестьянин надеялся на некоторую помощь из капитала, размещенного

[1] До революции вакуфными капиталами и имуществом распоряжалась особая вакуфная комиссия, учрежденная правительством 1885 г.

[2] См. „Голос Татар“ № 3. 1917 г.

в банках, казначействе и числящегося долгом за мусульманским духовенством. Общая сумма капитала в 1914 году выражалась в сумме, превышающей 800 тысяч рублей. Кроме земли и денег, вакуфной комиссии принадлежало около 500 домов и лавок в различных городах и больше 300 десятин земли в городах.

Организуя комитет и отвоевывая право на распоряжение вакуфами, татарская буржуазия широко использовала имеющиеся у нее связи с населением, развернув в деревнях пропагандистскую работу и захватив все деревенские организации в свои руки. Даже „Южные Ведомости" (кадетская газета) восхищались работой татар-националистов. Газета эта, с горестью сообщая о том, что в русских деревнях выбирают в комитеты неграмотных (читай не кулаков и не с.-р.), довольна „сознательностью" татар, ибо они выбирают грамотных, интеллигентных людей, которые не пойдут „за теми, якобы, демократами, требующими окончания войны".

В городах исполнительный комитет организовал городские и уездные комитеты. Таким образом, налицо была довольно стройная организация от центра—Симферополя—до глухой татарской деревни.

Исполнительный комитет татар, в лице Челибиева и Д. Сейдамета, как комиссаров, был утвержден временным правительством.

Исполнительный комитет считал необходимым проведение ряда реформ в области народного просвещения, уравнения прав женщин с мужчинами и некоторые другие.

Реакционная часть татарских мулл и татарские помещики, возмущенные действиями исполнительного комитета, казавшегося им весьма революционным, начали агитацию против комитета и его руководителей среди населения. В этой агитации реакционеры, руссификаторы привлекали на свою сторону и русскую буржуазию, стоявшую у власти.

Одновременно с этим в исполнительном комитете начали назревать отдельные, вначале мелкие расхождения, которые впоследствии привели к отколу одной части комитета и созданию группы прогрессивных социалистически настроенных интеллигентов-татар.

Закрепление власти над вакуфами, организация комитетов не могла удовлетворить исполнительный комитет. Выступая весьма осторожно с указаниями, что он будет отстаивать „национально-федеративные начала" государственного строя, комитет выдвинул задачу укрепления своих достижений и расширение их, предъявив требование о выделении татар-солдат в особый национальный батальон.

Формирование татарских частей вызывалось, по мнению комитета, на ряду с военными задачами, еще тем, что части

эти, „служа умиротворяющим и сдерживающим началом во время могущих быть земельных недоразумений“, могут „принести целый ряд ценных услуг“. Татарский комитет понимал, что безземельное татарское крестьянство одними посулами ему не удержать, что националистический туман, которым окутали крестьян, рассеется, и комитету придется столкнуться с фактом классовой борьбы и борьбы крестьян за землю.

Ни местные власти, ни самое временное правительство разрешения на выделение татар-солдат не дали. Получив отказ, татары явочным порядком создали батальон, заняв под казарму татарскую учительскую школу. После того как батальон был создан, Керенский утвердил его существование и дополнительно разрешил перевод в Симферополь запасной части татарского конного полка и формирование татарских частей, выставив, однако, условием необходимость их посылки на фронт.

Татарский батальон явился уже реальной силой, на которую мог опираться исполнительный комитет. Удельный вес татарских националистов поднялся. Укрепление влияния и рост силы комитета не давали спать местной буржуазии, губернскому комиссару и реакционной части татар. Они решили развенчать комитет и одним из способов избрали арест Челибиева, предъявив ему обвинение в агитации против откомандирования батальона на фронт.

Арест 23 июля муфтия—председателя исполкома—вызвал решительный протест со стороны татарского населения. Десятки резолюций требовали освобождения, считая арест религиозным и национальным оскорблением татар.

Толпа татар в Симферополе двинулась к тюрьме, осмотрела камеры, но не нашла Челибиева, т. к. он был увезен в Севастополь.

Арест являлся непродуманным шагом даже с точки зрения буржуазии. Арестом она достигла обратных результатов. Встречи возвращающегося из Севастополя муфтия превратились в грандиозные демонстрации в честь Челибиева и исполнительного комитета, главой которого он был. Буржуазия этим арестом оттолкнула от себя татарское население, создала условия вражды, укрепляя национализм, враждебный русской и иной нетатарской буржуазии, в массах религиозного, и без того уже опутанного националистами, крестьянства. Демонстрации протеста против ареста, а затем торжественные встречи муфтия внесли переполох в ряды правящей верхушки. Требование о замене губернского комиссара, предъявленное мусульманским комитетом, обсуждалось в общественном комитете, который, поняв допущенную ошибку, вынес весьма противоречивое решение.

Приводим резолюцию полностью:

„Общегубернское совещание, заслушав объяснения представителей временного мусульманского исполнительного комитета, заявляет:

1) Действия губернского комиссара в деле таврического муфтия выразились лишь в двух актах—в личном разговоре с муфтием и в просьбе к прокурору о возбуждении уголовного преследования против муфтия.

2) В обоих этих действиях губернский комиссар действовал в тесном единении со всем составом комиссариата и исполнительным бюро губернского комитета; просьба же к прокурору о привлечении муфтия к уголовной ответственности была основана на постановлении исполнительного бюро.

3) Исполнительное бюро губернского комитета и комиссариат в своем постановлении о привлечении муфтия к уголовной ответственности руководствовались исключительно интересами государственной обороны и не посягали и не могли посягать, как состоящие исключительно из представителей партий, целиком признающих принцип национального самоопределения, на временный мусульманский исполнительный комитет—как национальную организацию.

4) Никакого участия в аресте муфтия ни губернский комиссар, ни исполнительное бюро губернского комитета не принимали и даже не были о таковом предварительно оповещены. Арест, как и освобождение, были делом исключительно Севастопольской контр-разведки.

Вместе с тем, общегубернское совещание категорически протестует против требования съездов мусульман об увольнении губернского комиссара Н. Богданова, избранного на эту должность губернским комитетом единогласно и всеми своими действиями вполне оправдавшего оказанное ему доверие“ [1].

Более туманной резолюции, желающей замести следы, трудно себе представить. Дополнительные документы, сохранившиеся до сего времени, с очевидностью говорят о том, что арест муфтия дело рук буржуазии и соглашателей. Расшаркивающиеся перед национальным самоопределением буржуа и соглашатели боялись просто роста влияния и силы татарского исполнительного комитета. Небезынтересно решение симферопольского совета после освобождения муфтия. На заседании совета было сообщено, что татары собираются арестовать некоторых офицеров и мурзаков. Совет снял с повестки дня все намеченные вопросы и после длительного обсуждения сообщения пришел к такому заключению: „послать патрули в тат. часть города на Кадиэскерскую улицу по 1 или 2, а остальные части сосредоточить в комиссариатах, установить на ночь дежурства в исполнительном комитете, обратиться к мусульманскому городскому комитету о недопустимости арестов и указать на последствия, грозные для производящих самовольные аресты, обратиться к начальнику гарнизона с предложением принять самые решительные и энергичные меры к отправке на фронт мусульманских рот“ [2].

[1] Дело Губ. Комиссара Врем. П-ва № 31 (129) Крымархив.

[2] Протоколы Симферопольского Совета. Материалы Истпарта КрымОК ВКП (б).

Таким решением совет безоговорочно стал в борьбе двух буржуазных национальных групп на сторону той, которая десятилетиями угнетала татарское население. Совет не допускает этим самым самоопределения. Он просто, будучи прислужником, не сумел учесть того обстоятельства, что поддержкой мусульман он мог привлечь на свою сторону значительные группы татарского населения с тем, чтобы впоследствии повести за собой в борьбе с русской и татарской буржуазией. Меньшевиков в совете это не интересовало. Им важно было не привлечение масс, а аккуратная служба и верноподданничество буржуазии.

Кроме ареста муфтия, татарский исполнительный комитет столкнулся с местной властью в вопросе о реформе татарской учительской школы. Съезд татарских учителей счел нужным в своих решениях требовать назначения директора-татарина и передачи школы татарам без вмешательства в ее дела общей инспекции по народному просвещению.

Казалось, что в этих требованиях нет ничего подрывающего власть таких демократов, которые стоят за национальную автономию, хотя бы, в вопросах культуры. Однако, представители власти отказались от утверждения и исполнения требований.

Татарская учительская школа перешла к татарам значительно позднее, в первых числах октября, когда татарский исполнительный комитет окреп еще больше, а временное правительство утеряло всякую силу. Учащиеся школы провели забастовку, после чего директором школы был назначен татарин.

Вопросы национального самоопределения довольно решительно ставились в печати. „Голос Татар", например, писал:

> „Говорить нечего о том, что мусульмане имеют не менее прав, чем русские, которые пользуются благами свободы на устройство своей жизни на новых началах, между тем как мы лишены этого права. Кто виноват в этом, мы ли, которые рвутся к свободе, или те, в чьих руках находится наша судьба. Нам явно мешают, видят в пробуждении от векового сна мусульман какую-то нелепую государственную опасность. Где девизы с.-р. и с.-д., неужели позабыто то, что говорилось 2 месяца тому назад. Но нет, так долго оно продолжаться не может. Долой опеку, долой тирачство и хозяйничание над нами. Мы знаем, как устроить свою жизнь, и устроим ее. Четыре месяца мы напрасно обиваем пороги министров-социалистов в чаянии на благосклонность к нашим жалобам, а это делают те, которые насчитывают в своем обществе не менее 30 мил.[1] человек и выставившие несколько миллионов войск на защиту Русского государства"[2].

Обсуждением принципов федерализма, доказательством того, что мусульманам мешают устроить свою жизнь, было

[1] 30 мил. мусульман, по мнению автора статьи, во всей России.

[2] „Голос Татар", № 5—19 VIII 1917 г., стр. 3.

заполнено много газетных страниц, но до тех пор, пока временное правительство чувствовало себя сильным, оно шло только на частичные уступки национальному движению. Узость буржуазно-соглашательской политики временного правительства в национальном вопросе содействовала росту шовинизма со стороны татарских и не татарских групп населения. Все это, затушевывая классовые задачи, помогало татарской буржуазии объединять татарское население под националистическими лозунгами. Руссификаторы не допускали мысли о самоопределении и развитии национальной культуры; к продолжению национального угнетения была направлена их политика. Понятно, что прогрессивное национальное движение, являющееся по своему существу буржуазным, не могло мириться с этим. Начинаются поиски союзников, единомышленников в борьбе с русской буржуазией, и одним из таких союзников явилась Украина, которая, как „народ более подготовленный", не дожидаясь решения вопроса сверху, поставила „дело на вполне реальную плоскость".

Один из представителей Крыма на съезде народов в Киеве заявил[1]:

„Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на Крымском полуострове. И на этот раз крымские татары уже не покинут своего края без упорной защиты своих прав и добытой свободы. Если когда-то наши ханы заключали союзы с украинцами, поляками, русскими и т. п. народностями для покорения и угнетения других народностей, то мы, свободные сыны отныне свободного татарского народа, протягиваем вам руку с лозунгом демократической федеративной республики для счастливого дружеского сожительства в будущем".

Первый период после февраля в национально-татарском движении характеризуется единением всех групп вокруг националистических лозунгов, левая группа, появившаяся в этот период, не только не сформировалась, но даже не имела ясной последовательной программы.

В программе национального движения имелся пункт о социализации земли, но каких-нибудь мер к проведению его в жизнь в это время не предпринималось.

Партии, Советы и рабочее движение

Неорганизованные до революции, разбросанные на мелких предприятиях, рабочие при отсутствии руководящей партии не могли оказать в первые дни февраля заметного влияния на ход события в Крыму. Движение с первых дней получило ярко оборончеcкий характер. Рабочие собрания и митинги проходят под лозунгами поддержки временного правительства и продолжения войны до победного конца.

---

[1] См. газету „Голос Татар" 1917 год.

Первыми откликнулись на события в Петрограде Симферопольские железнодорожники, пославшие председателю Государственной Думы такую телеграмму[1]:

„Служащие, мастеровые и рабочие Симферопольского депо Южных железных дорог, вполне сознавая высокий исторический подвиг, совершенный представителями народа, отслужили благодарственный молебен и шлют народным представителям в лице вашем свое трудовое спасибо и, воодушевленные, будут продолжать с новой энергией свой труд для блага дорогой родины и для доведения войны до победного конца“.

Не обошли железнодорожники молчанием и вопросов войны. В телеграмме, посланной в ставку верховного главнокомандующего на имя генерала Алексеева, сообщалось[2]:

„Служащие, мастеровые и рабочие Симферопольского рабочего депо отслужили благодарственный молебен по случаю завершившихся великих исторических событий и, помолившись Богу за павших на поле брани защитников дорогой родине, просят ваше превосходительство принять от них привет и передать его нашей доблестной армии. Вполне сознавая всю важность обеспечения фронта всем необходимым, они приложат от себя всю энергию и посильный труд для скорейшего налажения транспорта в надежде на недалекое будущее, когда наши победные знамена прогонят вражеские войска с полей дорогой родины и продиктуют мир, достойный великой родины“.

С попом под руководством буржуазных общественных деятелей встречали революцию рабочие крымских городов. Единственный вопрос из местной жизни вызывал живое обсуждение на рабочих собраниях—это продовольственный, по которому рабочие требовали „справедливого распределения продуктов“, участия рабочих в продовольственном комитете и его филиалах.

Возникновение различных организаций относится ко второй половине марта, апрелю и маю месяцам.

Раньше всего возникли советы рабочих депутатов.

Советы солдатских депутатов создавались самостоятельно, но вскоре они объединились с рабочими советами. Организация комитетов политических партий происходила позднее советов. Так, меньшевики создали свои комитеты после 10 марта, тогда как советы во всех городах к этому времени организационно уже оформились. Отдельные меньшевики и группы их проявили себя впервые на выборах советов. Одновременно с агитацией за кандидатуры в совет меньшевики вели вербовочную работу, привлекая рабочих и служащих в свою партию. Количественно меньшевики росли достаточно быстро. Рабочий промышленных предприятий Крыма, служащий, кустарь и ремесленник пополняли

[1] Цитирую по газете „Южные Ведомости“.
[2] Тоже.

ряды меньшевиков, ибо их программа отвечала мелкобуржуазным интересам этих групп. Задачи революции меньшевики толковали так, чтобы не оттолкнуть от себя не только мелкую, но и крупную буржуазию. По докладу одного из местных лидеров меньшевизма Советом в Симферополе была принята такая резолюция:

„...Полагая, что основной задачей момента должно счнтать укрепление нового строя и создание новых форм общественно-экономической и политической организации страны на последовательно проведенных до концах началах демократин и уничтожения старой власти во всех формах и областях ее проявления путем организации полного народовластия,—признает необходимым в своей практической деятельностн поставить на первую очередь:

1. Развитие среди широких слоев рабочих и солдат сознания, нсторической необходимости происшедшей революции, как единственного выхода из прежней полной разрухи в стране.

2. Организацию: а) рабочнх в целях сплочения их в планомерной классовой борьбе н б) солдат в видах демократизации армнн и сплочения их в дисцнплннарную силу политической свободы.

3. Полную реорганизацню продовольствня городского населения и снабжения армин путем участия во всех общественных органнзациях по продовольствию города н издания самостоятельной продовольственной организации.

4. Доведение до конца преобразования всех органов общественных и государственных организаций и учреждений на началах демократизации.

5. Образование заводских н профессиональных организаций и рабочих кооперативов".

Социал-демократические организации меньшевиков в апреле месяце охватили все города Крыма. Наиболее сильные организации были в Симферополе и Севастополе. В последнем меньшевики свили себе гнездо среди рабочих морзавода, военпорта и местной интеллигенции.

9—10 апреля состоялась в бывшем губернаторском доме, превращенном потом в Народный дом, конференция социал-демократов (меньшевиков), объединившая разрозненные группы этой партии и наметившая основную политическую линию. Ничего нового по сравнению с линией меньшевистских центров крымские деятели не придумали, да и не считали нужным, ибо целиком солидаризировались с указанием их ЦК.

В курортных городах руководящие кадры меньшевиков пополнялись в значительной доле за счет приезжих курортников и т. п.; социал-демократы этого периода в Крыму представляют единую организацию. „Большевиков мы тогда не знали", говорит один из руководителей Евпаторийской организации.

Тот, кто выдвигал лозунг: „Война—войне", не был большевиком, с.-д., его называли просто ленинцем, при чем вся суть основы ленинской тактики революции его про-

граммы была не ясна, в ней слабо разбирилась даже провинциальная головка меньшевиков.

Вполне сознательных, ясно представляющих сущность тактики в революции, меньшевиков было не много. Этим можно объяснить господствующее долгое время сознание того, что расхождения между большевиками и меньшевиками носят временный характер, что объединение социал-демократии безусловно возможно.

В апреле—мае 17 года в Севастополе появилась небольшая группа большевиков. Без средств, без руководителей, четко понимающих политику партии, эта группа не могла развить большой работы. В своей пропагандистской деятельности они пользовались воззваниями и листовками большевиков Донбасса, а затем уже постепенно начали проникать „Правда", „Окопная Правда". Местные противоречия, факты предательства со стороны соглашателей и буржуазии использовывались весьма слабо. Пионерами широкой большевистской пропаганды в Крыму и в Севастополе, в частности, нужно признать матросов Балтийского флота, приехавших сюда делегатской группой. „Дезорганизаторскую" роль этой группы отмечает Колчак в своих показаниях после его ареста в Сибири в 1920 г., об этом же кричали меньшевики и с.-р.

Балтийцы помогали Черноморскому флоту освободиться от оборонческих иллюзий. Они на примерах, близких матросам, показали, какая непроходимая пропасть разделяет соглашателей от большевиков.

Однако, группа эта не могла проделать организационной работы по созданию большевистской организации, ибо это были люди, воспринявшие политическую линию большевиков, но не связанные организационно с партией, не имеющие опыта партийной работы. Они расчищали сознание матросов, подготовляли массы к тому времени, когда они начали организоваться вокруг большевиков, прямо стали под руководство ленинцев, отшатнувшись от социал-революционеров и меньшевиков.

Переход этот произошел позднее в конце июня, в июле и в августе, произошел после больших испытаний, проверки на опыте революции, предательства со стороны одних и искренней преданности делу рабочего класса других (большевиков).

Приведенные выше (см. стр. 31) данные о выборах в городскую думу свидетельствуют о том, что меньшевики заняли в ряде городов весьма скромное место в городских думах. В Севастополе им досталось всего 3 места, то же в Евпатории, несколько больше в Симферополе—6 мест, и еще больше в Керчи.

Основной группой депутатов являются социалисты-революционеры. Эта партия в Крыму пользовалась большим успехом. Севастополь насчитывал в июне 17 года до 27 тыс. членов партии социалистов-революционеров. Им удалось взять под свое влияние флот и значительные группы армии—солдат, крестьян, мечтающих о лучшем будущем своего мелкобуржуазного бытия, интеллигентов, вздыхающих за чашкой кофе о невежестве русского серого мужичка, вот кто был увлечен эсеровскими туманными лозунгами о революции.

Нужно отметить еще и то, что Черноморский флот за все время войны серьезных боевых столкновений с неприятелем не имел. Охрана берега, два-три боя с „Гебен“ и „Бреслау“, минирование выхода из Босфора и несколько нападений на товарные транспорты турок или обстрел турецких берегов—все это не давало настоящего представления об ужасах империалистической войны. Состав флота, характер войны на Черном море и, наконец, наличность в офицерском составе либерально и с.-р. настроенных групп определили рост партии социалистов-революционеров и ее влияние.

С.-р. раньше меньшевиков начали издавать свою газету „Революционный Севастополь“. Севастопольские с.-р. были идейными руководителями организаций этой партии во всем Крыму. Зная, однако, что реальной силой является армия и флот, они этой работе уделяли значительно больше внимания, вводя своих представителей в судовые, полковые, гарнизонные и другие комитеты и советы.

Влияние на крестьянство шло по линии земств и крестьянских союзов. Волостные земские единицы находились в руках с.-р. через их агентов—кулаков и деревенскую интеллигенцию. Учитель был идейной силой с.-р. в деревне, на привлечение учителей с первых же дней обращено большое внимание.

Был выпущен ряд воззваний к учителям. Вот одно из них[1]:

„Граждане учителя!

Могучей волной гнева смыт всем ненавистный самодержавный режим.

На очищенном месте закладывается новый фундамент нового государственного строя.

Работа предстоит колоссальная, неслыханная в истории, работа, на которую, быть может, поколения будут смотреть, как на дело тех, кто строил пирамиды. В течение нескольких месяцев нам предстоит сделать то, что делается десятками лет.

Предстоит подготовить население к выборам на началах свободы и равенства в новые ячейки самоуправления, а затем в Учредительное Собрание.

Предстоит вместе с тем и строить эти ячейки и закреплять их.

[1] Дело Губ. Общ. Комитета. Отд. револ. движ. Крымцентроархива.

Граждане учителя!

Счастлив тот каменщик, который в эту постройку вложит хотя бы один камень: имя его не умрет в истории.

Благо страны призывает всех к этой работе.

Сознав это,—дружно и стройными рядами идите за нами к будущему строительству.

Пусть лозунг армии „рабочие у станка, солдаты в окопы, учителя в народ" найдет полный отклик в сердце народного учителя.

Пусть народный учитель, рассекавший до сих пор скалу, стоявшую на пути к солнцу и свету, и теперь не выпускает кирки из своей руки.

Пусть сознание долга перед народом и страной поставит его на место, на котором должен стоять каждый гражданин в ответственное время нового строительства государства.

Не медля ни минуты, в народ, к работе, товарищи учителя. Забудем в этот ответственный час об отдыхе и возвратимся на свои места к своим обязанностям.

Двери школы не должны быть запертыми в этот час. Учитель не должен оставлять школы.

Предстоящие занятия с населением должны быть ведены по следующей программе..."

Дальше идет изложение основных требований с.-р. и перечисление форм разъяснительной работы. Учительские съезды происходили под лозунгами с.-р. Меньшевики не принимали сколько-нибудь серьезных мер к завоеванию этой группы интеллигенции, но когда дело касалось городского учительства, здесь бой за влияние разгорался между меньшевиками, социал-революционерами и кадетами.

Большое оживление в работу социал-революционеров внес приезд в Крым Е. Брешко-Брешковской в мае месяце. Торжественные встречи, овации, цветы сопровождали Брешковскую. Меньшевики не замедлили засвидетельствовать свое уважение гостье. На приеме у Брешко-Брешковской в Симферополе и Севастополе меньшевики присутствовали вместе с буржуазией и с.-р.

Все выступления гостьи сводились к защите родины, свободы, призыву итти на фронт и собирать средства на продолжение войны и просветительную работу в армии. Сборы укрепляли материальную базу эсеровской пропаганды в армии, флоте и среди населения.

Выше уже отмечалось, что советы рабочих депутатов начали играть роль организаторов рабочего движения.

В марте начали создаваться профессиональные союзы. В организационном отношении профессиональные союзы не имели четкости, создавались они по цеховым признакам. В июне 17 года насчитывалось до 43 профсоюзов, число это выросло впоследствии до 160. Характерным в организации профсоюзов является то, что они возникают на основе экономической борьбы, политических задач перед собой не ставят.

Организуясь часто в стремлении добиться экономического улучшения своего положения, профсоюзы распадаются, как только конкретная задача дня миновала. Профсоюзы объединяли вначале весьма небольшое число работающих. Так, например, в Феодосии к 8 мая табачники объединяли 800 человек из общего числа рабочих до 2 тысяч, служащих объединено до 200 человек, строителей 185 человек, типографских и литографских рабочих 50 человек, портных 120 человек.

Наиболее жизненными были союзы, состоящие из рабочих и служащих основных в крымском хозяйстве производственных единиц (металлисты, табачники).

Учителя средней школы в Симферополе 24 марта на своем заседании также решили создать союз, но с условием, чтобы он был аполитичным.

Укрываясь за аполитичностью на словах, не только этот, но и другие союзы в своей работе содействовали укреплению влияния той или другой партии.

Советы, одной рукой создавая организации рабочих и служащих, другой часто тормозили развитие экономической борьбы. Так, узнав о забастовке рабочих в Джанкое, Симферопольский совет высказался за ее прекращение, потому что „чрезмерные" экономические требования могут окончательно нарушить хозяйственную жизнь страны и помешают продолжению войны.

В Керчи и Феодосии во время забастовок на некоторых табачных предприятиях советы этих городов, взяв роль посредника, уговаривали рабочих отказаться от своих требований, ибо выполнение требований может привести к закрытию предприятий владельцами.

Большая 3-хнедельная забастовка была проведена работающими в гостиницах и ресторанах г. Севастополя. Забастовка проходила под руководством социалистов-революционеров и кончилась соглашением с предпринимателями после того, как они приняли требование об увеличении заработка, замене чаевых добавкой к жалованию. В Симферополе забастовали официанты и выиграли забастовку.

Имели место забастовки водовозов, швейников и др. групп. К более значительным можно отнести забастовки рабочих трамвая, служащих торговых предприятий, рабочих завода Анатра и железнодорожников, все эти забастовки, за исключением Анатра, носили экономический характер.

Забастовка на заводе Анатра возникла из-за грубого обращения с рабочими администрации завода.

Готовность бастовать, предъявлять требования об улучшении экономического положения, требовать введения 8-мичасового рабочего дня были у рабочих и служащих. При

правильном революционном руководстве всю энергию, все недовольство можно было направить в русло борьбы с буржуазией, но вместо этого советы рабочих депутатов стараются умерить пыл, сократить требования, договориться с буржуазией. Ярким доказательством этого может служить соглашение Симферопольского совета рабочих и солдатских депутатов и предпринимателей Симферополя и его окрестностей. Приведем его полностью:

„Впредь до издания закона о нормировке рабочего дня на всех фабриках, заводах и предприятиях гор. Симферополя и его окрестностей вводится 8-мичасовый рабочий день (8 часов действительного труда во всех сменах).

2. Сокращение часов работ не должно влиять на размер заработка рабочих.

3. Накануне воскресных дней работы производятся в течение 7-ми часов.

4. Сверхурочная работа и расценка труда в каждом отдельном случае устанавливается по соглашению между администрацией торгово-промышленного предприятия и заводским комитетом.

5. Собрание считает необходимым в интересах правильной организации промышленной жизни страны немедленное образование фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

6. Кроме того, собрание считает необходимым центральную организацию фабрикантов и заводчиков г. Симферополя и его окрестностей“[1].

На ряду с революционным мероприятием о введении 8-мичасового рабочего дня становится задача организации фабрикантов и заводчиков. Совет таким образом содействует буржуазии объединиться для борьбы с рабочими. Характерно и то, что 13 марта совет на требования рабочих завода Анатра, Фишер и Масолова ответил, что от перехода на 8-мичасовый рабочий день нужно воздержаться. Особым решением совет внес оговорку в соглашение о том, что 8-мичасовый рабочий день принимается, как „юридическая норма“, нормы сверхурочных работ не устанавливались. Установив юридическую норму рабочего дня, совет в Симферополе и Феодосии высказался за то, что ее ни в коем случае нельзя применять к военнопленным, ибо они „не могут быть рассматриваемы, как рабочие“[2].

Несмотря на то, что предприниматели, срывая решения совета и профсоюзов, пошли на закрытие ряда предприятий и увольнение рабочих, советы не принимали решительных мер, колебались. Так, установив, что завод Сахарова не работает на оборону, увольняет рабочих, совет решил конфисковать его, но затем испугался своей решительности и кончил дело решением передачи завода акционерному обществу. О закрытии фабрики Шишмана совет говорил несколько раз, но так и не принял окончательного решения.

[1] Из неопубликованного материала Истпарта КрымОК ВКП(б). Протоколы Совета.

[2] То же.

Керчь пошла еще дальше. Она замалчивала вопрос о 8-мичасовом рабочем дне и только 23 октября „социалистическая“ дума признала необходимым переход на 8-мичасовый рабочий день.

Ряд требований рабочих организаций об улучшении экономического положения в совете терялось, или вместо прямого ответа выносились решения такого порядка: „послать т. N для переговоров с рабочими“, „сообщить о невозможности“, „договориться с владельцами завода“.

Общеполитические события находили отклики в местных советах. Так, апрельские события (демонстрация в Петрограде) и заявление Милюкова о войне были оценены Севастопольским советом, как расходящиеся „с требованиями демократии и нарушающие обещание, данное 27 марта“.

Совет счел нужным предупредить „вредные выступления правительства и протестовать против неорганизованной формы выступлений части рабочих и гарнизона“.

Симферопольский совет в заседании 1 мая, ночью и днем 2-го мая вынес такое решение: „1. Признать принципиально допустимым при данном соотношении сил и внешней политической конъюнктуре создание коалиционного министерства при участии социалистических групп, входящих в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

2. Признавая принципиально допустимым образование каолиционного министерства при современном соотношении сил, собрание, однако, считает, что пока еще не наступил момент, когда образование такого министерства должно быть немедленным“[1].

Поистине, и „хочется и колется и соглашательская мама не велит“. В этом случае меньшевики, заседающие в совете, считали пока несвоевременным создание коалиционного министерства, а спустя пару месяцев советы обнаружили, что они уже запоздали с коалицией, однако, не могут допустить никаких других мыслей, как сотрудничество буржуазии с пролетариатом, при чем один из деятелей, считая кризис власти явлением, зависящим от международных условий, предлагает отстаивать и защищать власть буржуазную, „как располагающую чисто материальной, денежной силой“. Все, что против коалиции, то относится другим, не менее видным советчиком в лагерь контр-революционной анархии. Третий считает, что ни буржуазия, ни социалисты в коалиционном министерстве не откажутся от своих требований, поэтому необходимо уйти от власти.

Как уйти, какие формы должна принять борьба против буржуазии, об этом ни звука. Нет точности и в резолюции,

---

[1] Протоколы Совета, см. неопубликованные материалы Истпарта.

принятой в результате обсуждения вопроса об июльских событиях в Петрограде, в этой резолюции есть сплошное неверие в силы пролетариата, прикрываемой фразой о мобилизации сил и организации их вокруг советов. Зачем? как? для чего?—вопросы, требующие прямого ответа,—встречали глухое ухо. Резолюция признает, что коалиционная власть не является такой, „которая одна могла бы организовать единую власть и выполнить основные задачи революции“, однако, „эта власть должна быть в настоящий момент признана все же единственной, способной сыграть революционную организаторскую роль“. Как может власть, не способная организовать, играть организаторскую роль? Почему власть должна быть в руках такой группы, которая не может решать задач революции? Зачем такая власть? Ответом может служить решение губернского съезда советов, принятое по вопросу о борьбе с контр-революцией. Решение это представляет значительный интерес. Приведем его полностью:

„Считая, что интересы революции в России диктуют в некоторых случаях, в целях установления и закрепления демократического строя, согласованности действий пролетариата, крестьянства и демократически настроенной буржуазии, съезд признает, что тактика советов рабочих и солдатских депутатов должна вести не к возбуждению классового антагонизма, а к выяснению классового самосознания пролетариата. Способами борьбы Советов с силами, враждебными революции, должны быть: 1) ускорение и усиление революционной организации масс, создание революционной дисциплины; 2) устранение от власти всех лиц, занимающих ответственные и руководящие посты, реакционеров по своему прошлому и контр-революционеров по своей настоящей деятельности; 3) максимальное ускорение выборов в органы местного самоуправления; 4) способствование расширению и усилению революционной социалистической партийной организующей деятельности и 5) широкая просветительная и агитационная работа в городах, деревнях и армии“[1].

Итак, яснее этого и не нужно, меньшевики считают, что задача заключается не в том, чтобы поднимать классовое сознание пролетариата и крестьянской бедноты, этого им не нужно, это „классовый антагонизм“, они против выступления отдельных групп, но они же и против подготовки к организованному выступлению пролетариата.

Неудивительно после этого и то, что советы признали смертную казнь мерой, недопустимой в свободной стране, и тем не менее сочли невозможным предъявление каких бы то ни было требований правительству.

Заслуживают интереса решения советов о представительстве в советах и его исполнительном комитете.

Было признано за правило, что социал-демократы, социалисты-революционеры и бундовцы имеют своих представи-

[1] Материалы Совета. Крымцентроархив.

телей в совете и исполкоме. Допущено представительство в совете менонитов, но отказано рабочим из военнопленных, организации врачей. От Поалей-Цион требовали представления 150 подписей членов партии, серповцев (Социалистическая рабочая еврейская партия) просто не допустили, то же решено было о дашнакцутюн и народных социалистах.

В оживлении и связи советской работы сыграл роль губернский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Губернский съезд на ряду с другими вопросами обсуждал вопрос о запрещении въезда в Крым Ленину. Докладчик по этому вопросу, один из активных меньшевиков, долго убеждал делегатов в том, что он не ленинец, а самый ярый враг Ленина, но, по его мнению, со свободной революционной мыслью нельзя бороться теми мерами, „к которым прибегли некоторые советы в отношении Ленина“. Съезд согласился с докладчиком и выразил „сожаление по поводу принятых в некоторых местах антиреволюционных резолюций“.

По вопросу об отношении к временному правительству съезд нашел, что правительство весьма ясно и определенно поставило „своей целью борьбу за международный мир и решительные меры экономического и политического порядка“, что оно „стоит на почве требований революционной демократии как во внешней, так и во внутренней политике“.

Такая оценка правительства, кстати сказать, после апрельских событий и милюковской ноты, дала съезду право считать обязательным „долгом политической необходимости активно и определенно поддерживать всеми способами революционное правительство в его творческой революционной работе и сказать его деятелям, что поддержка революционной демократии в их борьбе с опасностями, угрожающим революции ее врагами, им обеспечена“.

Подвергся обсуждению на съезде и злободневный продовольственный вопрос, обострившийся настолько, что в некоторых городах со стороны населения имели место попытки разгромить продовольственные склады и торговые предприятия или реквизиции съестных продуктов и промышленных изделий по довоенным ценам.

Крестьяне более решительно выносили постановления с требованием не повышать твердых цен на хлеб, так как повышение пойдет в карман крупным землевладельцам и спекулянтам. Вывоз хлеба приостановился до того, что продовольственная управа признала необходимым заинтересовать продовольственные органы выдачей удвоенного вознаграждения за успешное продвижение хлебных грузов.

Съезд советов счел нужным рекомендовать местам создание продовольственных организаций, в которых было бы

обеспечено руководство совета, создание закупочно-распределительного кооператива и ряд других мелких мер, ни в какой мере не обеспечивающих нормализацию продовольственного дела, не гарантирующих рабочих от голода.

Создание кооператива в условиях абсолютного расстройства экономической жизни страны при условии, что спекулянт продолжает свое дело, при отсутствии строжайшего регулирования распределения не являлось не только панацеей от всех зол, но сколько-нибудь серьезным шагом, тем более, что организации даже одной губернии из местнических уездных побуждений шли на задержку продовольствия и товаров, предназначенных для другого соседнего города или уезда.

Во всей деятельности советов нужно отметить основную линию, совпадающую с желаниями и тактикой буржуазии,—задержать развитие классовых противоречий, не допускать массовых рабочих выступлений, сглаживать углы экономических противоречий рабочих и буржуазии.

Советы, призванные к объединению, революционизированию масс, к тому, чтобы на том этапе борьбы заставлять буржуазию итти на последовательное проведение начал буржуазно-демократической революции,—эти советы превратились в органы революционного торможения, отвлекающие внимание масс от решения непосредственных задач революции.

На первом этапе борьбы советам, руководимым меньшевиками или социал-революционерами, удавалось усыпить бдительность рабочих. Это было тем более легко сделать с таким организационно и политически отсталым рабочим, как в Крыму, при отсутствии организации революционной партии.

На примерах соглашательства или прямого предательства со стороны с.-д. (меньшевиков) и с.-р. рабочие учились революционно мыслить и действовать.

Стихийные или весьма мало организованные стачки, при условии, что тут же появился и профсоюз, толкали рабочих к организации и более крепкой спаянности.

Отклоненное советом требование о создании Красной Гвардии вызвало оппозицию совету со стороны революционных групп (завод Анатра и др.). Затяжка в решении ряда требований, направленных к улучшению экономического положения рабочих, а иногда отрытый переход совета на сторону предпринимателя, создавали трещину между советом и выбиравшими его рабочими. Пропасть между советами и массами населения вырастала с каждым месяцем не только под влиянием местных условий, но и по ряду внешних, не крымских причин.

События на фронте, общая хозяйственная разруха, отражающаяся на местном хозяйстве, затягивание войны, рост влияния большевиков и полевение, приближение к большевикам ряда эсеровских и меньшевистских групп, влияние настроений в промышленных районах и армии на Крым—все это создавало почву для массового движения и полевения масс, переход их к лозунгам, требующим конца войны, передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов—рабочим.

Армия и флот

Особенного внимания заслуживает совет Черноморского флота, который играл колоссальную роль не только во флоте и армии в Крыму, но определял своей позицией и деятельность гражданских организаций и оказывал на них влияние. Флот, его совет и исполком имели далеко не местное значение. Их роль не ограничивается Крымом и Черным морем. Флот был организацией общероссийского характера. Однако, прежде чем разобрать работу исполкома флота, надо остановиться на состоянии настроений армии и флота в Крыму.

Революция пришла в армию и флот по „приказу" высших начальников. Революционных выступлений, выхода на улицу не было до тех пор, пока не поступили приказы о смене власти, приведении к присяге временному правительству.

В Симферополе после чтения манифеста об отречении Николая II-го от престола было приказано петь „Боже, царя храни" и кричать здравницу дому Романовых.

Севастопольские моряки вышли на улицу после выступления Колчака, заявившего о своей готовности служить новому правительству.

Выборы в судовые советы, исполком флота регламентированы во времени и количестве представителей приказом Колчака.

Комендант Керченской крепости сообщил о полном спокойствии в частях крепости.

В Евпаторию, как спокойный пункт, где могут сохраниться дисциплинированные части, были переброшены в первые дни после революции некоторые гвардейские части.

Первыми ласточками выступлений можно считать отказ крепостной артиллерии в Севастополе принять присягу временному правительству, отказ 52 Виленского полка, расположенного в Феодосии, выступить на фронт и выступление симферопольских солдат против офицеров.

Артиллеристы заявили, что они не примут присяги до тех пор, пока жандармы останутся в крепости, и только после заверения высшего командования о том, что жандармов не будет, что они будут привлечены к отбыванию воинской повинности, присяга временному правительству была принята.

В Симферопольском гарнизоне с первых же дней установились натянутые отношения с офицерством. Солдаты предъявили требования об отмене дисциплины в том виде, как она была до революции. Кроме того, солдаты присоединились к требованию рабочих ряда предприятий о проверке всех освобожденных от призыва и работающих на оборону. Солдаты одного из полков вооруженной группой двинулись производить проверку. Из одного из домов на окраине города вышел офицер, вообразивший, что солдаты пришли отобрать у него казенные деньги, „в целях самоохраны", как сообщили на другой день „Южные Ведомости", „поручик Н выстрелил и убил одного из солдат". Возмущенные зверством офицера, солдаты бросились на него, но он не пожелал сдаться, побежал и был убит выстрелом из винтовки. Случай этот возмутил весь гарнизон.

Солдаты не доверяли офицерам. Обострению отношений между солдатами и офицерами не мало содействовала тактика пользующегося популярностью в солдатских массах капитана Замятина, который после ареста и увольнения бывшего начальника гарнизона занял его пост. Выступления нового начальника гарнизона, содействие солдатам в произведении обысков и арестов подозреваемых ими лиц и, наконец, арест начгара генерала Радовского восстановили против Замятина офицеров. Общественный комитет Симферополя просил о высылке нового начальника гарнизона, до назначения же нового общественный комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов предъявили начальнику гарнизона следующие требования: „Просить капитана Замятина издать приказ по войскам гарнизона о недопустимости самостоятельного выступления как частей войск, так и отдельных лиц гарнизона при охране порядка в городе (аресты, обыски и т. п.); производство арестов и конфискаций допускать исключительно по письменным ордерам начальника милиции, о каковом распоряжении ходатайствовать перед губ. комиссариатом.

Признать желательным, с согласия капитана Замятина, заблаговременное оповещение общественного комитета и совета о всех серьезных мероприятиях в военной среде в целях объединения действий военной и гражданской власти [1].

Замятин на все эти требования согласился.

Делегация общественного комитета и Совета, бывшая в Петрограде, выступила в вопросе о начальнике гарнизона несогласованно. Представитель общественного комитета говорил о замене Замятина, его нераспорядительности, представитель же совета считал, что Замятин установил

[1] Протоколы Симферопольского Совдепа. Материал Истпарта ОК ВКП (б).

дисциплину, что он „успокоитель-организатор гарнизона". Солдаты тоже стояли за оставление Замятина на посту начальника гарнизона [1].

Реакционное офицерство вело агитацию против Замятина, отношения с каждым днем обострялись, и вот тут-то на помощь симферопольцам явилась делегация Севастопольского исполкома.

Выступая в полках, на митингах, делегация доказывала необходимость единства офицеров и солдат, примером единения выставляли севастопольцев.

Агитация, затем замена некоторых явно реакционных офицеров, создание гарнизонных и других военных организаций и незначительное увеличение числа солдатских представителей в организациях сделали свое дело. Спокойствие временно было водворено. На фронт стали отправлять маршевые роты. Проводы были организованы весьма торжественно, с расчетом на то, чтобы поднять настроение, укрепить оборонческую позицию.

Отказ виленцев выйти на фронт вызвал взрыв возмущения в рядах соглашателей и буржуазии. Кончилось все это тем, что полк из Феодосии был все же отправлен. Здесь нужно еще коснуться вопроса о дезертирах. По донесении уездных комиссаров дезертирство, бывшее единичным в марте, в апреле и мае возрастает, на станции Сарабуз и в окрестностях Симферополя к 10 мая задержано до 200 человек. Агитация, приказы о явке в части не помогали. Комиссары вместе с советами прибегали к высылке вооруженных отрядов для вылавливания дезертиров. В Крыму были дезертиры не только из числа местных жителей, но и других губерний, т. к. климатические условия Крыма способствовали этому.

Имели место столкновения дезертиров со старостами.

Но участие населения в борьбе с дезертирством не было массовым. Ловили дезертиров крестьяне не потому, что были за продолжение войны, а „коли мой сын служит, зачем же ты убежал".

А вот агитация дезертиров оказывала влияние на настроения крестьян и их отношение к войне, усиливая число противников войны.

Севастопольский Центральный Военный Исполнительный Комитет заседал первый раз 9 марта 1917 года. По своему составу комитет был больше офицерский, на 50%. Роль руководителя в исполкоме принадлежала Верховскому [2].

---

[1] Протоколы Симферопольского Совдепа. Заседание 25 марта. Доклад Захарова о поездке в Петроград.

[2] Начальник штаба ударной дивизии готовящегося в Турцию десанта, впоследствии ком. войск Московск. округа и воен. министр при Керенском.

Настроение матросов в первые недели и месяцы было спокойное. Чтобы демонстрировать готовность флота к боям, был организован выход в море к Босфору.

На одном из флотских праздников матросы подводных лодок выступили с лозунгами завоевания Дарданелл и Босфора. Отдельные недовольства офицерами не получали, однако, широкого развития до тех пор, пока офицерство в своей обособленности, стремлении сохранить старые порядки, создать свою организацию не зашло слишком далеко и пока в Севастополь не приехала делегация Балтийского флота. Делегация выступала во флоте с протестом против займа свободы и за опубликование тайных договоров. Одновременно делегация сообщала о жизни в Балтике, о роли офицеров там. Вокруг делегации и ее лозунгов был поднят большой шум. Делегацию обвиняли в измене, предательстве, продажности, создавались невероятные условия, тормозившие выступления делегации. С.-р. развили бешеную агитацию, при чем им помогали в этом оборончески и воинственно настроенные рабочие. Как бы то ни было, а делегация балтийцев поставила перед матросами основные вопросы, заставив их искать прямого и точного ответа. Настроение „война до победы“ начало убывать, облегчилась пропагандистская работа для местных одиночек-большевиков и близких к ним групп.

Здесь необходимо отметить еще одно событие, имевшее не только местное значение. Колчак, выезжавший с докладом о флоте в Петроград, по возвращении оттуда в первых числах мая повел агитацию за создание группы черноморских матросов, которая выедет на фронт и там будет участвовать в боях, вести агитацию за продолжение войны и немедленное наступление. С помощью Исполкома Совета удалось собрать до 300 человек матросов, которые выехали на фронт и там в ряде участков сыграли роль уговаривающих, задерживая этим процесс полевения частей армии.

Первым серьезным столкновением Колчака с массами нужно, видимо, считать требование об аресте генерал-майора Петрова. Отказ матросов миноносца „Жаркий“ выйти в море и требование смены командира миноносца нельзя отнести к разряду серьезных столкновений, это событие являлось доказательством начавшегося распада старого флота и кончилось оно выведением из строя миноносца.

Инцидент с Петровым заключался в том, что генерал занялся спекуляцией с кожами поставляемого для флота скота. Кожи, оцененные в 80 рублей, генерал отдавал одному из поставщиков по 200—240 рублей. Он же выдавал документы на вывоз кож под видом использования их на нужды обороны. В самом же деле они поступали на рынок, откуда

часто поступали опять во флот уже по значительно более высокой цене.

Комиссия совета потребовала ареста Петрова. Колчак отказал в аресте, ссылаясь на то, что арестовать может прокурор, которому комиссия должна передать все материалы. Вместо передачи материалов, генерал Петров был арестован. Возмущенный „вмешательством в управление флотом“, Колчак попросил освободить его от должности командующего флотом. В ответ на это Керенский сообщил, что он едет в Севастополь. В конце мая „главноуговаривающий“ Керенский явился в Севастополь в расчете на то, что ему удастся своим присутствием и разговорами удержать массы под влиянием Колчака и черносотенно-соглашательского совета.

Спекулируя в своих выступлениях на революционном прошлом Севастополя, Керенский все сводил к тому, что он требует, „как представитель народа“, железной дисциплины, готовности вести войну под руководством временного правительства. Он посетил порт, корабли „Свободная Россия“, „Петр Великий“ и ряд других, кроме того выступал на Каменной, Графской пристани и т. д. Упоенный собственными выступлениями, Керенский вообразил, что он укрепил флот, но оказалось, что его выступления ничего нового не дали. Колчак считал, что приезд и выступления Керенского ничего не изменили, „разложение флота“ продолжалось тем же темпом.

Керенский, которого встречали весьма торжественно, убеждал массы только в тот момент, когда он выступал,— стоило ему сойти с трибуны и уехать, солдаты и матросы под влиянием местных и общероссийских причин продолжали пересмотр своей позиции, переоценку ценностей „медового месяца“ революции. Этот пересмотр приводил их к лозунгам, прямо противоположным призывам Керенского. Деятельность местных „революционных“ организаций уже не удовлетворяла массы матросов и, особенно, солдат.

Совет к этому времени (конец мая), потерявши авторитет в массах населения, должен был уйти, уступив место новому составу, резко отличавшемуся от старого. В новом составе совета наиболее полно оказались представленными солдаты местного гарнизона, процент офицеров значительно сократился. Новый состав совета с первых же дней взял курс на независимое от Колчака существование. Командование флотом на этот раз Колчак не передал другому, но он уже, по его собственному признанию и свидетельству документов того времени, не только не имел былого влияния на решения совета, но часто не знал, что происходит в подчиненном ему флоте. Так, например, если раньше

о всяких собраниях совет и судовые комитеты сообщали Колчаку, то после перевыборов совета о собрании во дворе Черноморского экипажа, на котором присутствовало до 15 тысяч человек, Колчак узнал совершенно случайно. На этом собрании стоял вопрос о действиях Колчака, направленных к ослаблению флота, о содействии с его стороны офицерским организациям. Выступавшие на митинге-собрании обсуждали вопросы о целях империалистической войны, каких-нибудь определенных решений принято не было, но чувствовалось, что почва под ногами Колчака накаливается, массы уже не доверяли Колчаку, как раньше, враждебные настроения по отношению к офицерству росли с каждым днем. Причины враждебного отношения к офицерам со стороны одних и весьма подозрительное со стороны других были налицо. Офицеры начали устраивать закрытые собрания отдельно от матросов. На этих собраниях присутствовал и Колчак. После отправки Черноморской делегации на фронт Колчаку из всех уголков страны летели телеграммы с выражением патриотических чувств, в телеграммах Колчак назывался героем, спасителем родины и проч. Колчак этого периода являлся лицом, вокруг которого собираются реакционеры, ищущие военной диктатуры, и стоило только несколько задержать рост массового недовольства, как Колчак превратился бы в своего рода Корнилова. Однако, это не удалось. Реакционность была настолько прямой, ничем не покрытой, что ее мог видеть каждый. Так, например, капитан одного из кораблей, убирая с корабля одного из офицеров, на вопрос о причинах откомандирования, отвечает: „Убеждения не сходятся с моими... Совместная служба затруднительна“[1]. Уволенный не был, конечно, большевиком,— он позволил себе иметь „социалистические“ убеждения. Полковник Грубер, несмотря на давно опубликованный приказ, отменяющий отдание чести, настойчиво и грубо требовал отдания ему чести. Один из таких случаев переполнил чашу терпения, массы выступили с требованием арестовать офицеров. Обновленный в своем составе совет не мог, однако, рискнуть на решительные действия и организованное выступление, он заседал, говорил о контр-революции, реакции, пригласил даже на свое заседание Колчака. Усыпить массы было нельзя, начался уже неорганизованный арест офицеров и их обезоруживание.

„...С одного из кораблей было дано распоряжение разоружить всех офицеров, произвести обыск в квартирах“. Попытки Колчака помешать этому ни к чему не привели,

[1] Цитирую по газете „Революционный Севастополь“, орган комитета партии с.-р.

распоряжение было выполнено. „Оскорбленный“ адмирал Колчак перед собранной им командой „Георгия Победоносца“ сказал речь, в которой убеждал матросов, что он верен временному правительству. Не желая сдавать саблю, он бросил ее в море на глазах всей команды. В этот же день Колчак, послав о собраниях телеграмму Керенскому, сказал пришедшей к нему делегации, которая требовала его ухода с поста командующего, что он сдал командование флотом адмиралу Лукину. Ряд офицеров, не желая подчиняться требованию разоружаться, застрелились.

На этом дело, однако, не кончилось. Местные социал-соглашательские группы, втянутые в развернувшиеся события, сами потом перепугались и начали бешеную агитацию за то, чтобы задержать развертывание событий, удержать флот и армию в подчинении временному правительству. Эсеровская газетка „Револющонный Севастополь“ дошла до того, что поместила по поводу ухода Колчака следующие замечательные строки: „не оценили богом данный талант, не сохранили того, кто шел впереди всех“.

Правительство телеграммой совету и Колчаку требовало возвращения оружия офицерам, называло события анархией, грозящей гибелью революции. Для расследования была назначена комиссия под председательством Зарудного[1] и Бунакова[2]. В ответ на телеграмму правительства 8-го июня правительственный комиссар гор. Севастоопля послал следующее сообщение:

„Полученная утром телеграмма Правительства обсуждалась всеми судовыми комитетами и командами. Делегатское собрание постановило подчиниться приказаниям Правительства освободить всех арестованных офицеров, выдать отобранное оружие, затем ходатайствовать перед правительством, чтобы оружие офицеров хранилось впредь в тех же условиях, как оружие солдат и матросов, выдавалось офицерам одновременно с раздачей солдатам; выражено неудовольствие, что волнение этих дней изображены в виде бунта, тогда как флот и армия лойяльно поддерживают и подчинаются Правительству“.

Выступление матросов, арест и разоружение оценивались, как результат работы немецких шпионов. Правительственная комиссия по возвращении из Севастополя считала вполне возможным возвращение Колчака на пост командующего флотом. В оценке событий комиссия присоединилась

[1] Зарудный известный адвокат, товарищ министра юстиции при Керенском.

[2] Фундаминский-Бунаков с-р., впоследствии был комиссаром Черноморского флота после Борисова.

к Колчаку. „Совершенно ясно, что эта работа немецкой агентуры“ [1]—заявляет один из членов комиссии. Ясно, конечно, и то, кто подразумевается под „немецкой агентурой“. Реакционеры и социал-соглашатели приписывали руководство в этом выступлении большевикам. Легенда о „запломбированном вагоне“ была и здесь использована. Надо, однако, с совершенной объективностью заметить, что роль, влияние большевиков во флоте было весьма не велико и приписывать руководящую роль в этих событиях большевикам было бы ошибкой. Количественно большевики насчитывали к этому времени несколько десятков человек, у них не было ни газеты, ни материальных средств на развертывание работы. Верно не то, что большевики организовали выступление, а то, что наступающая реакция, явное предательство меньшевиков и социалистов-революционеров ярко бросались в глаза масс и были весьма неприкрытыми. Массы чутьем и под влиянием пропаганды балтийцев поняли, что с реакционностью можно бороться решительными мерами. Верно, таким образом, то, что на этом этапе матросы и солдаты, бросающие иногда большевистских агитаторов в море, начали все же приближаться к основным лозунгам большевиков, появилась трещина, которая постепенно, под влиянием общих и местных событий, расширялась до того момента, когда массы открыто и прямо выступили против эсеров и меньшевиков.

---

[1]) Допрос Колчака. ГИЗ, Ленинград 1925 г., стр. 83.

ГЛАВА III

От Февраля к Октябрю

Внешнее спокойствие в первые месяцы после февраля было сохранено. Отдельные вспышки недовольства, выступления удавалось мирным путем изживать. В первых донесениях губернского комиссара сквозит спокойствие. 26-го марта 17 года комиссар сообщает в Петроград[1]: „Неделя прошла спокойно, никаких выдающихся происшествий губернии не было". Усыпить внимание масс, отвлечь их от решения основных вопросов, выдвигаемых всей хозяйственной жизнью края и страны, было, однако, не так легко. 40% безземельных в Крыму толкали крестьянство на борьбу против владельца арендуемой ими земли, заставляли ускорять решение вопросов о передаче земли крестьянам. Учредительное собрание было далеким мифом, ждать его и продолжать арендовать землю или брать ее на скопщину, тогда как надвигалось время сенокоса, а за ним надвигалось время обработки земли для посева, крестьянам было не под силу. Обещания не удовлетворяли крестьянства. Журавль был в далеком небе, крестьянство же решило хотя бы синицу получить в руки.

Уже в апреле месяце в Евпаторийском уезде, где безземелье чувствовалось наиболее сильно, крестьяне самовольно приступили к запашке земли. Губернский комиссар по этому поводу телеграфирует: „Имении Ойбур Донузлавской волости Евпаторийского уезда скопщики немцы, не желая подписывать условия на сданную землю самовольно приступили запашке пара заявив землю будут обрабатывать сами. Вооружившись ружьями гонят своих лошадей на пастбище усадьбы". В Евпаторию дано распоряжение уездному комиссару с милицией выехать на место.

Эта телеграмма была первой ласточкой земельных беспорядков, после которой в мае, июне, июле количество выступлений крестьян растет, требования о земле стано-

[1] Дело губернского комиссара. Крымцентроархив.

вятся с каждым месяцем все настойчивее. Губернский комиссар, Совет рабочих и солдатских депутатов и мусульманский комитет в борьбе с крестьянством, требующим земли, выступают единым фронтом. Так, „для улажения недоразумений, возникших между конторой имения Мордвинова и татарскими сельскими обществами“, исполнительный комитет мусульман командировал вместе с помощником губернского комисара двух членов комитета. Не успели они еще отдохнуть от поездки, как начались выступления в Улу-Сала, Фоти-Сала, Османской, а затем в Сейтлере и других деревнях. Характерно, что Сейтлерский комитет в своей телеграмме прямо требует: „немедленно откомандировать солдатских депутатов для установления продовольственного порядка по луговым сенокосам акшеихской волости“[1]. Крестьяне берут себе не только пахотную и сенокосную землю, они выдвигают требования о том, чтобы владельцы земельных и лесных участков не расхищали леса и земельные участки. А случаи расхищения были не единичны, землевладельцы продолжали спекулятивное мародерское использование участков, особенно это нужно сказать о лесных участках, ибо потребность в дровах, в связи с уменьшением ввоза угля и дров с севера, увеличилась. 1-го мая ст. ст. комиссар получил такую телеграмму: „Собрание граждан деревень Кекенеиз, Лимены и Кучук-Кой 25 апреля постановило просить Вас о приостановке хищнической рубки леса графом Мордвиновым в захваченных им участках у граждан вышеуказанных деревень, а также выемку песка Алчевской из берега, захваченного ею у общества“[2].

Телеграмма эта осталась без ответа, но совсем другое отношение встретила телеграмма конторы Мордвинова, присланная через несколько месяцев и сообщающая о том, что „население Байдарской волости производит опустошительную самовольную вырубку леса, местные власти прекратить бессильны“[3]. Возмущенные молчанием комиссара и продолжающимся хищничеством, крестьяне прилегающих к имению деревень начали тоже рубить лес. Это их выступление нашло живой отклик, усмирять немедленно явились и комиссар и мусульманский комитет.

Буржуазия была не против некоторых материальных убытков для того, чтобы закрепить свое влияние. Так, в Байдарской волости контора Мордвинова облагодетельствовала крестьян тем, что вырубленный ими лес оставила в деревне с условием распределения его „среди бедных, преимущественно жен запасных“. Оставили лес не потому,

[1] Дело об аграрных движениях в губернии. Крымцентроархив.
[2] Тоже.
[3] Дело об аграрном движении в губернии. Крымцентроархив.

конечно, что хотели помочь бедняку, нет, требования его возвращения могло привести к новым осложнениям, вот „мудрый“ управляющий и дал возможность деревням заняться дележом срубленного леса, тем самым отвлекая внимания крестьянства от своих проделок.

О спекуляции лесом дает представление обращение Симферопольского городского комитета по топливу к губернскому комиссару. Приводим его полностью: „В последний месяц по принятии запрещений на вывоз из Симферополя через Симферополь идет в спекулятивных целях усиленная погрузка дров для отправки в Евпаторию, где дрова достигли цены 2 р. 50 к. за пуд. При каковых условиях отправители наживают по рублю на пуде дров. На это обращено самое серьезное внимание, послана телеграфная просьба уполномоченному Хозтопа хотя бы временно воспретить вывоз дров по железной дороге из питающего Симферополь лесного района. Некоторые лесопромышленники подчинились моему предложению и дали подписку прекратить погрузку дров из Симферополя. Лесопромышленник Юдович (Феодосийская, свой дом) заявил, что он „знать не желает ничего о невывозе, когда можно заработать, он хочет заработать“. Симферополю угрожает остаться без дров, так как ежедневно грузятся не менее 10 вагонов. Прошу полного и скорого действия“.

Земельные беспорядки дополнились выступлениями городского и сельского населения на почве продовольственных недостатков и роста цен на продукты первой необходимости. Первыми на этой почве выступили крестьяне деревни Зуи, где в этом году был неурожай. Огромная толпа крестьян разгромила продовольственный склад, поделив запасы. Следующее выступление имело место в Бахчисарае, где также продовольственная база подверглась разгрому. Из Джанкоя союз мелких торговцев телеграфирует: „Собралась толпа женщин, грозит разгром товаров, просим срочно распоряжение, иначе обратимся министру“. Джанкойцам вторит Евпатория, сообщая комиссару: „Евпатория течение трех дней с восемнадцатого сентября местными жителями из рабочего класса производились обыски как торговцев, так частных домах целью обнаружения скрытых предметов первой необходимости точка Население города сильно раздражено эксцессов не было точка“

Отдельные выступления не ограничивались, однако, простым разгромом. Были случаи, когда уговоры не действовали, и нужно было применять угрозу вооруженной силой. Так, например, 21 сентября по мотивам невероятнейшего вздорожания цен, отсутствия на рынке предметов первой необходимости и спекуляции торговцев в Феодосии имели

место обыски торговых помещений и домов буржуазии. Солдаты не только не разгоняли толпу, но, наоборот, принимали участие в обысках. Этим выступлением не замедлили воспользоваться черносотенцы, развивая через казаков расквартированной в Феодосии сотни погромную агитацию. Население, участвовавшее в обысках, и солдаты на сей раз поддались на удочку черносотенцев. Власти, не имея возможности своим влиянием прекратить обыски и испуганные присоединением к толпе солдат, вызвали из Севастополя крейсер. Обыски с прибытием крейсера прекратились, но с тем, однако, чтобы продовольственная управа провела организованно обыски и реквизицию предметов первой необходимости.

Кроме Феодосии, воинская сила была послана в Геническ, по мотивам якобы пополнения стоящего там отряда. Рост цен не мог, понятно, остаться незамеченным и организованными массами. Рабочие предъявили требования об увеличении заработной платы вдвое. Вопросы продовольственного порядка усложнялись значительно и тем, что крестьянство, обманутое в первые дни революции, не желало сдавать излишков продовольственным органам, требуя увеличения цен. Правительство обратилось к населению с категорическим приказом усилить подвоз хлеба и скота, но приказ этот повис в воздухе. Помощь со стороны местных советов, выразившаяся в посылке агитаторов, в опубликовании обращения к населению, ничего реального не дала. Ко всему этому прибавился недостаток денежных знаков. На совещании банков, губпродкома, казенной палаты и губкомиссара 23 сентября по этому вопросу было решено: а) просить разрешения на выпуск местных обязательств, б) настаивать на срочной высылке денежных знаков. Денег не хватало не только на заготовку хлеба, но даже на выдачу пособий женам мобилизованных на войну солдат. На почве задержки выдачи пособия солдаткам имели место инциденты в Феодосии, Евпатории, Керчи. Тревога правящей головки в эти дни колоссальна,— почти каждый день приходили вести о выступлениях в отдельных городах и местечках. Телеграммы губернского комиссара, адресованные в Петроград правительству, полны панической тревоги. Комисар и его помощник заняты, один—почти беспрерывными совещаниями, а другой—поездками в различные города и деревни для восстановления порядка.

Ростом недовольства на почве продовольственной политики временного правительства не замедлили воспользоваться черносотенцы и анархиствующие люмпен-пролетарские элементы. Сделать это было тем более легко, что советы начали утрачивать свое влияние на массы. Обещания,

невыполняемые никем, выступления вместе с буржуазией против ряда вполне законных и своевременных требований масс, поставило советы в такое положение, когда рабочие массы им не доверяли, ставили знак равенства между буржуазными и советскими представителями. О большом доверии буржуазии трудно тоже говорить. Силы, которая сумела бы прекратить все эти недовольства и выступления, не было. Былые властители дум развенчивались, новые же деятельные творческие элементы, способные разрешить основные вопросы революции, способные уничтожить буржуазно-соглашательскую вакханалию и, наконец, способные просыпающиеся силы масс направить организованно в сторону создания новых форм общественной жизни,—такие новые элементы, новая сила была еще слаба, не могла взять руководства твердо в свои руки. Вот в этот период на сцену выступили темные силы, люди, не способные на организованность и творчество, но сумевшие демагогическими выкриками направить толпу на простой разбой, пьянство. Выступления такого рода способны были временно укреплять положение буржуазии, ибо соглашатели эти выступления квалифицировали, как выступления под влиянием большевиков, и тем самым, отпугивая мелкую буржуазию от борьбы за диктатуру пролетариата, толкали ее в объятия „людей порядка“, заседающих в комиссариатах и поддерживаемых соглашательскими советами.

Одно из таких выступлений имело место в Феодосии 12-го октября 1917 г. Вот как описывает помощник губернского комиссара события в Феодосии:

„12-го октября в Феодосии группа солдат 10 роты местного пехотного полка, неизвестно где напившись, приступила к разгрому погребов виноградных вин в местах расположения казарм, вблизи вокзала в стороне от города. К 10 роте присоединились солдаты других рот, и начался пьяный разгул, разгромив два погреба и пять частных квартир смежных дач. Принятыми мерами удалось не допустить буйствовавших солдат к разгрому остальных складов, где виноградное вино милицией было выпущено. Весь привокзальный район был оцеплен казаками, украинскими ротами, учебной командой, чем предотвращен неизбежный погром города. Комитетом по охране в целях предупреждения было уничтожено вино во всех крупных городских складах. На другой день разгул продолжался. Получив эти сведения в Байдарах, я оттуда немедленно поехал в Феодосию, вызвав крейсер из Севастополя и две пехотных роты из Симферополя. Мною было предложено начальнику гарнизона Феодосии произвести обыски в казармах буйствовавших солдат 10 роты, отобрать расхищенное ими вино и арестовать пьяных.

Учебной командой поручение это выполнено, предварительно ротными комитетами солдаты были обезоружены. Остальные роты протрезвились и участие в дальнейшем пьянстве не принимают. В опасном положении лишь один батальон, часть солдат которого пьяна до сего времени. Батальон окружен прибывшими из Симферополя войсками. Крейсер в лице своих представителей заявил, что матросы участия в подавлении беспорядков не примут, так как приехали оказать моральное воздействие на пьяную массу. В городе порядок не нарушался. Население успокоилось".

Кроме этого события, в отдельных уездах участились убийства с целью грабежа. Обыски, сопровождающиеся грабежем денег и ценных вещей, стали массовым явлением. Группы лиц, одетых в солдатскую форму, являлись в имения землевладельцев, помещиков, в дома крупной и средней буржуазии и под видом обыска отбирали ценности. Власти оказывались бессильными. Они не могли противодействовать отдельным шайкам грабителей. Но чтобы удержаться у власти, привлечь на свою сторону мелкую буржуазию города и деревни, распускались самые невероятные слухи о большевиках, якобы руководящих этими налетами.

Однако, запугивание большевиками действовало уже не на всех. Если первые месяцы характеризовались абсолютным и беспредельным влиянием с.-р. в деревне, то ко времени выборов в земские организации крестьянство уже заметно полевело, начало выходить из-под влияния с.-р., воспринимая более левые лозунги, т. е. такие, которые наиболее полно отражали интересы самого крестьянства. На выборах в волостные и уездные земства крестьяне очень многих деревень не выбирают с.-р. Печать, сообщая об этом, возмущалась. „Южные Ведомости", сообщая о выборах в Евпаторийском уезде, пишут: „избранными оказываются не лучшие люди, а демагоги, сулящие золотые горы". Социалисты-революционеры вместе с кадетами из „Южных Ведомостей" удивлены тем, что интеллигенцию при выборах крестьяне зачисляют в разряд буржуазии. В Орта-Мамай, к великому сожалению с.-р. и кадетов „выбран враг света", т. е., другими словами, избран не эсеровски настроенный интеллигент. Удовлетворены выборам и социал-соглашатели в деревне Кадыш, они поют гимны татарам, избравшим „грамотных", и ругаются невероятно по адресу русских, избравших „неграмотных".

На ряду с большим количеством случаев провала с.-р. на выборах были и такие, когда население не желало приступить к выборам потому только, что социалисты-революционеры или националистическая татарская группа не дали еще своего списка предлагаемых кандидатов. Такие

случаи имели место в дер. Коктебель, Большой Таракташ, Сейтлер.

Весьма характерным является то обстоятельство, что деревни с большим безземельем к моменту выборов в земство более решительно уходят от с.-р. Там, где безземелье чувствуется меньше и где, кроме эсеровского влияния, есть большое влияние татарской группы, где, наконец, население кроме сельского хозяйства имеет еще и другое занятие (обслуживание курортов, садоводство, торговля, извозный промысел), там полевение происходит значительно медленнее. Выборы в земства происходили в ряде мест весьма вяло: население не хотело итти на выборы. Так, в Старом Крыму на выборах участвовало всего 18% избирателей, средний процент по всему Феодосийскому уезду составлял 25 по отношению к общему числу избирателей.

Выборы среди татарского населения отличаются значительным процентом в числе избранных богатых татар, „грамотных", как называют их „Южные Ведомости".

Показателем того, как массы постепенно освобождались в процессе развития революции из-под влияния буржуазно-соглашательского блока, могут служить данные о выборах в учредительное собрание. При выборах в городские думы по всему Крыму был избран один большевик, получивший 703 голоса в Севастополе. Совсем иная картина наблюдалась при выборах в учредительное собрание. Симферополь дал большевикам 2998 голосов, что составляло 30% голосов, данных с.-р., и было меньше голосов, данных объединенной социал-демократической группе, на 229. Ялта, которая в думу не дала ни одного голоса большевикам, да и не имела большевистской организации, в учредилку дала 525 голосов, а объединенной социал-демократии только 406 голосов, в Феодосии большевики имели 1937 голосов, объединенная социал-демократическая группа всего 907 голосов, с.-р. 3310. Даже такие пункты, как Судак, Коктебель, Отузы, имели в составе избирателей, голосующих за большевиков.

Перелом в настроениях масс рабочих Крыма относится к концу июня месяца. Рабочих уже начинает мало удовлетворять тактика соглашательского блока. Недовольство вырастало с каждым днем все больше и больше. В конце июня и в июле месяце начинают оформляться большевистские группы социал-демократов. Организационное оформление и всю тяжесть агитационно-пропагандистской работы вынесли товарищи, командированные Ц. К. большевиков для работы в Крыму.

Черноморский флот имел общегосударственное значение, поэтому-то Ц. К. большевиков и сосредоточило внимание на работе во флоте, командировав в Севастополь опытного

старого партийца, талантливого агитатора т. Островскую, кроме нее в Крым был послан тов. Миллер. Эти товарищи вынесли на себе всю тяжесть борьбы с соглашателями, они, собрав небольшие группы до этого не связанных между собой большевиков, направили основное внимание на то, чтобы вырвать из-под влияния буржуазно-соглашательского блока армию, флот и рабочие массы. Первые недели работы ушли на то, чтобы организованно оформить большевистские группы. В Евпатории и в Симферополе эта работа была сделана Миллером. Из Евпаторийской социал-демократической организации выделились и создали группу большевиков вначале семь человек. События развертывались с такой быстротой, что в августе месяце один из евпаторийских меньшевиков на совещании в Симферополе заявил: „Большевики усилили свое влияние", продолжая, он успокаивал себя и участников совещания тем, что „растут они за счет улицы"[1]. Севастополь в июле месяце имел уже 250 человек организованных большевиков, это было немного по сравнению с меньшевиками, организация которых доходила до 4500 человек, но в условиях растущего полевения масс это была уже реальная сила, способная вести работу. Нужно отметить, что в Севастополе большевистская организация возникла раньше, чем в других городах. В мае севастопольцы избрали уже комитет РСДРП большевиков. Была группа большевиков и в Феодосии, в состав ее входили рабочие железной дороги. Симферопольские же большевики отмежевались окончательно от объединенной социал-демократии только к осени. Опорой большевиков в Симферополе были рабочие завода Анатра. Отстала от всех городов Крыма Ялта, там только 19 октября оформилась организация большевиков в составе 35 человек. В комитет было избрано 7 человек. Уездный комиссар, сообщая о собрании большевиков в сводке о происшествиях, отмечает, что большевистское движение вырастает, на ряду же с его ростом происходит раскол в рядах с.-р. Главными мотивами раскола с.-р. на оборонцев, центр, интернационалистов, по мнению уездного комиссара, являются вопросы о войне и структуре власти.

Рост влияния большевиков чувствовался во всех городах Крыма. В Симферополе на фабрике Абрикосова дело дошло до того, что представители совета меньшевики 10 сентября были изгнаны с собрания. В протоколе заседания совета отмечается, что на всех организованных собраниях проходят резолюции совета, а как только созывается массовый митинг, эти резолюции отвергаются и принимаются предложения большевиков. До 1-го октября, однако, большевики

[1] Цитирую по протоколам Крымск. комитета РСДРП меньшевиков.

не имели общекрымского комитета. 12-го октября в Симферополе была созвана конференция (совещание), на которой губернским организатором был избран т. Миллер; кроме выборов, совещание заслушало сообщения с мест и наметило кандидатов в учредительное собрание. Первым кандидатом был выдвинут тов. Сокольников[1]. Несмотря на то, что к этому времени значительно обострился национальный вопрос, татарская буржуазия крепла с каждым днем, тогда как власть буржуазно-соглашательского блока таяла, наконец, не считаясь с тем, что в рядах объединяемой мусульманским исполнительным комитетом интеллигенции назревал раскол, среди нее уже четко намечалось левое крыло, не разделяющее политики махровых националистов,—совещание большевиков национального вопроса не обсудило. Общей линии в национальном вопросе в конкретных условиях Крыма выработано не было. Не обсуждался этот вопрос и на ноябрьском съезде большевиков, работающем в конце ноября и избравшем уже партийный комитет в составе 5 человек. После июльских событий собрания, созываемые с.-р. и меньшевиками, опустели. „Революционный Севастополь" с грустью сообщает: „Везде шум, недовольство, крик, призывы к бунту"[2].

18 августа та же газетка говорит о развитии „легкомыслия, легковерия", выражающегося в том, что матросы обвиняют социалистов-революционеров в поддержке смертной казни. Уход от с.-р. являлся, по их мнению, легкомыслием, неверие в красивые жесты, фразеологию соглашателей возмущало их, но они, однако, пытались удержать массы, показать, что они вместе с матросами и рабочими. Чтобы окончательно не вскрывать своего предательства перед массами, с.-р. вышли на грандиознейшую демонстрацию, организованную большевиками 27 октября в Севастополе. В статье на другой день с.-р. заявляют, что целей демонстрации никто не знал, массы были обманом втянуты в нее, но тут же в другой статье сознаются, что сами пошли на демонстрацию под напором масс, выдвинувших далеко не эсеровские лозунги.

Еще в августе толпа солдат и матросов, окружив комитет с.-р., требовала ответа на вопрос, почему комитет идет вместе с буржуазией. Члены комитета не рискнули выступить перед собравшимися. Соглашателям после июльских событий в Петрограде удалось уговорить севастопольских печатников не печатать статьи и брошюры левого направления. В ответ на такое решение печатников матросы линкора „Свободная Россия", рабочие артмастерских, миноносец

---

[1] Сокольников член ЦК большевиков, был народным комиссаром финансов; с 26 года работает в Госплане.

[2] „Революционный Севастополь" орг. с.-р., 1/X—17 г.

„Феодонисий“ потребовали от союза печатников отмены своего постановления.

Выступление Корнилова было встречено взрывом негодования в массах. Меньшевики, с.-р., народные социалисты, татарский исполком организовали комитеты спасения родины и революции. Какой-нибудь реальной силы эти комитеты не имели. Показательный случай произошел в Симферополе, где комитет спасения решил произвести реквизицию помещения Коммерческого клуба, помощник губернского комиссара отменил это решение, а на вопрос о причинах отмены заявил, что он не обязан давать объяснений общественному комитету спасения.

Симферопольский совет поручил одному из своих вождей сделать доклад о „Корнилиаде“, при чем предупредил докладчика о том, что доклад должен быть представлен „в нейтральной плоскости“. Даже в это время, когда массы переходят влево, толкая соглашателей на решительность, эти последние не могут отказаться от своих позиций, они продолжают последовательно вести предательскую линию, стараясь отвлечь внимание масс от назревающих событий. Высказавшись после корниловского выступления, перед Октябрем в Питере, за социалистическое правительство, они стараются отыскать буржуазию, не запятнанную Корниловским выступлением, ищут ее для того, чтобы пойти на соглашение, „собственно не соглашение, а договор временного перемирия, ради спасения революции—договор по основным вопросам“[1]. Все силы направлены к тому, чтобы не допустить перехода власти к советам, но делается все это при громкой фразе о значении советов, их революционности, „эта организация нас больше всего подвигает к идеалам народного управления... Советы—это руки истинной демократии, которыми она вырвет правду жизни из цепей буржуазного права“[2].

Кажется, что вот сейчас скажут—берите власть, гоните буржуазию, но, увы, оказывается, что „масса русского народа дезорганизована, не устроена, и раз работа советов большая, то... преждевременно передавать всю власть в советы“[3]. Где тут простая логика, как могли соглашатели увязать концы с концами—неизвестно. Но известно всем, что уже в момент победы Октября в Питере и Москве с.-р. в Севастополе в городской думе 27 октября заявили, что Севастополь исключительно важен для страны и побережья, а потому нужно: а) устраниться от гражданской

---

[1] „Революционный Севастополь“, 5 октября 1917 г.
[2] То же 6 октября.
[3] Там же.

войны и сохранить флот и безопасность побережья, б) высказаться против захвата власти меньшинством, за власть съезда советов, который передаст ее учредительному собранию. Симферопольский совет недалеко ушел от своих собратьев по соглашательству. 27-го октября в заседании исполнительного комитета совета меньшевики и с.-р. пришли к выводу: „Захват власти в настоящий момент, когда в стране царит анархия, когда продовольственный и транспортный кризис являются существующим фактом, является безумной преступной авантюрой перед созывом учредительного собрания. От поддержки временному правительству воздержаться“[1]. Одновременно было решено создать губернский штаб для поддержки порядка и недопущения никаких сепаратных выступлений ни справа, ни слева.

Работы исполнительного комитета и совета в Симферополе, дезорганизованные еще до октябрьского переворота в Петрограде, после этого совершенно не клеились, заседания исполкома не собирали нужного кворума. Рабочие организации, разуверившиеся в меньшевиках и с.-р., производили явочным порядком перевыборы своих представителей в совет и бывших ранее их депутатами меньшевиков—уже не выбирали. Царила ужасная растерянность. Сведения с мест говорили о том, что почва уходит из-под ног окончательно.

В отдельных местах советы приступили к отобранию помещичьей земли. Ялтинский совет, например, предложил управляющему имением „Партенит“ сдать земли комитету, который будет ими распоряжаться без ведома землевладельца. Старо-крымский комитет обложил земли генерала Хорвата налогом. Больше всего беспокоило буржуазию и соглашателей настроение в Севастополе. Действительно, буржуазии было за что бояться. Матросы, в первый же день по получении известий о перевороте в Петрограде, сняли с кораблей старые флаги, заменив их красными. Севастопольский комитет большевиков организовал на судах митинги, на которых единогласно выносились решения о передачи власти советам. Руководство флотом перешло к большевикам. Напуганные требованиями флота, севастопольские советчики вынесли решение о взятии власти советом. Решение это явилось маневром меньшевиков и с.-р., они понимали, что совет является единственной организацией, способной повести за собой массы. Отказаться в таких условиях взять власть—это значит окончательно потерять всякое влияние на массы, отрезать все пути. Маневр этот впоследствии наделал много хлопот большевикам. Дело в том, что совет был недавно переизбран, и меньшевики,

[1] Протоколы Симферопольского совета.

согласившись взять власть в руки совдепа и центрофлота, всячески старались саботировать распоряжения центра и не допускать перевыборов совдепа и центрофлота.

Единственный путь, который мог бы привести к изгнанию меньшевиков и эсеров из совета,—это вооруженный разгон совета, но пойти на это сразу без подготовки было рискованно, поэтому большевистский комитет, продолжая работу в совете, повел кампанию за собрание под своим руководством вооруженных отрядов. Мотивом организации отрядов было то, что на Дону к этому времени выступил Каледин. Комитету удалось послать на Дон флотилию в составе миноносца и тральщиков, а вслед за ней организовать отряд в $2^1/_2$ тысячи человек с двумя батареями и командировать этот отряд на север против Корниловцев и Калединцев.

Октябрьские события в других городах не вызвали выступлений, буржуазно-соглашательскому блоку удавалось удержать массы. Так, в Феодосии после получения известий об октябрьском перевороте были слабые попытки к устройству демонстраций, но выйти на улицы так и не удалось. Уездный комиссар 3 ноября, сообщая о том, что „общественное спокойствие не нарушалось“, добавляет: „все же население в тревоге, опасаясь выступления некоторых частей гарнизона по характеру хотя и мирных, но результат коих мог получиться другой“. Чтобы обеспечить себя от выступлений солдат, были приняты меры к выводу солдат на фронт; комиссар, в цитируемом выше донесении, считает вывод частей вполне своевременным[1].

Керчь в эти дни не внесла ничего революционного, там царствовали соглашатели, которые не хотели пропускать посланную Севастополем на Дон флотилию. Пропустили только после того, как матросы флотилии связались с солдатами крепости, и эти последние потребовали пропустить.

Обращает на себя особое внимание позиция Евпаторийской организации большевиков. Получив известия о перевороте в Петрограде, группа большевиков в заседании комитета 28 октября решила, что переворот и захват власти являются несвоевременным и должен привести неизбежно к тому, что пролетариат окажется изолированным. Была разработана резолюция, в которой основным являлось отрицательное отношение к происшедшему перевороту[2]. Такую позицию евпаторийцев можно объяснить тем, что организация, вернее ее комитет, состояла из лиц, за несколько месяцев до этого отошедших от меньшевиков. Старая мертвая

[1] Дело губернского комиссара, Крымцентрархив.

[2] Воспоминания Турецкого. Материалы Истпарта и статья Елагина, № 1 сборника „Революция в Крыму“.

меньшевистская тактика тянула живых. В организации в связи с принятием комитетом такой резолюции началось брожение. Наиболее революционная часть организации не соглашалась с резолюцией и возмущалась фактом ее опубликования. В тот момент, когда в организации назревал раскол, явился в Евпаторию тов. Миллер. На собрании большевиков он вскрыл ложность и ошибочность занятой позиции, предложив решительно встать на стороне победившего в октябре рабочего класса, и здесь в Евпатории не оставаться на межумочной шаткой позиции, а начать работу по взятии власти в свои руки, развенчанию буржуазно-соглашательского блока. Предложение Миллера было принято: комитет молчаливо признал свою ошибку, несколько человек все же ушло из организации.

На ноябрьском съезде большевиков вопрос о захвате власти не подвергался обсуждению, несмотря на то, что грозные тучи наступления на большевиков со стороны татарской буржуазии уже нависли. Съезд указал организациям на возможность создания вооруженных отрядов, считая это подготовительной работой к захвату власти советами. Разрабатывать план захвата власти участники съезда считали несвоевременным. Эта огромнейшая ошибка, допущенная съездом, сказалась на дальнейшей работе большевиков, она оставила значительный след на всей истории дальнейшей борьбы за советскую власть в Крыму. Ноябрьский съезд, кроме вопроса об отрядах, выборах комитета, обсудил вопрос о печати. В этом последнем вопросе молодость организации, неизжитые еще меньшевистские иллюзии сказались вновь в выступлении ряда товарищей, доказывающих необходимость свободы печати. После июльского разгрома „Правды", после всех мер, принятых временным правительством для того, чтобы задушить не только газеты, но всякую вообще литературу большевиков, когда, наконец, живое слово большевика, после июля, загонялось в подполье, казалось, должно быть ясно каждому, что о свободе печати не может быть и речи, однако, вопрос этот вызвал большие прения, после которых линия ЦК в вопросе о печати была все же признана правильной. Не обсуждал съезд, как указано выше, и национального вопроса, а обсудить было что. Отсутствие решений по двум важнейшим для Крыма вопросам—национальному и плану захвата власти—создало такое положение, при котором местные, еще молодые, без достаточного опыта, организации и, кроме того, организации, имеющие в своей среде весьма незначительное число местных товарищей, вполне знакомых с условиями и пестротой хозяйственной жизни края, не могли ориентироваться быстро, не могли, например, привлечь на свою сторону близкие

к партии слои татарского населения. Здесь следует еще отметить и то, что татарский сектор в организации совершенно отсутствовал, и связи не только с татарской деревней, но и деревней вообще не было. Вопросы об усилении влияния партии в деревне не подвергались обсуждению. Не было точных и ясных указаний местным организациям и по не менее важному вопросу—об изгнании меньшевиков из профессиональных союзов.

Деревня находилась под организационным влиянием социал-революционеров. Они заполняли земства, влияли на губернского комиссара, их представители были в продовольственной управе, кооперативах и других организациях, связанных с деревней. Так, например, губернский совет крестьянских депутатов и земельный комитет после событий в Петрограде выпустили очень демагогическое воззвание к крестьянам. В воззвании этом с.-р. писали:

„Вам уже известно, что в Петрограде свершилось великое предательство и преступление: накануне созыва Учредительного Собрания большевики арестовали Законную Революционную власть, вызвали братоубийственную бойню во многих русских городах и привели нашу родину на край гибели. Мало этого. За подписью известного вожака большевиков Ульянова-Ленина в настоящее время распространяется по городам и деревням гибельный призыв к немедленному, не дожидаясь Учредительного Собрания, захвату частновладельческих земель. В настоящую трудную минуту Губернский Совет Крестьянских Депутатов Таврической губернии и Таврический Губернский Земельный комитет всенародно заявляют и предостерегают, что если крестьяне последуют совету Ленина—погибнет надежда народа русского на землю и волю. Если дележ земли пойдет помимо Учредительного Собрания без прочного и ясного закона, то начнется повсюду великая разруха, несогласие и всеобщая гражданская война. Деревня пойдет на деревню войною, губерния на губернию, село на село. В этой кровавой междоусобице первой жертвой будет Учредительное Собрание, которое неминуемо будет сорвано. Среди всеобщей анархии и резни начнутся захваты власти самозванцами и проходимцами, и в конце концов воцарится старый режим, который первым делом скрутит в бараний рог трудовой народ, крестьян и рабочих. И не видеть тогда гражданам земли русской ни Учредительного Собрания, ни земли, ни воли. Товарищи крестьяне. Не поддавайтесь провокации большевиков. Крепко стойте за Учредительное Собрание, боритесь с захватчиками законно-революционной власти. Главный Земельный Комитет в Петрограде уже объявил незаконным распоряжение Ленина и призывает не приводить его

в исполнение. Мы защитники интересов трудового крестьянства, избранные самим народом, стоя на страже его блага, призываем население Таврической губернии к охране власти Учредительного Собрания, которое разрешит земельный вопрос, согласно воле трудового крестьянства. Не поддавайтесь призывам большевиков, помните 1905 год, когда в погромах, пожарах и захватах погибла и свобода наша и надежда получить землю".

Воззвание это не имело больших результатов, и после него уже крестьянами было, напр., взято имение Княжевича[1]. Однако, оно так или иначе способно было расстроить ряды, дезорганизовать крестьянскую массу. Если деревня была под организационным влиянием с.-р., то в профсоюзах господствовали нераздельно меньшевики, рабочие большевики вели работу в низовых ячейках профсоюзов, руководящая же головка была целиком в руках меньшевиков. При таком положении не будет являться неожиданным то, что после октябрьского переворота в Петрограде и почти по всей России Крым продолжал оставаться вотчиной буржуазно-соглашательского блока. Массы, сочувствующие большевикам, разуверились в с.-р. и меньшевиках, но они еще находились в тенетах организационного влияния этих партий и без руководства не могли, понятно, выступить на борьбу за передачу власти советам. Это положение дало возможность губернскому комиссару уже 24 ноября послать в Петроград в адрес министра внутренних дел телеграмму: „Губернии порядок не нарушался. Законные власти на местах. Выборы Учредительное Собрание состоялись". Созванный 1 ноября съезд профессиональных союзов Крыма заслушал доклад одного из видных местных меньшевиков о текущем моменте, при чем, как сообщает корреспондент газеты „Крымский Вестник", „это был самый интересный момент... В яркой речи оратор отметил этапы русской революции с первых весенних розовых дней ее до настоящих событий"[2]. В результате обсуждения „яркой речи" съезд принял резолюцию, которая является не менее речи ярким доказательством предательства, соглашательства и продажности меньшевиков, вот она: „Первый Таврический Губернский съезд профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов в настоящий грозный для революции и демократии час братоубийства и междоусобия признает единственным выходом из тяжелого политического положения России и единственным условием спасения народа и революции от гибели и разложения—создание нового Временного Прави-

[1] Княжевич—крупный помещик, незадолго до революции был губернатором Таврической губернии, предводитель дворянства.

[2] Газета „Крымский Вестник", 5 ноября, № 259/9244.

тельства, не правительства буржуазии и правительства большевиков, а правительства всей революционной демократии, основанного на соглашении всех социалистических партий. Старое правительство, созданное на основе коалиции представителей революционной демократии и имущих классов, ясно обнаружило свою неспособность разрешить основные задачи русской революции,—ускорить окончание войны и вывести страну из катастрофического хозяйственного состояния, своей политикой толкнуло массы в пучину анархии и гражданской войны и не удовлетворило минимальных требований народных масс. Правительство большевиков, созданное путем братоубийства и гражданской войны перед самыми выборами в Учредительное Собрание, также неспособно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии, является правительством одной политической партии и может держаться только террором и насилием. Власть должна немедленно перейти к однородному демократическому правительству, основанному на соглашении всех социалистических партий; гражданская война и кровопролитие должны быть немедленно прекращены, проклятая вражда внутри демократии должна быть окончена. Новое временное правительство должно начать мирные переговоры и добиваться немедленного перемирия на всех фронтах, должно немедленно передать все частновладельческие земли в распоряжение земельных комитетов, должно обеспечить народу созыв Учредительного Собрания на 28 ноября. Лозунгами революционной демократии в настоящий момент должны быть: полное объединение всей революционной демократии, немедленное прекращение братоубийственного междоусобия. Все на Учредительное Собрание"[1].

При обсуждении вопросов хозяйственного положения и задач профсоюзов, второй уже вождь профсоюзный меньшевик упорно доказывал съезду, что к стачке, хотя она и является лучшей формой борьбы рабочих, нужно прибегать в крайнем случае, „чаще всего нужно прибегать к примирительным камерам". Продолжая доклад, он говорил: „В то время, когда грянет безработица, когда предстоит демобилизация нашей промышленности, не должно быть непродуманных выступлений и забастовок. Они могут оказаться гибельными для самих рабочих". Оратор предлагает „обратить внимание на обратный прием уволенных рабочих. Для правильной работы профессиональные союзы должны обладать крупными средствами, а в особенности губернские

[1] Газета „Крымский Вестник", 5 ноября, № 259/9244.

и областные советы. Пока в распоряжении этих советов не будет таких средств, исход борьбы рабочих за свое экономическое улучшение всегда будет под страхом сомнений". И на этом съезде удалось меньшевикам удержать влияние в своих руках, вернее, удалось с помощью собратий меньшевиков, приехавших в качестве делегатов из уезда, оставить в своих руках организационные центры профессионального движения в Крыму, направляя это движение в сторону поддержки буржуазии.

Несмотря на ряд ошибок, допущенных большевиками, и несмотря на то, что аппарат руководства включительно до советов находился в руках буржуазно-социалистического (соглашательского) блока, не считаясь с тем, что сила татарской буржуазии выросла и она способна была вступить в решительный бой, Октябрь в Крыму приближался, недалек был момент схватки между организованными большевиками отрядами, на стороне которых были симпатии масс, и организованными силами контр-революции.

Октябрь пробивал дорогу в Крым, он уже стучался в двери. Приближался с каждым днем конец владычеству буржуазии, крах ее надежд на устройство России по типу западных капиталистических стран, где буржуа под красивыми фразами о свободе творит свое безобразнейшее дело эксплоатации трудящихся.

Массы рабочих и беднейшего крестьянства поняли в течение нескольких месяцев смысл буржуазной политики и отшатнулись от нее и ее прислужников.

Национально-татарское движение перед Октябрем

Прежде чем перейти к описанию октябрьских событий в Крыму, коснемся, хотя бы кратко, вопроса о татарском движении перед Октябрем.

Напуганные массовым выступлением татарского населения, требующего освобождения арестованного муфтия, губернские власти в телеграмме 31 июля № 4168 настойчиво просили военного министра ускорить отправку мусульманского батальона на фронт и задержать перевод в Крым эскадронов Крымского конного полка. Невыполнение этого требования, по заявлению губернского комиссара, „грозит неисчислимыми бедствиями". В это время произошел любопытный случай. Симферопольский совет в одном из заседаний обсуждал вопрос о возвращении из деревень татар, которые по полученным сведениям ушли из батальона. Предлагались разнообразные методы ловли „дезертиров", но как были удивлены деятели совета, когда им было доложено, что солдаты не только вернулись сами, но еще за собой привели несколько десятков уволенных раньше из армии. Солдаты не дезертирствовали, а уходили в деревни на праздник.

Все дело с арестом кончилось тем, что в ноябре судебный следователь, которому было поручено ведение дела об „измене„ муфтия, представил материалы дознания к прекращению „за отсутствием состава преступления“ [1]. Неудавшуюся в июле попытку разбить татарское движение, не дать ему окрепнуть, в ноябре оставалось только стыдливо прекращать, ибо это было уже то время, когда единственной силой в Крыму, кроме большевиков, были татары. В июле и августе военное министерство вняло мольбам губернского комиссара. Эскадроны конного полка были задержаны в запасном полку в Новогеоргиевске, часть батальона ушла на фронт и там начальником дивизии, по мотивам отсутствия в батальоне офицерского состава, была расформирована в отдельные полки. В целях охраны от „неисчислимых бедствий“ командующему Одесским военным округом было дано военным министерством приказание выслать в Симферополь сотню казаков [2].

В сентябре в Симферополь приехал начальник Одесского военного округа для того, чтобы выяснить на месте возможность перевода татарских частей в Симферополь. Национальное движение к этому времени разрасталось и требования о переводе военных частей становились с каждым днем все настойчивее и категоричнее, местные общественные организации с своей стороны не допускали мысли о том, чтобы татарский исполнительный комитет усилил свое влияние, опираясь на вооруженную силу пехотных и кавалерийских полков. Буржуазно-соглашательский блок был обеспокоен растущим недовольством против него в городе и деревне, почва под его ногами колебалась, усиление татар в это время представляло для него действительную угрозу. Но в то же время местные власти недостаточно учитывали к этому времени вторую угрозу, идущую со стороны быстро революционизирующегося флота и местных гарнизонов.

Татарский исполком заявлял о том, что мусульманские части будут являться единственной силой, которая будет способна бороться со всякими проявлениями анархии.

Заявление татар не убедило, однако, ни совет, ни другие общественные организации, но оно явилось весьма убедительным для верхов власти, которые не могли пойти на углубление конфликта с татарами в этот момент. Татары в своем стремлении к автономии были уже не одни. На состоявшемся 5—6 сентября съезде народов, стоящих на принципе федерализма, татары получили заверения Украины в том, что украинцы не претендуют на Крым, а, наоборот, будут содействовать его самостоятельности, ибо в Крыму

[1] Дело № 56, Крымцентрархив.
[2] Дело прокур. Симф. окр. суда № 56.

есть „жизнеспособные силы“. Украинцы поздравляли татар, заявляя: „можете управлять Крымом, как вам заблагорассудится“: Такая политика Украины объяснялась, конечно, не искренним желанием окончательно отказаться от всяких притязаний на Крым. Наоборот, украинская буржуазия в период борьбы за свою самостоятельность желала укрепить свои силы, противопоставляя русской буржуазии не только себя, но и буржуазию других, ранее угнетенных национальностей. Проглотить Крым украинский буржуа сумел бы после, сейчас ему было важно, спекулируя на свободе самоопределения, увеличить силы, противодействующие временному правительству.

Временному правительству пришлось считаться с таким положением, т. к. итти на конфликт, значит ослаблять свои силы, пойти на добрососедские, приветливые отношения с татарами—это значило получить некоторую реальную силу в борьбе с наступающим большевизмом, который, как видно выше, и в Крыму завоевал симпатии масс.

Татарский батальон, в результате приезда начальника штаба округа, был приведен в боевой вид, к нему прикомандировали офицеров „не мусульман, знакомых с бытом татар“. Улучшено было снабжение батальона обмундированием.

В заключительном слове на совещании организаций, как сообщает „Голос Татар“, начальник штаба „дал понять, что... маршевые эскадроны полка вероятно будут переведены скорей всего в Бахчисарай, который более благоприятно отнесся к этому вопросу, нежели Симферополь“ [1].

Татарская буржуазия получила, наконец, то, чего она с таким трудом с первых дней после февраля добивалась. События помогли мусульманам укрепиться в момент развала власти и силы буржуазно-соглашательского блока. Обещания бороться с „анархией“ татарская буржуазия выполнила вскоре после октября, пока же она, собирая силы, занялась окончательным уничтожением влияния реакционных мулл, т.-е. той части фанатиков, которая являлась выразителем и защитником остатков ханского феодализма, которая считала святотатством, поруганием ислама мероприятия, направленные к очистке путей для буржуазно-капиталистического развития. Мероприятия эти сводились к тому, чтобы уничтожить отжившие медресе, мектебе (низшие и средние мусульманские школы), декларировать свободу женщин и проч. Религиозный характер обучения, отсутствие в программах знаний, необходимых каждому живущему в современных условиях Крымского хозяйства, увлечение арабизмом, непонятным и далеким современной молодежи,

[1] „Голос Татар“, № 9, 23 сентября 1917 г., стр. 3.

все подверглось изменению. Вместо религиозной школы, создавали светскую. Женщина признавалась равноправной и допускалась к участию в общественной жизни.

Реакционные муллы, выступавшие в союзе с русской буржуазией в деле ареста муфтия, потерпев неудачу, не успокоились, однако, и продолжали свою деятельность, привлекая к себе темные, отсталые силы татар. В первых числах сентября муллы явились к муфтию-председателю исполкома с требованием допустить организацию союза мусульманских ученых (улем) и разрешить им устройство публичного собрания для разрешения „жгучих вопросов татарско-общественной духовной жизни“ [1]. Муллы предполагали воздействовать на религиозно-настроенные массы татарского населения воскрешением былой торжественности религиозного богослужения; они вместе подробно разработали план своего собрания, которому должен предшествовать выход муфтия в белоснежных одеждах, окруженного духовенством. Перед собранием и выходом муфтия должна была состояться служба в мечети ханского дворца. Все было рассчитано на то, чтобы показать народу незыблемость законов корана и обычаев предков. Но планы эти не удались. Муфтий пренебрежительно отверг приглашение участвовать в религиозном служении в мечети и в торжественном выходе, кроме того, он категорически запретил организацию союза, в задачу которого входило „устроение совершенно расшатанной татарской жизни, укрепление незыблемости основ ислама, ослабленного разными влияниями и течениями“[2]. Муфтий заявил пришедшим к нему муллам, что, по его глубокому убеждению, ученых среди объединяемой ими группы нет, что профанации ученой организации он не допустит. Этот прием был довольно сильным ударом, кроме того, он являлся открытым разрывом с схоластикой, признанием того, что обычаи феодальной эпохи, сохранившиеся до сего времени, должны быть уничтожены, являясь также разрывом с мурзаками (помещиками), претендовавшими на известную долю в руководстве массами татарского населения.

Потерпев неудачу, успокоиться и бросить всякие попытки реакционеры, конечно, не могли. Они попытались снова привлечь на свою сторону массы населения и всех мулл. Было распространено воззвание, призывающее к поддержке организующегося союза ученых, а 24 сентября было созвано собрание мулл в Бахчисарае. Собрание привлекло весьма незначительное число мулл и еще меньше представителей населения. Исполнительный комитет, желая

[1] Газета „Голос Татар“, статья А. Б., № 10.
[2] Тоже.

добить реакционеров, провел большую работу в татарских военных частях и среди общественных татарских организаций, результатом чего явилось категорическое ультимативное требование к собравшимся муллам со стороны этих организаций „немедленно разъехаться, не приступая к работам“ [1]. Собрание не состоялось. Реакционеры разъехались и временно открытую деятельность прекратили.

Татарский исполнительный комитет, являющийся выразителем чаяний буржуазно-националистических групп населения, не мог, конечно, обходить молчанием жгучих вопросов мелкой буржуазии, тем более, что основная масса крестьянского населения при товарном хозяйстве была не чем иным, как ярко выраженной мелкой буржуазией, со всеми качествами, присущими этому слою. Задача заключалась в том, чтобы совместить в своих программных выступлениях и практической работе интересы этих групп. Недостаточно решительный курс на удовлетворение запросов мелкобуржуазного крестьянства привел к выделению внутри руководящей организации левой группы. Левые в своих программных положениях представляли такую группу, которая сочетала с.-р. лозунги с националистическими стремлениями татар. В рядах левых были представители мелкой городской буржуазии и сельской интеллигенции. Расхождение по отдельным частным вопросам в этот период не доходило, однако, до раскола. Общим для обеих групп была борьба с кадетами, сидящими у власти, и с большевиками. Массы татарского населения, своими выступлениями, направленными на захват земельных, лесных участков, требованиями кончить войну, разрушающую хозяйство, толкали исполнительный комитет влево, но, с другой стороны, эти же массы не могли воспринять целиком лозунгов большевиков. Все эти противоречия нашли весьма яркое выражение в работах 2-го Крымско-татарского делегатского съезда, заседавшего 1—2 октября в Симферополе, и в решениях татарского совещания после октябрьской революции в Петрограде.

Делегатский съезд заслушал доклад о деятельности исполнительного комитета, при обсуждении которого было решено созвать в ноябре курултай (сейм). Перед курултаем была поставлена задача: решить вопрос о территориальной автономии Крыма и принять основные законы. Для подготовки к созыву курултая была создана комиссия. Кроме этого вопроса, съезд в течение целого дня занимался выборами кандидатов в Учредительное Собрание. При обсуждении вопроса возникли противоречия. При общем единодушии в решении вопроса о том, что депутаты в Учредительном Собрании должны отстаивать „эмблему татаризма—

[1] Газета „Голос Татар“.

голубое знамя Чингиза"[1], что Учредительное Собрание для татар „хаят ве мемат меселеси"[2] (вопрос жизни и смерти). Ораторы, выступавшие на съезде, различно подходили к вопросу о том, кто же должен быть депутатом. По мнению одного, это должен быть „татарин социалист-революционер", так как лишь такие закаленные люди могут быть истинными защитниками народных интересов[3]. Другой считает, что нужно дать „цвет нашей многострадальной нации", которые могут „быть ее надеждой и оплотом"[4], третий предъявляет требования культурности и знания русского языка и. наконец, четвертый высказывается за депутатов, которые должны быть „крымцами-патриотами"[5]. Избранный депутатом Джефар Сейдамет кончил свое выступление заявлением: „ваши слова дают мне опору и вселяют в меня веру в существование у моего народа национального самосознания и сильной воли, способной осуществить наши идеалы"[6]. Съезд высказался за то, чтобы депутатом в учредительное собрание был член татарской партии. Этим решением было собственно, сказано все. Татарская партия в своей программе объединяет требования самого противоречивого характера, она старается, затушевывая классовый характер общества, объединить различные социальные группы. Под националистическим знаменем этой партии стремятся объединить „коня и трепетную лань". Программа партии, проникнутая национализмом, представляет из себя невероятную смесь. Так, в одном из первых десяти пунктов декларируется свобода религиозных верований, а через пару страниц значится, что национальное управление из средств вакуфов должно улучшать материальное положение религиозных служителей. Кроме того, создается директорат по религиозным делам, который на ряду с другими вопросами обязан заботиться о повышении квалификации религиозных служителей, улучшении арабских сочинений и... перл свободы религии... стремиться к тому, чтобы во всех национальных школах действительно преподавалось религиозное учение. На ряду с требованиями развития национальной культуры, учета бытовых особенностей вменяется в обязанность печатание книг на чисто турецком языке, т. е. таком, который массам понятен немного более арабского. В одном из пунктов содержится конфискация без выкупа ханских и захваченных земель, а через пункт после него

[1] „Голос Татар", № 11—11 октября 1917 г.
[2] Тоже.
[3] Тоже.
[4] Тоже.
[5] Тоже.
[6] Тоже.

новое положение об оставлении не тронутыми земель не мелких хозяев, при чем вакуфные земли остаются в распоряжении национальной власти и крестьянам сдаются в аренду. На ряду с независимостью суда признаются суды религиозные, которым предоставляются большие права. В части экономических требований партия эта ограничивается требованием своей крымской денежной системы, введения подоходного налога и, как того и нужно было ожидать от мелкой буржуазии, требованием уменьшения таможенных пошлин.

Вот представителям такой партии, мечтающей одновременно об объединении с турецким народом, т. е. турецкой буржуазией, объединении, которое даст возможность создать буржуазное государство, избавит от конкуренции и господствующего положения на рынке со стороны русской буржуазии, одним словом, буржуазным националистам поручил съезд защиту интересов татарского народа.

На съезде председатель мусульманского исполнительного комитета с гордостью заявлял о достижениях, давших исполкому реальную силу. Военные татарские части позволяли ему выступать достаточно смело, тем более, что те, „кто возражал против возвращения Крымского полка в Крым, в настоящее время приветствуют и даже просят об этом“[1]. Момент, когда татары возьмут власть в свои руки и заставят буржуа и соглашателей заключать союз с ними, был недалек. Он наступил после получения известий об Октябре. Растерянность и беспочвенность комиссара, советов и городских самоуправлений была по душе татарской буржуазии, но ей, с другой стороны, не улыбалась перспектива остаться одинокой в борьбе с большевизмом. Чтобы обеспечить себя союзниками в борьбе, которую они предвидели и в Крыму, мусульманский исполком прежде всего связался со своими старыми друзьями украинцами, а затем уже с другими группами, не допуская в этот период мысли о каком бы то ни было блоке с кадетами. Исполком, предполагая, что борьба будет неизбежна, знал, однако, и о том, что местные большевики прямо сейчас же вопроса о захвате власти не ставят, поэтому, чтобы не форсировать событий и иметь время на подготовку большего числа сил, в конфликт с большевиками в Крыму не вступал, и даже в своей резолюции осудил петроградских большевиков, крымских же намерен был привлечь на свою сторону в борьбе с кадетами. Исполком понимал, что большевики последовательные враги кадетов, что они не пойдут на блок с буржуазией, а отсюда они, с точки зрения татарской буржуазии, с ее стремлениями

[1] „Голос Татар“ № 11.

оказывались более, чем меньшевики и с.-р., надежными. Расчеты, однако, не оправдались. Большевики выдвинули требования: а) о закрытии не социалистических газет, б) о немедленной реквизиции всех средств передвижения для использования их в целях агитации в уездах, в) о немедленном захвате почты, телеграфа, жел.-дор. станций и проч. Требования эти оказались „с некоторых точек зрения“ неприемлемыми, такими, которых мусульманский исполком не мог внести в программу.

После такого заявления представителей исполкома большевики покинули совещание, не желая участвовать в работах созданного татарами революционного штаба.

Совет рабочих и с. д. занял иную позицию. Он через своего представителя меньшевика заявил о желательности слияния губернского комитета спасения родины и революции с крымским революционным штабом, т. к. никаких расхождений во взглядах этих организаций на характер борьбы с „анархией и беспорядками“ нет. Заявление было принято к сведению, ибо президиум считал себя да и все совещание не правомочным вносить изменения в решения чрезвычайного пленарного заседания мусульманского исполнительного комитета.

Пленарное заседание мусисполкома происходило несколько раньше совещания с большевиками и „революционными“ организациями. Исполком на этом заседании принял пространную резолюцию, в которой дал следующую характеристику состояния страны:

„1. Страна во всех областях своей жизни доведена до крайних степеней расстройства. Прогрессивно растущее в массах населения и войск недовольство и возбуждение, вызываемые неопределенностью в вопросе об окончании войны, неимоверно увеличивающейся дороговизной и отсутствием предметов широкого потребления и продовольствия, местами уже доведшим население до голодовки, создали крайне напряженное и озлобленное настроение в массах.

Такое настроение, представляя благоприятную почву для всякого рода волнений и массовых выступлений, угрожает серьезными осложнениями, которые могут окончательно расстроить жизнь страны, сорвать, в лучшем случае, затормозить созыв учредительного собрания и в результате даже погубить революцию и завоеванные народом свободы.

2. При таком положении страны разыгравшиеся в Петрограде кровавые события, парализовав силу существующей власти, открывают путь для анархии и гражданской войны, размер и гибельные последствия которой теперь трудно предвидеть. Искры Петроградского пожара летят по всей стране и кое-где они уже попали на горючий материал. Нужно отвлечь надвигающееся на государство бедствие, необходимо пресечь и предупредить распространение пожара. И возможно этого достигнуть только общими усилиями и солидарными действиями общественных, политических и национальных организаций, скорыми активными мерами, направленными к успокоению населения и поддержанию порядка. Но, увы, этой солидарности, к сожалению, нет. Печальная действительность показывает, что вместо сплочения сил происходит распыление их“.

Дальше резолюция, отмечая контр-революционность кадетов и то, что даже социалистические партии (меньшевики и с.-р.), находившие раньше возможным совместную работу с кадетами, теперь заявили о „невозможности солидарной революционной работы“[1] с ними, переходит к вопросу о роли кадетов в Крыму, где „вплелись в демократию кадеты и стараются не выпускать из своих рук руководительство местной политической и общественной жизнью“[2]. Резолюция заканчивается указанием на неспособность кадетов справиться с надвинувшимися событиями и считает, что обстановка диктует принятие следующих мер:

„1. Создание исключительно из представителей революционно-демократических и социалистических организаций органа для поддержания порядка в крае и защиты революции от посягательства на нее.

В эту организацию кадеты, как элемент антиреволюционный, не должны входить.

2. Неотложное принятие общими силами революционных организаций диктуемых моментом мер.

Пока эти мероприятия успеют быть осуществлены общими силами, чрезвычайное собрание, идя навстречу желанию мусульманского населения, опасающегося возникновения беспорядков, и принимая во внимание царящее вокруг возбужденное настроение, способное вылиться в волнения и беспорядки, а также отсутствие серьезных предупреждающих мероприятий—постановило:

„1. Немедленно принять своими силами и имеющимися в распоряжении мусульманских организаций стредствами меры к предупреждению, недопущению беспорядков и охране жизни и имущества населения без различия веры и национальностей.

2. Для осуществления этих мер создать особый револ. орган из представителей находящихся в Симферополе мусульманских, трех гражданских и двух военных организаций; орган этот может действовать до 15 ноября, пока успеют благоприятно пройти выборы в учредительное собрание.

3. Орган этот может пополняться представителями революционных и национально-социалистических организаций, если они согласны итти в контакте с ним, не задерживая осуществления намеченных органом мероприятий.

4. Эти мероприятия касаются пока только Симферополя. Для охраны города привлекаются часть солдат мусульманского батальона в 100 человек и комплектованная из добровольцев гражданская милиция в 40 чел.

5. Организация защиты порядка и в других городах Крыма будет зависеть от усмотрения уездных и городских мусульманских комитетов“.

Это решение мусульманского исполкома было подтверждено совещанием 12 крымско-татарских демократических организаций. Совещание высказалось за предоставление мест в Крымском революционном штабе, организуемом

[1] „Голос Татар“.
[2] Тоже.

после ухода из губернского ревкома татар, украинцев и матроса, почему то воплощавшего в себе представительство матросских организаций, мест другим революционным организациям по 2 чел. от каждой. Тут же были избраны представители в штаб от мусульманского комитета (И. Озенбашлы, А Боданинский и А. Тален).

После неудавшейся попытки удалить вообще кадетов из губернского комитета мусульманский исполком предъявил требование об удалении губернского комиссара кадета Богданова с его поста, но и это не удалось не только в конце октября, а и 2-го ноября, когда требование об удалении было предъявлено чрезвычайному земскому собранию. В ответ на требование татар удалить Богданова земское собрание выразило ему полное доверие. Татары решили не признавать власти губернского комиссара[1] и 6 ноября предложили передать революционному штабу все дела комиссариата, а затем было объявлено о решении татар заменить губернского комиссара коллегией в составе 3 человек, двух из которых выделяют татары, а одного все остальные революционные организации.

После таких выступлений татар „революционные организации“ распустили комитет спасения родины и революции, а вместо него создали временный губернский ревком, которому поручено было созвать съезд революционно-демократических организаций. Губернский комиссар Богданов в первых числах ноября ушел с своего поста, потому что в Питере организовалось „правительство однородного социалистического состава“.

Губернский революционный комитет распался вследствие нежелания с.-р., меньшевиков, а за ними и губернского земства работать вместе с большевиками. Земцы на 20 ноября назначили созыв съезда местных самоуправлений, в задачу этого съезда входило создание крепкой губернской власти.

К 10-му ноября в Симферополь пришли эскадроны татарского конного полка, силы татар значительно увеличились, кроме того, в соседней Украине произошло событие большой важности. Рада объявила Украинскую народную республику самостоятельной. Татары пытались, не надеясь все же на свои только силы, привлечь на свою сторону революционные организации с тем, чтобы объявить Крым самостоятельным, „Крым для крымцев“. Пойти на объявление Крыма только татарским ханством в это время татары еще не рисковали, потому что боялись массового движения со стороны других национальностей, населяющих

---

[1] „Южные Ведомости“, 4 ноября.

Крым, которых вообще-то больше количественно, чем татар, а затем и потому, что неизвестно было, как отнесутся к такому акту военные гарнизоны различных крымских городов, и особенно Севастополь.

„Революционные организации“ не только несочувственно, но прямо враждебно отнеслись к отделению Украины. Ибо это совсем не входило в планы не татарской буржуазии Крыма и соглашателей. В это время некоторым казалось возможным объединение на платформе свободного самоопределения между татарами и большевиками. Но это было только иллюзорной надеждой небольших групп; даже сами татары, которым очень понравилось выступление Миллера, приветствующего образование Украинской республики, не верили в длительное и крепкое соглашение. Единства социально-экономических целей достигнуть было невозможно. По этим мотивам татары согласились перенести вопрос об организации власти в Крыму на созываемый 20 ноября съезд городских и земских самоуправлений.

Этому же съезду поручил решать вопрос о власти и губернский съезд советов. Кстати надо сказать, что это, собственно, не был съезд советов, на нем было всего 23 чел., из которых большинство составлял губерский исполком советов. Предложение большевиков о признании власти Совнаркома было съездом отвергнуто[1]. Большевики на таком съезде участвовать отказались.

Съезд земств, городов и организация Совета народных представителей

Съезд земств и городов представлял весьма поучительную картину. На него были допущены и татары (им дано 22 места). Некоторые заседания съезда происходили в дворянском театре при переполненном, как сообщает корреспондент „Южных Ведомостей“, до крайних пределов зале. Съезд почтил вставанием память „доблестного генерала Духонина, погибшего от рук убийц-большевиков“. По национальному вопросу съезд принял туманную, ничего не говорящую резолюцию; вот она:

„1. В основу правильного разрешения национальных вопросов должна быть положена ясно выраженная воля заинтересованных народов и территорий России путем опроса населения или созыва краевых учредительных собраний.

2. Окончательное разрешение национального вопроса принадлежит Всероссийскому Учредительному Собранию.

3. Поскольку такого рода вопросы возникли в Таврической губернии и в особенности поскольку теми или иными организациями делаются попытки разрешения их теперь же, является необходимым определить волю населения Таври-

[1] „Революция в Крыму“, № 1, сборник Истпарта. Статья т. Гавена.

ческой губернии по всем этим вопросам по возможности в кратчайший срок.

4. Определение способа, которым должна быть выражена воля населения Таврической губернии, а также и осуществление этой задачи поручить совету народных представителей при непременном участии органов местного самоуправления и национальных организаций".

Отделение северных уездов губернии к Украине съезд не признал, высказавшись, однако, за необходимость считаться с фактом существования Украины, представляющей собой крупную силу, и предложил губернской власти во избежание „двоевластия и анархии стремиться к согласованию своей деятельности с распоряжениями рады. Последние должны исполняться постольку, поскольку они соответствуют интересам России и нашего края"[1]. К распоряжениям рады нужно, по мнению съезда, относиться „с полным уважением". Заявление одного из крестьян, что в раде сидят буржуи и чиновники, не считающиеся с волей народа, было встречено большинством съезда смехом. В выступлениях различных ораторов по национальному вопросу были, главным образом, голые фразы. Не разжигать национальных страстей, предоставить решение вопроса учредительному собранию, считаться с волей народа, которая абсолютна, объединиться для борьбы с анархией—таково содержание всех речей. Ни одного практического предложения, ни одного выступления с серьезным анализом сложившейся в Крыму при его многонациональности обстановки.

Особенно интересным на съезде был вопрос о губернской власти. Согласительная комиссия, избранная после прений, работала над резолюцией с 11 часов до 5 часов вечера. По докладу выступало 18 человек. Выступивший в прениях меньшевик, представитель профсоюзов, требовал обеспечить пролетариату представительство, соответствующее его силе, кроме того, он указывал на необходимость представительства политических партий.

Это совершенно невинное выступление, эта дань меньшевика фразе была, однако, встречена крайне неодобрительно. „Угроза кулачной грубой силой", такой, которая „свойственна большевикам", послышалась земцам в этом выступлении смиренной и всегда готовой служить буржуазии овечки. Как „аргументировать кулаком, такая аргументация приводит к контр революции". „Вводить политические партии", но ведь они зло при создании власти. Так выкрикивали земцы и думцы после выступления меньшевика.

Не встретило сочувствия и выступление представителя Совета Р. и С. Д., указавшего на то, что отказываться

[1] „Южные Ведомости", № 102.

от представительства советов в органах будущей власти это значит подрубать сук, на котором сидят местные самоуправления, и кончившего весьма наглым заявлением о заслугах советов, которые, по мнению оратора, сводились к борьбе за революционный порядок против анархии, т. е., иными словами, к прислужничеству буржуазии. Выступление это было признано чуть ли не за большевизм. Однако, при разработке и принятии резолюции земцы поняли, что совет в самом деле может оказаться полезным в деле одурачивания масс, и предоставили ему места в равной с городскими самоуправлениями норме. Реакция поднимает голову, говорил один из меньшевиков, представитель Керчи, он приводил примеры, как офицеры не встают при пении марсельезы, а отвечают пением „Боже, царя храни". Были примеры реакционности и ярче этого, но меньшевик этот старался, как видно, их не замечать. Он, наоборот, сам в Керчи начальником милиции сделал полицеймейстера. Отвечая на заявление меньшевика о реакционности, один из земцев заявил, что „революция не должна становиться на точку зрения реакции... у нас свобода"[1]. Каждый при этой свободе может стать, значит, реакционером и помешать ему нельзя. Логика буржуа, который хранит реакционеров, как наиболее надежных защитников капиталистических устоев. Резолюция о власти была принята большинством при 3 против и при 3 воздержавшихся. „Южные Ведомости" сообщают, что воздержались от голосования крестьяне северных отошедших к Украине уездов.

Резолюция принята в следующем виде:

„1. До выяснения воли населения Крыма Крымским учредительным собранием, которое должно быть обязательно созвано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов, путем ли опроса, или путем особого учредительного собрания,—в Таврической губернии учреждается орган управления губернии—Таврический Губернский Совет народных представителей, как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной власти.

Губернский совет, обладая полнотой власти в вопросах крымской жизни, в отношении своей деятельности к трем северным уездам стремится к согласованию ее с деятельностью Центральной Украинской Рады.

2. Губернский Совет народных представителей состоит из 48 членов, избираемых губернским съездом на следующих основаниях: от городов 6, от советов рабочих и солдатских депутатов 6, от земств 9, от совета крестьянских депутатов 9, от губернского совета профессиональных союзов и фабрично-

[1] „Южные Ведомости", № 101.

заводских комитетов 2, от татар 3, от украинцев 3, от великороссов 2, от евреев и крымчаков 2, от немцев 2, от греков 1, от армян 1, от эстонцев 1, от Крымского Революцион. штаба 1.

Совет избирается съездом по предложению соответствующих групп. Национальности, не приславшие представителей на съезд, имеют право на представительство „по одному“ по созданию ими центральных национальных организаций.

Совет народных представителей избирает из своей среды президиум на следующих основаниях: председатель избирается от всего совета, члены президиума—2 от украинцев, 2 от земств, по 1 от татар, от Сов. раб. деп., от совета крестьянских деп., и от городов и от прочих национальностей.

Губернский комиссариат состоит из коллегии в составе 3-х лиц, избираемых съездом. В состав комиссариата входят один от татар, один от земской группы и один от всего съезда. Губернский комиссариат полностью входит как в президиум, так и в совет народных представителей и является исполнительным органом последних.

Губернскому Совету народных представителей поручается в кратчайший срок созвать Крымское учредительное собрание и принять меры к выявлению воли населения северных уездов Таврической губернии по национальному вопросу.

Каждая группа может отозвать тех или иных своих представителей из Совета, заменив их другими лицами, при непременном условии, чтобы следующий съезд утвердил его избрание“.

Татарская группа съезда выступила с таким заявлением:

„Признавая универсал Центральной Украинской Рады и исходя из тезисов внесенного группой татар доклада, мы, татары, считаем необходимым:

1. Создание органов власти для Крыма в форме Советов из представителей губернских революционно-демократических и национальных организаций и муниципалитета.

2. Временно этот орган нормирует жизнь трех северных уездов соответственно указания Центральной Рады, пока вопрос о том или ином исходе для них не выяснится.

3. Окончательно же этому органу поручается и созыв Крымского учредительного собрания в ближайший срок.

4. Комиссариат же, как исполнительный орган, должен быть коллегиальным, с непременным представительством от татар“.

Этим заявлением татары еще раз подчеркнули свои симпатии к Украине.

Меньшевики из совета и профсоюзов не замедлили сделать красивый жест. Представитель совета выступил с заявлением такого содержания: „Губернский съезд не может считать, что состоявшееся соглашение может удовлетворить

советы рабочих и солдатских депутатов... однако, считаясь с моментом и в целях сплочения и единения всей революционной демократии, фракция советов будет голосовать за принятие резолюции"[1]. Профсоюзник воздержался от голосования потому, что при создании власти не было положено в основу партийное начало. Несмотря на такое заявление по мотивам голосования, и совет и профсоюзы своих представителей в совет народных представителей дали.

В состав губернского комиссариата было избрано три человека, из которых один от татар и один от земцев.

Трогательная сцена произошла после выборов, когда „тревожное состояние съезда принимает торжественный характер"[2]. Украинцы, евреи, татары, немцы, эстонцы обменялись поцелуями в доказательство того, что достигнуто национальное единение.

28 ноября в честь национального единства и открытия учредительного собрания была устроена демонстрация. Угар видимого единения наций продолжался, однако, недолго. Татары, демонстрировавшие вместе со всеми единство наций, принимали, однако, меры к раздуванию национальной розни, в этом им деятельно помогали кадеты.

Появились случаи столкновения между русскими и татарами в деревнях, в городе поведение эскадронцев татарского полка создавало немало поводов для различных столкновений. Искусственно созданное единство должно было разрушиться. События развивались против воли соглашателей. Совет народных представителей, не имеющий никакой реальной силы, не пользовался авторитетом. Единство поддерживалось только угрозой со стороны крепнувшей силы Советов и общим желанием всех групп бороться с большевиками.

Лицо объединившихся групп наиболее ярко было показано при обсуждении в первых числах декабря вопроса об ультиматуме, предъявленном Совнаркомом РСФСР Центральной Украинской раде. Все участники собрания до советских групп включительно высказались весьма благожелательно по отношению к раде. Татары на этом собрании поставили вопрос на откровенность, они категорически заявили о необходимости бороться „с большевиками в Крыму". Карты были раскрыты, для всех стало совершенно ясным, ради чего на совещании демонстрировалось единение наций. После этого начинается довольно энергичная подготовка к наступлению на большевиков, которые к этому времени в Севастополе имели уже достаточно крепкую военную силу, испытанную в боях против калединцев и корниловцев. Приближался, хотя и с очень большим опозданием, Октябрь в Крыму.

[1] „Южные Ведомости", № 102.
[2] Тоже.

ГЛАВА IV

Октябрь в Крыму

Совет народных представителей, созданный на съезде местных самоуправлений, никакой реальной силы не имел. Вооруженные части войск, способные выступить против большевиков, подчинялись Крымскому штабу, а штаб находился под влиянием мусульманского исполнительного комитета. 18—19 декабря совет народных представителей под давлением штаба вынес решение, в котором устанавливался порядок руководства военными частями. Главой всей армии был признан директор по военным делам. Армия создавалась в целях внешней защиты губернии и охраны правопорядка в ней. Формировалась армия из регулярных и добровольческих частей, в которые добровольцами принимаются „уроженцы и жители губернии". Директору было предоставлено право непосредственной связи с Украиной[1].

Директор по военным делам был выделен начавшим свои работы 10 декабря татарским парламентом—курултаем. Но еще до опубликования решения о назначении директором Джафер Сейдамета, татарский конный полк начал размещаться в городах Крыма с тем, чтобы обеспечить влияние татарского исполкома. Так, например, 7-го декабря Керченская дума обсуждает вопрос о размещении в Керчи эскадрона Крымского полка. Дума высказывается за отпуск средств на содержание эскадрона и предлагает городской управе ускорить расквартирование его в городе. Решение это продиктовано стремлением обеспечить Керчь силами, которые будут бороться с большевиками.

К 10 декабря, когда в Бахчисарае начал свою работу курултай, все города, кроме Севастополя, имели военные части, подчиненные Крымскому штабу (директору по военным делам). Курултай, чувствуя, что сила на его стороне, не рискнул, однако, на формальное объявление себя общекрымским правительством. Объяснялось это тем, что в период

[1] „Революционная Евпатория", № 78, 11 января 1918 года.

подготовки выступления против большевиков нельзя было отталкивать от себя иные не татарские слои населения.

Взявши власть в свои руки и сделав диктатором Джафер Сейдамета, курултай и мусульманский исполком по тактическим соображениям сохраняли видимость „демократического единения".

Курултай в своем заседании принял „Крымско-татарские основные законы". Этими законами отменялись феодальные сословные пережитки, звания, устанавливалось равноправие мужчины и женщины, было введено всеобщее избирательное право. Национальному правительству, избранному курултаем в составе пяти директоров[1], поручалось ускорить созыв учредительного собрания в Крыму. Учредилка должна была решить вопрос о форме правления в Крыму. Однако, в стремлении продиктовать судьбу Крыма курултай не остановился перед непоследовательностью своих законов и несколькими пунктами ниже того, в котором решен вопрос об учредительном собрании, принят пункт, объявляющий Крым демократической республикой. Кроме этого, национальное правительство заявляло о своей готовности защищать „великие лозунги революции" и „личную имущественную безопасность и честь всех своих крымских соотечественников".

Директор по военным делам привлек к работе в Крымском штабе и частях, ему подчиненных, русское реакционное офицерство, с помощью которого приступил к разоружению частей, сочувствующих большевикам. Разоружение это было одновременно в интересах украинской рады, которая боялась удара со стороны революционных частей Крыма.

Весьма интересную позицию в вопросе о военной диктатуре и стремлении национально-татарского правительства определять судьбу Крыма занял Крымск. Комитет РСДРП (меньшевиков). На заседании Комитета 19-го декабря один из лидеров произнес такую речь: „Становиться в воинственную позу нам, с.-демократам, не к лицу. Большинство народностей стремятся к децентрализации. Это все мелкобуржуазные по составу народности, и самое движение, конечно, не пролетарское, а мелкобуржуазное; но оно имеет здоровые корни... Татары стали на здоровую, общедемократическую точку зрения, они не стремятся к преобладанию татарской народности. Конечно, объявление автономного национального правительства, обнародованное на днях, — политическая нелепость. Не нужно забывать, что татар всколыхнула анархия большевистская. Местный патриотизм тол-

[1] Совет состоял из председателя и директора юстиции Ч. Челибиева, директора внешних и военных дел Д. Сейдамета, финансов и вакуфов Хаттатова, по делам религии Шукри и просвещения Озенбашлы.

кает татар оберечь Крым от анархии, — отсюда стремление захватить военную силу... Сейдаметов... настроен идеалистически, он искренний человек. Необходимо соглашение с татарами"[1]. Более подлого предательства, более сознательной близорукости, продиктованных вождю крымских меньшевиков стремлением раздавить рабочее движение, подчинить его воле буржуазии, более наглого предательства не придумаешь. Меньшевиков, однако, не смутила эта речь, и второй „вождь" постарался прикрыть ссылкой на марксизм наглость первого, он заявил: „Понятие федеративной республики не противоречит марксизму, напр., как С.-Американская республика. Этот вопрос... уместнее поставить в порядок дня конференции. Во всяком случае, насильственные меры противодействия недопустимы". В результате обсуждения меньшевики постановили: „соглашение с татарской народностью необходимо, и если явится необходимость противодействия захватным стремлениям, то только идейные парламентские формы противодействия допустимы"[2]. Только меньшевики могли выносить такие решения в тот момент, когда татарские части были готовы к выступлению против революционных рабочих и крестьян, когда „искренний" Сейдамет подготовлял захват Народного дома в Симферополе и изгонял близких большевикам офицеров даже из госпиталей, наконец, тогда как реакционное русское офицерство, сорганизовавшееся вокруг Сейдамета и помощника его полковника Макухина, начало уже расправу с неугодными ему лицами.

Первое столкновение между матросами, выступившими против корниловско-калединской контр-революции, и татарскими частями произошло в Александровске.

Вокруг Крымского штаба сорганизовалось до 2000 офицеров. В Симферополе они потребовали отвода для них квартир полуказарменного характера с тем, чтобы они могли „удобнее выполнять обязанности по охране порядка в городе"[3]. Совет запротестовал, но к нему уже никто не прислушивался. „Идейный" протест кучки меньшевиков, которую уже не поддерживали рабочие и солдатские массы города, был просто смешон и на него не обращали внимания. Такая же участь постигла и второе решение совета по вопросу о демобилизации не-татарских и не-украинских частей. Солдаты этих частей не соглашались уходить домой без оружия. Совет, заслушав заявление солдат, постановил собрать гарнизонное собрание, на котором предложил уходить, кто

[1] Книга для протоколов Кр. К. РСДРП (меньш.), ст. 26.
[2] Книга протоколов Кр. К-т РСДРП, стр. 26 — 27 — фонд 93 Крымцентроархива.
[3] Протоколы Симферопольского совета.

желает, без оружия, а нежелающим выдать оружие. Это поистине „Соломоново решение“ было вынесено в то время, как группа большевиков, выбиваясь из сил, собирала силы рабочих в вооруженные отряды для борьбы с реакцией.

Наиболее серьезное столкновение произошло между большевиками и татарской буржуазией по вопросу разоружения Евпаторийского гарнизона. Здесь нужно несколько отвлечься для того, чтобы разобрать события, происшедшие в это время в Севастополе, ибо установившаяся в результате этих событий новая власть под руководством большевиков и объединяемые ею силы матросов определили исход событий и победу Октября в Крыму.

Большевикам в Севастополе, как было указано в предыдущей главе, удалось организовать флотилию для посылки на Дон и отряд против Корнилова. Матросы флотилии выдержали ряд боев с контр-революционными офицерскими и казачьими частями на Дону, они являлись свидетелями расправы белогвардейцев с рабочими ростовских заводов. Вынужденные отступить под напором в несколько раз превосходившего их по численности противника, не получив никакой помощи от Севастопольского Совета, в котором большинство принадлежало меньшевикам, матросы, по возвращении в Севастополь, повели усиленную кампанию против соглашателей, засевших в Совете. С таким же настроением возвратился и отряд матросов, побывавший в боях с корниловцами под Белгородом и имевший столкновение с татарскими частями в Александровске. Отряд возвратился обратно с трупами своих товарищей, убитых в боях с белогвардейцами. Настроение масс под влиянием сообщений накаливалось, однако, меньшевики, заседавшие в Совете, не пошли на предложение большевиков создать революционный комитет для борьбы с контр-революцией.

Фракция большевиков для того, чтобы развязать себе руки в борьбе за массы и за настоящую власть советов, вышла из состава Исполкома Совета. В заявлении о выходе из Исполкома большевики писали, что они не могут взять на себя ответственность за гибельную политику Совета. В момент, когда белогвардейцы на Дону, Кубани, на Урале повели открытую борьбу с советами, задачей Совета является организованный отпор буржуазии. Заявление это, однако, не заставило соглашателей опомниться, они лелеяли надежду на то, что им удастся еще удержать массы в своих руках. Но это было недолго. Через несколько дней они начинают нервничать. Вопрос о Севастополе ставится на заседании Крымского Комитета меньшевиков. На этом заседании возвратившийся из Севастополя член Комитета сообщает: „Масса недовольна руководителями крайними

оборонцами. Организация расползается. Надо оживить работу. Необходимо послать постоянного работника"[1]. Вынесено решение послать постоянного работника и, кроме того, поручено меньшевистским китам еженедельно по два дня каждую неделю выезжать в Севастополь в качестве лекторов и руководителей. Этими решениями, однако, не удалось спасти положения. Организация меньшевиков таяла невероятно быстро, от 4500 членов организации к концу декабря осталось только 600 человек, платящих взносы, а на собрания являлось только до 200 человек. „Если, — говорит представитель Севастополя на меньшевистской конференции,—уцелеет у нас 280—300 человек, то это будет большой успех. В Севастополе,—продолжает он,—мы, с.-д., всегда вели борьбу за авторитет Совета, а сейчас нам приходится бороться за советскую власть на местах против революционного комитета, который является властью над Советом"[2].

Полоса собраний матросов после возвращения флотилии и отряда кончилась поражением соглашателей. Матросы выносили резолюции, клеймящие позором предательский Совет. Приводим для большей ясности резолюции матросов линейного корабля „Иоанн Златоуст", команд штаба отрядов для борьбы с подводными лодками и миноносца „Феодонисий". В первой из резолюций матросы заявляют:

„Не все из нас большевики, но все мы, как один, пойдем без колебаний за партиями, которые решительно будут идти к раз намеченной цели полного раскрепощения трудящихся. Сметем всех явных и тайных контр-революционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции. С глубочайшим презрением относимся ко всем жалким соглашателям, не желающим войти в соглашение со всей демократией, и клеймим позором измены делу народной революции. Декрет о мире, земле и контроле над производством можно вырвать у нас лишь вместе с нашими сердцами. Власть советам и только советам везде и всюду, как в центре, так и на местах. Долой колеблющихся соглашателей, вперед — за мир, за свободу, за социализм. Да здравствует война до полной победы над капиталом"[3].

Команда штаба в ответ на проклятия, посылаемые народным комиссарам, постановила:

„Шлем проклятья тем, кто проклинает наших стойких и идейных борцов, шлем проклятья тем, кто называет их узурпаторами и аферистами: до сих пор они были нашими честными товарищами. Некий же „социалист" произносит хулиганские речи по адресу тех, кто хочет вырвать залитый

[1] Книга для протоколов Кр. К. РСДРП, стр. 35.
[2] Книга для протоколов Кр. К. РСДРП, стр. 99—100.
[3] „Известия Севастопольского Совета Раб. и Воен. Депутатов", № 146.

кровью мир из адской, но уже предсмертной пляски капитала. Своей речью он наложил на себя несмываемое пятно позора. Тем товарищам, которые аплодировали тому „социалисту", — стыд и позор. Эти малосознательные товарищи жестоко ошибаются. Но мы не верим, что на Украине нет пролетариата, нет бедняков.

Заблуждающиеся товарищи, опомнитесь. Вы предаете славных товарищей балтийцев, предаете измученных жителей сырых холодных окопов. Вы рубите голову революции — революционный Петербург. Им надо помочь. Они нам готовое дали, дадут и еще. Так не мешайте же им, не ставьте и преград им на их тяжелом революционном пути" [1].

Миноносец „Феодонисий" в своей резолюции называет предателей прямо их собственными именами и дает примеры наглого предательства. Вот эта резолюция:

„1) На Дону засела шайка предателей революции, которую оттуда можно выгнать только силой оружия.

Мы крайне возмущены против тех лиц, кто препятствовал посылке помощи на Дон, против засевшей там съехавшейся со всей России и даже иностранной буржуазии.

Мы возмущены против тех лиц, кто так громко кричал, что „Вольный Дон" самоопределился, ибо ясно всем, что там „самоопределились" генералы и все бежавшие туда капиталисты, и считаем, что тот, кто признает в настоящий момент „самоопределение" Вольного Дона, есть явный контрреволюционер.

Мы находим, что потеря Ростова и зверства и расстрелы трудового народа, учиненные калединской сворой, есть результат явной провокации, вследствие того, что своевременно не была помощь. Кровь предательски оставленных без поддержки тов. рабочих, крестьян, солдат и матросов падает на головы предателей.

2) Мы, команда миноносца, состоящая из великороссов, украинцев, молдаван и поляков, категорически протестуем против таких „самоопределений", как Центральная рада и Каледин, ибо в настоящий момент преступно говорить, что к нам никто не должен мешаться и мы не будем никуда вмешиваться, ибо мы самоопределились.

Мы, команда эскадренного миноносца „Феодонисий", заявляем, что отдадим свою жизнь для борьбы за освобождение трудящегося народа, не только населяющего Россию, но и за трудящийся народ всего мира.

Мы видим, что в украинские и прочие национальные организации позалезли чудо-патриоты, которые всеми силами

[1] „Известия Сев. Совета Раб. и Воен. Депутатов", № 166.

стараются натравить нацию на нацию. Товарищи-братья, скажите этим чудо-патриотам: „Руки прочь, проклятая буржуазия, попытки твои бессильны“.

3) Относительно посылки отряда против Каледина и вообще против контр-революции, где бы она ни засела, —мы согласны идти все, но призываем товарищей прежде организовать в Севастополе свои революционные силы, ибо у нас уже здесь замечен съезд всех прихвостников и провокаторов буржуазии, которые уже начинают щупать почву для своей грязной работы. И, не уничтожив в корне контр-революционную работу, мы не можем покидать Севастополь, т. к. может случиться то, что обратно сюда уже не попадем.

4) Мы категорически протестуем против резолюции, вынесенной 5 декабря, в которой ясно видим подтасовку и которая была принята большинством лишь потому, что постарались разжечь национальные чувства. Эта резолюция гласит: „Гражданская война есть результат насильственного захвата власти“, т. к. в Петербурге и Киеве трудовой народ насильно вырвал власть из рук буржуазии, то этой резолюцией мы сами себя же обвинили и сожалели, что напрасно власть вырвали из рук буржуазии“[1].

Возмущенные предательской тактикой Совета, матросы выносили резолюции о разоружении офицеров. „Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобраны“[2],—заявляли матросы. А 15 декабря, не ограничившись резолюциями протеста, матросы начали арест офицеров. Исполком дал распоряжение самовольно арестованных в тюрьму не принимать. Тогда матросы нашли выход. Они вывели арестованных 32 офицеров и одного попа на Малахов курган и там расстреляли[3].

Совет и центрофлот, не ожидавшие такого оборота событий, поспешили сложить с себя ответственность, передав полномочия Военно-Революционному Комитету.

Вскоре по организации Ревкома самосуды прекратились. Под руководством Ревкома были произведены выборы в Совет, большинство в котором принадлежало уже большевикам. При выборах Исполнительного Комитета нового Совета 2 января 1918 года меньшевики и с.-р. попытались сорвать предложение большевиков о выборах, когда же это им не удалось, они отказались от выделения своих представителей в Исполнительный Комитет. Места, освободившиеся после отказа соглашателей, были распределены между беспартийными и впервые выступившими официально в Совете

[1] „Известия Севаст. Совета Р. и В. Д.“, № 166.
[2] „Известия Севастопольского Совета“, № 199—13 декабря.
[3] „Революция в Крыму“, сборник Истпарта КрымОК ВКП (б),№ 1, стр. 17.

левыми социалистами-революционерами. Взявши в свои руки власть, большевики Севастополя поставили вопрос о помощи в борьбе с соглашателями и буржуазией организациям других городов Крыма. Никаких агрессивных мероприятий, направленных против татар, Севастопольский Совет не предпринимал до того момента, пока Крымский Наполеончик—Сейдамет—не выступил против Евпатории.

Выступление, имеющее целью разоружить Евпаторийский гарнизон, объясняется двумя мотивами, с одной стороны, обеспечить себя оружием, с другой—обезопасить себя со стороны Евпатории на время борьбы с Севастополем и ослабить революционные силы. Разоружение вызвало горячий протест со стороны евпаторийцев, в результате которого произошли столкновения с эскадронцами. Не имея сил противостоять Крымскому штабу, Евпаторийский комитет большевиков обратился за помощью к Севастополю. Одновременно было предъявлено требование о возвращении оружия и увольнении с должности начгарнизона реакционного полковника Выграна.

Попытки кончить конфликт мирно ни к чему не привели, хотя меньшевики на совещании Совета с представителями из Симферополя от Совета народных представителей и убеждали всех, что к соглашению можно придти. На этом совещании Совета была вынесена резолюция о прекращении вывоза оружия, о распределении вывезенного оружия между интернациональными частями и о ненужности высылки миноносцев из Севастополя. Однако, резолюция осталась клочком бумаги, исполнять которую штаб и не думал. Он допустил переговоры только потому, чтобы оттянуть несколько время, усыпить бдительность революционных отрядов и в это время подготовить силы.

26-го декабря представитель Севастопольского Военно-Революционного Комитета послал из Бахчисарая Крымскому национально-татарскому правительству требование, в котором, охарактеризовав разоружение, как контр-революционный выпад со стороны буржуазии, который грозит кровопролитием, требовал: „немедленного приостановления разоружения, роспуска и насилия над солдатами революционной России, все оружие, отобранное у солдат, должно быть возвращено в кратчайший срок[1]“. Дальше в требовании говорилось о создании смешанного с представителями русских и татар трибунала для привлечения виновных в разоружении и насилиях к ответственности.

В ответ на это военный диктатор Д. Сейдамет сообщил, что в Евпатории происходит не разоружение, а простая пере-

[1] „Известия Севастопольского Совета“, № 179, 3 января.

воза оружия из одного склада в другой (в Симферополь). Он обвинял Севастопольский Ревком в провокации гражданской войны, объявлял, что на территории, где признается власть Крымского штаба, царит спокойствие, и заканчивал свой ответ заявлением, что Крымский штаб готов к борьбе и не позволит Севастопольскому совету диктовать свою волю штабу, который примет решительные меры для уничтожения большевиков и созыва учредительного собрания.

Свое обещание начать борьбу по всему фронту Крымский штаб выполнил. 4-го января 1918 года „Известия Севастопольского Совета" опубликовали следующую телеграмму из Ялты: „Объявлен декрет мусульманского комитета о переходе власти в его руки. Прибыло несколько автомобилей с вооруженными мусульманскими войсками. Предполагается выступление мусульман в Ялте. Устраивалось несколько вечеров в пользу мусульманского комитета. Из этих сумм каждому эскадронцу выдается по 200 рублей. Совместно с ними действует начальник гарнизона и комендант гарнизона Ялты. Все приказы исполняются только начальником гарнизона и комендантом. Жители Ялты тревожатся. Эскадронцы избивают на улицах матросов и требуют ухода их из Ялты, мотивируя тем, что Крым для крымских татар и русских им не нужно" [1]. Автор телеграммы просит, в целях обеспечения безопасности, помощи со стороны Севастопольского Совета.

В Феодосии Крымский штаб взял тот же курс, что и в Евпатории. Солдаты местного гарнизона отпущены были по домам, оружие же им предлагалось сдать под охрану недавно расквартированного в Феодосии эскадрона татарского конного полка. Солдаты не возражали против увольнения, но настаивали на выдаче оружия. На митинге солдат 2 января 1918 г., кстати сказать, проходившем довольно неорганизованно, солдаты, не вынося решений, бросились к складам оружия, расхватили его и вооружили, кроме солдат, подоспевших к этому времени рабочих. Эскадронцы попытались разоружить солдат, но в результате завязалась между эскадронцами и солдатами перестрелка. Эскадронцы отступили. В Феодосии быстро организовался Военно-Революционный Комитет, взявший власть в свои руки.

Возмущенный выступлением в Феодосии, штаб крымских войск послал на „усмирение" новые эскадроны. Переговоры о мирном улаживании конфликта ни к чему не привели. Военное столкновение было неизбежно. Феодосийский Ревком 3 января обратился за помощью в Севастополь, в телеграмме сообщалось: „В Феодосии организован В.-Р. Комитет. Эскадрон удален из Феодосии. Ожидается прибытие из Джан-

[1] „Известия Севаст. Совета Р. и В. Деп.", № 180—4 янв. 1918 г.

кoя эшелона-эскадрона, все зависит от вашей помощи. Феодосия пока в наших руках"[1].

Севастопольцы послали на помощь Феодосии миноносец „Феодонисий". Приход миноносца несколько отрезвил зарвавшихся исполнителей воли крымского штаба, они отступили к Старому Крыму и больше уже не появлялись в Феодосии[2]. Матросы и солдаты повели наступление на Джанкой, организуя на пути в селах Ревкомы и изгоняя эсэровские комитеты.

В эти же дни керченская организация большевиков, собрав силы рабочих и солдат, заняла крепость, удалив от власти реакционное офицерство.

В Ялту для помощи местной организации были высланы из Севастополя матросы на минонесце „Хаджи-бей". Местная Ялтинская организация до прихода помощи вела подготовительную работу к захвату власти. На стороне большевиков в Ялте была значительная группа фронтовиков, организованная в союз. Ялта ко времени переворота представляла из себя гнездо реакционных сил, сбежавшихся сюда из центра России. Еще задолго до переворота летучий отряд Симферопольского Совета арестовал в Ялте видного черносотенца Рябушинского в связи с тем, что он занимался организацией группировавшейся вокруг него буржуазии. По настоянию губернских властей Рябушинский был освобожден. Обыски, произведенные в первые месяцы революции у обитателей царских дворцов, кончились выемкой некоторой нереписки и временным домашним арестом. Весьма предупредительное отношение к реакционерам окрылило их надежды и дало возможность в момент захвата власти выступить на стороне Крымского штаба.

После того, как артиллерийским огнем удалось выбить эскадронцев из Ялты, часть их ушла в горы к Симферополю, вторая же часть задержалась в дер. Никита (в 9 верстах от Ялты по направлению к Гурзуфу) под руководством князя Оболенского. Неорганизованность местных отрядов, слабая дисциплина привели к тому, что отряд, посланный в Никиту, был разбит, не получив своевременно помощи. Город был снова взят офицерскими и татарскими частями. Несколько красногвардейцев, взятых в плен, были офицерами расстреляны. Миноносец после этого начал вновь обстрел города, заставивший контр-революционеров отступить в горы. Уполномоченный Севастопольского Ревкома по этому поводу телеграфирует: „Татар эскадронцев и офицеров опять вышибли из города. Они засели в окружающих Ялту горах, откуда

[1] „Известия Севаст. Совета Р. и В. Деп.", № 180—4 янв. 1918 г.
[2] „Революция в Крыму", сборник Истпарта, № 2.

морской артиллерией их выбить невозможно. Ночью офицеры ворвались в город и пытались захватить береговую батарею. Немедленно пришлите два гидро-аэроплана с бомбами для действия в горах“ [1].

Ушедшие в горы части офицеров в течение нескольких дней после 11 января вели бой с отрядами красной гвардии на подступах к городу. Удобные позиции, занятые ими в горах, позволяли долго держаться. Сдались эти отряды после того, как из Симферополя им в тыл был выслан красногвардейский отряд. Массы татарского населения после изгнания офицеров отнеслись очень сочувственно к предложению мирно разрешить вопросы, их волнующие. Они немедленно согласились выдать зачинщиков контрреволюционного движения и оставленное отступавшими частями оружие.

В Евпаторию после вторичных попыток со стороны штаба крымских войск вызвать конфликт был выслан гидрокрейсер „Румыния“ и несколько катеров. Приближение высадившегося южнее Евпатории десанта и флотилии обратили контр-революционеров в бегство. Евпатория была взята, и организовавшийся там Революционный Комитет приступил к работе.

Заслуживает внимания факт зверского расстрела председателя Евпаторийского Совета тов. Караева. Рабочий маляр, он до революции был толстовцем. После февраля под влиянием с.-д. искренне весь отдался он революционной работе, вступив в местную организацию большевиков. Но не изжил еще т. Караев веры в могущество слова, такой веры, которая свойственна несопротивляющимся злу идеалистам. Вот с этой надеждой, верой пошел Караев в стан белогвардейцев, чтобы убедить их прекратить борьбу. Дело кончилось тем, что Караев был зверски замучен. Труп его нашли после освобождения Евпатории.

Крымский штаб, вызвавший столкновения своих частей с революционными рабочими и матросами в уездных городах Крыма, начал пробовать свои силы и в центре, в Симферополе. Дело началось с того, что по распоряжению национального правительства был 3 января 1918 года занят „Народный Дом“, являющийся центром общественной жизни рабочих организаций. Убежденные в бессилии Совета и меньшевиков, буржуазные националисты и реакционное офицерство не ожидали никакого отпора со стороны масс захвату Дома. Однако, расчет оказался неверным. Массы, возмущенные проявлением грубого национализма и реакционности, заставили Совет профсоюзов занять в вопросе захвата Дома решительную позицию.

[1] „Известия Севаст. Совета“, № 180—4 января.

Угрожая всеобщей забастовкой, профсоюзы потребовали освободить „Народный Дом“. Не ожидавшие такой решительности со стороны масс, расценивая их по тактике официальных вождей меньшевиков, националисты попытались представить захват недоразумением, возникшим вне зависимости от крымского штаба по вине одного человека—председателя национального правительства Челебиева, в самом же деле Челебиев исполнял один из пунктов плана Джафера Сейдамета. Штаб пошел на уступки, всеми мерами стараясь оправдать Д. Сейдамета, который являлся фактическим руководителем всей политики правительства. Ч. Челебиев вынужден был уйти в отставку. Этот ставленник мелкой буржуазии напугался развертывающихся событий. В момент, когда загремели уже в отдельных районах Крыма пушки, нервы буржуазного интеллигента не выдержали. Он уступил место более последовательному и решительному политику в лице Д. Сейдамета. Националист Челебиев ушел с поста председателя правительства не потому, как это хотят представить некоторые, что он был близок большевикам. Он ушел потому, что чувствовал в обстановке растущих против крымского штаба восстаний невозможность удержать власть в руках только татар.

В таком духе он и выступал на открывшейся 9 января сессии курултая. Татары, по его мнению, представляют единственную реальную силу в Крыму, но, однако же, есть силы, которые имеют материальное и моральное влияние, и их следует привлечь на свою сторону. Такими силами Челебиев считал Совет народных представителей и большевиков. Надо не забывать того, что сессия происходила в то время, как уже была распущена учредилка, не встретившая массовой поддержки. Поставив вопрос о пр влечении большевиков, курултай рассчитывал на сохранение руководящей роли татарской буржуазии в будущей краевой власти.

Большевики в ответ на предложение татарской делегации сообщили, что они до губернского съезда партии согласны вступить в правительство, но с условием, что оно будет бороться с контр-революцией и признает власть совнаркома. Совет народных представителей нашел коалицию „с большевиками недопустимой“. Весь день 10-го января был посвящен обсуждению вопроса о власти. Решение, принятое в итоге, допускало коалицию с Советом народных представителей и признавало необходимой борьбу с большевиками до конца. Буржуазно-националистические стремления тут взяли верх над благоразумием. Исход борьбы, после того как в ряде городов власть перешла к большевикам, можно было предвидеть заранее. Некоторую надежду на победу националистам и реакционерам давала

неорганизованность в действиях Ревкомов и межеумочная политика меньшевиков.

Политика меньшевиков на этом этапе борьбы является самым ярким выражением их беспочвенности, непоследовательности, предательства и растерянности.

Чтобы не быть голословным, привожу речи вождей на конференции меньшевиков 7 и 8 января. Вот что говорит один их них: „Мы ничтожны и распылены в демократических учреждениях, ни на кого там не опираемся и поэтому работаем там не как с.-д. Наша задача там—оппозиция и, если бы с самого начала стали на этот путь, принесли бы пользы несравненно больше делу пролетариата. Наша резолюция о недопустимости бороться с оружием в руках—провалилась в Сов. народн. представителей. Но из городских управ и Советов уходить нельзя, несмотря на то, что за нами никто не стоит, и несмотря на то, что нас клеймят за это. Там наше положение трагическое: мы между молотом и наковальней. Мы также не можем итти работать в массы, которые нас не слушают. Мы „интеллигенты" и в проф. союзах работать не можем: там сейчас могли бы работать только рабочие. Остается работать в газете, пока она существует. Выхода нет. Мы будем растерты жерновами двух враждующих лагерей"[1].

Пессимизм, неверие в свои силы и силы масс—таков смысл речи. Второй деятель, выступивший в прениях, старается оживить умирающий меньшевизм. „Не следует предаваться унынию и следует стараться понять",—говорит он и, продолжая, заявляет[2]:

„Положение нашей партии чрезвычайно трагично. А в то время как наша страна доросла только до демократического строя, делается попытка устроить у нас социализм.

При этом попытка к социализму делается не только фанатиками-вождями, но и пролетариатом. Инстинктивно буржуазная демократия чувствует гибельность этой попытки и борется с социальной демократией. Борьба с большевизмом является борьбой против ошибок пролетариата, против самого пролетариата. В лагере противобольшевистском, однако, находится и контр-революция, кроме буржуазной демократии. Украина, Дон, Крым—это все арена борьбы двух сил: пролетариата и буржуазной демократии, при чем национальная демократия должна соединять свои действия с действиями черных сил в борьбе против пролетариата. Если бы мы приняли участие в этой борьбе на стороне буржуазной

[1] Книга протоколов Кр. К. РСДРП.
[2] Тоже.

демократии, то взяли бы этим на себя наибольшую ответственность, так как являемся наиболее сознательными там работниками. Меньшевизм—самый талантливый элемент в демократии, и если меньшевики остаются в лагере противобольшевистском, то берут на себя наибольшую ответственность, так как будут возглавлять там все—и черные, и демократические силы. Большевизм—ошибка пролетариата, а не другого какого-нибудь класса. Мы должны заново повести свою соц.-демократическую работу в массах, и нам нельзя возглавлять учреждения демократические, которые ведут вооруженную борьбу с большевиками. Однако, мы должны в то же время разоблачать большевизм и его авантюристскую и гибельную для пролетариата тактику. Одним словом, мы должны создать третью позицию: против той и другой стороны"[1].

Итак, „наиболее талантливый элемент в демократии" меньшевизм, признавая свое собственное бессилие, садится между двух стульев. Меньшевики играют роль Пилата, омывающего руки в тот момент, когда история поставила на разрешение основной вопрос—или власть пролетариата, или невероятнейшее издевательство над пролетариатом со стороны буржуазии. Отходя на словах в сторону от борьбы, на деле меньшевики помогают буржуазии бороться с рабочими. Признавая невозможной революцию, в задачу которой входит строительство социализма, доказывая, что наша страна доросла только до демократического строя, иначе говоря до буржуазной республики, меньшевики дезориентируют рабочих в борьбе и дают буржуазии возможность оправдать дикие расправы с рабочими и беднейшим крестьянством. Ясно, ведь, что если не доросли до перехода к строительству социализма, значит надо подчиниться буржуазии, надо содействовать буржуазии, установить „демократический строй". Таков смысл речи крымского вождя меньшевиков.

На заседании комитета меньшевиков 8 января обсуждался вопрос о настроении крымского штаба в связи с разгоном учредительного собрания. Меньшевики еще раз повторяют сказанное за день. „Нужно,—говорится на этом заседании,—выйти немедленно из состава Совета нар. представителей в виду готовящейся гражданской войны. Совет нар. представителей, очевидно (какая наивность, будто точно меньшевики этого не знают, *М. Б.*), идет за штабом, который предпринимает подавление вооруженной рукой части пролетариата, идущей за большевиками. Если это так, то нашим товарищам нельзя оставаться в Сов. нар. представителей, для нас может быть приемлемой только словесная

[1]) Разрядка в обеих цитатах моя, *М. Б.*

идейная борьба с большевиками"[1]. Начало борьбы словесной не откладывается в дальний ящик. Решено созвать собрание, на котором осветить политическое положение страны и Крыма „оттенив там авантюризм большевиков" [2].

Таким решением меньшевики говорили всякому имеющему голову на плечах буржуа и реакционеру: идите, бейте большевиков, рабочих и крестьянскую бедноту, а мы тут на досуге вас оправдаем, мы выругаем большевиков авантюристами и грабителями. Более наглого неприкрытого предательства не придумаешь.

Чтобы завуалировать хоть немного свою предательскую наготу, меньшевики в стачечном комитете, созданном еще при захвате „Народного Дома", выносят резолюцию, допускающую всеобщую стачку для борьбы с вооруженными до зубов офицерскими частями. 12 января требование стачечного комитета о роспуске офицерских отрядов было поставлено на обсуждение совещания, созванного Советом Нар. представителей.

Совещание это дало на выступления в словесной борьбе такой ответ: „Подтверждая, что борьба с захватническими властями необходима, Совет народн. представителей поручает ее вести штабу Крымских войск, которому он вполне доверяет"[3].

Этим архиреволюционный жест меньшевиков и кончился. Последнюю лебединую песнь они, перед победой советской власти, пропели своим выходом из состава Совета народн. представителей. Уход этот, однако, никого не удивил и не опечалил.

Джафер Сейдамет, воодушевленный доверием демократии, повел работу так, чтобы спровоцировать выступление севастопольцев против войск крымского штаба. Были задержаны продовольственные эшалоны, направляющиеся в Севастополь. После этого крымский штаб предъявил требование Севастополю разоружиться и подчиниться его распоряжениям.

Во флоте в это время в связи с распоряжением о демобилизации и попытками украинизации флота положение было несколько напряженным. Некоторые корабли, где большинство принадлежало матросам-украинцам, подняли украинский флаг.

Крымский штаб двинул свои войска в район Севастополя. Первой задачей было захватить Камышловский мост и отрезать Севастополь от севера. Высланный навстречу

---

[1] Книга для протоколов Кр. К. РСДРП, стр. 106.
[2] Тоже, стр. 107.
[3] „Прибой", орган меньшевиков, № 121—14 января 1918 г.

контр-революционным частям отряд в 200 человек с 10 на 11 января был атакован наступающими частями противника.

Удержать позиции отрядом в 200 человек было невозможно, противник был значительно сильнее. Ревком устроил тревогу под лозунгом: „Революционный Севастополь в опасности“. На призыв Ревкома явилось несколько тысяч матросов и рабочих. 12 января на станцию Сюрень был уже выслан отряд в 800 человек с пулеметами и 2 орудиями, а вслед за ним прибыли еще отряды. Численность революционных войск была доведена до 3.000 чел.

Части крымского штаба под напором революционных отрядов начали отходить к Симферополю. Джафер Сейдамет считал, что в Симферополе, наполненном офицерами и эскадронцами, „крамола“ изжита совсем. Он отступал к Симферополю, как к надежному тылу, но оказалось совсем иное. Рабочие, перенесшие многочисленные издевательства офицеров, были большевиками организованны и вооружены. В ночь на 13 января 1918 года отряд рабочих с завода Анатра и железной дороги под руководством Революционного Комитета захватил почту, телеграф и приступил к разоружению белогвардейских частей.

Удар в Симферополе был неожиданным, части Крымского штаба замешались, а затем под натиском севастопольцев разбежались. Отступать на север нельзя было не только потому, что в Симферополе власть уже перешла к Совету, но и потому, что в это время в Джанкое стоял отряд матросов, возвращающийся с фронта борьбы против калединцев и корниловцев.

Джафер Сейдамет бежал, оставив части на произвол судьбы. Часть национального правительства была арестована.

ГЛАВА V

Республика Тавриды

Попытки татарской буржуазии и реакционеров раздавить растущую советскую власть в Крыму не удались. Реакционеры и татарская буржуазия ушли в подполье, некоторые бежали из Крыма. Джафер Сейдамет убежал в Турцию. Солдаты татарского конного полка разошлись по деревням.

Хозяйство края к моменту установления советской власти „мудрым“ руководством буржуазии было подорвано. В городах, оторванных от деревни в дни вооруженной борьбы, обострился продовольственный кризис. Неменьшую остроту принял денежный кризис. Еще в ноябре месяце недостаток денежных знаков дошел до того, что предполагался уже выпуск крымских расчетных знаков. Расходы крымского штаба на армию окончательно опустошили казначейство и банки.

Недостаток фабрично-заводских изделий, дававший себя чувствовать еще в дни, предшествующие февральской революции, после нескольких месяцев отрыва от промышленных центров, дошел до невероятнейших размеров[1].

Отсутствие угля, нефти, дров привело к тому, что во многих городах Крыма стояли или работали со значительными перебоями электрические станции. Безработица по всем видам производства приняла невиданный до этого в Крыму размер.

Тяжелое экономическое положение края дополнялось еще целым рядом организационно-политических недостатков и трудностей. Напуганные достаточно могучим взрывом недовольства масс, меньшевики и эсэры залезли в собственные норы. Но нужно было только уничтожить врага в боях и взяться за организацонно-хозяйственную работу, как они снова повылезли на свет и начали свою провокационную

[1] В марте месяце после ряда мер, принятых Советом для учета, в Феодосии была выдана мануфактура. На 7 человек семьи давали 16 аршин, на 6—14 арш., на 3—8 арш., на 1—4 арш.

предательскую работу. Так, на одном из митингов в Севастополе с.-р. предлагали рабочим требовать от большевиков, взявших власть, квартир, улучшения материальных условий быта, открытия школ и проч. Когда же в ответ на это выступление представитель Комитета большевиков сказал, что сейчас выполнить этих требований нельзя, что край, доведенный до катастрофы, требует колоссального напряжения сил для борьбы с разрухой и укрепления завоеваний советской власти, то с.-р., ехидно улыбаясь, демагогически выкрикивали, что большевики испугались ответственности, взятой на себя[1]. Сохраненное меньшевиками организационное влияние в профсоюзах позволяло также вести антисоветскую работу в массах, пользуясь различными недостатками или раздувая отдельные ошибки органов советской власти.

Кроме этих трудностей, большое значение имело еще и то, что Октябрь, победивший буржуазию в городах, собравший массу матросов и значительные кадры рабочих в отряды борьбы с контр-революцией, не проник еще организационно в деревню. Деревня в вооруженном столкновении с татарской буржуазией и реакционерами не участвовала. В документах есть очень мало указаний на то, чтобы деревня проводила захват земли под руководством представителей партии. Деревенские массы, понявшие основные лозунги большевиков и выступающие у себя за их проведение в жизнь, не были еще привлечены к организованной борьбе и защите своих прав.

Борьба с татарской буржуазией и реакционерами представлялась очень многим, как борьба русских с татарами. Особенное распространение такие настроения имели в татарских деревнях, где буржуазно-националистическая интеллигенция старалась, пользуясь этими настроениями, разжечь национальный антагонизм и заставить некоторые слои татарского населения затаить злобу на Советы, которые уничтожили татарский курултай.

Парторганизации и мартовская конференция большевиков

И, наконец, нельзя обойти молчанием недостатка, заключающегося в организационной слабости самих партийных большевистских рядов на ряду с тем, что опыта партийной работы, участия в рабочем движении до революции у этих организаций также не было. Основные партийные кадры, занятые работой в организуемых органах власти, а до победы с головой ушедшие в военно-организационную работу, не могли, понятно, отдать много времени на внутрипартийную деятельность, на сколачивание, дисциплиниро-

[1] См. речь т. Островской на собрании участников революции в Крыму. Материалы Истпарт КрымОК ВКП(б).

вание и воспитание партийных масс. При таком положении станет понятным, напр., тот факт, что Феодосийская партийная организация, перевалившая количественно за сто человек, на весьма важные собрания могла собирать только 30—40 человек, и что Симферополь, напр., долгое время после занятия города не мог выделить вполне выдержанного и освобожденного от другой работы товарища на собственно партийную работу, а на партийных собраниях имели возможность выступать и анархисты.

Роль Губернского Комитета значительное время выполнял Симферопольский Городской Комитет. Запросы в ЦК партии большевиков о присылке работников не дали желанных результатов потому, что при грандиознейшем размахе работы, невероятнейших трудностях и, наконец, большой потребности в работниках и в других губерниях и областях ЦК не мог выполнить всех таких требований на работников.

Совершенно неудивительным покажется при этом и то, что в одной из газет (Феодосийской—Советской), находящейся под руководством большевиков, в передовой проповедывались такие, например, перлы теории: „Религия—дело совести всякого. Этот принцип провозглашен самим Иисусом Христом—истинным великим социалистом.

Социалистический строй, освободив этот великий принцип от прилипшей к нему с веками грязи и невежества, насилия и лицемерия, стоит теперь во всей его чистоте“[1].

Понятно, что при таком состоянии парторганизаций нужно было приложить много усилий для налаживания их работы. Одной из первых мер было издание газеты Губернского Комитета РСДРП (большевиков). Первый номер этой газеты, носящей название „Таврическая Правда“, вышел через 10 дней после взятия Симферополя, т. е. 24 января 1918 года. Газета с первого же номера взяла правильный курс, начавши на своих страницах освещение основных политических вопросов и задач советской власти. Кроме того, газета значительное внимание уделяла информации об общегосударственном положении и вопросам местного характера по различным областям работы.

На состоявшейся 2 марта губернской конференции РСДРП (большевиков) секретарем Губкома в докладе о работе было заявлено, что связи Губкома с местами нет, а, как вывод из этого, следует и то, что работы в Комитете тоже не было[2]. Большой ошибкой надо признать то обстоятельство, что Губернский Комитет и газета были в Севастополе, центр же губернии находился в Симферополе. Это

[1] См. указанную газету за 3 апреля 1918 года.

[2] „Таврическая Правда“, № 27—9 марта 1918 г., стр. 4.

положение еще больше усугубляло разрыв центра с местами. Несмотря на явную несообразность отрыва Губернского Комитета и газеты от центра советской власти в Крыму, на конференции разгорелись большие споры о том, где быть газете. Севастопольцы, мотивируя тем, что у них— массы матросов и рабочих, настаивали на оставлении газеты в Севастополе, как революционном центре. Жан Миллер, выступая в прениях, защищал иную точку зрения: „У Севастополя,—говорит он,—предвзятое представление о положении вещей. Он думает, что только в Севастополе революция... Центр там, где находится центральная власть“ [1]. Принятое на одном из заседаний решение об оставлении газеты в Севастополе было затем отменено постановлением о перенесении ее в Симферополь.

Кроме этих вопросов, конференция много внимания уделила вопросу о „соотношении партийной организации и советской власти“. „Сейчас,—говорит докладчик по этому вопросу,—приходится констатировать очень ненормальное явление. У власти стоят большевики. Совет работает от имени большевиков, между тем представители партии в Совете не находятся в контакте с партией, не пользуются ее директивами, не дают ей отчета в тех или других своих выступлениях“. Выступавший в прениях тов. Миллер заявил, что „часто стоящие у власти начинают терять голову и забывают, от чьего имени они работают... ... Работа каждого, поставленного у власти, может быть видна только из отчетов перед партией, что может быть достигнуто близким общением с ней“. Конференция высказалась за выделение одного дня в неделю от работы в Советах с тем, чтобы в этот день все представители партии в различных организациях давали отчет о своей работе в организации [2]. Такая форма безусловно способна была в то время, во-первых, служить делу сплочения организации, и, во-вторых,— втягиванию в советскую работу большого числа членов партии. Надобность во втягивании в работу была весьма велика. Конференция, обсуждая вопрос об организационной структуре Советов, предупреждала о возможности засорения отделов Совета (в то время они назывались комиссариатами) элементом, враждебным партии и власти. В целях предупреждения было решено допускать создание комиссариатов без коллегиального управления с единоличной ответственностью комиссара.

Конференция имела огромнейшее значение в работе парторганизации и работе Советов. Она помогла устано-

---

[1] „Тавр. Правда“, № 27, 9 марта 1918 г., стр. 4.
[2] „Таврическая Правда“, № 28, 10 марта 1918 г., стр. 4.

вить хотя бы некоторое единство действий различных парторганизаций в Крыму, вскрыв болезни организации. Далеко не все решения конференции нашли практическое применение, но это уже зависело от условий, создавшихся после нее. Важно в работе конференции уже и то, что она установила связь отдельных городов с губернским центром, а этому последнему позволила точнее определить состав и состояние работы парторганизаций.

Советы

В каком же состоянии находилась в этот момент советская работа?

Выше уже было указано на неувязку в работе парторганизаций и Советов. Отличительным признаком этого периода являлись непрекратившаяся еще организационная путаница, слабый охват масс и некоторое оживление деятельности антисоветских групп, спекулировавших на затруднениях первого периода.

Севастополь, руководивший военной борьбой с контрреволюцией, сохранил первые дни в своих руках руководство краем. Созданный в Симферополе Ревком не мог сразу охватить своим влиянием всю губернию; кроме того, военная сила и штаб отрядов Красной Гвардии продолжали оставаться в Севастополе, уменьшая тем самым реальную силу Губернского Ревкома. „Двоевластие“ долго продолжаться, конечно, не могло; нужно было внести ясность во взаимоотношениях между уездами и губернским центром и в отношениях между Губернским Ревкомом и штабом. С этой целью на 29 января была созвана конференция Военно-Революционных Комитетов, собравшая 47 делегатов с мест и объявившая себя губернским съездом. На съезде были представлены только города и городские курортные местечки. Съезд, заслушав доклады с мест, после довольно длинных прений решил перенести центр управления губернией в Симферополь. Военный комиссар оставался в Севастополе, но обязан был свои действия согласовывать с губернским Исполнительным Комитетом. На деле такое решение привело к ряду недоразумений между губернским центром и губернскими властями. Трения эти впоследствии оказали огромнейшее отрицательное влияние на работу по организации и боевому сплочению отрядов Красной Армии, и, кроме того, несогласованность создавала условия для сепаратных выступлений отрядов и, наконец, содействовала разрыву мероприятий, направленных к закреплению завоеванных позиций. Единство действий и централизованная, крепкая власть были необходимы, потребность в них вызывалась всеми условиями развития революции не только в Крыму, но в России вообще, однако, это не было достигнуто местными организациями.

Съезд избрал Таврический Центральный Исполнительный Комитет в составе 9 человек: 7 большевиков, 2 левых с.-р. Затем, обсудив земельный вопрос и предложив местам „руководствоваться земельными законами и инструкциями, изданными Третьим Всероссийским Съездом Советов и Советом Народных Комиссаров, применяя таковые к местным условиям“, — съезд перешел к весьма острому в тот момент продовольственному вопросу.

Обсуждение вопроса в основном свелось к тому: какими методами собрать в Крыму хлеб для отправки его в промышленные районы и для армии. Докладчик, указывая на голод, который с каждым днем растет, заявляет: „Тяжело работать. Нет денежных знаков. Пять миллионов расходуется в один час при расплате за хлеб. Отправленный поезд на север был разграблен. Губернские Комитеты не не признают власти Исполнительного Комитета. Нужно действовать дружно и вместе... Во имя спасения невозможно допустить никаких самочинных действий[1].

Предложения докладчика о принятии решительных мер для сбора и отправки хлеба были одобрены съездом. Изъятие излишков хлеба допускалось и путем реквизиции. Предложено было не останавливаться перед привлечением к сбору хлеба вооруженной силы.

Исполнительный Комитет, избранный съездом, создал комиссариаты (отделы) по управлению и руководству отдельными отраслями хозяйственной и культурно-политической деятельности. Наряду с комиссариатами земледелия, финансов, путей сообщения, юстиции, почты и телеграфа, труда, народного просвещения, социального обеспечения, был создан комиссариат по национальным делам. Многонациональность Крыма требовала создания такого комиссариата. Ошибочным надо признать то, что этому комиссариату поручалось регулирование работы и среди коренного населения Крыма — татар. Татарский курултай был распущен декретом Ревкома от 17 января, потому что, „составленный преимущественно из представителей татарской буржуазии совместно с Советом народных представителей, вел борьбу с советской властью в Крыму и в центре государства“[2]. Этот безусловно правильный шаг со стороны Ревкома не был тотчас же закреплен мероприятиями, которые бы содействовали привлечению к работе татарской бедноты или близких большевикам групп татарской интеллигенции. Ревком в своем декрете объяснял это так: „... Население Крыма состоит не только из татар, но и народов других национальностей, как-то:

---

[1] См. „Таврическая Правда“.

[2] Дело Совнаркома. Крымцентроархив.

русских, евреев, караимов и др. Революционный Комитет ставит своей задачей создание в Крыму именно такой демократической Советской власти, которая могла бы удовлетворить все национальности"[1]. Возразить что-нибудь принципиально против такой мотивировки нельзя. В практическом же преломлении это привело к тому, что массы татарского населения остались несколько в стороне. В глазах мелкой националистической буржуазии это было простым возвращением русских к власти, насилием, произведенным русскими войсками над пробудившимся национальным движением. Такое положение содействовало развитию агитации в массах оставшимися буржуазно-националистическими группами. Этот отрыв и затем еще некоторые далеко неверные шаги привели к организации антисоветских татарских ячеек на местах, а затем и к вооруженному выступлению против Советов.

Значительно позднее, уже после объявления Республики Тавриды, был создан комиссариат по крымско-мусульманским делам при Центральном Исполнительном Комитете и на местах при Советах. Декрет объяснял создание комиссариатов на местах следующими соображениями: „как показывает опыт деятельности комиссариата за время его существования, последний, находясь в Симферополе, не имеет возможности предусмотреть и своевременно удовлетворить все дела и нужды мусульманского населения в уездах и волостях. Для устранения этого неизбежного при управлении из центра недостатка и ущерба для интересов мусульман на местах признано необходимым организовывать в уездах, волостях и городах отделы комиссариата по крымско-мусульманским делам".

Комиссариаты на местах избирались общими собраниями мусульманского населения в городе и селе. Комиссариат состоял из 5 человек: председатель, секретарь, казначей и два члена. В состав краевого комиссариата по мусульманским делам вошла левая группа курултая.

Решение о создании комиссариатов, принятое в целях приближения татарской части населения к Советам, нельзя, однако, признать правильным. Оно являлось уступкой неизжитому национализму левой группы курултая. Отсутствие классовости в этом решении, мелкобуржуазность его подтверждается хотя бы тем, что комиссариат должен выбираться общим собранием населения. Такой порядок выборов ни в какой степени не гарантирует четкости политической линии комиссариата. По выборам могли пройти не только просто кулаки, но и татарская буржуазия, что и имело место в практике выборов комиссариатов. В январе месяце по

[1] Дело Совнаркома. Крымархив.

директиве Севастопольского Совета было приступлено к реорганизации советов на местах „по образцу центральной власти“ с отделами „по всем отраслям государственного управления“; этой же директивой предлагалось провести слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими советами.

Крестьянские советы, имевшие эсеровское большинство, ни в какой степени не гарантировали успешного проведения мероприятий, направленных к закреплению советской власти в деревне. Поднятые революционной войной и принужденные санкционировать революционные акты в деревне или принимать участие в событиях революционного характера, они в любой момент могли пойти обратно, могли затормозить или сорвать отдельные начинания, да и всю политическую линию. Губернский Центральный Комитет Советов в начале февраля дал указание местным ревкомам и Советам о перевыборах всех советов и земельных комитетов, избранных до 13 января. На предстоящем губернском съезде Советов имели право участвовать только те Советы, в которых проведены перевыборы.

В составе Советов число большевиков и близких им групп беспартийных увеличилось, но остались и довольно значительные группы с.-р., анархистов, меньшевиков, которые занимались тем, что тормозили работу Совета, вставляли палки в колеса. Такая тактика соглашательских партий не могла, конечно, не отзываться на отношениях Совета с массами. Были случаи, когда в Совете на ряду с революционно-настроенными группами депутатов заседали и не признающие власти Советов. В Феодосии, чтобы сорвать авторитет Совета, на его заседании, например, из 200 человек являлось только до 60 человек. Городские думы и земства после решения о их роспуске пытались еще ужиться в соседстве с Советом, сохранить свой аппарат и участвовать в работе на правах „хозяев города“. Биржи труда, продовольственные организации были в руках меньшевиков и с.-р. Симферопольский гор. продовольственный комитет имел свою газету „Симферопольский Город. Вестник“. Во 2-м номере этого „Вестника“ меньшевики возвещали, например, следующее: „У нас анархия, нас постигла катастрофа, мы впали в первобытное состояние. Организованность и самоограничение спасут положение. Организуйтесь вокруг продкомов“. Характерно и то, что этот самый „Вестник“, ведущий антисоветскую агитацию, дожил до прихода немцев и при них продолжал выходить, заменив в заголовке комиссариат словами „комитет при городском самоуправлении“. Продовольственные комитеты вместо регулирования снабжения населения занимались саботажем распределения и про-

вокацией населения. В апреле в Симферополе удалось провокацию и саботаж довести до открытого бунта толпы, которая убила продовольственного комиссара.

В Феодосии местный Ревком не сумел справиться с анархическими выступлениями сорганизовавшихся отрядов Красной гвардии. и дело кончилось тем, что председатель его 16 января был арестован и на его место был выдвинут никому неизвестный командир одного из отрядов.

Самосуды, обыски, реквизиции золотых вещей отрядами, которые часто не были зарегистрированы в Совете и являлись просто шайками людей, жаждущих легкой наживы, имели в первые организационные недели широкое распространение в городах и селах Крыма. Многие из них прикрывались именем Ревкома и мотивировали свои действия необходимостью бороться с буржуазией и контр-революционерами. Имели место и такие случаи, когда назначение на ответственные посты производилось не Ревкомом или Советом, а отдельным отрядом Красной гвардии.

Самочинные выступления мародерских групп заставили Севастопольский Совет издать строгое распоряжение, по которому виновные должны были привлекаться к суровой ответственности, запрещалось появление на улицах после 11 часов ночи, устанавливался порядок арестов. Во вводной части этого распоряжения Совет писал: „...Рядом с отрядами от Исполнит. Комитета действовали самозванные группы мародеров, переодетых в матросскую форму, которые, врываясь без разбора в дома мирных граждан, грабили и производили над ними самосуд. Товарищи, это не есть борьба с буржуазией и контр-революционерами, а лишь подрыв советской власти, которая не может допустить никаких грабежей и самосудов“[1].

В Симферополе, Ялте, Феодосии, Евпатории, во всех городах имело проявление анархизма, стихийности, но оно не было массовым явлением. Массовую форму выступления приняли только тогда, когда опасность выступления местной буржуазии при поддержке начавших наступление немцев стала весьма реальной и близкой, в дни, когда Совнарком бросил клич: „Социалистическое отечество в опасности!“

Совет не мог охватить и организационно оформить массового выступления протеста против надвигающейся опасности. Разразились события, вошедшие в историю под именем Севастопольской Варфоломеевской ночи. В Севастополе события произошли 22, 23 и 24 февраля 1918 г. На заседании Совета 26 февраля события были описаны так:

„В связи с немецким наступлением, некоторые элементы в городе снова начали говорить против советской власти.

---

[1] „Известия Сев. Совета воен. и раб. депутатов“, 26 февраля, № 212, стр. 1.

Это, очевидно, вызвало возбуждение среди т.т. матросов. По этому поводу на линейном карабле „Борец за свободу“ было созвано собрание представителей судовых комитетов, где и решено было не терять много слов и перейти к делу, заставить буржуазию снова опустить голову, которую она подняла под влиянием немецких успехов. Намечен был ряд действий вплоть до поголовного истребления буржуазии.

Исполнительный Комитет С. В. и Р. Д. ничего об этом не знал. Когда Исполнит. К-ту сообщили, что на Каменной пристани творится что-то неладное, что там собрались вооруженные матросы, которые никаких уговоров и ораторов слушать не хотят, говоря, что время митингов прошло.

Матросы разбились на отдельные отряды, которые решили действовать за свой страх и риск.

Не вмешиваясь в организацию самосудов, члены Исполн. К-та Севастополя начали добиваться, чтобы выступление это было организованным. Аресты начались с 2-3 час. ночи. Удалось провести организационно-сортировочный комитет, который отделял одних арестованных направо, других налево. Все же в ту же ночь с 22-го на 23-е февраля было убито не менее 250 человек“[1].

Выступление в Севастополе нашло отклик и в других городах. Симферопольский отряд Красной гвардии расстрелял до 170 человек буржуазии, Ялта, Феодосия последовали примеру первых. В некоторых городах удалось не допустить неорганизованных арестов и расстрела (Алупка и др.). Выступления были сурово осуждены Советами, штабом Красной гвардии, центрофлотом и др. организациями. Один из выступающих в заседании Севастопольского Совета заявил: „Мне говорили, что это сделали анархисты, нет это не анархисты, так поступают презренные негодяи, а не анархисты“[2].

„Таврическая Правда“ 16 февраля напечатала воззвание, в котором, обращаясь к матросам и рабочим, писалось: „Мы соц.-дем. большевики понимаем Ваше чувство ненависти к тем, кто Вас порабощал и угнетал. Мы понимаем, что Вы до боли измучены войной, вековым издевательством генералов, офицеров. Выведенные, наконец, из пределов терпения контр-революцией, оборонцами, их наглой ложью и травлей на власть Ваших Советов, Вы теряете революционное равновесие, применяете иногда неверный, неприемлемый путь борьбы, но мы предупреждаем Вас, что в такие моменты, когда, с одной стороны, контр-революция наголову разбита Вами в открытом бою, с другой стороны, когда Вы

---

[1] „Известия Севастоп. Совета военных и р. депут.“, № 214, 28 февр., стр. 3.

[2] Там же.

ее гнусными приемами выведены из пределов терпения, она и здесь ищет спасения, направляя Вас через своих агентов, шпионов на такой путь борьбы, который выгоден и нужен только Вашим врагам"[1].

Симферопольский Совет принял решение, которым были запрещены обыски ночью, создал отряд из большевиков и членов профсоюзов; в задачу этого отряда входила борьба с самочинными выступлениями, обысками и проч. Кроме этого, Совет постановил „изъять из регистрации партию анархистов, как партию, не признающую Советской власти"[2]. Решение это внесло ясность в отношении к анархистским элементам края. Они долго и после решения вели дезорганизаторскую работу, мешая Советам, но хорошо было то, что Советы отмежевались от них, заявив этим о своем стремлении к организации и налаживанию хозяйственно-политической жизни края, значительно разоренного войной и владычеством соглашателей, а затем и реакционеров с буржуазными националистами.

Матросы сознали свою ошибку, выступая в заседании Севастопольского Совета, — одни говорили: „Мы виноваты, но, когда я бросал в море офицеров и спекулянтов, я думал, что делаю хорошее дело. И мои товарищи, которые принимали участие в расстрелах, думали, что они поступают, как честные революционеры"[3].

Причины для возмущения матросов и рабочих были налицо, контр-революционеры обнаглели к этому времени настолько, что рисковали открыто выступать против Советов. Так, в Алуште 21 февраля распространялось воззвание, призывающее к свержению советской власти, а население провоцировалось на еврейский погром.

Кроме этих причин, содействовало возбуждению масс и общее экономическое состояние края. Как уже было указано выше, край к приходу советской власти переживал острый финансовый кризис. Одной из мер, способствующих изжитию кризиса, был налог на буржуазию (контрибуция). В Севастополе сумма налога выражалась в 10 миллионов, в Симферополе несколько больше, Керчь, Феодосия также проводили налог, при чем уездные города обязывались высылкой до 35% суммы собраннаго налога Губернскому Исполкому. После нескольких предупреждений капиталисты все-таки старались укрыться от налога, припрятать имеющиеся у них ценности. Налог этот, на ряду с задачей уничтожения денежного кризиса, проводился еще и потому, чтобы обессилить буржуазию экономически, сделать ее

[1] „Таврическая Правда" 7 марта 1918 г., № 25, стр. 4.
[2] Тоже.
[3] „Революция в Крыму", сборник Истпарта № 2, стр. 56, ст. т. Гавена.

неспособной субсидировать контр-революционные организации, и пресечь попытки выступать против советской власти. Налог этот был одной из форм борьбы с капиталистами. Понятным отсюда становится упорное нежелание одних уплачивать налог и настойчивое, доходящее до арестов и заключения в тюрьму, требование об уплате.

Укрывательство капиталистов от налогов в момент растущих опасностей для советской власти являлось причиной озлобления против них матросских и рабочих масс.

Кроме налога на буржуазию, денежный кризис должен был несколько сократиться привлечением денежных знаков в банки. С этой целью кредитные билеты, хранящиеся в сейфах, подлежали перенесению на текущий счет в том же банке, домовладельцы обязывались вносить квартирную плату с 16 февраля в банк на свой текущий счет, а доход от домов, превышавший 300 руб., вносился на текущий счет Совета раб. и солдат. депутатов. И, наконец, все налоги прежних лет население обязано было вносить немедленно в Советы или банки на текущий счет Советоз. Сбор налогов по недоимкам прежних лет не дал реальных результатов в борьбе с денежным кризисом, но зато сыграл отрицательную роль в установлении отношений советской власти с крестьянскими и друг. близкими власти группами. Нужен был, видимо, еще более решительный нажим на капиталистов, это дало бы больше денег и не было бы причиной разрыва Советов с массами. Внесение налогов прежних лет приравнивалось плательщиками к налогу на капиталистов, давало контр-революционным группам повод ко всевозможным сравнениям Советов со старой властью. Тем более, что все не внесшие налога объявлялись стоящими вне закона, им угрожали конфискацией имущества и отправлением на принудительные работы.

Обращает на себя внимание позиция Балаклавского Совета в вопросе о контрибуции. В ответ на требование об обложении налогом буржуазии Балаклавский Совет сообщил следующееe:

„Балаклавский Совет, в отличие от всех остальных Советов Тавриды, проводит в жизнь основной принцип социализма, уничтожение классовой структуры современного общества. Балаклава больше не знает эксплоататоров и эксплоатируемых. Местная буржуазия, благодаря целому ряду декретов Совета, как класс, перестала существовать. Все частные хозяйские предприятия перешли и переходят в руки Совета. Балаклава с каждым днем все более и более принимает вид и характер социалистической коммуны. Не только частно-хозяйские предприятия, но и дома, оцененные свыше 20.000 руб., перешли в собственность Совета, оцененные на сумму от 10.000 до 20.000 руб. под контроль

Совета. Все профессиональные союзы и производительные артели объединены Комиссариатом Труда и Продовольствия в единый, согласно действующий механизм.

Совет посредством трудовых артелей обрабатывает сады и виноградники, поля и огороды, и урожай 1918 года весь поступит в распоряжение Совета. Таким образом, все те применяемые другими Советами способы и средства выкачивания денег из карманов буржуазии, которая у вас продолжает существовать, как класс,—у нас не имеют места".

Заявление о том, что буржуазия окончательно перестала существовать, является несколько смелым, но, с другой стороны, нельзя не признать, что курс на уничтожение капиталистов, как класса, был взят, безусловно, правильно. Буржуазия лишилась главного средства производства и это выбивало у ней всякую почву в борьбе с рабочим классом. Балаклавскому Совету нужно было еще, вместо заявления о невозможности применения способов, принятых другими Советами, лишить буржуазию и накопленных ею ценностей.

Последней мерой уничтожения денежного кризиса было обращение к центральной власти с просьбой о высылке денег. 15 марта Совнарком отпустил Крыму 20 миллионов рублей. Таким образом, острота денежного кризиса во второй половине марта была несколько изжита.

Профсоюзы, меньшевики и рабочее законодательство

До конца существования советской власти в Крыму не удалось уничтожить острой безработицы. В связи с сокращением производства на ряде предприятий, наплывом безработных из центральных губерний и возвращением рабочих, бывших на фронте,—число безработных быстро выростало. Нужны были радикальные меры для рассасывания безработицы, из них основными надо признать организацию общественных работ и не только поддержку, но и развитие производственной деятельности предприятий. Вторая из этих мер могла быть проведена при строжайшем контроле, регулировании работы предприятий или при передаче предприятий государству. Контроль и регулирование осуществлялись через фабрично-заводские комитеты профсоюзов. Во главе профсоюзов продолжали оставаться меньшевики, всячески тормозящие развитие работы. Хозяйственного центра, способного направлять промышленную жизнь края, не было. При таком положении не могло быть и речи о сколько-нибудь плановом производстве, а тем более о расширении производства и втягивании в него безработных. Предприниматели, сохранившие в своих руках предприятия, беспричинными увольнениями, задержкой выдачи зарплаты вели курс на то, чтобы восстановить против советской власти рабочих, работающих в предприятии.

Не мало затруднений было и на предприятиях, переданных государству. Денежный кризис, неналаженность продовольственного аппарата, недостаток сырья, топлива—все это давало себя чувствовать, создавая перебои в деятельности промышленных заведений. При каждом удобном случае меньшевики старались использовать перебои и некоторые ошибки не окрепшего еще советского аппарата. Излюбленным методом борьбы у меньшевиков была организация рабочих для предъявления явно невыполнимых требований, дабы этим подчеркнуть „несостоятельность“ большевиков. Меньшевики не останавливались даже перед натравливанием и внесением розни между матросами и рабочими. Так, например, когда матросы нескольких кораблей обратились с призывом к рабочим повысить производительность труда, меньшевики протащили на рабочем собрании в Севастополе в слесарно-сборочной мастерской порта резолюцию, в которой заявляли, что матросы живут лучше рабочих, более обеспечены и меньше работают.

На собраниях в ряде предприятий Севастополя меньшевики провели резолюцию, требующую выдачи добавочной заработной платы с 7 марта 1917 г. После этого решения матросы минной бригады и Корабельной вынесли решение, которым требовали выдачи увеличенного пособия пенсионерам, прежде чем должна быть выдана здоровым и сытым мастеровым требуемая ими надбавка.

Одним из явлений, способствующих внесению разлада в ряды рабочих, было существование отдельного союза безработных, при чем в союз этот без разбора входили самые разнородные по специальности, квалификации и социальному положению лица.

Борьбу с безработицей, втягивание рабочих в производственную жизнь, повышение дисциплины в производстве и, наконец, организационное перестроение рабочих организаций по такой системе, которая бы обеспечивала более правильное и широкое участие рабочих в строительстве советской страны, можно было проделать только через профессиональные союзы.

5 марта (21 февраля) 1918 г. в Симферополе открылся съезд профессиональных союзов Крыма. На съезде присутствовало более 200 человек. С первой минуты после открытия съезда стало ясно, что большинство съезда принадлежит меньшевикам, владеющим профсоюзами. Голос фракции большевиков и левых с.-р., вместе насчитывавших 53 чел., тонул в море меньшевистской демагогии.

Меньшевики еще при обсуждении повестки дня постарались придать съезду характер съезда по вопросам борьбы с безработицей. Вопросы коренной организационной пере-

стройки профсоюзов и вопросы отношения профсоюзов к советской власти не ставились, а когда фракция большевиков и левых с.-р. предложила послать приветствие Совнаркому, съезд решил этот вопрос поставить в текущие дела, собирающийся же в эти дни съезд Советов Тавриды профсоюзные дельцы приветствовали не как высшую власть в крае, а „как съезд“.

После таких решений не могло быть никакого сомнения в том, что меньшевики намерены превратить съезд в организацию борьбы с советской властью. Намеренно раздувая трудности, дезорганизуя ряды рабочих, сталкивая лбами отдельные группы между собой и с органами Советской власти в вопросах борьбы с безработицей, меньшевики старались представить все это стремлением в первую очередь решить вопрос о „профессиональных нуждах“ рабочих, а уже после этого—вопросы политические.

Следует отметить то, что в стремлении обеспечить свое большинство на съезде, меньшевики не пригласили те союзы, которые по их расчетам должны были дать левых делегатов, а в некоторых союзах выборы делегатов производились не на собрании членов союза, а в правлении.

Фракция большевиков и левых с.-р., не добившись принятия ее предложений, приняла такое постановление:

„Объединенное заседание фракций съезда с.-д. большевиков и левых с.-р. в количестве 53 человек, обсудив вопрос об отказе большинства съезда признать Советскую власть и приветствовать Совет Народных Комиссаров, чем показала, что съезд не оправдывает доверия пролетариата,—считает невозможным брать на себя ответственность за постановления и решения. Фракция оставляет съезд“ [1].

Простого ухода было, конечно, мало, нужно было принятие мер, исключающих контр-революционную деятельность меньшевиков, тем более, что при обсуждении доклада губернского Совета профсоюзов меньшевики уже начали открытое наступление на Советы. Центральный Исполнительный Комитет решил съезд закрыть, а открывшийся на следующий день съезд Советов это решение подтвердил, обязав Исполком оказывать содействие организациям профсоюзов в общей работе и в созыве нового съезда, который бы отразил действительную волю масс.

Разогнанные меньшевики не заставили себя долго ждать, они немедленно взялись за срыв подготовки к новому съезду. Временному бюро профсоюзов, выделенному ушедшим со съезда большевиками и с.-р., нужно было организационными и иными мерами освободить массы из-под

[1] „Знамя Труда“, 8 марта, № 4.

влияния меньшевиков, одновременно содействуя мероприятиям по борьбе с безработицей.

Назначенный на 19—20 марта новый съезд профессиональных союзов не состоялся за неприбытием делегатов. Приехавшие решили провести совещание, на котором был принят ряд решений, легших затем в основу деятельности временного бюро и губернского комиссариата труда. По вопросу борьбы с безработицей совещание приняло такую резолюцию:

„Собрание, вполне одобряя деятельность губернского комиссариата труда, выражает пожелание о рассылке губернским комиссаром всем местным комиссарам труда соответствующих инструкций с предписанием организовать в своих районах комитеты по борьбе с безработицей. Комитеты эти должны выделить из своей среды представителей и делегировать их в Таврический Центральный Комитет по борьбе с безработицей.

В основу деятельности комитетов должны быть положены следующие принципы:

1) Что борьба с безработицей в данный момент превращается в задачу развития производительных сил края.

2) Что все надвигающиеся голодные массы с севера особенно обостряют этот вопрос, что требует неотложных мер в этой области.

3) Что при напряжении общественных сил и при наличии в Таврической губернии естественных богатств край может дать работу и хлеб огромным кадрам безработных.

4) Что для этого требуется видоизменение видов и форм и целей развития промышленности, каковые должны быть направлены в сторону осуществления общественных потребностей, руководясь основными социалистическими принципами: получения наибольшего количества благ при наименьшей затрате сил. Поэтому должны быть немедленно созданы на местах и в центре советы народного хозяйства и комитеты по борьбе с безработицей в составе представителей С. Р. и Кр. Деп., комиссариатов труда, комиссариатов финансов, торговли и промышленности и земледелия, советских хозяйственных управлений, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и технических сил.

В задачу комитетов входит: выяснение положения вопроса, разработка необходимых планов и руководство их практическим осуществлением.

6) Безработные должны регистрироваться при биржах труда, отсылаться оттуда в свои союзы, должны организовываться вокруг них и объединяться при совете союзов в советы безработных.

Другие виды организаций безработных недопустимы.

7) Помощь безработным должна быть непосредственная—продуктами, квартирой и т. п., избегая материальных подачек. При этой помощи необходимо прибегнуть к самодеятельности безработных.

Средства для помощи должны черпаться из общегосударственного источника.

Необходимо немедленно провести в жизнь декрет о страховании от безработицы.

9) Вся деятельность должна быть строго централизована, местные интересы должны уступить место общим. Общественные работы должны носить характер задач развития производительности края и удовлетворения его основных потребностей".

Совершенно правильный курс на развитие производительных сил края, объединение промышленности в руках государства, привлечение государства к делу борьбы с безработицей и уничтожение, вернее изживание, розни и цеховщины в рядах рабочих, не мог, однако, получить последовательного выполнения вследствие того, что на Крым надвигалась новая опасность, заставившая временно задержать проведение в жизнь решений. На Крым начали надвигаться полчища немцев и гайдамаков,—события потребовали сосредоточения внимания на вопросах военной обороны края.

В области рабочего законодательства, несмотря на невероятные трудности, был принят целый ряд решений, обеспечивающих освобождение рабочих от эксплоатации капиталистов. Тарификация заработной платы, контроль над проведением 8-мичасового рабочего дня, вопросы о сверхурочных, сдельных работах—были переданы профессиональным союзам приказом комиссара труда 27 февраля. Этим же приказом закрыты частные конторы по найму рабочих и служащих, с передачей регулирования найма профсоюзам и бирже труда. Приказом от 9-го марта отменялись какие бы то ни было сборы в пользу ремесленной управы, устанавливался 6-тичасовой, а в предпраздничные дни 4-часовой рабочий день для молодежи от 16 до 18 лет; все возвращающиеся с фронта солдаты получали право возвращения на свое прежнее место и выдачу заработка с 27-го февраля 1917 г. по день увольнения из части. Все предприятия обязаны были в случае увольнения предупреждать за две недели, или же выдавать зарплату за это же время.

Даже это краткое перечисление мероприятий убеждает каждого, что в условиях борьбы с контр-революцией при невероятно тяжелом финансовом положении молодая советская власть в Крыму решительно взяла курс на защиту

интересов рабочих. Не прислужничество перед буржуазией, не уговоры о том, чтобы не обижать предпринимателей „чрезмерными требованиями“, а последовательная и довольно четкая классовая линия в рабочем законодательстве—такова основная характерная черта действий советской власти.

Кроме этого, обращает на себя внимание и подтверждает этот вывод еще и решение о введении твердых цен на предметы первой необходимости, что должно было содействовать закреплению реальной заработной платы.

Меньшевикам не нравилось все то, что предпринимают Советы для закрепления завоеваний Октября, они продолжали рассуждать о чистой демократии — государстве гражданских свобод, народовластии, необходимом „пролетариату для его классовой борьбы“[1], и о том, что мы „не доросли до перехода к строительству социализма“. Продолжая господствовать в профсоюзах, меньшевики собирались дать бой Советам на предполагаемом к созыву 23 апреля съезде профессиональных союзов. Ошибки местной организации большевиков, заключающиеся в недооценке значения работы в профсоюзах, сказались в период январь—апрель достаточно ярко. Аппарат профсоюзов, захваченный бюрократами меньшевиками, творил контр-революционное дело. Нужно было большевикам положить очень много усилий, нужно много примеров предательства рабочих интересов меньшевиками, явной продажности для того, чтобы через несколько лет массы окончательно ушли от меньшевиков, изгнав их из руководящих профсоюзных органов. Пока меньшевики сидели в профсоюзах, они с невероятной наглостью в тот момент, как над краем нависла военная опасность, когда честные рабочие под руководством большевиков изнемогали от работы по восстановлению разрушенного в период буржуазно-меньшевистско-эсеровского владычества хозяйства края, писали: „Большевики толкнули Совет на путь такого насильственного вмешательства и в продовольственное дело, и в заводскую жизнь, которое привело к полному разгрому продовольственных органов, к голоду, к закрытию фабрик и заводов (разрядка подлинника, *М. Б.*) и грозному расстройству всей хозяйственной жизни“[2]. Наглая ложь станет ясной, если вспомнить, что за 8 дней марта (22—29) 1918 года было только отправлено в голодающие промышленные районы 702 вагона хлебопродуктов (из них 556 вагонов пшеницы и пшеничной муки[3]), тогда как в марте 1917 г. при власти бур-

---

[1] „Прибой“, 4 апреля, № 145.

[2] „Прибой“, 4 апреля.

[3] Дело № 15 канцелярии Совнаркома Тавриды за 1918 г. Крымцентроархив.

жуазии и меньшевиков, когда, по-меньшевистски рассуждая, продовольственные органы не были разгромлены,—удалось вывести хлеба всего 10 вагонов. Большевиками были допущены ошибки в деле сбора хлеба, но эти ошибки ни в какой степени нельзя называть разгромом. Ошибки эти сводились к тому, что продовольственные отряды допускали применение репрессий к крестьянству, чем содействовали успеху эсеровской агитации в деревне и отталкивали несознательные массы крестьян от советов.

Меньшевики не ограничивались работой в профсоюзах, в Советах, там, где им удалось еще удержаться,—они не только тормозили работу, но так же, как и в профсоюзах, использовали малейшее затруднение, в целях своей противосоветской агитации.

Губернский съезд советов

6-го марта в Симферополе открылось совещание делегатов съезда советов. Назначенный вначале на 3-е марта, съезд, вследствие неподготовленности центральных и местных организаций, был отложен затем на 10-е марта. Несмотря на сообщение о перенесении съезда, очень многие делегаты явились раньше 10-го марта,—к первому сроку созыва. По отношению к отдельным группам делегатов раннюю явку нельзя объяснить простым запозданием сообщения о перенесении съезда. Причина, при которой большевики согласились заменить 3-е марта десятым, заключалась в желании обновить состав местных Советов: вместо сидящих в деревенских советах с.-р., ввести наиболее близкие большевикам группы крестьянской бедноты. Такая задача была не по душе левым с.-р., которые на совещании делегатов съезда подняли спор, обвиняя председателя Губернского Исполкома—Миллера и других членов Исполкома в преступной небрежности по созыву съезда. С.-р. сваливали вину на Миллера и оправдывали своих представителей в Исполкоме тем, что съезд перенесен в отсутствии левых с.-р. В результате бурных обсуждений решено съезд признать законным и открыть, обвинение в преступной небрежности снять, отметив, однако, что губернский Ц. И. К. был перегружен работой и фактически не мог выполнить возложенную на него обязанность[1].

На следующий день при открытии съезда левые с.-р., зная, что из наличного числа делегатов большинство принадлежит большевикам, попытались еще раз сорвать открытие. Они лелеяли мечту о том, что остальные неявившиеся делегаты будут близки с.-р. или явятся самыми настоящими эсерами. Большинство высказалось за открытие съезда в составе до 300 человек делегатов. К концу съезда делегатов было уже значительно больше.

---

[1] Отчет первого съезда советов, стр. 5.

Съезд открылся в дни, когда под угрозой немецкого штыка делегация советской страны отстаивала в мирных переговорах с Германией права на жизнь Советской Республики. Немецкий империализм готов был раздавить советскую страну, пользуясь тем, что русская армия, измученная в войне, уходила с фронта, а собрать новую сильную армию, которая была бы способна остановить зарвавшихся завоевателей, было нельзя. Разоренная войной страна нуждалась в передышке для налаживания хозяйства и борьбы с внутренними, враждебными рабочему классу и крестьянству, силами. Немецкое командование предложило советской делегации кабальные условия мира [1] и они были приняты. Гений коммунистической партии указал верный путь: заключить мир, подписать кабальный договор. Нужна передышка, революция в Германии неизбежна, а революционные рабочие не признают насилия над своими братьями,—договор будет расторгнут. Так ставился вопрос о подписании. Отказ от договора был равносилен самоубийству советской власти, признание его давало надежду на спасение страны и завоеваний Октября.

О мире с Германией

К вопросу о заключении мира было приковано внимание всех, то был вопрос о жизни и смерти молодой советской республики.

Таврический Губернский Съезд Советов подверг вопрос о мире всестороннему обсуждению. На первом заседании Съезд принял резолюцию, в которой „весь угнетенный и порабощенный народ, кому дороги интересы родины и революции, призывался забыть в настоящий грозный момент партийную рознь, стать на страже Советской Республики и на защиту Великой Российской Социальной революции и Советской власти... Все к оружию и в решительный момент при посягательстве в дальнейшем на российскую революцию мы ударим в набат. Вперед... в сырые ямы... с оружием в руках". Резолюция, внесенная большевиками, была поддержана левыми с.-р. Но на следующий день вопрос о мире был снова поставлен на обсуждение. Здоровый рассудок здесь взял верх над революционной фразой. Выступавший с докладом комиссар Румынского фронта тов. Куль нарисовал такую картину положения страны:

„Товарищи, мы все знаем, в каком положении наша страна, мы знаем, что натиска наша армия не может выдержать, а вывести новые войска им на замену мы не сумеем, так как истощены до крайности, да и, кроме того, железнодорожное сообщение у нас плохо. Идущим в бой мы даем только, сколько они могут взять с собой; наша армия

[1] Германия требовала подписать такие условия, по которым ей предоставлялось право беспошлинного ввоза и вывоза в течение пятнадцати лет, затем демобилизация армии и флота, очищение Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и проч.

приходит и бьется день, два геройски, а затем, кто не попал под пули, должны отходить или умирать, так как сообщения нет. Посмотрите, как ходят наши поезда, север голодает, получает хлеба по четверть фунта в день, а между тем хлеб у нас есть, только далеко, мы его не сможем вывозить, потому что нет поездов. Сообщение с германским фронтом совсем прервано. Вы на войне были и верно знаете, как приходилось выдерживать путешествие с винтовками, но это было тогда, когда у нас было кое-какое сообщение, а что стало теперь, после того, что мы потеряли. Нужно вам сказать, что у нас ничего нет. Есть только винтовки и человеческие руки. Взять мы ничего не сможем, всякая борьба совершенно бесполезна, она ни к чему не приведет. Вести войну, которая будет против воли большинства и которая приведет к гибели, мы не можем. Я был на фронте и смотрел, как сражаются наши социалистические части, но геройство это бесполезно, потому что против пулеметов у нас нет ничего. Такие условия заставили подписать мир".

Миллер, бывший докладчиком о мире, в первом заседании на второй день после вторичного детального обсуждения вопроса во фракции понял допущенную большевиками ошибку, увлечение революционной фразой в ущерб реальному соотношению сил; в прениях по докладу Куль т. Миллер уже настаивал на изменении резолюции, он говорил:

„Если у нас хватит силы, то этот мирный договор не будет иметь никакого значения, как клочек бумаги, точно так же на это смотрят и они. Когда у нас будет достаточно силы, чтобы раздавить гидру германского разбойника, то это мы сделаем. Настоящее время соотношение реальное есть таково, что они соглашаются подписать мирный договор и прекратить военные действия, цель у них состоит в том, чтобы уничтожить советскую власть, но в данный момент они не в состоянии этого сделать. Мы же условия такого мира также принять не можем, согласиться с ним тоже нельзя, но и убить его тоже не можем, потому что у нас нет силы; и вот, когда мы приняли резолюцию, что все умрем и все превратим в военный лагерь, то посмотрим, превращено что-нибудь в красный лагерь или нет. Наша красная армия живет в гостинице, казармы стоят пустые. Я понимаю, что все мы имеем право жить одинаково, но воевать из гостиниц нельзя; для того, чтобы воевать, нужно иметь хоть маленькую, товарищескую дисциплину, без нее у нас ничего не выйдет. Дисциплина нужна и в наших организациях для того, чтобы мы могли сговориться, соединиться в одно, и потом подчиниться решению. Мирный договор подписан, мы теперь должны подчиниться общему решению, хотя бы он даже был ошибочен, потому что тогда останется хотя дисциплина рабочего класса, раз он стоит у власти. Если мы уничтожаем эту дисциплину, то у нас ничего не останется. Мы воспользуемся маленькой передышкой для того, чтобы закрепить наши завоевания, чтобы закрепить захваченные банки и заводы, и тогда мы окрепнем, и снова поднимаемся на борьбу"[1].

Левые с.-р. были возмущены предложением о пересмотре резолюции, несмотря на это, Съезд принял предложения большевиков и внес поправки, которыми признавался мир с Германией.

Вопрос о мире захватил не только Съезд, он обсуждался и на местах в крымских городах. Евпаторийский Совет, разбившись на две группы, пережил несколько дней жестоких дискуссий. Одна группа, во главе с товарищами,

[1] Отчет о съезде советов Таврической губ., изд. 1918 г.

признававшими в октябре несвоевременным захват власти, настаивала на продолжении войны с Германией, вторая же указывала на все безумие такого решения вопроса. Победа осталась за второй группой.

В Севастополе тоже выносились в ряде профсоюзов и на кораблях решения о войне с немцами. Меньшевики не заставили себя долго ждать. Они с первых же дней подняли вой о предательстве, продажности Советской власти, настаивая на отказе от мира, призывая к продолжению войны.

Ошибочность „лево-революционной“ фразы, отсутствие у требующих продолжения войны учета соотношения сил вскоре были достаточно ярко доказаны не только общереспубликанским примером, но и местными крымскими. Наступление немцев на Крым, начавшееся через месяц после Съезда, с очевидностью доказало невозможность борьбы. Красногвардейские части неспособны были противостоять немецкой армии, а архиреволюционные меньшевики ехали на поклон к начальникам наступающих немецких отрядов, встречая их с хлебом и солью.

Что решил Съезд по аграрному вопросу?

Делегаты Съезда крестьяне еще при обсуждении вопроса о мире выказывали нетерпенье, внося предложения о прекращении прений с тем, чтобы можно было приступить к весьма их интересующему вопросу о земле. Несмотря на то, что вопрос о земле был решен Всероссийским Съездом Советов, а местная конференция ревкомов, состоявшаяся в январе, признала решение Съезда Советов и широко объявила об этом населению, на Съезде обсуждение вопроса о земле происходило в весьма напряженной обстановке борьбы между большевиками и левыми социалистами-революционерами.

Последние (с.-р.) настаивали на проведении социализации земли немедленно, большевики заняли другую позицию. Представители большевиков доказывали невозможность распределения земли по тем мотивам, что нет точного учета земельных фондов и потребности в земле у крестьян, неравномерное распределение земель крупных землевладельцев между уездами и селами при распределении может вызвать борьбу между крестьянами отдельных сел, вести сейчас переселение крестьян из малоземельных волостей в волости, имеющие излишки земли, нельзя, вследствие ограниченности средств, необходимых на переселение, и, наконец, распределение земли может привести к сокращению посевной площади, так как распределение затянется, время же начала посева уже пришло.

Позиция большевиков в основном сводилась к тому, что нужно провести не социализацию, а национализацию земли. Являясь совершенно правильной не только по тем практи-

ческим мотивам, которые выдвигала фракция большевиков, но и в своей основе, эта позиция в условиях весны 1918 года являлась все же ошибочной и отражала недостаточный учет настроений деревни. Это было продолжением невнимательного отношения к деревне, отмеченного еще на октябрьской и ноябрьской губернской конференции большевиков, тем, что вопрос о крестьянстве и работе в деревне так же, как вопрос о работе в профсоюзах, там не обсуждался.

Тем, что большевики предложили воздержаться от распределения земли, а затем и провели это решение 226 голосами против 202, они ставили крестьянство на полпути. Крестьянин, веками мечтавший о земле, не получал ее от большевиков, принципы национализации были непонятны крестьянину, особенно в то время, когда, не допуская распределения земли, большевики применяли очень строгие меры при сборе хлебопродуктов в деревне.

Второй ошибкой, уже обеих фракций, было то, что Съезд ни слова не сказал о землях немецкого крестьянства, тех земельных участках, которые решением самодержавной царской власти отбирались у крестьян-немцев. Отсутствие специальных по этому вопросу решений оставляло немецкое крестьянство в некотором неведении и заставляло думать о том, как же и при какой форме власти права их будут твердо обеспечены. Агитация буржуазно-националистических групп немецкой интеллигенции подливала масло в огонь крестьянского недоверия, а все это привело к тому, что немецкое крестьянство не только по узко-националистическим, но и указанным экономическим мотивам стало не просто инертным, но прямо враждебным советской власти, содействующим наступающим немецким военным частям.

В рядах немецкого крестьянства были, конечно, группы, близкие большевикам, но они, вследствие допущенной съездом ошибки в вопросе о земле, а затем и в решении нацвопроса, были лишены возможности развить широкую работу в немецкой деревне.

Съезд принял инструкцию для временной разверстки земли на посев 1918 г. В инструкции даны указания о необходимости засеять всю землю с тем, чтобы частновладельческие земли перешли в распоряжение советов для распределения их на засев среди желающих этот засев произвести. Земли, оставшиеся незасеянными, должны быть обработаны с помощью совета. Наряду с этими указаниями, инструкция указывала на важность снабжения крестьянских хозяйств семенами и признавала своевременным обложение кулаков контрибуцией[1].

---

[1] См. полный текст инструкции в приложении.

Следует отметить то обстоятельство, что земельным организациям удалось дать крестьянам около 600 тысяч семенного материала. Это являлось большим достижением, но воспользоваться его результатами советам не удалось, ибо под напором немцев Советская власть пала.

Национальный вопрос на Съезде

Весьма интересно настроение руководящей части в вопросах национальной политики. Специальных докладов и обсуждения национального вопроса не было. Отношение к нему выявилось в ответе на требования татарской группы членов съезда ввести одного—двух их представителей в Исполнительный Комитет. Вместо того, чтобы пойти на вовлечение татар в Исполком и тем самым закрепить связь с массами татарского населения, председатель Съезда, большевик, советует татарам, если они понимают идею, идти в партию и только тогда будут выбирать. Никаких национальных вопросов на Съезде,—говорил он,—не может быть, им здесь не место, „здесь все равны"[1]. В Исполком был избран один большевик-татарин; что же касается немцев, армян, то они в Исполкоме представлены не были. Таким образом, при той национальной разнородности, которой Крым отличается от ряда других областей, Съезд оказался недостаточно чутким к национальным меньшинствам.

На Съезде удалось, однако, татарскую делегацию привлечь при решении основных вопросов на сторону большевиков, но инцидент с выборами отразился на настроениях деревни. Националисты создали единый фронт от мурзаков до представителей левой группы курултая. С февраля месяца, скрываясь в деревнях, националисты повели организационную работу, подготовляя восстание против советов. Привлекая на свою сторону кулацкую верхушку деревни, националисты создавали ячейки. Количественно они были весьма невелики, влияние националистов особенно чувствовалось в деревнях Ялтинского и Алуштинского районов, т. е. там, где хозяйство носит ярко выраженный товарный характер, где связи с другими национальными группами носят характер связи рыночной, конкурентной борьбы и где, наконец, среди компактно расселенного татарского населения очень велико было в прошлом влияние буржуазно-националистической интеллигенции. Может показаться странным то, что беднота этих районов решительно не выступала против буржуазно-националистических групп, ведь характер хозяйства таков, при котором неизбежно обострение классовых противоречий. Вполне уместное удивление. Объяснить это можно двумя причинами. Первая — десятки лет питаемая обеими сторонами — и царизмом и националистами — рознь, натравлива-

[1] Отчет о съезде, стр. 24.

ние на другие национальные группы населения, и второе — то, что оттесненное в горы татарское население, страдащее от малоземелья, не получило четкого решения вопроса о земле советами, а кулак, захвативший десятки лет назад лучшие куски земли, держал бедноту в экономической кабале. Оторвать бедняка можно было экспроприацией кулацкой части деревни методами комбедов, которые в других районах уже создавались, и экономической поддержкой, созданием организаций, планомерно проводящих курс экономического высвобождения бедноты, организацией переселения на свободные земли степной части Крыма, той части бедноты, которой в результате передела кулацкой и помещичьей земли недоставало бы земли. Экономически слабая, организационно еще не окрепшая, Советская власть не могла заняться этой работой, на очереди стояли вопросы вооруженной борьбы с внешней и своей доморощенной контр-революцией.

От Красной гвардии к Красной армии

Перед лицом надвигающихся опасностей очень резко стал вопрос о Красной гвардии. Количественно состав Красной гвардии был достаточно велик, но внутренние трения в отрядах, отутствие единого твердого руководства, недисциплинированность—делали отряды в боевом отношении совершенно ненадежными.

Первые дни жизни советов отличались в отношении армии тем, что в отряды, на ряду с искренними, готовыми отдать жизнь за Советы пролетариями и крестьянской беднотой, шли все, кто не прочь был легкой наживой обеспечить себя; ставили своей задачей не организованную защиту Октября, а разрушение достигнутых успехов, компрометирование Красной гвардии, ее разложение. Одним словом, совершенно случайные элементы, нередко также случайно причисляющие себя к анархистам,—были в отрядах не редкостью. Самовольные обыски, нежелание подчиняться указаниям Совета и военного штаба—были весьма частыми явлениями. Так, имели место случаи, когда штаб решал вопрос о переброске отряда из Симферополя в Севастополь в целях его переформирования и отправки на румынский фронт, отряд же, не желая подчиняться штабу, мотивировал свой отказ тем, что в Симферополе сильна контр-революция и только он сумееет с ней бороться. Выступавшие по вопросу о Красной гвардии делегаты съезда единодушно требовали перестройки ее, и установления дисциплины. Один из выступивших нарисовал такую картину:

„Есть везде разные люди и людишки, эти людишки много о себе мнят и думают, что если они имеют штык и думают, что раз есть штык, то значит и право. Это проявляется везде и всюду, и вот поэтому нам нужно просто обратить самое серьезное внимание на это, и те лица, которые попадают в эту среду и которые мешают жить

и чувствовать остальных спокойно, на них нужно обратить самое серьезное внимание, и я предложил бы вам, чтобы в таких случаях велась самая беспощадная борьба. Дело в том, что если вы захотите что-либо проводить и когда вам пужна помощь Совета и Армии, то вы сначала должны представиться красногвардейцам, доложить, в чем дело, и тогда они вынесут свое постановление, насколько они обязаны что-либо сделать. Они являются подчиненными той организации, которой поручено ведать всей губернией, которая является от вас и которая ответственна за всякое проявление, откуда бы оно ни происходило. Мы знаем, что всегда говорят, что Совет заинтересован во всякой вакханалии. Нужно, набирая людей в Красную армию, знать, что они есть истинные революционеры, а не жандармы, а то у нас есть такие господа, что если им попадается в руки, то без насилия не обойдется, революция против таких людей. вот что им нужно внушить, и потому вам нужно сказать, что всякое проявление, учиненное насилие, кто бы его ни сделал, Съезд поручает совету вести с ними борьбу самым беспощадным образом и расправляться с такими господами"[1].

Долго так продолжаться не могло, надо было очищать отряды от лиц с уголовным прошлым, явно примазавшихся контр-революционеров и любителей сильных ощущений. Декрет центрального правительства установил уже порядок формирования Красной армии, был уже и закон о мобилизации в ее ряды, чтобы создать надежную военную силу, обеспечив этим самым бесперебойное организационное укрепление аппарата власти от случайных выступлений разнузданных групп, которые своим поведением могли подорвать, да и подрывали авторитет власти. Советы приступили к организации вместо отрядов рот и баталионов, формируя их в соответствии с декретом и военными уставными положениями. Наиболее здоровый элемент из отрядов привлекался в баталионы; основным же ядром их были рабочие и матросы. Совнарком Тавриды в одном из заседаний вынес постановление, которым поручалось военному комиссару удалить всех недобросовестно относящихся к делу лиц, образовать ревизионную комиссию, которая проверит состояние денежных оборотов, ликвидировать все контр-разведочные отделы в Симферополе и реорганизовать военно-революционный штаб в штаб Красной армии. Организации большевиков на местах взялись за военное обучение членов партии для того, чтобы быть готовым к выступлению и чтобы при командировке в части армии уметь повести за собой других. Строевое переформирование вызвало изменение в системе снабжения. Нужно было положить конец неорганизованности и этой части.

Главная часть работы по реорганизации отрядов проводилась уже после съезда советов и не была собственно закончена к моменту немецко-гайдамацкого нашествия.

---

[1] Отчет о съезде советов. Речь председателя съезда. Привожу с сохранением орфографии.

Переформирование отрядов не прошло безболезненно, введение дисциплины, борьба с распущенностью вызвало протесты со стороны тех, от кого нужно было освободиться или призвать к порядку. В отдельных городах протест этот принимал различные формы. В Феодосии, например, до ее эвакуации не удалось установить единства действий военноначальников, каждый из них стремился к маршальскому жезлу в феодосийском гарнизоне и отрицал необходимость подчинения военному штабу, находящемуся в Севастополе. В Евпатори дело свелось к целому ряду весьма острых столкновений отряда Красной гравдии с советом, к аресту членов Совета. Темные или прямо контр-революционные личности использовали трения между Советом и отрядом, втянули в решение споров толпу и демагогическими выпадами противоставили ее организующей воле Совета. События в Евпатории вызвали командировку туда представителя ЦИК Тавриды, который так описывает происходящее там[1].

„Узнав от часового, что в городском театре происходит заседание Совета, я направился туда, не теряя ни минуты.

В театре я увидел следующую поразившую меня картину: зал и балкон битком набиты публикой; вокруг театра, а также в самом театре—в проходах и у дверей—стоит усиленная охрана из вооруженных красногвардейцев.

С председательского места говорил какой-то молодой человек в военной форме, с винтовкой за плечами, с револьвером у пояса и переплетенными на груди пулеметными лентами. Почти каждое слово этого человека публика с балкона и из партера сопровождала оглушительными рукоплесканиями и ревом восхищения. Эта публика была все той же разодетой и расфранченной буржуазной публикой, к которой я уже немного привык.

Я уловил несколько слов оратора, из которых становился понятным и весь смысл его речи. В этой речи изливалось негодование на деятельность Исполкома Евпаторийского Совета. Обвиняя исполком в каких-то расстрелах, оратор бросил зажигательную фразу: „Пока не переизбран Исполком—у нас не перестанет литься кровь". И он предлагал сейчас же арестовать членов существующего Исполкома. На зто его предложение кто-то из президиума возразил, что на данном собрании Совета нет кворума. Но оратор отвечал, указывая рукой на балкон театра: „Балкон ломится от народа, и говорят, что нет кворума!"

Только тут я понял, что все происходящее на зтом собрании является результатом не личной грызни, а что все это является определенной травлей против Евпаторийского Исполкома, травлей, носящей яркополитическую окраску, и что травля эта, и именно в зтот момент, грозит вылиться в нечто, могущее вызвать весьма серьезные последствия.

Настоящее собрание созвано единолично начальником отряда, от которого всем членам Исполкома было приказано под угрозой ареста обязательно явиться на собрание. Почти все присутствующие члены Исполкома явились сюда чуть не под конвоем, а председатель Совета

[1] „Пролетарская революция", журнал Истпарта ЦК ВКП(б), № 7—1922 г., стр. 17—18—19.

тов. Демушев, зная, что ему грозит арест, скрылся. Члены же совета вызваны на это собрание начальником отряда не все, а только та часть их, которая идет за ним. Настоящее собрание подобрано таким образом потому, чтобы начальник отряда Красной гвардии мог завладеть всей полнотой власти в Евпатории. Фактически здесь подготовлялся право-эсеровский переворот.

В своей последней речи начальник отряда усиленно напирал на то, что хотя он и уходит из Евпатории, но город оставляет в надежных руках: излишками оружия вооружает некоторые профессиональные союзы, которые тут же перечислил, а на вопросы с мест, почему не оставляется оружие остальным профсоюзам, ответил, что этим союзам не доверяет. В заключение он обратился к населению с призывом поддерживать вооруженные им союзы, так как они всегда придут на защиту жителей против неправильных действий Исполкома".

Симферополь тоже пережил тревожные минуты. Здесь после ухода отряда на фронт остались пять человек из него, которые, считая виновником отправки на фронт и требований дисциплины тов. Хацько, убили его в гостинице, где он жил. Арестованные виновники убийства были впоследствии освобождены возвратившимся самовольно с фронта отрядом.

Более благополучно обошлось в Ялте и Керчи, но это можно объяснить тем, что там были весьма небольшие военные группы.

Республика Тавриды

Особо нужно проследить события и их характер во флоте, но, чтобы не уходить далеко вперед, вернемся к Съезду советов.

10 марта Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет в составе 12 большевиков и 8 левых с.-р.; предложенный беспартийной группой членов Съезда список был отвергнут; фракции отказались голосовать за введение беспартийных кандидатов в ЦИК. Совнарком был создан в составе 8 большевиков и 4 левых с.-р.

При распределении обязанностей между комиссарами возник конфликт с левыми с.-р., которые настаивали на предоставлении им портфеля военного комиссара, после отказа со стороны большевиков эсеры заявили о нежелании войти в Совнарком. Большевики приняли меры к тому, чтобы не допускать разрыва с левыми с.-р. После обсуждения вопроса на фракции с.-р. согласились временно остаться в составе ЦИК и приняли назначения на посты комиссаров земледелия, юстиции, путей сообщения и призрения[1].

Совнарком был окончательно сконструирован на заседании ЦИК'а 21 марта 1918 г.; на этом же заседании был решен вопрос об объявлении Крыма Республикой Тавриды[2].

[1] Дело Совнаркома ССР Тавриды, № 17, Архивный 38.

[2] Указания тов. Фирдевса о том, что республика объявлена Съездом Советов, являются ошибочными (см. статью тов. Фирдевса в № 2 Сборника „Революция в Крыму").

Республика Тавриды была объявлена по инициативе Совнаркома РСФСР. Решение по этому вопросу было привезено одним из членов Таврического ЦИК'а, который ездил в Центр за получением средств. Основной причиной, побудившей объявить Крым Республикой, было желание сохранить его от немецкого нашествия, от посягательств на Крым со стороны Украинской рады и сохранить для Советской страны представляющий огромную ценность Черноморский флот. Объявление республики давало право на объявление Крыма нейтральной зоной.

Кроме декрета, объявляющего Крым республикой, было опубликовано обращение к „иностранным державам". „Берлин, Вена, Лондон, Вашингтон, всем, всем", несли радиоволны весть о том, что „Советская Республика Тавриды принимает на себя и считает для себя обязательными условия мирного договора, заключенного между правительствами центральных империй и Советом Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России"[1].

В передовой „Таврической Правды" 23 марта 1918 г. писали:

„Формально этот акт имеет большое значение: образовалась новая автономная государственная единица, новая республика, которая имеет такое же право на самостоятельное существование, как все другие советские объединения или республики, образовавшиеся на громадном теле бывшей Российской империи раньше Таврической.

Но сам факт объявления всей Таврической губернии единой самостоятельной государственной единицей выражает непризнание революционной демократией Тавриды империалистических притязаний буржуазной Украинской Центральной рады.

Своей Центральная рада считает и часть Таврической губернии. По четвертому ее универсалу в состав Украинской республики должны войти северные уезды Таврической губернии... вдобавок гор. Севастополь. Конечно, алчные украинские капиталисты, помещики и оборонческая рада не считают нужным спросить население гор. Севастополя: желает ли оно присоединиться к Украинской Республике и признает ли оно господство над собой Киевской рады? Рада имеет свои захватные планы. Ее цель—подчинить себе черноморский торговый и военный флот"[2].

Передовая заканчивается призывом встать на защиту Тавриды от „нашествия украинских империалистов-захватчиков".

Момент решительного боя действительно был недалек.

---

[1] „Тарическая Правда", № 37, 24 марта (11) 1918 г.

[2] „Таврическая Правда", 23 марта, № 36.

Черноморский флот

Возвратимся несколько назад и посмотрим, в каком состоянии был, чем жил флот после победы Советской власти в Крыму. Угроза Крыму, да и всей советской стране со стороны буржуазии не миновала с победой над крымскими реакционерами. На Дону, Кубани и Украине контр-революционеры развертывали наступление на территорию, занятую советской властью. Нужно было дать отпор наглым белогвардейцам. К внутренним опасностям присоединилось выступление Румынии, которая пыталась захватить Бессарабию, Одессу и „ногою твердой встать на море", пользуясь военным ослаблением России.

Черноморский флот оказался весьма отзывчивым на призывы к оружию. Сформировав несколько отрядов из матросов, флот направил их для борьбы с Калединым и Украинской буржуазной радой.

Вопрос о выступлении Румынии подвергся обсуждению на втором Черноморском съезде. Против румынской буржуазии были сформированы флотилия и несколько пехотных отрядов. Съезд объявил румынские военные и торговые корабли конфискованными с передачей их Автономной Верховной Румынской Коллегии в целях борьбы с румынской буржуазией. Против румынской буржуазии выделили некоторые, правда весьма незначительные, силы и другие города Крыма, так, например, Ялта сформировала роту.

Формирование и отправка частей на внешние участки войны значительно ослабило флот. Остались во флоте менее революционные и выдержанные группы матросов. Та часть матросов, которая была расположена в городах Крыма, под влиянием местной неорганизованиости, слабости связи с Центрофлотом и в постоянном общении с отрядами, заполненными весьма невыдержанными элементами, начала разлагаться, утрачивая военное значение. Очень многие из этих отрядов, а затем и из оставшихся на кораблях пошли по домам. На флот надвигалась опасность остаться без личного состава судов, тем более, что в феврале флот перешел на добровольные вольнонаемные формы комплектования состава флота. Чтобы задержать развал и не остаться с кораблями, но без матросов, 2-й Черноморский Съезд Флота решил: „Все военные моряки, находящиеся в настоящее время на кораблях и в береговых частях и учреждениях, обязаны оставаться на своих местах впредь до особого распоряжения Центрофлота, при чем оклады содержания им будут выдаваться, как вольнонаемным, с 1—14 февраля с. г."[1]. Об уходе матросов домой может дать представление хотя бы

[1] „Известия Сев. Сов. Воен. и Раб. Депутатов", № 207, стр. 3.

то, что при формировании отряда в 7.000 человек к месту назначения отряда явилось всего 1.000 человек. Или то, что флот, несмотря на значительный тоннаж, не сумел справиться с вывозом имущества из районов Турции, ранее занятых русскими частями.

Не менее ярким показателем состояния флота является телеграмма Военно-Морского Комитета из Керчи [1]:

„101285. Радио. Принята в 18 час. 5 марта.

Экстренно. Севастополь. Центрофлот. 4 матроса, прибывшие на транспорте „Евфрат" из Туапсе, заявили нам: „В портах Туапсе, Батуме и Новороссийске транспортная флотилия занимается спекуляцией. Перепродается народное имущество, вывезенное из Трапезунда. При чем сообщаю, что на транспорте „Евфрат", прибывшем в Керченский порт, некоторые матросы такового начали продавать керосин, масло, всевозможную обувь и одежду. Для выяснения всего этого была командирована комиссия и сделано распоряжение не сниматься впредь до особого распоряжения, каковому предписанию команда „Евфрата" не подчинилась и не дала возможности выделенной комиссии выяснить положение дела; транспорт отошел от берега. Сообщая о вышеизложенном, военно-морская комиссия просит вашего срочного распоряжения, как поступить с народным имуществом и с командою, которая производила продажи и не подчинилась нашему предписанию. О результате просим уведомить".

Понятно, что при таких условиях морально-политическое состояние флота не могло внушать большого доверия, почва для соглашательской и вообще противосоветской агитации во флоте была. Меньшевики и эсеры подняли голову, попытавшись на черноморском съезде протянуть свои предложения об отказе от признания договора с Германией. Тяжелые условия договора дали возможность воскресить былые мечты о „могуществе" учредительного собрания, о неправильности его разгона. „Если немцы,—говорили соглашатели,—не будут высушивать из нас крови штыками, то они могут высушить кровь в наших жилах иным путем—экономическим порабощением"[2]. Отвечая на такое заявление, один из участников съезда так отпарировал удар: „Живая собака лучше мертвого льва, так говорит арабская поговорка. Живая кровь дороже, чем высушенная. Мы заключим экономическое соглашение с Германией. Этим способом они будут целые десятилетия сушить нашу кровь, в это время мы сумеем двадцать два раза сделать у них социальную революцию"[3].

История показала, что не только десятки лет, но и одного года немцы не сумели экономически порабощать Советскую Россию.

Военное окружение заставило организации в Севастополе пойти на создание Совета Пяти или так наз. Южного

[1] „Таврическая Правда", № 25, 7 марта 1918 г., стр. 2.
[2] „Известия Севастопольского Совета воен. и раб. деп.", № 207, стр. 3.
[3] Тоже.

Комитета защиты социалистической революции. Совет ставил своей задачей борьбу с контр-революцией на юге через организацию добровольных и по мобилизации отрядов, но Совет этот, возникший для объединения разрозненных усилий, не будучи способным по объективным условиям подчинить своему влиянию все военные части,—вносил некоторый разнобой в работу. Особенно ясно это стало чувствоваться со времени объявления Крыма Республикой Тавриды. Вести борьбу в том виде и с теми организационными формами, которые к этому времени сложились, стало невозможным, ибо это было бы прямым доказательством несоблюдения нейтралитета. Кроме того, с каждым днем становилось ясным, что отдельные штабы при флоте, армии и пр. мешают не только реорганизации армии, но и плановой обороне Крыма. Центрофлот высказался за слияние штабов с областным военно-революционным штабом, а Совнарком Тавриды совершенно правильно пошел дальше, приняв следующее решение[1]:

„Для более скорого объединения всех военных учреждений Тавриды для сохранения нейтралитета и обороны Тавриды декрет об образовании Верх. Воен.-Рев. Штаба отменяется.

Образуется Комиссариат по Военно-Морским делам с местопребыванием в Севастополе, подотчетный и подчиненный Совету Народных Комиссаров и Центр. Исп. Комитету Советской Республики Тавриды.

В состав вновь образуемого Комиссариата входят: представители организаций, образовавших бывш. Совет Пяти (т. н. Южн. Ком. защ. социал. рев.), и один представитель рабочих Севастопольского порта. Должность Военного Комиссара по военным делам временно упраздняется и он входит в Военно-Морской комиссариат представителем от Совета Народных Комиссаров.

За исключением вопросов общегосударственной важности, как-то: 1) принудительная мобилизация; 2) прекращение железнодорожного движения; 3) массовые реквизиции; 4) продовольственное мероприятие общегосударственного характера; 5) контрибуции; 6) кредиты на оборону, подлежащие предварительному обсуждению и санкции Сов. Нар. Ком. и Цен. Исп. Комитета Советов Республики Тавриды, во всех остальных вопросах, касающихся обороны Тавриды, Комиссариат по В.-М. Д. является верховным военным органом Советской Республики Тавриды и ему предоставляется полное право распоряжаться всеми военными силами Республики и местными военно-революционными штабами, находящимися в полном подчинении комиссара по военно-морским делам".

Но это решение не исключило отдельных трений по вопросам организации армии и командования. Объединить военное командование так и не удалось.

Общее управление Черноморским флотом было сосредоточено в руках Центрофлота. 22 марта 1918 года Центрофлот избрал командующего флотом Саблина[2], который принял обязанности командующего при условии ответственности

[1] Дело Совнаркома ССР Тавриды, № 16, архивный 37.
[2] Саблин—адмирал Черноморского флота.

„лишь в оперативно-техническом отношении"; Саблин, впоследствии, передав часть флота украинцам и немцам, был „полноправным" командующим.

В начале апреля, когда немцы приближались к Крыму и изыскивали пути захвата флота в свои руки, был поставлен вопрос о переводе кораблей в Новороссийск. Предложение о переводе флота вызвало раскол в составе флота. Одна часть настаивала на том, чтобы Севастополя не покидать, а вступить в бой с немецкой армией. Военные столкновения имели место и привели к требованию со стороны немецкого командования прекратить их и выйти в порты восточной части Черного моря. Украинцы из буржуазной рады, которые стремились захватить флот в свои руки, развили бешеную агитацию за оставление флота в Севастополе.

Положение к этому времени было весьма тяжелым. Флот имел очень мало людей, иссякло топливо, требовали пополнения артиллерийские склады. О серьезном отпоре немцам нельзя было и думать. Коренной вопрос, вставший перед властью, заключался в том, чтобы спасти флот или, во всяком случае, не дать его немцам и буржуазной раде, ибо они могли обратить орудия кораблей против советской власти.

Меньшевики, обвинявшие большевиков в развале, гибели флота и прочих смертных грехах, никак не хотели соглашаться с выводом флота. Несмотря на агитацию и препятствия технического порядка, флот перед взятием Севастополя немцами, выполняя категорическое приказание Наркомвоенмора т. Л. Д. Троцкого, вышел в море, взяв курс на Новороссийск.

Командующий флотом Саблин и председатель Центрофлота Кнорус, получив распоряжение об эвакуации флота, отказались от выполнения своих обязанностей. Меньшевики провели на некоторых рабочих собраниях резолюции, требующие обороны Севастополя, а поэтому протестующие против погрузки хлеба для продовольствия моряков.

26 апреля 1918 года состоялось делегатское собрание, созванное Центрофлотом. Кнорус, сообщая о причинах отказа его и Саблина от обязанностей, признался в том, что единственной влиятельной силой является не Центрофлот, не командующий, многие приказы которого не выполнялись, а линейный корабль „Воля". Такое состояние легко объясняется тем, что составу „Воля", наиболее революционно-настроенному, сохранившему крепкое ядро, удавалось, вскрывая двойственную политику командующего флотом, удерживать под своим идейным влиянием и ряд других кораблей. Командующий флотом вел, например, переговоры о протекторате

Украины над флотом и Севастополем. Причиной отказа Саблина было не столько тяжелое состояние флота и его небоеспособность, сколько желание противодействовать эвакуации флота. Неудивительно после этого и то, что последователи Саблина оказались впоследствии ярыми сторонниками возвращения флота из Новороссийска в Севастополь по требованию немцев[1]. Саблин в своем выступлении на делегатском собрании 26 апреля оправдывал свой отказ желанием спасти флот, он говорил, что предупреждал Совнарком об опасности, требовал усиленного темпа при ремонте судов, эвакуация является бегством, переход в Новороссийск сумасшествием, ибо Новороссийск, совершенно не защищенный с моря и отрезанный от центра, не может быть базой флота, остаться в Севастополе, ждать решения великих держав, которые должны будут разделить флот на справедливых началах между Крымом, Доном и Кавказом,— таков смысл выступления Саблина, уснащенного трагическими возгласами о любви к флоту и о страдании за его судьбу.

После выступления Саблина и его категорического отказа был избран штаб в составе 3 человек, которому категорически предложено приготовить флот к отплытию.

Попытка буржуазно-соглашательских украинцев в самый решительный момент помешать уходу флота не дали результатов, в Севастополе осталась весьма небольшая часть судов, главные силы и транспортные суда 30 апреля ушли.

В Новороссийске положение флота не улучшилось. Влияние матросов торгового флота, двойственная политика штаба флота, имеющего связь с Саблиным и белогвардейскими генералами, недостаток топлива и слабая организованность снабжения привели к тому, что и без того недостаточный количественно состав флота начал расходиться по домам. Формальной причиной ухода матросов было то, что контракт с ними был заключен до 1 мая.

В Новороссийске не повысилась боеспособность флота и он не мог выходить для боевых операций в море. Вместе с уходом с кораблей матросов началось их морально-политическое разложение. „Воля“, настаивавшая на эвакуации из Севастополя в Новороссийск, подпала под влияние помощников Саблина и заняла позицию, враждебную другим сохранившим свою революционность кораблям. В июне немцы, не без участия Украинской рады, предъявили флоту ультиматум о возвращении в Севастополь. Ранее этого они требовали от флота при выходе в море кораблей поднимать вместо красного андреевский флаг.

---

[1] См. воспоминание т. Кукель на собрании группы участников революции в Крыму. Материалы Истпарта ОК ВКП (б).

Ультиматум немцев заставил флот вновь пережить тревожные минуты внутренней борьбы между офицерским, соглашательским составом командования и матросами.

Обостреннейшая борьба привела к тому, что 17 июня 1918 года в 9 часов утра часть судов флота (6 миноносцев и 1 линейный корабль) вышли в море с целью уйти в Севастополь. Неподчинившихся распоряжению командующего флотом в порту осталось 10 судов (9 миноносцев и один линейный корабль)[1].

18 июня оставшиеся в Новороссийске суда были потоплены. Миноносец „Керчь", руководивший потоплением судов, ушел в Туапсе, где тоже был решением собрания команды потоплен.

Так закончилась история флота на данном этапе революции. Найдутся, вероятно, люди, способные пожалеть о гибели ценнейшего государственного имущества в морской пучине. Напрасны сожаления. Те, кто решил потопить корабли, выполнили волю пролетариата, защищающего в невероятно тяжелой обстановке право на жизнь, на строительство своего государства. Передача флота немцам, а с ними Украинской раде вела к затяжке войны, к усилению буржуазии. Передать корабли—значило добровольно отдать оружие, которое на второй день будет обращено против сдавшего. Так и получилось с той частью флота, которая осталась в Севастополе, и той, которая вернулась туда. Эта часть флота помогала впоследствии различным группам белогвардейцев расстреливать рабочий класс и крестьянство не только Крыма, но и всей страны. Не обвинять нужно тех, кто пустил ко дну часть флота, а признать их искренними защитниками власти Советов.

Конец истории флота в этот период является последней страницей службы Черноморского флота революционному народу. Дальше идут уже новые страницы расстрела флотом рабочих по указке белогвардейских генералов. Эти жуткие страницы истории кончились кражей флота англо-французскими капиталистами, которой предшествовала беспардонная распродажа флота многочисленными правителями, побывавшими в Крыму.

Новая полоса, новый этап начался для флота после окончательного укрепления Советской власти на юге. Это уже история Красного рабоче-крестьянского флота.

---

[1] Не вышли в Севастополь миноносцы „Керчь", „Хаджи-бей", Феодонисий", „Калиакрия", „Пронзительный", „Лейтенант Шестаков", Капитан-лейтенант Баранов", „Сметливый", „Стремительный" и лин. корабль „Свободная Россия".

Последние дни республики Тавриды

Напряженное состояние, постоянная борьба с буржуазными и соглашательскими группами, экономические недостатки обостряются после съезда Советов под влиянием начавшегося продвижения немецкой армии вглубь страны. Неприкрытое стремление немцев свергнуть советскую власть вообще, а в Крыму свергнуть ее еще и потому, что она являлась помехой для связи Германии с Турцией, а затем и желание Украинской буржуазии сделать Крым частью своих владений заставили Крымское правительство начать более усиленную подготовку к неизбежной войне.

В пелях объединения сил для борьбы с буржуазной Украиной и немцами Совнарком советской Украины на 15 марта созвал в Екатеринославе совещание представителей Крыма, одесской республики, советского Дона. На совещании предполагалось объединение этих областей в целях вооруженной защиты советской власти. Соглашение, по мнению Совнаркома Украины, могло состояться на следующих основаниях: „...организуется особый комитет по борьбе с контр-революцией из представителей поименованных республик. Ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия правительства остальных республик выйти из объединения и заключать секретные соглашения, к этому комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-оперативными техническими силами. Военно-оперативные части находятся целиком и исключительно в руках общего главного командования и всеми военными силами распоряжается только это главнокомандование. Главнокомандующим войсками украинской народной республики с общим главнокомандующим всеми военными силами назначается т. Антонов-Овсеенко. Все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны, финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т. д. распределяются объединенными комитетами в целях создания всех необходимых объединенных организаций[1]“.

Совещание состоялось. Представитель Крыма в докладе Совнаркому об этом совещании сообщал, что решено открыто выступить на борьбу с наступающими всеми республиками, которые по договору Винниченко с Германией входят в состав Украины.

Части Красной армии нуждались в пополнении специалистами артиллерии и технических войск. 27-го марта Совнарком и ЦИК Тавриды, в целях обороны и сохранения нейтралитета республики, объявил мобилизацию саперов,

[1] Дело телеграмм. Архивный № 17, Крымцентроархив.

минеров и артиллеристов. Кроме этого, приступлено было к мобилизации лошадей, главным образом, у городских жителей и объявлена принудительная повинность для буржуазии в возрасте от 18 до 30 лет. Здесь интересно сопоставить отношение к распоряжениям со стороны двух Советов—Балаклавского и Керченского. Первый приветствует распоряжения ЦИК'а и предлагает мобилизовать не 2% буржуазии, как предположено, а всех способных к земляным работам. Второй же, Керченский, чтобы затянуть выполнение решения, просит разъяснить, кого считать буржуазию. Уместно отметить, что Керченский Совет все время своего существования сожительствовал с городской управой и крестьянским советом. Управа то признавала Совет единым высшим органом, то протестовала против его решений. В ответ на запрос Керчи сообщалось, что запрашивать смешно и что надо, созвав Совет, немедленно решить вопросы на месте.

В некоторых кругах населения и у части руководящих работников в Советах пользовалось успехом предложение о мобилизации в армию буржуазии и тех, кто в империалистическую войну скрывался от мобилизации. Предложение это совершенно не считалось с характером войны, не было, видимо, у вносивших его сознания того, что буржуазия в любой момент повернет штыки против советов, что она никогда не будет защищать завоевания пролетариата. Несмотря на совершенно очевидную несуразность, предложение это было принято еще на съезде Советов, хорошо, что ЦИК выполнил его только в части привлечения буржуазии для рытия окопов.

Все части Красной армии сосредоточивались у Перекопа и Чонгарского моста, на границе Крыма. Симферополь, Евпатория, Феодосия и Севастополь—все посылали свои отряды для защиты входа в Крым, но ни одна из организаций не могла своим авторитетом установить единую власть над отрядами. Главком, присланный из штаба Антонова-Овсеенко [1], был признан недостаточно подготовленным, местного способного выполнять обязанность главкома работника не было. Отряды действовали разрозненно, попытки со стороны Приклонского[2] (впоследствии был заподозрен в предательстве и убит) объединить разбросанные, мешающие друг двугу части—ни к чему не привели. Кроме того, сам Приклонский не считал для себя постоянной обязан-

[1] Антонов-Овсеенко—видный партийный и военный работник. Руководил отрядами при взятии Зимнего дворца, затем вел борьбу с Корниловым и Калединым, был Начпур Республики, с 24 года послом СССР в Чехословакии.

[2] Приклонский—командир частей армии Крыма у Перекопа.

ностью выполнение директивных указаний центральной и Крымской власти. Были недели, когда ни одного сообщения с границы ни Совнарком Тавриды, ни ЦИК, ни, наконец, военный штаб, находящийся в Севастополе, не получали.

Что делают немцы и гайдамаки, где они, каково состояние наших частей, были или нет столкновения с неприятелям — все это очень часто было покрыто мраком неизвестности. Говорить в таком положении о системе подготовки и обороны Крыма было нельзя. Части армии самовольно уходили на фронт и также самовольно возвращались обратно. Горсточки выдержанных организованных бойцов, способных на геройскую защиту, при общей неорганизованности были поставлены в такое положение, что в любой момент могли оказаться одинокими, обойденными неприятелем и проч.

Трагизм положения усугублялся еще тем, что внутри Крыма в городах, где должна была выковываться сила, способная заменить расхлябанные отряды, призвать к порядку зарвавшихся командиров,—было далеко не спокойно. Меньшевики, как об этом сказано выше, все внимание направляли на свержение власти Совета, тянули назад к демократическому буржуазному раю. В наступлении гайдамаков и немцев они видели свое спасенье. Флот, ослабленный к этому времени, тянул в сторону Украинской буржуазной рады.

Пользуясь затруднениями, меньшевики повели во всех городах агитацию с требованием перевыборов Советов. Профессиональные союзы, находившиеся в руках меньшевиков, саботировали указания Советов. Так, например, при сборе контрибуции и мобилизации буржуазии на рытье окопов профчиновники заявляли о том, что им неизвестно, кого нужно причислять к буржуазии.

В Севастополе меньшевикам удалось добиться перевыборов Совета. Демагогическими криками перед лицом надвигающейся опасности меньшевикам удалось еще раз обмануть рабочих Севастополя. Они при выборах получили большинство. Настроения к этому времени настолько накалились, что при открытии заседания Совета нового состава с галерки и балкона театра, где происходило заседание, на меньшевистских и эсеровских ораторов направлялись винтовки с требованием уйти с трибуны. Большевикам не удалось также вырвать у меньшевиков влияние во вновь организуемом Исполкоме. Отказавшись после бурных споров от вхождения в Исполком, большевики, по требованию революционной части матросов и рабочих, захватили здание Исполкома, арестовав члена Исполкома, находящегося там. На следующий день меньшевики объявили забастовку про-

теста; одновременно они выдвинули требование о вооружении рабочих в целях самоохраны. От кого охранять себя собирались меньшевики, понятно каждому, — не об охране интересов рабочих от надвигающихся полчищ немецкого империализма они думали, их целью было одно: укрепить свое влияние с помощью вооруженной обманутой ими частью рабочих Севастополя. Забастовка кончилась тем, что большевики пошли на компромисс, назначив новые выборы в Совет.

Неуспевший расцвести, Исполком, после захвата большевиками здания исполкома, целый день заседал, обсуждая вопрос о том, нужно ли ему вооруженно выступать. Спровоцированная меньшевиками часть рабочих целый день ходила по улицам, не имея руководителей. Офицеры повылезали из нор и взялись было за организацию отрядов. Рассказывая об этом, один из меньшевиков говорил, что у него в этот момент было чувство разочарования от того, что они не умеют вести за собой массы, не умеют их организовывать, и опасение за то, что к ним примешиваются контр-революционеры[1]. Наивные, они только теперь и далеко не все начинали понимать свою объективно-антипролетарскую политику, свою предательскую роль и безусловную беспочвенность, иллюзорность надежд на истрепанное знамя буржуазного демократизма. Политическая слепота приводила их к тому, что они вне зависимости от условий и соотношения сил держались, как слепой стены, лозунга учредилки и парламента, они забыли даже то, что говорил еще в начале 20 века за 15 лет до них идеолог русского меньшевизма Плеханов, видимо, не нравилась им их же, правда весьма редко проявляемая, революционность[2].

Новые выборы в Совет обещали вновь большинство для меньшевиков и с.-р., но большевикам не удалось уже выступить в новый бой с соглашателями,—немцы были на пороге.

О „нравственном оздоровлении и просветлении народной души“ не мало беспокоились меньшевики и в Симферополе. Распуская невероятнейшие слухи о растратах комиссаров, тормозя работу по созданию Красной армии и используя ими же созданные продовольственные недочеты (см. в первой части этой главы об убийстве прод. комиссара),—меньшевики пытались и здесь добиться перевыборов Совета. Опыт Севастополя был симферопольцами учтен и они, свое-

[1] Воспоминания Борисова на собрании участников революции в Крыму (материал Истпарта КрымОК ВКП(б).

[2] Плеханов Г. В. на втором съезде РСДРП говорил, что с.-д. будет поддерживать парламент до тех пор, пока он защищает интересы рабочих, иначе его нужно разогнать.

временно выступая перед массами, нейтрализовали влияние меньшевиков и им не удалось создать открытого конфликта.

В Ялте организация большевиков, обсуждая выступление в Севастополе, пришла к выводу, что выступление это могло случиться только из-за некоторого отрыва от массовой работы большевиков, заваленных организационно-хозяйственной и военной работой[1]. Это безусловно правильный вывод, но обвинять большевиков в отрыве от массовой работы, признавши факт отрыва, нельзя потому, что организации молодые, неопытные в политической работе, выделили лучшие силы на ответственную руководящую работу и не могли справиться с массовой работой. Меньшевики же пользовались этим и у рабочих Крыма, не имеющих революционных традиций, имели успех.

В Феодосии меньшевики распространяли листовки с призывом выступить против действий Советской власти. Некоторый успех имели они там у табачников.

Закрытая распоряжением Совета газета меньшевиков „Прибой", орган Крымского и Севастопольского Комитета, со 2-го апреля начала вновь выходить в Севастополе. Вся деятельность меньшевиков сводилась к тому, чтобы отвлечь внимание масс от надвигающейся опасности. Вместо того, чтобы звать рабочих на защиту завоеваний Октября, меньшевики елейно рассуждали о том, что двигаются на Крым не немцы, а украинская „демократия", которая спасет „демократию" крымскую, и что немцы не будут вмешиваться во внутреннюю жизнь края. Подогревая некоторое неверие в свои силы, упадочническое настроение в массах, меньшевики наносили удар за ударом в спину революции. В апреле 1918 г. войска под командой генерала Кош взяли Перекоп, двигаясь с другой стороны по линии железной дороги. Вскоре ими был взят Джанкой. Части Красной армии не выдержали напора технически и организационно превосходящего их противника и отступили по направлению к Феодосии и меньшей группы по направлению к Симферополю.

ЦИК и Совнарком Тавриды решили начать эвакуацию Симферополя в двух направлениях—на Керчь и Севастополь. В Севастополе предполагали задержаться и дать бой. Через Керчь намерены были эвакуироваться на Кубань для соединения с частями Красной армии.

До вступления немцев в Крым правительство пыталось задержать их продвижение переговорами, но не успела комиссия выехать для переговоров, как они были уже в Крыму Центральное правительство в свою очередь назначило представителя для переговоров с немцами о судьбе Крыма.

---

[1] „Ялтинская Коммуна", № 222, 19/IV—1918 г.

Ничего не помогло, и 22-го апреля началась эвакуация Симферополя. Севастополь был в таком положении, что надеяться на сколько-нибудь чувствительный отпор было нельзя. Противоречия раздирали силы Севастополя. Неприглядное положение было и в Феодосии, где скопились не только Крымские части, но и учреждения, организации и отдельные беженцы из Одессы и других занятых немцами городов.

Анархические элементы армии выступили вновь и потребовали ухода от власти совета, организовали ревком, но прекратить неорганизованные действия, внести какую-нибудь ясность в отношении между отрядами—не могли. Только усилиями отдельных работников удалось спасти ценное имущество и эвакуировать в Новороссийск оставшиеся отряды и беженцев. Севастополь был занят немцами 1 мая. Немецкое командование, занимая Крым, обратилось к населению с таким воззванием:

„К ЖИТЕЛЯМ ТАВРИДЫ И КРЫМА

Немцы приближаются. Мы друзья вашей страны, с которой мы заключили мир.

Мы хотим этот мир, который до сих пор существовал на бумаге, провести в жизнь.

Вся свободная деятельность мирных граждан, свобода торговли, мореплавания—сохранены.

Мы враги разнузданных элементов, которые еще встречаются в стране и повсюду насилиями нарушают спокойствие и порядок.

Помогайте каждый побороть этих врагов мира.

Командующий германскими войсками в Тавриде и Крыму генерал-от-инфантерии Кош“.

В дальнейшем изложении будут даны документы, которые ясно укажут, что понимали немцы под миром и спокойствием страны.

Совнарком и ЦИК Тавриды выехали при эвакуации на Ялту, а оттуда решили перебраться в Феодосию или Керчь. Они не доехали до Феодосии—весь состав Совнаркома был арестован татарскими буржуазными националистами у деревни Биюк-Ламбат (между Ялтой и Алуштой). Националисты были не одни, им удалось увлечь за собой татарское крестьянство 5—6 деревень.

Почему выступили националисты? Что ждали они от буржуазно-немецкого и украинского-гайдамацкого владычества?

Некоторый свет на эти вопросы проливают показания крестьян, участвовавших в восстании, и отдельные документы. Джафер Сейдамет бежал в январе через Украину в Турцию, там он связался с видными турецкими государственными деятелями на весьма простой программе: оттор-

гнуть Крым от России, создав в нем ханство под протекторатом Турции. Для выполнения этого плана турецкое правительство выдало Сейдамету денег и гарантировало ему поддержку немецкого командования. Рада в это время прямо не высказывала своих намерений о Крыме, до поры до времени она своей уступчивостью подогревала национализм татарской буржуазии с тем, чтобы использовать ее силы.

Провокационным путем, распространяя среди крестьян письмо, якобы написанное парламентом, распуская слухи о том, что Джафер Сейдамет высадился в Крыму с „сильным войском", сообщая о движении немцев, как движении „наших братьев, освободившихся украинцев", и, наконец, распустив слух о сожжении ряда татарских деревень большевиками, хотя на самом деле не только поджогов, но и желания устраивать их не было у большевиков,—одним словом, такими методами удалось темное неграмотное крестьянство деревень Шумы, Демерджи, Корбеклы, Кучук-Узеня, Кизильташа и некоторых других увлечь в Алушту, часть вооружить, а затем повести за собой для ареста вначале местного совета, а затем и Совнаркома Тавриды.

Совнарком, находящийся в Ялте, был обманут. Под угрозой револьвера алуштинский начальник милиции сообщил в Ялту, что в Алуште все спокойно, все на своих местах. Члены Совнаркома выехали, но на дороге были арестованы, приведены в Алушту и после целого ряда издевательств были расстреляны. Вот как описывает расстрел один из предназначенных к расстрелу:

> „Разъяреииый офицер дрожащей рукой иадавил курок иагаиа, который был иаправлеи мие в лоб. Пуля попала в щеку и вышла иавылет. Тут последовали залпы одии за другим: даио было четыре залпа, потом была комаида „зарядить", и затем еще три залпа. После седьмого залпа офицер скомаидовал: „довольио" и приказал доколоть лежащих. Хотя испуганные палачи стреляли ие метко, ио все же после первого залпа все упали и остальные шесть залпов были сделаны по лежащим. Я от выстрела из иагаиа упал раиьше всех иа правый бок, голову согиув вперед. При залпах из винтовок пули причииили мне лишь семь ожогов иа плечах, покусав меия точио пчелы, ио попадали в скалу, засыпая голову землей, отлетавшей от них. Я поэтому оставался в полиом сознании, получив только иебольшое ранеиие"[1].

24-го апреля варварский расстрел был совершен, а через несколько часов после него к Алуште подошел миноносец, высланный из Севастополя с целью спасти арестованных комиссаров[2]. Националисты при приближении миноносца бежали в Симферополь, бросив на произвол судьбы обманутое ими крестьянство.

---

[1] Сборник „Революция в Крыму", № 2, стр. 121.

[2] Дело следствеииой комиссии Нац.-тат. директории. АОР. Крымцеитроархив.

Через день миноносец отошел обратно в Севастополь, после чего в Алушту и Ялту были введены немецкие части, начавшие наводить „порядок“ с ареста рабочих, введения жесткой цензуры и выкачивания из Крыма продовольствия для проголодавшейся за время империалистической войны немецкой армии.

Советская власть кончила свое существование в Крыму под напором немецких штыков и при предательстве со стороны соглашателей. Ушли из Крыма на советскую территорию с мыслью вернуться в Крым победителями над буржуазией лучшие силы рабочих Крыма. Другие ушли в подполье, где, обрекая себя на постоянные лишения, опасности быть арестованными и расстрелянными, большевики продолжали упорную работу в массах. Опыт трех белых контр-революционных правительств отрезвил массы от меньшевистско-эсеровского угара, опыт этот впоследствии толкнул массы на более активную поддержку борющейся с белогвардейцами рабоче-крестьянской Красной армии.

Годы террора и издевательств открыли рабочим массам глаза на истинный смысл тактики соглашателей.

ГЛАВА VI

Немецкая оккупация и правительство Сулькевича

В ноте заместителю народного комиссара по иностранным делам германский посол в Москве 3 мая, указывая на причины занятия Крыма немцами, заявляет, что: „этот акт имеет лишь чисто военное значение“ [1]. Он оправдывал необходимость занятия указанным в предыдущей главе фактом военного столкновения частей черноморского флота с немцами у Херсона.

В цитированном выше обращении немецкого командира вопрос о причинах захвата Крыма ставился уже несколько яснее; в обращении говорилось о необходимости сохранить мир, заключенный немцами с Россией, от „нападок разнузданных элементов“.

Во втором обращении, опубликованном генералом Кош, цели прихода определялись еще точнее. В нем писалось: „мы пришли освободить вас от власти большевиков и восстановить у вас спокойствие и порядок“ [2]. Военно-стратегические соображения в этом обращении уходят на последний план. То, чего не смел сказать посол правительству в Москве, проболтали военные командиры в Крыму. Никакого сомнения после этих обращенний о действительных намерениях немцев, занявших Крым, не могло быть.

Немцы пришли в Крым для того, чтобы закрепить свое влияние на Черном море, избавиться от помехи в лице советского правительства. Закрепляясь в Украине, немцы не могли оставить в Крыму советскую власть, ибо она мешала их сношениям с Турцией, закрывала им путь к восточным колониям, из-за которых несколько лет немецкие империалисты вели борьбу.

---

[1] Евгений Розеноер. Германская оккупация Крыма. Феодосия, 1919 г.
[2] Тоже.

Империалистический характер захвата еще яснее становится при рассмотрении материалов конференции крымских немцев-колонистов. Через две недели после занятия Крыма немецкое командование созвало в дер. Бютень конференцию немцев Крыма. На конференции была только избранная публика: пасторы, верхи интеллигенции, крупные землевладельцы. Руководителем конференции был министр колоний Германии Линдеквист. Основным вопросом, подвергнувшимся обсуждению конференции-конгресса, был вопрос о создании особой Черноморской области („Schwarzemeergebiet"), которая должна была включать территорию, граничащую с северным побережьем Черного и Азовского морей. Область эта должна соединяться с Германией и большинство населения ее должны составлять немцы. Русских из этого района предположено было переселить.

В обсуждении приняли участие все участники конгресса-конференции, признав весьма желательным создание области.

Мысль эта очень импонировала желаниям и местной крымской немецкой буржуазии, — это сделало бы буржуазию полноправным хозяином на местном рынке, значительно укрепив их эксплоататорские стремления. Кроме того, местная немецкая буржуазия получила бы тогда право более выгодной для нее связи с промышленными центрами Германии, которые явились бы лучшими рынками сбыта сельско-хозяйственного сырья и выгодными поставщиками фабрично-заводских изделий. Второй вопрос, который обсуждал конгресс-конференция,—переселение местных немцев на свободные земли в Германию. Свободные земли представляли из себя не что иное, как неудобные земли, нуждающиеся в обработке, но требующие большого вложения в них капитала. О переселении в Германию думали очень немногие, а мысль об области понравилась всем.

Грезам немецкой буржуазии не суждено было сбыться, но эти мечты, планы, разлетевшиеся, как карточные домики, четко вскрыли цели оккупантов.

Можно привести еще ряд доказательств о целях прихода немцев в Крым. Так, например, комендант Феодосии в одном из своих воззваний возвещает: „Пусть помнят..., что германские войска пришли, как победители"...[1]. Городской голова города Керчи в своем докладе о встрече немецких войск и переговорах с ними сообщал городской думе, что командование будет предъявлять требования, которые должны быть выполняемы[2]. Перед выборами в думу в Керчи комендант приказал представить ему за неделю списки выборщиков.

[1] Евгений Розеноф, Германская оккупация Крыма. Феодосия. 1919 г.

[2] Журнал заседаний Керченской городской думы. Керчь, архив.

Декларированный мир понимался немцами, как безответственный произвол немецкого командования. Победители расправлялись с побежденными, как заблагорассудится. Так, 12-го мая распоряжением коменданта Севастополя была на неделю закрыта газета меньшевиков „Прибой", перепечатка статей из немецкой социал-демократической газеты „Форвертс" допускалась только с разрешения коменданта. Собрания могли созываться только с разрешения немецкого командования, при чем имели место такие случаи, когда разрешенные уже собрания запрещались.

Кадеты, меньшевики, ожидавшие прихода немцев и видевшие в них спасителей от большевиков, носителей культуры и демократизма, вскоре начали просыпаться, пытаясь противодействовать вводимым немцами порядкам. Попытки весьма жалкие и даже безобидные встречали, однако, постоянный отпор. Некоторым из лидеров меньшевизма разрешалось выступать только после проверки тезисов выступления в комендатуре, а одному так предложено было покинуть территорию Крыма.

Угар торжественных встреч, изъявления готовности „всемерного содействия" немцам в борьбе с большевиками проходил довольно быстро. Надежд было очень много, содействие местная буржуазия действительно оказывала и довольно активно. Так, симферопольская городская дума высылала навстречу немцам делегацию, которая заверила командование в том, что „демократия" ждет своих избавителей. На одном из заседаний Симферопольской, а затем и Керченской городской думы „городские умы" сочли необходимым разоружение населения и, в первую очередь, рабочих окраин. Только в одной Керчи сдали оружие, включительно до охотничьих ружей, 1.241 человек[1].

С местными самоуправлениями немцы не считались совершенно. Думы выбора 1917 года их не удовлетворяли, казались им, видимо, чрезмерно революционными.

Формирование Крымского правительства

Подчиняя всю жизнь в Крыму силе винтовки, придавливая сапогом свободное проявление общественности, немецкое командование отлично, конечно, понимало, что если оно ограничится только военными арестами всех, имеющих хотя бы второстепенное отношение к большевикам, то ему не удастся долго удержаться у власти и обманывать рабочих. Между командованием и массой населения надо было поставить какую-то третью силу — власть, сделав ее проводником немецких распоряжений, немецкой политики. Кто же в Крыму мог выполнить обязанности прислужника немецкого империализма? За кем пойдет хотя бы часть населения края?

[1] Дело о сдаче оружия немецкому командованию. Керчь, архив.

Кадеты, а за ними и социал-соглашательские группы ни в какой степени не могли отвечать требованиям немцев. Эти группы встречали немцев только как „избавителей от большевиков“. Они не могли и не отказывались от своей англо-франко-американской ориентации, сулившей им Дарданеллы и Босфор. Кадеты и социал-соглашатели мечтали о единой неделимой России, в которой первые будут, взяв власть в свои руки, продолжать невероятнейшую капиталистическую эксплоатацию, а вторые, играя роль „оппозиции“, займутся „воспитанием классового самосознания рабочих“, в ожидании, когда страна „дорастет до социализма“.

Половинчатые лозунги буржуазной февральской революции были идеалом кадетских и соглашательских элементов. Ни вперед, ни назад от этих лозунгов они не хотели итти, ибо эти лозунги воплощали желания буржуазии. Неудивительным станет то, что немедленно по занятии Крыма немцами на сцену появились деятели „совета народных представителей“—органа, созданного в зените соглашательской деятельности местных кадетских и эсеро-меньшевистских групп (в ноябре 1917 года). Орган, созданный в тот период, когда революционная демократия объединилась для борьбы с „надвигающейся анархией“, проще говоря, для борьбы с массами, которые не могли дальше жить под руководством буржуазии и пошли за лозунгами большевиков.

В первые дни по приходе немцев начали восстанавливаться старые, бывшие до советской власти учреждения.

Бюрократия, сохранившаяся со времен царского самодержавия, вернувшись на свои насиженные места, создала нечто в виде совета из представителей чиновников всех учреждений. Совет этот, или, как его называли меньшевики, „чиновничий парламент“, был, вероятно, уверен, что армия императора Вильгельма будет содействовать восстановлению царских порядков в Крыму.

27 апреля Симферопольская городская дума, большинство в которой принадлежало с.-р. и меньшевикам, высказалась за роспуск „чиновничьего парламента“ и за восстановление власти, бывшей до республики Тавриды. К такому же решению пришло совещание общественных организаций, созванное губернским комиссаром.

Комиссариат воскрес, вернулся к власти, но с ним совершенно не считались. Немецкое командование больше всего обращалось с различными вопросами к чиновничьему парламенту. Чувствовалось, что ведется подготовка организации новой власти, что у командования есть уже какие-то решения.

Таким на самом деле и было положение. Оказывается, еще до занятия Крыма мусульманская буржуазно-национали-

стическая организация обратилась с меморандумом к Украине, в котором она заявляла, что будет отстаивать самостоятельность Крыма и не потерпит посягательств на Крым со стороны Украины. На ряду с другими мусульманскими деятелями меморандум был подписан некоим генералом Сулькевичем[1], командиром мусульманского корпуса, созданного при участии немцев из остатков русской армии, оперировавшей в Румынии. Корпус этот немецкое командование создало с тем, чтобы использовать его в борьбе за Крым, чтобы потом иметь право прикрыться, заявляя, что в Крым шли не немецкие части, а мусульманские—крымские. Кроме командира корпуса, татар в нем было весьма мало, но это не мешало ему именоваться мусульманским. Кстати, формирование этого корпуса тоже вскрывает завесу действительных целей прихода немцев в Крым.

После прихода в Крым Сулькевич установил очень тесные связи с татарским парламентом, созванным вскоре по занятии Крыма. Связь облегчалась тем, что еще, будучи на Украине, Сулькевич связался с деятелями курултая, подписавшими меморандум. Кроме того, у него сохранились связи довоенного времени.

К татарскому парламенту немцы относились очень сочувственно.

В первых числах мая начала выходить газета „Крым"— орган татар. В первом же номере этой газеты в передовой статье довольно недвусмысленно татарская националистическая буржуазия и интеллигенция дала понять, чего же она хочет. Газета писала: „Идее всероссийской федерации нанесен смертельный удар и главной причиной этого явления должно считать большевистский переворот в России"[2].

Итак, федерации нанесен удар большевиками, значит надо искать другой выход вне российской федерации.

Об этом другом выходе намеками говорит газета „Одесские Новости", сообщая, что татары организованы, и им помогает Турция, и что немцы не променяют связей с Турцией на связи с Украиной, т. е., другими словами, не позволят Украине забрать Крым.

Подтверждение тому, что Турция помогала националистам, можно найти хотя бы в том, что Джафер Сейдамет вернулся из Турции после занятия Крыма немцами с группой турецких офицеров, и в том, что полевое казначейство германского штаба по чеку немецкого банка, подписанному военным представителем турецкого посольства в Германии при немецком штабе майором Аллединам, выдало татарской

[1] Сулькевич по происхождению литовский татарин, до войны был нач. штаба расположенного в Крыму корпуса.

[2] „Крым" № 1, 10 мая.

национальной директории 1.010.000 марок. В приходо-расходной книге директории числятся записанными на приход 1.244.300 рублей, полученных неизвестно от кого. Есть основания предполагать, что некоторая часть этих денег получена также от турецкого правительства [1]. Вскоре всем ясно стало, что немецкое командование намерено содействовать организации власти, руководящую роль в которой будут играть татарские буржуазные националисты.

Возвратившийся из Турции Джафер Сейдамет на заседании татарского парламента 16-го мая в обширной речи говорил о необходимости для Крыма взять германскую ориентацию, а немецкое командование обратилось к Сейдамету с письмом такого содержания: „Джафер Сейдамет эфенди. Германские войска вступили в пределы Крыма в целях восстановления порядка, спокойствия и предоставления Крымскому населению свободы определения своей собственной судьбы. Татарский народ первый обратился к германскому командованию с проектом создания краевой власти; веря, что вы будете стоять на страже благополучия и счастья всех народов Крыма, я поручил вам составление кабинета, который создаст общекраевой парламент. Германское командование будет всемерно поддерживать организуемое правительство в деле восстановления порядка и спокойствия" [2].

18 мая татарский парламент решает вопрос о назначении премьер-министром Крымского правительства Джафер Сейдамета и выдает ему следующий ярлык:

„Уважаемый Джафер эфенди.

В то время, когда страна в политическом, административном и экономическом отношении переживает бурные потрясения, татарский парламент призвал вас на пост первого министра в Первом Крымском правительстве.

Зная, что Крымские народности, испытавшие год революции и 3-хмесячную большевистскую анархию, не колеблясь, окажут вам доверие, Крымско-татарский парламент верит, что, поддержанный всеми народностями Крыма, вы, благодаря своему политическому опыту, сумеете вывести страну из политического, экономического и административного кризиса.

Да поможет вам великий Аллах.

Председатели парламента
А. Хальми, А. С. Айвазов.

Секретари: С. У. Таракчиев, А. Боданинский.

Симферополь, 18 мая 1918 года.

Решив вопрос о премьер-министре, парламент учел, что одни татары в правительстве не будут иметь опоры у насе-

---

[1] Отчет комиссии по ознакомлению с деятельностью нац. директории Центроархив. Дело № 309, лист 2 и 4.

[2] Евгений Розеноер, Германская оккупация Крыма. Феодосия 1919 г. стран. 9.

ления при том условии, что татарское население по численности составляло значительно меньше половины (около 30%) всего состава населения и что основной группой, экономически наиболее сильной, сосредоточившей в своих руках землю, промышленность и торговлю, являются не татары.

Нужно было привлечь в правительство и не татарскую буржуазию, в том числе немецкую. 19 мая парламент устроил банкет, на котором обсуждался вопрос о власти, а на другой день Джафер Сейдамет обратился с предложением вступить в правительство к кадетам и губернскому комитету немцев. И те и другие, вначале не входя в обсуждение вопроса о персональном составе и политике правительства, дали свое согласие.

На ряду с Сейдаметом в правительство предположено было от татар ввести Сулькевича. Но установившееся было соглашение вскоре было разрушено. Кадеты предъявили на совещании 31 мая (там присутствовали татары, немцы и кадеты) требования такого содержания: а) они не согласны с назначением премьером Сейдамета; б) правительство не должно отвечать перед курултаем; в) в правительстве не должно быть министра иностранных дел; г) члены правительства должны быть допущены губернским земским собранием. Первый пункт был принят всеми группами, сам Сейдамет быстро также согласился с ним, по третьему вопросу возникли прения. Немцы и татары считали необходимым создать министерство иностранных дел. Один из представителей немцев в правительстве в оставленной им записке об истории крымского правительства объясняет требование создания министерства иностранных дел тем, что в это время среди немецкого крестьянства было велико стремление к переселению[1]. Стремление это развилось под влиянием гонений, которые были со стороны царского правительства до февраля 1917 года.

На следующий день вопрос о власти обсуждался в земском собрании, которое высказалось категорически против министерств иностранного и военного, потребовало отвода Сейдамета с поста премьера, не возражая вообще против его вхождения в правительство, и, кроме того, высказалось за создание не коалиционного, а „делового“ кабинета, не ответственного перед курултаем и не стремящегося „связать судьбу Крыма с судьбами какого бы то ни было другого государства“[2]. В составе правительства земское собрание требовало для себя 5 мест.

---

[1] Записка Налбандова. Крымархив АОР.

[2] Там же. Приложение.

Таким образом, земское собрание заняло позицию прямо противоположную татарскому парламенту, который 18 мая принял такое положение о власти:

„1. Крымско-татарский парламент объявляет себя временным Крымским государственным парламентом и берет на себя инициативу организации краевой власти и краевого парламента.

Примечание. О том, на каких основаниях парламент будет пополнен представителями от других народностей, комиссия доложит парламенту не позже 5 дней.

2. По образовании краевого парламента и в случаях обсуждения в нем национальных татарских дел при участии лишь членов татар он рассматривается, как татарский парламент.

3. Вопрос о созыве Крымского учредительного собрания татарский парламент передает на разрешение общекраевого парламента.

4. Крымское правительство создается на коалиционных началах с участием народностей, составляющих видную единицу в количественном и общественно-экономическом отношениях.

5. Глава правительства (премьер) избирается татарским парламентом и составленный им кабинет (совет министров) получает санкцию от парламента в виде доверия к нему.

6. До образования общекраевого парламента правительство является ответственным перед татарским парламентом.

7. Государственными языками новообразованного правительства являются языки татарский и русский.

8. Государственным флагом признается голубой флаг впредь до окончательного разрешения этого вопроса Крымским учредительным собранием.

9. Правительство состоит из премьера и восьми министров.

10. Министерства следующие: 1) министерство внутренних дел, 2) министерство иностранных дел, 3) министерство военное, 4) министерство путей сообщения, почты и телеграфа, 5) министерство народного просвещения, 6) министерство земледелия, торговли и промышленности, 7) министерство финансов и госуд. контроля и 8) министерство юстиции".

Земское собрание не допускало мысли об отделении Крыма и об ориентации на Германию и Турцию. Тут столкнулись два направления. В решении вопроса о власти, как в капле воды, находили отражения чаяния больших мировых империалистических акул, мечтавших, с одной стороны, о разделе и грабеже Германии и Турции, и с другой,— о разделе и грабеже России и англо-французских колоний на Востоке. Земцы были защитниками первого, татары — второго.

После такого оборота дела кадеты отказались от участия в правительстве совершенно, да и странно было бы, если бы они вошли в правительство; это значило отрезать все пути, сжечь корабли, отказаться от того, „чем жил", надеждами на что поддерживал дыхание. Раз не удалась попытка подчинить своей воле и своему направлению татарско-немецкую часть, они отошли в сторону.

Немецкое командование, провалившееся с планом создания правительства во главе с Сейдаметом и утомленное ожиданиями, нашло вместе с татарской буржуазией новое

лицо, которое должно было заменить скомпрометировавшего себя Джафер Сейдамета. Таким лицом был генерал Матвей Александрович Сулькевич. Бесцветная фигура, вполне преданная идеалам татарской буржуазии и отвечающая планам немецкого командования, Сулькевич был назначен премьер-министром.

Пока шли разговоры о составе правительства, татарская националистическая печать вела подготовку к восприятию законов нового правительства. Так, например, в одном из номеров газеты „Крым“ [1] писалось о том, что местные самоуправления не полномочны в решении крымских дел, ибо они избраны не крымскими жителями, а курортниками, солдатами и проч. Этим самым подготовлялось общественное мнение к роспуску местных самоуправлений и объяснялось отрицательное отношение к ожидаемым (вполне правильно ожидаемым) протестам против узурпаторского захвата власти. В этой кампании против местных самоуправлений помогали татарам октябристы, требовавшие созыва цензовых городских дум и земских собраний.

Пришедший к власти Сулькевич и немецкое командование запрещением выборов и созыва городских дум узаконило желание татарской буржуазии и националистов.

5 июня Сулькевичу было поручено формирование кабинета министров, а 6-го он объявил „во всеобщее сведение, что с согласия германского командования принял на себя управление Крымом и сформирование правительства“. В тот же день телеграммой он сообщил о своем вступлении в управление Крымом всем уездным и местечковым комиссарам и городским управам.

Первой законодательной мерой со стороны Сулькевича было распоряжение о том, что всякие комитеты в учреждениях, если они попытаются вмешиваться в вопросы назначения или увольнения служащих, будут распущены.

В состав правительства Сулькевича вошли представители татарского парламента и губернского комитета союза немцев в Крыму.

Созданное Сулькевичем правительство не могло, однако, приступить к работе. Совершенно неожиданно для „министров“ германское командование предложило в декларации правительства ничего не говорить о сроках, на которые создается правительство, и исключить пункт, запрещающий вывоз хлеба. Наивные правители, являясь марионетками германского командования, вообразили было себя настоящей властью, самостоятельно управляющей Крымом. Командование не могло, конечно, допустить такого вольномыслия,

[1] „Крым“ № 8, 26 мая.

оно одернуло зарвавшихся „деятелей“. Нового в такой системе отношения империалистических государств к захваченным ими колониям ничего нет. Немецкое командование допускало такое правительство, которое с первого дня будет выполнять его волю. Какая угодно империалистическая страна в 20 веке так именно строит свои отношения с местной колониальной „демократией“. Империалисты создают парламент, или поддерживают шаха, хана и проч., но все эти местные надстройки являются фасадом, лицевой стороной, за которой скрывается управляющая рука империалиста. Примеров этого можно очень много найти в странах Ближнего и Дальнего Востока. Крым в 18-ом году увеличил число этих примеров.

Начало разговорам, которые привели к окрику со стороны командования, положено было на частном совещании лиц, изъявивших согласие войти в состав правительства. Присутствующие на совещании решили указать, что правительство создается до созыва Краевого сейма, который уже создаст новую власть. Такое предложение отстаивал октябрист Налбандов[1], вошедший в состав правительства от комитета немцев в Крыму. Предложение это не отвечало желаниям командования, да и татарской части правительства, которая легко на отказ от подчинения правительства татарскому парламенту пойти не могла.

Командование после беседы с министрами дало не совсем четкий, но все жс достаточно понятный ответ. Генерал Кош заявил: „Вопрос о выборах в парламент было бы целесообразно отложить, пока в Крыму наступит полный покой и порядок“[2]. После этого вопрос о сроке выборов в краевой сейм был снят. Послушные горе-министры не рискнули возражать сильному хозяину.

Несколько дней заняло обсуждение проекта декларации. Старались вытравить из нее все, что могло бы оскорбить или оказаться неприемлемым для немцев. Наконец, как будто все кончено. Декларация передана командиру оккупационного корпуса генералу Кош. Через 2 дня он обещал вернуть ее. Правительство в томительном ожидании сидело, однако, не два дня, а значительно больше.

Переданная командованию 15 июня декларация была отправлена в главную ставку в Киев на окончательный просмотр. 20 июня „министры“ потеряли всякое терпение, ответа не было, они не могли начать „управлять“ краем. В этот же день, собравшись, они написали командованию

---

[1] Налбандов—октябрист, общественный деятель, землевладелец, член земского собрания и городской думы. В правительстве Сулькевича—краевой контролер, секретарь и министр исповеданий и просвещения.

[2] Записка Налбандова—АОР.

меморандум, в котором считали „возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной[1]. В меморандуме был ряд указаний на необходимость сохранения твердой власти, способной сохранить край от обнищания и анархии, и ряд других красивых, но для правительства в тех условиях совершенно невыполнимых фраз. Только 23 июня были созваны вновь разъехавшиеся было по своим имениям члены правительства. Уместно отметить то, что Сулькевич, после предъявления меморандума, не сложил с себя власти, а обратился ко всем организациям и учреждениям с призывом продолжать работу, указав, что он сохраняет за собой всю „полноту власти“.

Правительственная программа

25/12 июня муки родов кукольного правительства кончились. Оно появилось на свет, ознаменовав свое рождение опубликованием большой, но весьма путанной и прямо реакционной декларации.

Первый пункт декларации сообщал громогласно о том, что „с согласия германского командования“ Сулькевич принял на себя организацию правительства. „Вопрос об образовании ответственного выборного правительства будет разрешен впоследствии по соглашению с Германским командованием, когда наступит в крае действительное спокойствие и порядок“ [2]. Понятно, что такая формулировка никого и ни к чему не обязывала. Это было просто небольшой уступкой наивным демократам.

Интересно, что в первом проекте декларации указывалось не только на согласие, но и на желание немецкого командования, впоследствии это выражение было исключено. Также в окончательной редакции было исключено указание на необходимость сохранить самостоятельность Крыма от Украины и оставлено только указание о самостоятельности „до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка“.

Практическая часть декларации начиналась указанием на сохранение в силе всех „законоположений государства Российского“, изданных до 25 октября 1917 года. При чем даже этот революционный жест, внесенный в декларацию из боязни массового протеста против реакционности, был обставлен таким количеством оговорок, дающих право „незамедлительного пересмотра“ послефевральских революционных законов, что от него ничего не оставалось.

Так, например, восстанавливались в своих правах все уволенные после февральской революции лица. Земские со-

[1] Крымцентроархив АОР. Дело Краевого правительства.

[2] Цитирую в этом и следующих случаях по декларации. См. Дело Крым. Кр. пр-ва. Крымцентроархив АОР.

брания, городские думы были объявлены распущенными, а на их место призваны гласные, земские и городские, состава до февральской революции.

Провозгласив свободу вероисповеданий, собраний, печати, декларация, однако, сообщала о введении цензуры, необходимости получать разрешение на устройство собраний и исключением свободы вероисповеданий для сект, „заведомо вредных и безнравственных“.

Сословные права и привилегии восстанавливались целиком.

Особое внимание декларация уделяет вопросу о безусловном, безоговорочном сохранении собственности. При чем восстанавливалось право собственности и на имения царской семьи. Чтобы закрепить пункт о восстановлении собственности, правительство создает комиссию, которой поручает расследовать все „преступления, совершенные после 25 октября 1917 года“. Все привлекаемые за эти преступления должны судиться военно-окружным судом по законам военного времени. Деревни, обвиненные в укрывательстве совершающих преступления против „священных прав собственности“, подвергались штрафу до 20.000 рублей.

Напуганные Октябрьской революцией, могучим взрывом народного гнева против эксплоатации, — капиталисты, при широкой поддержке мелкой буржуазии, весьма многочисленной в Крыму, начали, таким образом, с первых же дней беспощадную борьбу с беднотой, ибо „преступниками“-то являлась именно беднота, посягнувшая на право земельной собственности. Все земли возвращались помещикам, при чем с засеянных крестьянами участков урожай поступал в пользу помещика. На этой почве, как увидим ниже, было много столкновений между крестьянами и владельцами земли.

Земли и имущество, принадлежащие немцам и подвергшиеся ликвидации по законам дореволюционного периода, возвращались их прежним владельцам. Эта мера привлекала на сторону правительства немецкое крестьянство, противопоставляя его крестьянству и землевладельцам других национальных групп, которые непосредственно или через Крестьянский банк немецкие земли приобрели в свое владение.

Борьба за землю была памятна правительству, кроме того, земельная нужда татарского крестьянства, на которое собиралась опираться татарская буржуазия, давала себя чувствовать. Крестьяне, получившие землю по инструкции съезда советов Республики Тавриды, не имели желания отдавать ее обратно. Только насилием вопроса о земле, конечно, не решишь, поэтому в декларацию включается пункт о том, что правительство воспользуется для удовле-

творения земельной нужды фондом Крестьянского банка и государственными землями. На каких основаниях будет удовлетворяться земельная нужда? Когда будет решен этот вопрос? Об этом всем умалчивалось, но было совершенно ясно каждому, что о бесплатной передаче земли крестьянству не может быть и речи. При министерстве земледелия создавался особый орган в виде комиссии, которой поручалось ведать вопросами передачи в обработку обществам или отдельным лицам земель государственных и монастырских.

В декларации были включены вопросы регулирования финансовой, торговой и промышленной деятельности, кроме того, вопросы о союзах, охране труда и некоторые более мелкие. В области финансов все было сосредоточено на налогах и выпуске денежных знаков. Предполагалось проработать вопрос о введении подоходного налога. Все ценные бумаги, аннулированные после октябрьского переворота, восстанавливались и принимались банками. Предоставлялась полная свобода торговли и даже с выдачей премии торговцам, которые будут ввозить в Крым продукты фабрично-заводского производства. Мера эта вызывалась тем, что нужда в промышленных изделиях росла, от промышленных же центров, с которыми крымское хозяйство неразрывно связано, край был оторван. Пункт о премиях, а затем и практика торговли во времена Сулькевича с яркостью показала всем мечтающим о самостоятельном, изолированном крымском хозяйстве и государстве абсурдность и беспочвенность мечтаний. Каждый внимательный человек видел, что Крым часть общесоюзного Советского хозяйства, что только при помощи братских республик может развиваться край, при ином положении Крым открывает себе путь в лапы наиболее сильного империалистического государства, дорожку к колониальному рабству.

В 18 году был в Крыму неурожай. Это понудило правительство признать недопустимым вывоз продовольственных продуктов, за исключением сырых фруктов. Пункт был вписан, но выполнять его решительно никто и не думал. Германия, за время войны разорившая хозяйство, нуждалась во ввозе хлеба. Во время последнего совещания перед опубликованием декларации командование вырвало у правительства обещание отменить пункт, запрещающий вывоз хлеба. На деле все происходило проще. Германские солдаты и офицеры ежедневно в виде посылок отправляли из Крыма сотни пудов хлеба.

Рабочий вопрос нашел отражение в двух пунктах декларации; в одном из них предполагалось принять меры к охране труда, но с тем, однако, что это не будет противоречить производству и принципу личной свободы труда. Второй

пункт допускал существование союзов и партий при условии регистрации уставов в министерстве внутренних дел. Иными словами, уничтожались все, даже незначительные завоевания рабочих в февральской революции. 8-мичасовый рабочий день был поставлен под угрозу, а затем совершенно уничтожен. Заслуживает внимания пункт о подданстве. Гражданами Крыма считались по декларации те, кто к моменту опубликования декларации был: а) приписан к сословиям или обществам Крымских уездов или городов, б) служащие в государственных или общественных учреждениях и в) владеющие недвижимой собственностью в пределах Крыма. Не отвечающие этим требованиям объявлялись иностранцами и обязывались иметь паспорта.

Чтобы последовательно вести одурачивание масс особым государством, правительство Сулькевича приняло решение о государственном гербе и флаге. После целого ряда мудрствований, при участии „ученых“ мужей, был принят герб Таврической губернии, цвет флага был взят голубой. Герб и цвет флага должны были по мысли „изобретателей“ сочетать интересы татар и остальных национальностей. Голубое знамя было знаменем Чингиз-хана в эпоху расцвета татарского могущества. Еще 8 июня Сулькевич дал распоряжение представить ему соображения относительно герба. Привожу выдержку из одного любопытного лакейского письма „ученого мужа“ к Сулькевичу:

„По моему мнению герб должен быть разделен на две половины, но вдоль или поперек—я сейчас сказать не могу—как будет красивее. На верхней или правой половине герба должно быть изображение Георгия Победоносца (на канве) по следующим основаниям: а) это древний русский герб; б) это герб Итальянских колоний (генуэзских) на Черном море, в) этот святой почитается и мусульманами. Таким образом все народности Крыма, русская, греческая, армянская (связанная с Кафой и др. колониями) и татарская будут видеть в этой части герба почитаемое ими всеми, близкое им изображение. На нижней или левой стороне герба должно быть изображение Крымской тамги—герба Крыма в татарский период его жизни. Что касается цветов, то первая часть герба должна представлять сочетание трех цветов: золотистого (непременно, а не желтого), черного и белого, именно: на золотом поле черного цвета изображение Георгия Победоносца на белом коне“.

Государственным языком был признан русский, татарский и немецкий. Наконец, последнее, на что нужно обратить внимание, это желание правительства иметь в соответствии с числом населения армию и флот. Основой флота должны были служить, если разрешит германское командование, остатки Черноморского флота.

Вся декларация от начала до конца является попыткой втиснуть общественно-экономическую жизнь Крыма в рамки разбитого еще февральской революцией бюрократического реакционного строя. Единственным отличием является стре-

мление показать себя самостоятельным государством вне России, претендующим на внимание со стороны других государств.

Ни авторы декларации, ни те, кто водил их пером по бумаге, т. е. ни правительство, ни немецкое командование, не хотели считаться с теми социально-экономическими сдвигами, которые произошли после февральской революции, и особенно с тем изменением соотношения сил, той ломкой, которые произведены октябрьской революцией. В классово-животной злобе, прикрашенной националистическими лозунгами, победители не хотели считаться с новыми взглядами, с новыми формами отношений, народившимися и властно требующими места под солнцем. Все мысли их были сосредоточены на закреплении власти реакционной буржуазии. Упоенные весьма сомнительными и до отвращения унизительно добытыми успехами, правители не желали считаться ни с чем, кроме своих уже отживших, но еще судорожно поддерживаемых социально-экономических требований. Пытались остановить колесо истории, но кончили, как увидим ниже, весьма трагикомически, кончили свою „правительственную“ работу под ударами той революции, на борьбу с которой ушло несколько месяцев бесплодной работы, бесцельных попыток заполнить экономический и социальный провал, который создался благодаря отрыву от единого хозяйственного организма, в общении с которым Крым, взаимно дополняя друг друга, способен развиваться.

Даже меньшевиков и с.-р. весьма удивила декларация, она не удовлетворяла этих „штатных“ соглашателей. Кричавшие раньше о том, что большевики узурпировали власть, они тут увидели действительный, не кажущийся—бандитский налет на общественные самоуправления. Большевики пришли к власти, призванные массами, опираясь на самые массы и являясь выразителями интересов трудящегося населения. Правительство Сулькевича пришло к власти, опираясь на штыки империалистической Германии, и своей задачей считало уничтожение каких бы то ни было попыток масс к освобождению, облегчению своего положения. Соглашательская Симферопольская городская дума, два месяца назад захлебывающаяся от удовольствия тем, что пришли „освободители“, 27 июня вынуждена была признать, что:

„Объявленная Краевым Правительством декларация, разделяющая Российских граждан Крыма на крымских граждан и иностранцев, резко подчеркивающая защиту исключительно классовых интересов имущих, объявляющая о роспуске демократических органов самоуправления, лишающая население основ свободы и народоправства, вносит вновь в самый критический момент в жизнь края все элементы вражды и ненависти, бросает население вновь в анархию, следовательно парализует все усилия общественности к единению и созданию основ правовой жизни“.

Не удалось соглашателям из думы на идее спасения родины „примирить классовые противоречия". Реакционные турецко-германские насильники уже не нуждались в услугах соглашательского блока. Пути были совершенно иными, вот это-то и заставляло думу указать правительству Сулькевича, что его мероприятия неминуемо „должны привести к катастрофе, перед которой побледнеет все, что мы пережили в последнее время", что Сулькевич и „правительство разрывает всякую связь с населением и становится властью, чуждой ему"[1].

Губернская Земская Управа оказывается несколько более вежливой, она избирает другой путь протеста, правда, путь похожий на детский лепет, весьма наивный. Заключается он в том, что земцы по формальным мотивам не желают уходить из Управы. Земство—Таврическое, в него входят уезды, отошедшие к Украине, число гласных в этих уездах составляет $^2/_3$ всего состава, на Украину декларация Крымского правительства не распространяется, распустить гласных там живших, лишить их прав гласных—Крымское правительство не может. Управа избрана ими, а потому... „настаиваем разрешить созыв Губернского земства". Таков ход рассуждений земцев. Конечно, никто им созвать земского собрания не разрешил.

Протесты земцев и городских дум имели место не только в Симферополе,—в Керчи Городская Дума из гласных дореволюционного состава за все время не могла собраться, несмотря на то, что городское хозяйство, с каждым днем разрушающееся, требовало принятия срочных мер, направленных если не к восстановлению, то хотя бы к тому, чтобы задержать разрушения.

Не обращая внимания на голоса протеста со стороны различных организаций, самоуправлений—Сулькевич очень чутко прислушивался к голосам татарской буржуазии и националистической интеллигенции, стремясь через эти группы привлечь на свою сторону татарское крестьянство.

В июле Сулькевич попытался привлечь к активной помощи ему местное дворянство. Он обратился к бывшему предводителю дворянства с просьбой о созыве дворянского собрания для решения вопроса о взаимоотношениях с Украиной. В ответ на просьбу, предводитель, вследствие уничтожения сословных прерогатив временным правительством, сообщал, что никакого собрания дворян он устраивать не будет, ибо это противоречит закону временного правительства. Даже дворяне, земельные права которых старалось охранять правительство Сулькевича, не пошло с ним.

[1] Дела Краевого правительства.—Крымцентроархив.

Причину этого отказа нужно искать во внешней политике правительства в его стремлении ориентироваться на Турцию и Германию.

Прямое подтверждение турецко-германской ориентации можно найти в целом ряде законодательных актов. Наиболее ярким доказательством является посылка полномочного представителя в Турцию и переговоры с Германией. В вопросах об отношении к Германии и Турции в составе правительства не было единства взглядов. Различие взглядов по внешней политике привело к выходу из состава правительства графа Татищева, являющегося министром финансов, и Налбандова—бывшего краевым контролером, секретарем и министром исповеданий и народного просвещения.

Разноречивость взглядов в вопросах внешней политики сказалась в работах делегации, посланной в Германию в составе двух министров—Сейдамета и Татищева. Цель посылки делегации, по мнению Татищева, заключалась в установлении экономической связи с Германией, заключении торгового договора, организации смешанного торгового общества и получении кредитов под залог вина и табака. Сейдамет считал главной целью делегации—добиться государственного признания Крыма Германией. До отъезда делегации из Крыма вопрос признания Крымского правительства ставился перед Германией, но не получил решения. Немцы сознательно оттягивали решение вопроса о признании. Они долго не соглашались на выдачу разрешения на въезд делегации Крымского правительства в Германию.

Поездка и „дипломатическая", с позволения сказать, игра в Берлине является ярким показателем двурушничества главы правительства и Джафер Сейдамета.

Татарская националистическая буржуазия через своих представителей в правительстве взяла курс на признание Крымского правительства Турцией раньше, чем Германией. Признание со стороны Турции, по мнению националистов, должно было заставить Германию ускорит признание. Перед отъездом делегации в Германию в Турцию был послан поверенный в делах Крымского пр-ва с документами, подписанными Джафер Сейдаметом,—он был министром иностранных дел. До посылки в Турцию поверенного в делах группа крымских общественных деятелей из татар, бывшая в Константинополе, с целью выражения соболезнования турецкому народу по случаю смерти халифа, вела по поручению Сейдамета и Сулькевича переговоры о назначении представителя Крыма в Турции. Оттоманские государственные деятели признали правильным назначение представителя. О переговорах, как и о самом назначении посла— никто из министров, являющихся в правительстве предста-

вителями немцев, не знал. Совершенно неожиданно для этих министров, из газет они узнали о том, что турецкое правительство приняло вверительные грамоты и признало посланника Крыма. Возмущенные, растерянные министры собрались в заседание Совета и потребовали объяснений. Сулькевич на первое заседание не явился, а на втором, припертый к стенке, свалил вину за посылку представителя на Джафер Сейдамета. Министры, которые, как выражается Татищев в письме к Налбандову, надеялись, что „татарская группа поймет всю недопустимость и несбыточность ее идеалов и претензий“, поставленные перед фактом,—не знали, что делать. Возмущение обманом и убеждение в неправильности политического шага, сделанного татарской группой министров, желание противодействовать узкошовинистической политике Сулькевича—требовало разрыва, ухода из состава правительства или официального отказа от признания поверенного в делах. Но желаниям этим противопоставлялось другое: боязнь, что, пользуясь разладом в правительстве, Украинская буржуазия проглотит Крым. Такое положение привело к тому, что совет министров вынес ничего не говорящее решение сообщить о свершившемся делегации, которая была в Германии, и поручить ей урегулирование „создавшегося сложного международного инцидента“. В Берлин послана была в адрес Татищева и Сейдамета такая телеграмма:

„Джафер Сейдаметом назначен уполномоченный по делам в Константинополе Айвазов, в настоящее время, по сведениям константинопольских газет, уже признанный турецким правительством. Так как советом министров подобной должности для Константинополя не учреждалось, то и аккредитирование кого бы то ни было на эту должность со стороны Министерства Иностранных Дел не могло иметь места, почему Совет Министров признает необходимым предложить Сейдамету немедленно прервать всякие действия Айвазова в качестве дипломатического агента, как неимеющего законных полномочий Правительства. Не считая возможным обострять международные отношения немедленным отозванием Айвазова,—просим принять все возможные меры к улажению этого печального недоразумения“[1].

Урегулировать „сложный международный инцидент“, однако, не удалось. Татарская националистическая часть правительства оказалась весьма последовательной в своих стремлениях, и через несколько дней после заседания Совет министров был удивлен еще одним, не менее интересным, выступлением татар. Оказалось, что Джафер Сейдамет в Берлине выступает с обращением к „Высокому Германскому Правительству“, написанным национально-татарской директорией; в обращении националисты, сообщая заведомо ложные сведения о силе, о тысячах жертв офицеров и сол-

[1] Книга протоколов Крымского Краевого Пр-ва. Прот. № 316—17/VIII—18.

дат, погибших в борьбе за независимость Крыма, о поддержке их Украинской радой, считают важным достигнуть следующих основных положений политической жизни:

„1) Преобразования Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого Крымского Ханства и Германии и ее союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму, с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских; 4) водворение татарских правительственных чиновников и офицеров, проживающих в Турции, Добрудже и Болгарии, обратно в Крым; 5) обеспечение образования татарского войска для сохранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение. Турецко-мусульманский мир готовился к политическому союзу с Великой Германской Империей, своей спасительницей, приносит в жертву сотни тысяч жизней и в дальнейшем готово принести жертвы еще в большем масштабе, чтобы укрепить навсегда достигнутое могущественное положение. В то время, как Россия, его великий исторический враг, погибла и дорога в Индию освобождена для Германии, поколебались твердыни Англии, мусульманьский мир находит силы в твердой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды“[1].

Приведенное едва ли нуждается в комментариях, яснее этого чаяния татарской националистической буржуазии, ставшей жалкой попрошайкой у стола всесильных империалистов, не выразить. В стремлении к самостоятельному грабежу, эксплоатации трудящихся всех национальностей, населяющих Крым, буржуазия и националистическая интеллигенция дошла до последнего предела. Она отдавала Крым, как „дорогу в Индию“, в распоряжение германского империализма и в награду за это хотела только одного—освобождения от конкурента—русского буржуа и оставления иллюзорной, нетвердой и совершенно не самостоятельной власти татарской буржуазии.

В стремлении к отделению Крыма татарская часть правительства оказалась не одинокой. Центральное управление немецкой связи Крыма (то же, что и Немецкий Комитет) по случаю отъезда Джафер Сейдамета в Берлин обратилось к нему с письмом, в котором от имени всех немцев, живущих в Крыму, в доказательство дружбы между татарами и немцами-колонистами объявляло себя „солидарными с татарами в отношении вопроса об отделении полуострова от Великороссии и Украины и образовании из него особой государственной единицы“. Зная, однако, что замкнуто, самостоятельно Крым не может жить,—Немецкий Комитет „для обеспечения его независимости“ счел необходимым просить помощи и защиты в Германии[2].

---

[1] Обращение к Высокому Германскому Правительству. Крымцентрархив.
[2] Дело Краевого пр-ва. Крымцентроархив. АОР. Письмо к Сейдамету.

Заявление это свалилось, как снег на голову, на представителей от немцев в правительстве. Они ничего о письме не знали до тех пор, пока Сейдамет не объявил о его существовании, а так как это произошло в Берлине, то немецкая группа не могла обсудить положения. Татищев из Берлина письмом Налбандову предупредил правительство о выходе из его состава „с момента вступления на территорию Крыма"[1].

Что же, однако, руководило Немецким Комитетом? Что заставило их обратиться с письмом к Сейдамету? Не будет ошибочным, если сказать: ими руководили большие аппетиты и неповоротливость ума. В самом деле. Самостоятельной экономической и в частности торговой политики—Крым вести не мог. Имея значение, как часть в общем хозяйственно-политическом комплексе страны, он при отделении неизбежно должен был подпасть под влияние какого-нибудь капиталистического государства. Как часть советской страны, Крым способен развивать производительные силы с помощью других областей, при советах у него значительно шире перспектива развития сельского хозяйства, крестьянство при советах, получивши землю, уходит от вековой кабалы землевладельца, интенсифицирует сельское хозяйство и участвует в общей работе по развитию промышленности. Самостоятельный на бумаге,—на деле же отданный Германии,—Крым превращается в колонию со всеми прелестями колониального рабства. Развивать Крымское хозяйство Германии было бы совершенно невыгодно, ей более выгодно иметь Крым, как военную и сырьевую базу на Черном море.

Немецкий Комитет в националистическом угаре из-за деревьев национального угнетения и неравенства при царизме не видел леса империалистического угнетения. Стремясь к освобождению от Великороссии потому только, что их угнетал царизм, немецкие националисты проглядели те изменения социально-экономического порядка, которые произошли после Октября. В животном страхе за свою собственность, за привилегии буржуазного и мелкобуржуазного бытия, шайка националистических авантюристов, без всяких оснований говорившая от имени народа, толкала весь народ и особенно его трудящуюся часть в новое рабство.

Не сбылись мечты националистов, Германия, долго затянувшая переговоры, в сентябре решительно изменила курс и через командование начала толкать Крым на установление более крепких и определенных в деталях отношений с Украиной.

Надо сказать, что вопрос об отношении Крыма и Украины встал перед правительством и германским командованием

---

[1] Копия письма к Налбандову.—Тоже.

с первых дней появления на свет Крымского совета министров. В течение нескольких месяцев жизни Крымское правительство проделало большой путь от упорного нежелания подчинить себя в какой бы то ни было степени украинской буржуазной власти до посылки делегации в Киев с наказом итти на уступки. Метаморфоза эта заслуживает того, чтобы ее проследить от начала до конца.

Крым и Украина

25-го июня в ответе на представленную декларацию правительства генерал Кош писал, что он надеется на установление добрососедских отношений между Крымом и Украиной. По мотивам политической близорукости, многие министры были удивлены этой надежде Кош—они не видели оснований к тому, чтобы об этом писать в ответе на декларацию. Командование, по указаниям своего правительства, оказалось более дальнозорким. Дело в том, что Крым нуждался в экономической поддержке, его расстроенные финансы без займа восстановить было нельзя: табак, фрукты, вино настойчиво пробивались к рынку, был огромный недостаток фабрично-заводских изделий. Германия, разоренная войной, не могла помогать восстановлению хозяйства, или хотя бы задержать дальнейшее разрушение,—она при занятии Украины и Крыма стремилась к выкачиванию из этих районов хлеба и сырья для нужд армии, голодающих жителей городов и закрывающихся фабрик и заводов в Германии. Украина и Крым должны были заменить для Германии колонии, от которых она была отрезана. На западном фронте германская армия в это время едва сдерживала наступление англо-франко-американских войск, измученная голодная армия нуждалась в хлебе. Кроме Украины и Крыма, хлеб негде было достать. Вопрос о нормальной торговле не время было ставить. Украина, богатая хлебом, служила продовольственной базой для немецкой армии. Создавать напряженное положение с Украиной командованию было совершенно невыгодно. Недовольство Украины потребовало бы переброски военной силы с наиболее опасных участков западного фронта.

В целях отвлечения внимания Украины от противоречий ее с германским капитализмом и потом, чтобы избавить себя от выполнения требований экономического порядка со стороны Крыма, командование шло на ряд уступок Украине за счет Крыма, как менее сильного, тем более, что Турция—защитник Крыма—к этому времени в военном, да и экономическом отношениях ослабла. Украина добивалась полного присоединения Крыма, который для нее был окном к морю. Завладеть побережьем и флотом—вот цель украинской буржуазии. Для Крыма потерять побережье и флот—значит превратиться в округ Украины.

Украинцы предлагали Крыму стать соединенной частью Украины под управлением наместника, назначаемого гетманом. При наместнике предположено было создать совет, в задачу которого входила охрана бытовых, культурных и религиозных особенностей Крыма[1]. После обсуждения на частном совещании предложение это было отвергнуто.

На границе Крыма и Украины начиналась упорная таможенная борьба. Украинцы запретили ввоз в Крым фабрично-заводских изделий и хлеба, вывоз фруктов, табаку и вина в Украину также не разрешался. При установлении границ украинцы старались оттянуть к себе такие районы, владение которыми закрывало бы Крым как в коробке и облегчало бы продвижение на территорию полуострова. Так, например, украинцы взяли Перекоп, проникли на Арабатскую стрелку и овладели соляными промыслами там. С помощью немецкого командования они пробирались к Севастополю, создав в командном составе флота крепкую себе опору. Маяки и флот взяты были под руководство гетмана Украины.

Крымское правительство через командование добивалось передачи военного имущества и флота Крыму. Но переговоры ни к чему не привели. После этого Сулькевич пошел в наступление—он объявил Севастополь торговым портом[2], запретил вывоз соли из Крыма на Украину.

В ответ на такие выступления Украина усилила таможенную борьбу и установила на железных дорогах правила, исключающие какую бы то ни было возможность пользования ими для нужд Крыма. Железные дороги на территории Крыма были объявлены собственностью Украины.

Несколько дней прошло после весьма „решительного“ шага крымского правителя, а он уже сам начал бить отбой, изыскивая пути связи с Украиной.

Шел август месяц, созрели фрукты в садах, уборка урожая в полях обнаружила значительный недостаток хлеба, бродило вино в подвалах, все настойчивее напоминая властям о необходимости его вывоза, выволоченная на берег соль ожидала, когда, наконец, ей разрешат перебраться на кухню к украинскому крестьянину, опустела правительственная казна—не было денег, выпускать свои крымские денежные знаки весьма рискованно—едва ли будет принимать их население. Росли протесты со стороны населения, требовавшего прекращения таможенной войны с Украиной. Неисчислимые убытки приносила населению узколобая политика правительства, стремящегося к самостоятельности

[1] Записка Налбандова—Крымархив.
[2] „Вольный Юг“, № 167, 23 августа 1918 г.

и независимости Крыма. Посыпались на голову Сулькевича требования садоводов, урожай садов которых начал гнить, не находя выхода к потребителю. Табаководы, виноделы и, наконец, всякий желающий кушать хлеб и не имеющий права достать его с Украины,—все подняли свой голос, ибо всем было ясно, что курс на подчинение Крыма Турции при разрыве с Украиной и Россией может быть выгоден для Турции, но явно грозит гибелью крымскому хозяйству.

Двустороннего напора правительство выдержать не могло. Из его состава начали уходить те, кто через связь с Украиной мечтал о связи с Россией. Пополненное узконационалистическими представителями, правительство все же не повысило свой авторитет в массах. Татарское крестьянство, обманутое националистическими вождями, увидало свою ошибку и начало толкать правительство на установление сношений с Украиной. Многим было понятно, что связь с Украиной не решит всех вопросов, но в хозяйственном тупике бросались в этот, хотя облегчающий экономическое положение выход. Экономика края требовала связи с советской страной, а руководители силой хотели удержать Крым от советизации. В стремлении не допустить советской власти в Крыму, лелея надежду на победу над Советской Россией в союзе с Украиной и белогвардейскими бандами, оперирующими на Северном Кавказе, крымская буржуазия толкала правительство Сулькевича на союз с украинской буржуазией.

Шовинистически настроенное правительство. имея небольшую поддержку со стороны Турции, старалось выйти из тупика, в который оно привело край, „с честью“ сохранив свою самостоятельность. С этой целью через одного приехавшего в Крым общественного деятеля в Киев был послан проект телеграммы, которую украинское правительство должно было послать Сулькевичу.

Вот текст этого проекта:

„Не признавая возможным в переживаемую тяжелую историческую минуту отягощать судеб народов близкого Украине Крыма и не отказываясь от прав своих на Крым, повелительно диктуемых Украине всей ее историей и экономическими требованиями жизни, но соглашаясь признать объявленную декларацией Крымского правительства самостоятельность полуострова, впредь до выяснения положения его на международной мирной конференции, Украинское правительство предлагает Крымскому правительству вступить немедленно в переговоры для устранения нежелательных последствий настоящего положения, для чего командировать в Киев уполномоченных лиц с целью выработать основание временного соглашения между Украиной и Крымом“.

При обсуждении этого проекта, составленного Налбандовым, Совет министров вначале не соглашался на утверждении, но гроза, надвигавшаяся со стороны фруктового

рынка, и общехозяйственные затруднения сделали свое дело. Проект был принят, при чем тут же был составлен и новый проект ответа на телеграмму в следующем виде:

„Оставляя в стороне вопросы политического содержания, а в том числе главнейший из них вопрос о политической судьбе Крыма, который позволит окончательное разрешение исключительно на международной конференции при заключении всеобщего мира (когда получат разрешение такие же вопросы, касающиеся и других частей быв. Российской империи), Крымское правительство в интересах своего населения с экономической точки зрения, а равно и в тех же интересах населения Украины находит желательным войти с правительством Украины в переговоры об установлении взаимных добрососедских отношений в делах торговых, путей сообщения, почты, телеграфа и т. п. и для достижения сего согласно принять у себя представителей правительства Украины или же делегировать своих в столицу Украины, предоставляя выбор места и времени предстоящих переговоров правительству Украины“.

Несмотря на попытки завязать переговоры, Украина молчала. Посредничество отдельных лиц не помогало налаживанию отношений. Когда это стало ясно для немецкого командования, оно взяло более решительно дело в свои руки. Сулькевич не смел противоречить хозяину, и 10 сентября на запрос командования ответил, что правительство готово к началу переговоров и ждет только указаний о времени и месте конференции.

30 сентября переговоры, наконец, были начаты выехавшей в Киев делегацией Крымского правительства. Бурные заседания сводились, собственно, к одному вопросу о форме самостоятельности Крыма. Украинцы не допускали мысли о том, что Крым самостоятельное государство, крымчаки никак не хотели согласиться на превращение Крыма в округ Украины с самостоятельностью только в вопросах бытовых, культурных и религиозных.

Добиться соглашения не удавалось. Делегация Крыма решила возвратиться обратно, но тут снова появилось немецкое командование; вмешавшись в переговоры, оно предотвратило разрыв. Чтобы заставить делегацию быть сговорчивой, командование заявило крымскому правительству, что Германия не признает самостоятельного существования Крыма и предложило ускорить момент государственного соединения с Украиной.

Не удалась дипломатия националистической буржуазии, немцы сочли более удобным иметь дело с одним государством. При ослабляющейся военно-политической роли Турции Германия шла решительнее на некоторые уступки Украине.

Однако, было уже поздно. Германская армия на Западе к этому времени потерпела решительное поражение и откатывалась лавиной внутрь страны. Германское правительство

было занято вопросом о сохранении монархии, а затем при настойчивых требованиях со стороны Вильсона лишить Вильгельма II-го императорской короны и под ударами разразившейся революции вопросами борьбы с рабочим движением за сохранение буржуазного строя.

Экономическая политика оккупантов и правительства Сулькевича

Экономическая политика оккупантов и правительства Сулькевича представляет собой в основных положениях нечто единое, самостоятельная линия правительства выявляется в отдельных частных случаях. Имели место и случаи столкновения командования и правительства, но они не определяли всего направления политики.

Чего же хотели оккупанты в Крыму? Какой линии они держались в экономической политике? Главной целью немцев было создание таких условий экономической деятельности, при которых они могли бы как можно больше вывезти из Крыма пищевых продуктов в голодающую в то время Германию.

По договору Германии с Украиной, немцы имели право вывоза из Украины и Крыма 60 миллионов пудов хлеба. Объявление Крыма самостоятельным, независимым от Украины государством позволило оккупантам увеличить сумму вывоза за счет особых заготовок по Крыму. Заготовительные операции сосредоточивались в руках „германско-австро-венгерского экономического центра“. Уполномоченными этого центра были офицеры-начальники отрядов, разбросанных по Крыму для помощи заготовительной работе. По приказу главнокомандующего германскими войсками в Крыму, были установлены твердые цены на продукты первой необходимости. Цены эти были ниже рыночных почти на 100% и значительно ниже цен, установленных при советской власти.

Твердые цены были, однако, твердыми, обязательными только при покупках продуктов германскими учреждениями и организациями и совершенно необязательными для всех торговых сделок.

В условиях некоторого недорода в Крыму в 1918 году создалась опасность голода, во всяком случае, недостатка продовольствия. Правительство, перед приходом к власти которого в Ялте хлебный паек дошел до 1/2 фунта на взрослого и 1/4 фунта для детей, внесло в декларацию пункт, запрещающий вывоз продуктов продовольствия из Крыма. Командование после длинных споров согласилось на включение этого пункта в резолюцию, но выполнять его не собиралось.

При наступлении времени уборки урожая представители экономического центра практиковали покупку урожая на корню у отдельных владельцев имений. Письма прави-

тельства к генералу Кош с просьбой прекратить вывоз ни к чему не привели. 11 июля на этой почве возник конфликт между правительством и командованием. Правительство передало командованию меморандум, в котором требовало выполнения декларации. Начав гордо и самостоятельно, министры шлепнулись в лужу. Спокойное, уверенное в своей силе германское командование заявило, что оно резкого меморандума не примет, а если правительство будет так держать себя, то оккупанты примут меры к присоединению Крыма к Украине.

„Рассудку вопреки, наперекор стихии“ совет министров вместо решительного шага к экономической связи с Украиной, которого требовала хозяйственная жизнь Крыма, взял меморандум обратно и просил считать его просто частным письмом или заявлением на словах.

Хлеб вывозили не только немцы, утекал он и морем, вывозимый приезжающими купцами. Невероятнейший ажиотаж взвинтил цены на продовольственные продукты, обрекая на голод значительные слои населения. Правительство, поддерживая требования землевладельцев, вместо мер, которые бы смогли предотвратить угрозу голода и голодных беспорядков, пошло на повышение цен. Начальник Евпаторийского уезда с беспокойством сообщал, что „неожиданное повышение цен на хлеб неминуемо вызовет крупные беспорядки“, он просил отсрочить введение цен хотя бы на несколько дней.

За месяц до этого повышения цен положение с продовольствием дошло до того, что в Байдарской, Богатырской волостях начался голод, а тот же начальник уезда сообщал о бывших в Евпатории беспорядках и предлагал во избежание их в будущем „скорейшую организацию закупочного аппарата, установление твердых цен, открытие Украинской границы, не сокращать хлебного пайка и запретить вывоз хлеба из Евпаторийского уезда“. Телеграмма заканчивалась указанием на готовящееся выступление „из-за недостатков мяса, масла, яиц“.

О росте цен дает представление следующая таблица:

	В рублях за пуд	
	В апреле	В августе
Овес	8	17
Ячмень	7 1/2	10
Лук	9	20
Чеснок	14	45
Дрова	1 1/4	2 1/2
Крупа за фунт	1/2	1 1/2
Яйца за десяток	3	5
Масло за фунт	6—7	14—15

Роль оккупантов в повышении цен выясняется хотя бы из того, что с прекращением вывоза продуктов в Германию масло, достигшее к ноябрю 24 рубля за фунт, с уходом немцев упало до 16 рублей.

Проводившее в вопросах вывоза продовольствия очень твердую политику, германское командование в другой части во ввозе—держалось иначе,—в Крым за все время его оккупации ничего не ввозилось.

Отрезанный от рынков центральной России и Украины, не получавший ничего из Германии, Крым медленно экономически умирал, уходил на десятилетия назад в эпоху натурального и полунатурального хозяйства.

Такое экономическое умирание, искусственное изолирование, разрыв единого хозяйственного организма не мог пройти бесследно. Связь с Турцией ничего не могла дать.

Турция с ее отсталым хозяйством, сама нуждающаяся в экономической связи с Россией и стремящаяся к захвату Крыма, наряду с другими причинами еще и потому, чтобы облегчить для себя более выгодное положение в торговле с Россией, не могла, конечно, заменить фабрично-заводской промышленности России и безусловно не могла являться потребителем продуктов производства крымского хозяйства. Это с очевидностью подтверждается донесениями начальников уездов, в которых отмечается, что предметами ввоза из Турции служит табак, кофе, лимоны и дрова.

В донесениях начальников уездов чувствуется нескрываемая тревога, они выдвигают ряд мер, которые, по их мнению, могут спасти положение. Среди предложений главное место занимает разрешение беспошлинного ввоза, премирование тех, кто ввозит фабрично-заводские изделия. Но откуда ввозить?—Турция страна ввоза фабрично-заводских изделий. Украина тоже. Вывод напрашивался сам собой. Он был ясен, но он противоречил всему существу власти. Принять его—значит уйти, уступив место власти советов, которая одна сумеет вывести страну из экономического тупика.

Вместо того, чтобы сделать правильные выводы, правительство мечется панически из стороны в сторону, все больше затягивая веревку на шее. Исчезали с рынка минеральное и другие виды топлива, вставали одно за другим предприятия, гнили фрукты, портился табак и, что самое главное, начало голодать население.

Аграрная политика

Нужно остановиться на аграрной политике правительства. Воскресив право частной собственности на землю, правительство предложило вернуть земли их „законным владельцам“. Однако, легко принятое решение в практическом проведении встретило

ряд весьма серьезных затруднений. Земли по инструкции съезда советов или по частному почину крестьян были засеяны до прихода немцев, а к моменту объявления декларации правительства хлеб уже созревал. Крестьяне не могли с такой же легкостью, как пишутся декларации, отказываться от продуктов своего труда, и на попытки землевладельцев забрать землю с урожаем отвечали организованным отпором. Так, например, из Джанкойского уезда 20 июня Сулькевич получил сообщение о вывозе крестьянами Армянска, Гудановки и Чульгин хлеба, засеянного на землях некоего Фукса. Начальник милиции Армянска встал на сторону крестьян и выехал в Симферополь с целью защиты крестьянских требований. Автор телеграммы, начальник уезда, просил выслать конных ингушей для восстановления Фукса в правах. Сулькевич приказал немедленно уволить „неподходящих чинов милиции“, в числе их и начальника милиции, начальнику уезда выехать на место и с помощью пограничного офицера принять „законные меры“.

Не только Джанкой, но и Керчь, Евпатория и другие уезды сталкивались с препятствиями в решении вопроса о передаче земли. Керченские деятели самоуправления долго обсуждали вопрос, стараясь отыскать соглашательскую позицию, и, наконец-таки нашли, передав окончательное решение вопроса на обсуждение крестьян и землевладельцев[1]. Соглашатели довольные сидели между двух стульев, а крестьяне силой увозили свой хлеб. Землевладельцы же требовали высылки вооруженной силы для восстановления их в „законных правах“. Восстановление это кончалось грубейшим насилием над крестьянами, а в очень многих случаях и арестами более активных. 15 июля в целях борьбы с крестьянами были решением правительства созданы военно-полевые суды. В протоколе совета министров создание военно-полевых судов объясняется необходимостью борьбы с „имеющими место случаями умышленного повреждения трав и урожая хлебов“[2]. Случаи эти действительно были. Они являлись формой протеста против правительства и землевладельцев. Сведений о числе привлеченных к суду нет, но сказанное выше можно дополнить еще примерами.

Евпаторийские землевладельцы группой обратились к краевому правительству с просьбой принять меры по отношению крестьян, которые „приняли тон в отношениях с землевладельцами, которым говорили во времена большевиков“. Дело сводилось к тому, что крестьяне-скопщинники не хотели давать землевладельцам 0,3 урожая, а давали всего 0,2.

---

[1] Протоколы Керч. думы. Керчрайархив.

[2] Книга протоколов совета министров. Протокол 15 июля, пункт 21.

С требованием крестьян согласилась германская комендатура из опасения приказом о выдаче 0,3 вызвать аграрные беспорядки. Землевладельцы считают, что нужно ускорить их действительное восстановление в правах. Согласием на 0,2, по их мнению, „разрешить назреваемые аграрные беспорядки... нельзя“[1], это можно сделать: „изъятием агитаторов из деревни и высылкой на уезд 50 надежных лиц, которые, разбившись на группы, время от времени объезжая деревни, напоминали бы крестьянам о существовании закона, власти и права“. Государство, по мнению авторов просьбы, заинтересовано только в землевладельцах, ибо они платят налоги, а крестьяне только спекулируют и от них уж никак не получишь то, что они возьмут „незаконно“ от урожая.

Крестьяне деревни Бешуй Симферопольского уезда, несмотря на распоряжения правительства, до половины августа держали имение Степановых в своем распоряжении, неоднократные обращения владельцев к уездному начальнику ничего не дали до тех пор, пока не была призвана на помощь вооруженная сила.

Земли, принадлежащие вакуфной комиссии, были также взяты крестьянами, а на требования сдать урожай комиссии крестьяне, напр., дер. Ашай отвечали, что они не признают такой власти, которая отбирает у них землю.

Можно было бы увеличить число примеров до бесконечности, но нужно ли это?—Все примеры говорят об одном: крестьяне не отдают взятую землю, не отдают урожай, правительство применяет насилие, стремясь восстановить землевладельцев в их дореволюционных правах. Каждый акт насилия отделяет правительство от масс, заставляет подумать еще раз над вопросом о том, как же добиться такого положения, когда власть будет защищать их, а не землевладельческую буржуазию.

Рабочая политика

Направление рабочей политики правительства Сулькевича было определено оккупантами еще до формирования кукольного кабинета министров. Немецкое командование, заявлявшее в одном из обращений о том, что „под защитою нашего ружья должна восстановиться хозяйственная и общественная жизнь“[2]... поставило задачей восстановление буржуазных порядков в Крыму. Возвращая „под защитой ружья“ предприятия их владельцам, командование рискнуло было заявить, что в вопрос о заработной плате оно вмешиваться не будет. Но выполнить такого обещания не могли, с их стороны это было бы непоследовательностью. В самом деле, не вмешиваться в вопрос о заработной плате значит предоставить

[1] Дело министр. внутр. дел крым правит. Крымархив, АОР.
[2] „Наш Голос“, орган Крымсовпрофа, 30 апреля, стр. 4.

профсоюзам и решение вопросов о нормировании, сохранить участие их в найме рабочих. Ни того, ни другого допускать командование и не собиралось, ибо это привело бы к ограничению той буржуазии, которая с помощью немецких войск была восстановлена в правах.

8-мичасовый рабочий день, коллективные договоры и пр. завоевания рабочих в революции командованием не признавались совершенно. А 13-го мая в Феодосии немецкий комендант отказался от обещания не вмешиваться в вопросы заработной платы, предложив на совещании, созванном им, понизить заработную плату на 10%[1]. За Феодосией пошла и Ялта, а затем в Симферополе на совещании садовладельцев предлагались услуги германских комендантов для того, чтобы повлиять на снижение заработной платы.

Пользуясь поддержкой комендатуры, владелец завода Анатра в Симферополе в начале июня уволил всех рабочих без предупреждения, не уплатив им даже выходного пособия и отказавшись от каких бы то ни было переговоров с представителями рабочих.

Наиболее полно оккупанты раскрыли свои карты приказом „об отмене монополизации труда“ и в конфликте севастопольских портовых рабочих с командованием. В приказе, изданном в Феодосии, командир 15 ландверной дивизии сообщал, что рабочие сплотились в организации, имеющие „целью монополизацию определенных работ“[2]. Считая, что эти организации мешают получению работ большей части рабочих, которые „остаются без куска хлеба“, тогда как другие получают „несоразмерно высокую заработную плату“, он отменял „монополизацию рабочего труда“.

По мнению „заботливого“ генерала, союзы, создавая „привилегированное положение“ для своих членов, наносят вред „всему рабочему классу“. Видимо, в стремлении помочь рабочему классу он объявлял „труд свободным“, а все союзы, которые попытаются помешать предпринимателям в найме рабочей силы, обещал привлечь к судебной ответственности. Одним приказом было уничтожено все, что добыто рабочим классом в длительной борьбе.

Надо иметь генеральскую наглость, чтобы реакционнейшие действия оправдывать демагогическими фразами о пользе рабочего класса.

За словесными приказами последовали и дела. В Феодосии был арестован секретарь центрального совета профессиональных союзов за то, что призывал к забастовке, а в Керчи так арестовали все правление союза фармацевтов за требование к хозяевам подписать коллективный договор.

---

[1] „Наш Голос“, орган Крымсовпрофа, 29 мая.

[2] Розеноер—Герм. оккупация в Крыму, стр. 30.

В Севастополе конфликт превратился в забастовку рабочих. Главными пунктами конфликта были: заключение коллективного договора и прием рабочих через профессиональный союз, кроме этого, рабочие требовали уплатить им суммы, предназначенные к выдаче еще временным правительством.

22 мая в ответ на предъявленный рабочими коллективный договор, немецкое командование прислало в союз „положение о работе для служащих и рабочих порта". В письме, с которым препровождено было положение, морской строительный советник писал: „В этой форме положение о работе соответствует, примерно, тому, которое применяется на императорских верфях для германских рабочих. Оно даже в некоторых пунктах еще значительно более выгодно для русских рабочих, чем для германских, хотя бы, например, тем, что допускает восьмичасовой рабочий день, который в Германии не введен"[1].

Первый пункт положения допускал „в пределах возможности" привлечение к найму рабочих профессионального союза. Против решения союза и коллективного договора в положении допускались сверхурочные работы, нормирование труда передавалось мастерам, увольнение рабочих передавалось целиком управлению порта без участия профессионального союза.

Положение предложено было сохранить в силе до 26 мая 1919 года с тем, чтобы оно было подтверждено будущим правительством страны.

Рабочие достаточно стойко держались в забастовке, но должны были под нажимом со стороны командования пойти на уступки.

Правительство, пришедшее к власти „с согласия немецкого командования", не пыталось вносить каких-нибудь изменений в рабочую политику. В декларации правительства союзы признаются, но с условием регистрации; в вопросах охраны труда декларация отделывается общим заявлением о принятии всех мер, при условии, однако, чтобы не наносить ущерба производству и сохранить „принцип личной свободы труда". Иными словами, ничего для улучшения быта рабочих не предпринимать, но содействовать эксплоатации их со стороны капиталистов. Эксплоатировать на языке Сулькевича выговаривалось как не наносить ущерба производству или сохранять нормальное течение торгово-промышленной жизни.

Достойными слугами хозяина оказались министры и в практике их отношений к рабочим организациям. Так, например, они сочли невозможным допустить созыв съезда

[1] „Наш Голос", 29 мая, стр. 3.

профсоюзов, а в забастовке железнодорожников, объявленной Харьковским стачечным комитетом и охватившей Крым, встали целиком на сторону германского командования, одобряя и поддерживая репрессии, применяемые немецкими комендантами. Так, например, начальник джанкойского уезда, сообщавший о том, что немцы производят массовые аресты среди бастующих железнодорожников, и просивший указать ему, в какой мере и каком порядке должны „предъявляться и выполняться требования германских властей“, получил от Сулькевича краткий и ясный ответ: „Германцам надлежит оказывать полное содействие“.

Требования железнодорожников сводились к следующему: 1) утверждение единого устава профессионального союза; 2) восстановление распущенных комитетов жел.-дор.; 3) сохранение прежних ставок; 4) регулярная уплата заработка; 5) увеличение содержания на 30%; 6) освобождение арестованных за политические убеждения.

Несмотря на весьма суровые меры, примененные германским командованием к бастующим, ничего не помогло, и немцы вынуждены были заменять рабочих и служащих солдатами жел.-дор. баталионов.

Ко времени прихода к власти Сулькевича, вследствие закрытия владельцами ряда предприятий, прекращения общественных работ и наплыва беженцев, уходящих при наступлении немцев и осевших в Крыму, в городах была очень большая безработица. Так, в Симферополе в начале июня насчитывалось 3575 человек безработных, в Севастополе в июле—2218 человек.

Биржи труда, сохранившиеся к этому времени далеко не во всех городах, вместо помощи со стороны правительства безработным, получали указания о закрытии самих бирж.

Интересная переписка возникла по вопросу о закрытии биржи труда в Севастополе. Городская управа предложила взять расходы по бирже труда совету профсоюзов. Совет отказался, но просил вопрос этот поставить в плоскости изыскания средств перед министерством труда. Материалы о бирже попали начальнику Севастопольского округа, который, отправляя их Сулькевичу, писал:

> „Упразднение этой биржи было бы ошибочным шагом в области рабочей политики. Биржа труда, как организация аполитичная, имеющая целью только регулировку вопроса на труд и на предложение его, заслуживает поддержки. Упразднение этой организации вызовет недовольство в среде всех слоев рабочих, даже самых умеренных, что едва ли входит в задачу властей“[1].

Правительство вняло голосу своего ставленника и для того, чтобы обеспечить себе успех в предстоящих выборах

[1] Дело Крым. Кр. пр-ва, отношение секретное от 18/VIII, № 11.

в думу, ответило, „что Крымское краевое правительство, вполне сочувствуя целям и задачам этой организации в области регулирования рынка труда среди нуждающихся лиц, очутившихся вследствие грозных событий в тяжелом материальном положении, решило оказать бирже труда со своей стороны поддержку“[1].

Если в августе вынуждено правительство пойти на оказание поддержки бирже труда, заигрывая в усложняющихся условиях с рабочими, то в общем курсе рабочей политики оно держалось линии ущемления организаций рабочих.

Профессиональные союзы, возглавляемые меньшевиками, которые в июне считали, что задача заключается в том, чтобы наблюдать, что же будет делать правительство, даже эти профессиональные союзы Сулькевич старался свести к нулю. Не разрешались собрания, газета выходила с белыми полосами—следы работы цензора. На ряду с этим, местной „вполне надежной, более богатой интеллигенции“ разрешались собрания, открывались для нее клубы, имеющие право быть открытыми не до 12 часов, как все клубы, рестораны и проч., а до 2 часов ночи.

Состоявшееся 9-го июня заседание совета профсоюзов отмечает развал профдвижения, апатию масс под влиянием репрессий немцев и их приказчика Сулькевича. Состояние апатии объяснялось не только, однако, репрессиями, тут имело некоторое значение и растущее под влиянием событий после прихода немцев недоверие к руководителям меньшевикам, предательская роль которых в гибели советской власти стала для многих выясняться более четко.

Совет профсоюзов объявил себя в июне месяце закрытым, выбрав организационную комиссию по созыву съезда профсоюзов Крыма. Местом съезда был назначен Севастополь.

Некоторое оживление работы профессиональных союзов начинается с ослаблением полицейского нажима со стороны властей и ростом недовольства экономической и политической программой правительства и практикой ее проведения. Расправы оккупантов и созданного Сулькевичем отряда ингушей, наводившего ужас при своем появлении, не прошли бесследно. Испытавшие действительную свободу при советской власти, массы начали толкать руководителей на более активное выступление против произвола правительства.

6 октября совет профессиональных союзов в своем заседании принял резолюцию, в которой заявил о том, что политика крымского правительства, построенная исключи-

[1] Дело Крым. Кр. пр-ва. Отношение № 3940.

чительно на защите интересов имущих классов, полное игнорирование потребностей широких масс населения, грубое попирательство самых насущных требований демократий, разгон органов местного самоуправления, стремление к реставрации дореволюционных отношений усугубляет разруху краевого и местного хозяйства и вызывает сильное возмущение рабочего класса. Эти обстоятельства еще отягощаются теми условиями, которые вытекают из „самостоятельности" края, проводимой крымским правительством, приведшей к полной экономической изолированности Крыма и отсюда к еще большему расстройству хозяйственного аппарата края.

Эти экономические и политические условия края с особенной силой отражаются на положении рабочего класса.

Резолюция, осуждая стремление к отделению Крыма, настаивала на соединении Крыма с остальной частью государства, признавалось возможным объединение с Украиной при условии сохранения автономии Крыма во внутреннем управлении, в конце резолюции предлагалось восстановить демократические органы местного самоуправления. Никак не могли меньшевики отказаться от своих полумер, от курса на буржуазную республику, несмотря на то, что опыт годичной борьбы советской власти с белогвардейцами показал, к чему ведут „демократические самоуправления". Урок был, видимо, еще мал.

Спешное отступление советских войск не позволило некоторым группам эвакуироваться, кроме того, решениями партийных комитетов в городах были оставлены отдельные члены партии большевиков для подпольной работы. Так, в Ялте на подпольную работу было оставлено три человека, остались работники и в Севастополе, Евпатории и Симферополе.

Условия, сложившиеся с приходом немцев, были настолько тяжелы, что первые недели и месяцы даже не приходилось думать о развитии систематической, плановой работы в массах.

Террор, пытки, порки только по подозрению не в большевизме, а хотя бы в какой-нибудь посторонней связи в прошлом с большевиками, были обычным явлением и со стороны немецкого командования и не меньше со стороны пришедшего к власти Сулькевича.

С особенной суровостью чинили суд и расправу над рабочими, проявившими активность в борьбе за советскую власть, так, напр., в Симферополе в первые же дни были произведены массовые аресты рабочих завода Анатра, жел. дороги, а на электростанции был арестован целиком весь фабзавком по обвинению в укрывательстве оружия, несмотря на то, что у них было разрешение на хранение.

В Ялте местом расправы с арестованными служила Ай-Васильская балка. Долго после занятия Ялты немцами вечерами неслись из балки стоны истязуемых—это чинили суд и расправу победители.

Правительство и национально-татарская директория

Разбор мероприятий правительства в различных областях его деятельности с очевидностью говорит о том, что массы населения Крыма, начиная с буржуазии и кончая рабочими и крестьянами, в той или иной форме выражали свое недовольство политикой правительства.

Исключение могут составлять разве только крупные землевладельцы, находившие поддержку правительства в возвращении им земельных владений. Но и эта группа населения имела причины для недовольства правительством, она так же, как и другие, страдала от экономической изоляции Крыма и вывоза германцами по весьма низким ценам продовольственных продуктов.

На кого же, однако, опиралось правительство?—Была ли группа населения, которая поддерживала правительство? Главной опорой являлись военные части оккупантов, немецкое командование, волю которого правительство выполняло.

Правительство Сулькевича являлось орудием борьбы Германии за Крым. Но было бы ошибкой ограничиться только таким положением. Германия в своей борьбе за Крым, за отделение его от России нашла и внутренние силы, интересы которых шли в том же направлении. Такой силой, которая стремилась отделить Крым от России, связать его судьбу с судьбами Турции и временно Германии,—была татарская националистическая буржуазия Начавши с лозунга самостоятельности Крыма, националистическая буржуазия, как указано выше, докатилась до Крыма, переданного Германии, как „дорога в Индию“.

В момент захвата немцами Крыма татарская националистическая буржуазия порывает со своими старыми взглядами. Если в послефевральские дни она считает возможным существование Российской федерации, то, увлеченная помощью Турции и убежденная в том, что советская страна является федерацией, в которой не место буржуазии у власти, националистическая буржуазия отказывается от федерации. В первом номере газеты „Крым“, издающейся при участии членов татарского парламента, высказываются такие мысли: „Говорить о создании федеративной республики не приходится. Неумолимый рок истории толкает наш родной Крым сделать такой же политический шаг, какой сделали Финляндия и Украина“.

Цели из этого уже ясны, но они становятся еще более понятными, если прочесть другие места той же газетной

статьи, отражающей чаяния руководящей татарско-националистической группы. О характере государства газета говорит, что оно „должно защищать интересы всех классов, всех народов, населяющих Крым“. В Всероссийское учредительное собрание газета не верит, она считает, что все говорящие о возможности его созыва „уподобляются политическим младенцам, ничему не научившимся“.

Из этого уже ясно, что взят твердый курс на создание отдельной буржуазной республики, в правительстве которой руководящая роль будет принадлежать татарской буржуазии. Только этим можно объяснить требование об ответственности правительства перед татарским парламентом и решение о взятии инициативы по организации власти в руки парламента, принятое при поименном голосовании 53 голосами при 2 воздержавшихся.

4 июня парламент, объявивший себя краевой властью, сообщил Украине, что никаких решений о Крыме, если они будут Украиной или кем-либо другим приняты, не признает. После неудачного формирования кабинета Сейдаметом парламент, заявив, что он считает для себя обязательным защиту самостоятельности Крыма, разъехался на каникулы.

Очень многие, в том числе меньшевики, считали, что песенка национально-татарской буржуазии спета, что ее политика уже не будет проводиться. Но на деле происходило иначе. Появился Сулькевич, которого предполагали ввести в состав кабинета Сейдамета и готовили для роли национального освободителя еще с момента организации мусульманского корпуса, который, наконец, подписывал упоминаемый выше меморандум Украине о самостоятельности Крыма вместе с видными деятелями парламента. Сулькевич не случайно назначенная немцами фигура. Тут произошла просто некоторая перестановка мест. Из министров он попал в премьеры, Сейдамет же просто в министры. Почему это произошло?

Потому что неудовлетворившая никого, кроме татар, кандидатура Сейдамета вызвала „общественный“ протест. Переменив места, татарская буржуазия, однако, сохранила для нее важные посты: министерство иностранных, военных и внутренних дел. Дальнейшая политика правительства с очевидностью показывает, что Сулькевич последовательно проводил в жизнь волю татарской националистической буржуазии и связанной с ней интеллигенции. Кроме всего, можно, например, считать установленным, что перед отъездом Сейдамета в Берлин и отправкой „полпреда“ в Турцию Сулькевич имел совещание, на котором присутствовало до 20 человек руководящих лиц парламента.

Наличие связи можно проследить и по ряду других фактов. Возьмем хотя бы такой большой для националистической буржуазии вопрос, как вопрос принадлежности вакуфов. Вскоре после создания правительства министерство юстиции, по заданию премьера, представило длинную объяснительную записку о вакуфах. В ней доказывалась необходимость передачи вакуфов национально-татарской директории.

Преемником татарского парламента осталась директория, которая достаточно быстро покрыла Крым сетью уездных и волостных отделов директории. В состав волостного отдела входил учитель, имам или хатип (священнослужители) и уполномоченный от общества. Интересно, что учитель являлся представителем директории по финансовым и внешним делам. Этим директория обеспечивала себя от влияния на политику со стороны реакционного духовенства, ибо учителя значительно больше были связаны с националистами, они решительнее отстаивали иллюзии самостоятельности. В распоряжение учителей, а не священно служителя, давались средства, они же вели, как представители дирекции финансов, дела о вакуфных доходах, являющихся экономической основой национально-буржуазного движения.

До объявления декларации Сулькевич обратился в директорию с просьбой выдвинуть кандидата на пост статс-секретаря по татарским делам. Секретарь этот должен быть делегатом курултая в целях тесной связи с директорией, содержание его будет итти за счет общегосударственных средств. „Только при этих условиях,—пишет Сулькевич,— я могу всегда иметь точные сведения о желаниях, нуждах и настроениях родного мне народа, дабы не упустить из виду его кровных интересов при управлении краем"[1].

Все распоряжения директории по вопросам о вакуфах, по приказу Сулькевича, подлежали выполнению органами полиции.

В октябре, когда Сулькевич почувствовал приближение грозы, он дал распоряжение всем начальникам уездов о наборе во внутреннюю стражу татар по выдвижению отделов национально-татарской директории. Так, по Симферопольскому уезду только предложено было выдвинуть 86 человек стражников.

Закон об обществах и союзах требовал утверждения их министерством внутренних дел. По отношению к татарским организациям было допущено исключение, мотивированное признанием культурно-национальной автономии. Все уставы татарских организаций рассматривались директорией с последующим сообщением министерству.

---

[1] Дело секретной переписки премьер-министра, Крымцентроархив.

Интересно и решение об освобождении от налога доходов, не превышающих 2000 рублей. Оно почти целиком рассчитано на освобождение от налога татарской мелкой буржуазии.

Итак, указанные факты и рассмотрение общей политики правительства убеждают в том, что Сулькевич, являясь ставленником татарской буржуазии, очень точно выполнял ее директивы в практической деятельности.

Падение власти Сулькевича было одновременно крахом национально-буржуазных иллюзий. Вся история оккупации и правительства Сулькевича является доказательством неправильной политики татарской националистической буржуазии. Попытки осуществить неосуществимое не удались, и привели к разрушению хозяйственной жизни края.

Уход немцев и правительства Сулькевич

Несмотря на то, что вся политика Сулькевича была противоречием политико-экономическим задачам края, он держался у власти с помощью немецких штыков.

Беспорядки экономического и аграрного порядка, стремление найти опору в более широких слоях населения края заставили Сулькевича пойти по пути некоторого развязывания начал буржуазной демократии. Одной из главных мер было распоряжение о подготовке к созыву на 20 декабря 1918 года краевого парламента, второй мерой было восстановление волостных земств (постановление 22 октября) и, наконец, восстановление городских дум, избранных по закону временного правительства.

Все эти меры оказались запоздавшими и уже не могли привлечь внимания населения и организаций. В ответ на приглашение принять участие в работах комиссии по созыву краевого парламента правительство получило отказ с указанием, что участие рассматривается ими, как содействие реакционной работе правительства. Отказались все, начиная с профсоюзов, с.-р. и кончая союзом промышленников и торговцев. Керчь-еникальская городская управа сообщала правительству, что городская дума „в собрании своем, происходившем 2 ноября (20 октября) 1918 года, открытой подачей голосов единогласно постановила: послать своих представителей только в ту комиссию по выработке положения о выборах в Крымский краевой сейм, которая будет организована правительством, избранным Таврическим губернским земским собранием“.

Симферопольский совет профессиональных союзов сообщает:

„Согласно своего постановления от 28 с/м, им не будут делегированы приглашенные вами представители, так как все профессиональные союзы рабочих в открытых собраниях ясно заявили свое требование

немедленного ухода правительства Сулькевича, как правительства безответственного перед народом и им неизбранного, и выразил полное недоверие к его демократическим обещаниям и начинаниям.

Правительство, разогнавшее демократические думы и земские самоуправления, правительство, опирающееся только на физическую силу, черпаемую извне, не может быть действительным и искренним проводником демократической воли населения. Вынужденный демократизм правительства генерала Сулькевича есть им самим признаваемое доказательство необходимости его ухода"[1].

Не менее решительные ответы получены и от других. Комиссию предположено было созвать 20 ноября в составе 83 человек (из них 18 человек от татарского парламента, 5 немцев и 8 украинцев, остальные по 1—2 человека от партий, кооперативов, профсоюзов и проч.). Явилось для работ комиссии 18—20 чел. Это, однако, не смущало руководителей, они сочли нужным открыть работу комиссии. Было проведено два заседания, на которых комиссия признала себя законной при любом составе членов, и на этом, не успев расцвести, завяла.

В комиссии обнаружились противоречия. Почувствовали члены комиссии, что повисли в воздухе. Созванное к этому времени губернское земское собрание подняло свой голос, требуя ухода правительства.

Германские войска начали отход из занятых ими районов. Разбитая, поставленная союзниками на колени, Германия превратилась из страны империалистической в угнетенную более сильными врагами. Революция в Германии смела старый строй. Пораженная германская буржуазия думала уже не о приобретении колоний, а о том, как спасти свою власть в стране, не дать рабочему движению пойти по пути Российского пролетариата.

Германское командование в Крыму обратилось с письмом к Сулькевичу, сообщая, что оказывать ему поддержки больше не может. Земцы обратились к генералу Кош за помощью, они просили убрать Сулькевича; в ответ на их обращение Кош „трижды отрекся“ от Сулькевича, заявив, что командование не вмешивается во внутренние дела, и только по принципу невмешательства оно согласилось ранее с тем, что Сулькевич взял власть.

Кош заметал следы, а Сулькевич в это время изыскивал способы сохранения власти в руках объединяемой им группы. Он обратился к командованию добровольческой армии в надежде там получить опору. Но были уже „иные времена, иные песни“. В Крым после победы над Германией двигался новый хозяин, цели которого были прямо противоположны целям Турции и Германии. Шел в Крым новый захватчик в лице англо-франко-американского капитала.

[1] Дело краевой комиссии о созыве парламента. Крымцентроархив.

Новому империалисту нужна была и новая оболочка, скрываясь под которой он мог бы безнаказанно грабить край, превращать его в плацдарм борьбы капитала с трудом. Англо-французский империализм опирался на буржуазию и соглашателей, мечтавших о Босфоре и Дарданеллах. И те, и другие старую одежду „дорогих союзников" принимали за существо. Союзники шли в Крым и Россию не потому, что они хотели восстановить „былую Русь", они шли защищать свои фабрики и заводы, построенные на юге, тянулись к кавказской нефти и южно-российскому сырью. Захватывали Черное море не потому, что хотели предоставить его с Дарданеллами вместе российским буржуа, а потому, что господство на Черном море дает им право господства не только на юге, но и в средней полосе России и на Востоке. Этих простых истин не поняли соглашатели. В смертельном страхе перед советской страной они бросались в объятия отвратительно хищных союзников и добровольческой армии, которая уже высадилась в Керчи.

Сулькевич не сумел договориться с добрармией и союзниками, ему не удалось быть второй раз палачом Крыма. Роль эту земское собрание, съезд городских деятелей и совещание группы татар торжественно вручило кадетам и социалистам-соглашателям.

До решения вопроса о передаче власти татарской группой Сулькевич не соглашался распустить правительство, заявляя о том, что губернское земское собрание не является организацией, выражающей волю всего населения. Сулькевич держался, стараясь обеспечить для татарской буржуазии большее влияние в будущем правительстве. Соотношение сил, однако, было таково, что пришлось ограничиться только сохранением татарско-национальной директории. 15 ноября Сулькевич объявил, что его правительство сдало управление краем новому правительству во главе с председателем земского собрания С. С. Крымом.

ГЛАВА VII

Англо-французская интервенция, добровольческая армия и краевое правительство

Правительство кадетов, добровольческая армия и их отношения

На смену правительства Сулькевича, который являлся ставленником немцев и националистической татарской буржуазии, пришла новая власть, созданная съездом городских и земских самоуправлений. 18 октября 1918 года, когда Сулькевич изыскивал способы сохранения власти, а немцы начали заметать следы, лишая Сулькевича поддержки, собрался съезд губернских гласных земства с участием городских голов, представителей уездных земских управ и членов учредительного собрания. Съезд высказался за власть „демократическую“, которая будет содействовать воссоединению этой части (т.-е. Крыма, *М. Б.*) со всею Россиею, основываясь на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике [1].

„Единая Россия и верность союзникам“ — такова программа правительства. 7—10 ноября съезд гласных подтвердил свое решение и дополнил его указанием на важность установления срочной связи с правительством, составившимся в Уфе, „в целях ускорения дела объединения всех возникающих новых государственных образований и возрождения единой России на демократических началах“.

Левая группа татарского парламента, убедившись в том, что самостоятельного Крыма не видать, как своих ушей, и что Крым превратился в арену борьбы империалистов, в которой они на ряду с другими являются орудием не национального освобождения, а закабаления масс, порвала с Сулькевичем. Левая занялась исканиями. Куда итти? К земцам нельзя, ибо они отрицают самостоятельность Крыма, не допускают и автономии татар. Сулькевич и немцы

---

[1] Справка о деятельности Крымского правительства и причинах его падения. Состав. Винавером. Крымцентроархив. АОР.

бессильны что-нибудь сделать, их дни уже сочтены. Мечты разлетелись, как дым. Будущее казалось им кошмарным национальным угнетением, а настоящее кричало об обмане татарских масс лозунгами национальной независимости. Независимость, превратившаяся в стремление сделать Крым дорогой в Индию, не отвечала желаниям левой части татарских националистов.

Размагниченные интеллигенты остались на перепутьи, они не знали, что делать. Выход из тупика нашла лучшая часть увлеченных националистами татар. Единственный возможный выход это встать на сторону коммунистов, принять участие в классовой борьбе. Национальное развитие без победы над буржуазией—это миф.

Группа татарских работников „из левой“ курултая и парламента порвала с прошлым и организовала первую в Крыму татарскую ячейку коммунистической партии (большевиков). К этой наиболее решительной и революционной группе примкнули или ей сочувствовали и те, кто через коммунистическую партию и Советскую власть надеялись придти к независимости и самоопределению в буржуазном толковании. Это были те, кто корнями врос в буржуазно-кулацкую часть татарской деревни и кто еще не окончательно изжил мелкобуржуазных иллюзий.

После раскола внутри татарского парламента Сулькевич повис в воздухе. Окончательный удар был нанесен ему высадкой в Керчи частей добровольческой армии.

Правительство, созданное земцами и имеющее в своем составе кадетов, меньшевиков и эсеров, 16 ноября возвестило население Крыма о принятии власти „в тяжелую и ответственную историческую минуту“ [1].

В обращении к населению новое правительство звало всех соблюдать законность, порядок и свободу, которые могут обеспечить ему возможность борьбы с „разлагающими силами анархии и разнузданными дикими страстями“.

Уже из этой части понятно, чего же хочет новая власть, интересы какой группы она призвана защищать.

Надежды обманутого крестьянства на то, что оно получит землю от „демократической власти“, были совершенно напрасны. Приняв власть лишь на время, „до образования единой русской государственной власти“, Крымское прави-

[1] Правительство создано в составе: премьер-министр, министр земледелия и краевых имуществ С. Крым (кадет), министр юстиции Набоков (кадет), министр внутренних дел, военных и морской Н. Богданов (кадет), народного просвещения и исповеданий С. Никонов (с.-р.), внешних сношений М. Винавер (кадет), торговли, промышленности, путей сообщения и продовольствия Стевен, финансов Барт, труда, краевой контролер и секретарь П. Бобровский (группа единства).

тельство исключило из своей программы всякие крупные социальные реформы [1], могущие быть принятыми лишь в крупном Всероссийском масштабе.

Правительство собиралось учинить всероссийский грабеж рабоче-крестьянских масс, а до того, пока нет единой России, оно оставляло в силе законы временного привительства, свергнутого в Октябре.

Планы „воссоединения“ были обширны и на их исполнение намечался небольшой срок. Мечтатели собирались через два месяца создать всероссийскую власть. Но, чтобы не было конфуза, они оговаривались, что если в два месяца не удастся им „покорить большевиков“, то необходим созыв краевого сейма.

Слабо верили, однако, в двухмесячный срок сами творцы „новой эры“. Они предусмотрительно, еще до прихода к власти, создали комиссию по разработке положения о созыве краевого сейма. В обращении к населению правительство предупреждало, что единая Россия, за которую оно призывает бороться, не будет старой бюрократической, централизованной Россией, нет,—то будет „свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих“ [2]. Но напрасно ждать по этому пункту самоопределения, ибо „правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветания всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее (разрядка моя, *М. Б.*). От самобытной культуры всех национальностей, таким образом, ничего не осталось.

Непоследовательность обращения в этом вопросе компенсируется строжайшей выдержанностью в других. Так, например, призывая к борьбе с „злейшими врагами права и свободы“, правительство твердо заявило, что оно „не остановится перед самыми решительными мерами и воспользуется как всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, так и готовой ему содействовать военной силой“. Вскоре, как увидим ниже, правительство выполнило это обещание.

Не успели высохнуть чернила на подписях обращения, в котором были призывы такого, например, характера: „пусть умолкнут гибельные призывы к дикой вражде, ненависти и взаимному истреблению“, как в городах появились отряды добровольческой армии.

---

[1] Справка о деятельности Крымского пр-ва и причинах его падения. Сост. Винавером, АОР.

[2] Данная и след. цитаты взяты из обращения пр-ва. Книга протоколов сов. мин., постанов. № 250. АОР.

18 ноября отряд в 50 человек приехал в Севастополь, а через несколько дней был решен вопрос о передаче немцами „оружия и других запасов и лошадей добровольческой армии“ [1]. Союзники, победившие Германию, начали вооружать своих наемников, обманывающих население лозунгами демократической свободы.

Меньшевики, мечтавшие о бескровном соединении России, эти, дальше своего носа ничего не видевшие социалисты, советовали столковаться, „договориться прежде, чем вы не погубите окончательно Россию, демократию и свободу“ [2]. Их никто не слушал. На разрешение был поставлен вопрос о превращении Крыма в полуколонию англо-французского капитализма руками оголтелой буржуазии, которая добивалась восстановления потерянных прав. Целая система мероприятий была направлена на уничтожение Советской страны, раздел России между победителями в мировой войне. Север, Запад, Восток и Юг—все со всех сторон обложили черные тучи интервентов и привлеченных ими генералов и буржуа.

Французская военная эскадра двигалась в Крым к Севастополю для того, чтобы военной силой, оружием и снаряжением помочь внутренним контр-революционерам и обеспечить свое влияние на юге, богатом каменным углем, железом и нефтью. Крымское правительство готовило торжественную встречу союзникам.

24 ноября эскадра союзников в составе греческих и французских военных кораблей пришла в Севастополь.

На приеме местных деятелей командир эскадры заявил о невмешательстве во внутренние дела Крыма. Через несколько дней миноносцы и другие суда из эскадры вышли в Феодосию, Керчь.

Городские самоуправления боялись выступления недовольных масс населения. Как только начали уходить немецкие гарнизоны, тревога буржуазии возрасла, она настойчиво требовала защиты, не надеясь на свои силы. Джанкойские городские деятели 1 декабря телеграфируют в Симферополь о том, что „почва большевикам благоприятная, оживился неблагонадежный элемент, ведется открытая большевистская агитация“, они просят срочно выслать им „хотя бы небольшой отряд“ [3].

Феодосия настаивает на присылке миноносца. Министр внутренних дел успокоил Джанкой сообщением, что у них будет отряд добровольческой армии.

---

[1] Дело краевого пр-ва. АОР. Крымцентроархив.

[2] „Прибой“—орган меньшевиков, № 318—21 ноября.

[3] Дело Крымского краевого правительства. Крымархив. АОР.

23 ноября командующий всеми силами добровольческой армии в Крыму в листовке к населению писал: „Главнокомандующий добровольческой армией в недавней своей речи сказал: Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает формы будущего образа правления. Эти слова главнокомандующий поручил мне повторить ныне перед населением Крыма“[1]. Командующий сообщал в том же обращении, что добровольческая армия пришла в Крым по соглашению с Крымским правительством исключительно „для поддержания в крае порядка“. Он обещал не вмешиваться в политическую жизнь, не нарушать объявленной правительством программы. „Добровольческая армия стремится к той же цели[2], и в этой общности патриотического порыва кроется залог единения армии с населением и его правительством“. „Воссоздания прежнего величия“ России добровольческая армия, по мысли ее главкома, добьется при условии, если не допустит в армии классовой, национальной вражды, и будет „в своих действиях руководствоваться сознанием равенства всех граждан и уважением к человеческой личности“. Обращение заканчивалось призывом к „сердечному доверию и дружной поддержке“ армии со стороны населения.

Читало крымское население обращение и недоверчиво посматривало в сторону „добровольцев“. Не верилось им, что банда, руководимая генералами, будет уважать человеческую личность.

Так оно в самом деле и оказалось. Не успела армия доехать до места расквартирования, как краевому правительству полетели телеграммы о бесчинствах, творимых „чинами добровольческой армии“. 5 декабря премьер-министр получил такое сообщение:

„Поступил целый ряд донесений с линии, что чины добровольческой армии по станции вскрывают и расхищают товарные вагоны, вчера же на станции Симферополь открыли стрельбу по начальнику станции, явившемуся для устранения беспорядка. Необходимы решительные срочные меры к восстановлению порядка и недопущению хищения грузов. Создается нежелательное отрицательное отношение железнодорожников к добровольческой армии, принесет несомненный и непоправимый вред общему делу. Прошу вашего содействия“.

Начальник станции Симферополь сообщал о том, что идет вторую ночь грабеж грузов.

„Сердечное отношение“, выражавшееся в бандитском грабеже, проявили „чины“ добровольческой армии и к на-

---

[1] Дело листовок и воззваний. Крымцентроархив. АОР. Листовка Корвин-Круковского. Керчь. 10/23 ноября.

[2] К той же цели—значит к цели краевого пр-ва, т.-е. к единой великой России.

селению деревень. Вот как, например, описывают крестьяне деревни Джепар-Берды посещение деревни „добровольцами“.

„Около 12 час. дня в дер. Джепар-Берды приехало 6 вооруженных солдат, именуя себя чеченцами, имея при себе револьверы, винтовки, шашки. Приехали они верхом. На левом рукаве был нашит трехугольный знак добровольческой армии. У одного из них был нашит на брюках серебряный лампас. Приехав в деревню, они начали реквизировать лошадей. Потом начали искать револьверы, винтовки. Начиная искать оружие, они перерыли все комоды, сундуки, шкафы. То, что им из вещей нравилось, они брали себе. У жителя Темидора они взяли: 2 кружки серебряных, 1 сахарницу серебряную, 2 пары серег золотых, 2 брошки золотых для женских шапочек головного убора, 3 шт. колец золотых, 350 руб. наличными деньгами, 1 смушек, 2 пары ботинок, 1 венисариат. У одного из его рабочих взяли 40 р. наличными деньгами. Еще у одного рабочего взяли часы серебряные с цепочкой, 2 пачки табаку, 1 шт. кольцо золотое, 1 пара галош. Кроме этого, они еще взяли женских татарских вещей шелковых. У Мелчаги Садла оглу (мулла) взяли 1 штаны, 2 пачки табаку, спички, мыло. У Джемиля Кадыра взяли 1 часы серебряные, 1 кольцо золотое. У Обмязши Карачура взята 1 кожа, из которой делают конские принадлежности. У меня Эпталыта Запарева взяли 1 молодого жеребчика. Я начал их просить, чтобы они не брали, но они вместо его начали просить у меня 500 руб., но, в виду того, что у меня не было столько денег, мы сторговались за 150 р. Получив 150 р. наличными деньгами, они вернули мне жеребчика обратно. Взамен взятых вещей Темидора, они попросили 1000 р., но опять-таки, в виду того, что денег не было, они уступили до 500 р. В виду того, что денег означенное лицо не имело, они все взятые вещи взяли с собой“.

Случаи, подобные данному, были не единичны. Командование не принимало мер к прекращению безобразий. На заявлениях крестьян почти во всех случаях красовалась резолюция: „За неотысканием виновных отклонить“.

Грабеж через несколько месяцев принял характер разбоя. Добровольцы под руководством офицеров не только отбирали деньги и ценности, но и убивали владельцев, чтобы замести следы.

Казармы на южном берегу Крыма, заселенные отрядами добровольцев, превратились в замки разбойников. Всякий попавший туда человек пропадал бесследно, его убивали после пыток, перед которыми меркнет средневековая инквизиция.

По занятии Бердянского уезда, добровольческая армия в разбоях и борьбе с большевизмом и демократическими организациями дошла до того, что расстреляла „при попытке к бегству“ юрисконсульта земской управы и члена Учредительного собрания. Оба расстрелянных не были даже социалистами.

Не считаясь с декларацией правительства и обещаниями командования добровольческой армии о демократических свободах, в Ялте была введена цензура на все выходящие печатные издания.

Кадеты оправдывали разгул военной банды: „Что же вы хотите, худо ли, хорошо ли, а это понятно и неизбежно. Чувство мести к большевикам сильнее разума“—так воскликала кадетская газетка, сообщая о безобразиях в Ялте. Приходится соглашаться с тем, что животное чувство борьбы за отнятую барскую жизнь выше разума буржуа. Такой уж у них разум, что не может управлять животными страстями. Однако, ведь это совершенно не доказательно для масс, они, эти ненавистные добровольцам массы, требовали соблюдения хотя бы элементарных правил, обеспечивающих право на личную безопасность.

Поведение добровольцев привело к тому, что уж в январе „стало травиальной истиной, что левые партии и поддерживающая их масса относятся к добровольческой армии или враждебно, или очень критически“[1]. К левым партиям кадетский писака относит всех, кто хоть в какой-нибудь степени левее его самого, таким образом получается, что все население настроено к добровольческой армии враждебно.

Чем же, однако, объяснить враждебность со стороны населения к этим „невинным агнцам“, которые в поисках большевизма расстреливают, грабят и правого и виноватого. Одни, по мнению кадетов, враждебно относятся потому, что добровольческая армия может уничтожить большевиков, другие видят в ней врага народоправства, третьи подозревают в стремлении восстановить старый порядок.

Причины, как видите, основательные, но кадеты и на этот раз, видимо, вопреки рассудку, проболтали свои желания, они заявляют, что единой России в белых перчатках не создать, жертвы неизбежны. Не осуждать за дикие расправы звали кадеты, а „благословлять за твердость в стремлении о единой России“[2].

Враждебное отношение к добровольческой армии, к ее грабежам и диким расправам не ограничивалось пассивным протестом. В Феодосии действия офицеров вызвали столкновения между ними и рабочими. Группа рабочих, выведенная из терпения, на нахальный оскорбительный поступок офицеров на улице, выразившийся в попытке избить рабочего, ответила избиением офицеров.

Ответом на это были массовые аресты совершенно невинных людей; обыски с грабежом, розыски оружия и новые безобразия и оскорбления беззащитного населения. Начальник гарнизона издал по поводу этих событий приказ, в котором предупреждал, что он сумеет „реальной силой

---

[1] „Таврический Голос“, № 8 (81) 12-го января, стр. 1.
[2] Тоже, № 38 (119) за 19 февраля, стр. 2.

поддержать авторитет и достоинство добровольческой армии [1], привлекая к ответственности всех, кто словом или действием оскорбит чинов армии, или будет вести агитацию против них“.

Расправы, грабеж в деревне, поиски большевиков и желание видеть в каждом бедняке большевика—толкнуло многих крестьян на уход из деревни для того, чтобы не стать предметом диких издевательств со стороны добровольческих „чинов“. Уходящие из деревни крестьяне присоединились к скрывающимся от белогвардейской расправы большевикам.

Одна из таких групп скрывалась в Евпаторийских каменоломнях. Ежедневно в каменоломню приходили новые и новые изгнанники. Многие шли с семьями, надеясь найти защиту у большевиков. В декабре в каменоломнях собралось столько людей, что трудно было скрываться, а пронюхавшие об укрывающихся добровольцы окружили каменоломни таким бдительным надзором, что трудно было выходить за пищей и водой. Затруднена была доставка продовольствия в каменоломни крестьянами ближайших деревень, которые раньше бесплатно доставляли пищу.

Собравшиеся в каменоломнях имели ячейку большевиков и держали связь с подпольным партийным комитетом. Они ставили своей задачей соединение с частями Красной армии при их приближении к Крыму. В каменоломнях была организована оружейная мастерская.

Окруженный со всех сторон, отряд „красной каски“ так называли скрывающихся в каменоломнях, вынужден был вступить в бой, не желая живыми сдаваться врагу.

Кроме многочисленной, превышающей 1000 чел., пехоты против засевших в каменоломнях были высланы из Севастополя миноносцы. Беспрерывный артиллерийский, пулеметный огонь, затем взрыв входов в скалы, где засели отряды, ядовитые газы и, наконец, захват последнего колодца, из которого отряд снабжался водой, сделали свое дело. Обессиленные, голодные, мучимые жаждой, в желании сохранить детей, стариков и женщин, вышли из скал те, кто искал там защиты. Они поверили провокации белых, обещавших не трогать жителей. Всех, кто вышел, скосили пулеметами,—ни плач детей, ни стон и мольбы матерей, ничто не удержало от дикой варварской расправы.

21 января кончилась осада, длившаяся с 7 января. Часть отряда сохранилась, скрываясь в скалах, и потом разошлась на подпольную работу по городам Крыма.

Расправившись с отрядом, добровольцы не оставили своим вниманием и Евпатории—там были произведены

---

[1]) „Южные Ведомости“, № 4—4 января 1919 г., стр. 2.

аресты. Часть арестованных на пути в Керчь была расстреляна.

Стонал Крым от зверств, издевательств и грабежа „добровольцев", а правительство „демократических земцев", в самом деле кадетов, стремясь к единой России и соглашаясь с необходимостью „суровой борьбы", забыло объявленные демократические лозунги и, вместо прямого противодействия грабежу, „договаривалось" с командованием, убеждало его, т. е. занималось тем, что не могло дать реальных результатов.

Попыталось оно организовать военно-окружный суд, но это встретило отпор со стороны главнокомандующего добрармией. Военно-окружный суд был признан вредным „нецелесообразным для дела". Деникин не мог допустить существования суда, который имеет право судить представителей добровольческой армии. Это казалось ему весьма демократичным. Крымское правительство, несмотря на его буржуазную программу, признавалось тоже демократичным, мешающим добровольческой армии устанавливать реакционнейшие порядки.

Вопреки обещанию не вмешиваться во внутренние дела Крыма, командование добровольческой армии принудило правительство объявить мобилизацию вначале офицеров, а затем и солдат в добровольческую армию.

Правительство при своем рождении объявило населению, что будет создавать только территориальную армию для охраны внутреннего порядка, но уже на земском съезде в феврале представитель правительства, отвечая на обвинение его в реакционности, восклицал: „Крым не нуждается в территоральной армии, ибо отдельно ни с кем не ведет войны и, надеемся, вести не будет, он только участвует в общей борьбе за возрождение России"[1]. Добровольческая армия не ведет гражданской войны, она борется за единство России.

Такими доводами правительство думало, видимо, кого-то убедить, хотя само заранее знало, что „мобилизация вообще непосильна для правительства, не имеющего сильного аппарата принуждения, но она совершенно неосуществима в такой атмосфере несочувствия (разрядка моя, *М. Б.*), которая создалась под влиянием первых шагов Д. А."[2]. В обстановке общего несочувствия мобилизация привела к весьма плачевным результатам. Все кончилось тем, что даже добровольческая армия признала бесцельными репрессии к уклоняющимся от мобилизации, настолько массовой была неявка по мобилизации.

---

[1] „Таврический голос" 19 февраля, № 38, стр. 2.

[2] Справка о деятельности крымского правительства.

Совет профессиональных союзов резко высказался против мобилизации, обвиняя добрармию в насилиях и антидемократичности. Признавать борьбу с большевиками и кричать об антидемократичности военных диктаторов по меньшей мере непоследовательно со стороны меньшевиков. В самом деле, чего же они хотели от тех, кто при их же участии приглашен в Крым для защиты от большевизма? Кадеты правильно говорили, коли война, так по-военному. Уж коли борешься с советской властью, то совершенно неизбежно ты становишься врагом революции, способствуешь укреплению реакционной военной диктатуры.

Английский эскадренный крейсер „Монтроз“ 18/31 мая 19 года в Феодосийском порту, предъявивший требование произвести осмотр имущества в портовых складах для обнаружения якобы скрытых там частей подводных лодок. (На снимке комендант города Грудачев, ведущий переговоры с командиром судна.)

Меньшевики не хотели и не могли этого понять, поэтому они и не находили себе твердой почвы. С одной стороны, нельзя не признаться, с другой—нельзя не сознаться. И большевики представляют для меньшевиков врагов, и добровольческая армия, которую они, вместе с кадетами, пригласили в Крым, „в виду создавшегося извнутри взрыва большевизма“[1], слишком уж восстановила против себя массы, разрушая „основы демократии“. Социалисты-революционеры не скрывались за вывеской „оппозиции“, они решительно отказались от обсуждения вопроса о мобилизации, признав ее, а на земском съезде заявили, что их критика правительства „является благожелательной“[2].

Население, испытавшее порядки добровольческой армии и разуверившееся в обещаниях правительства, не пожелало

[1] Справка о деятельности правительства.
[2] „Таврический Голос“, № 38 (111).

слиться „в одном общем порыве“ для того, чтобы „послужить своей истерзанной и измученной родине“. Мобилизация, назначенная на первую половину февраля, сорвалась. Правительство старалось объяснить неудачу необычными для Крыма снежными заносами и распутицей. Срок явки был отсрочен на 23-е февраля. Деникину премьер-министр послал телеграмму, в которой оправдывался от обвинения в колебании, нетвердости, он указывал на отсутствие у правительства средств для проведения мобилизации. Ни угрозы судом и конфискацией имущества, ни убеждения правительственных агентов ничто не помогло провести мобилизацию.

Деникин и его ставленники объясняли срыв мобилизации влиянием большевиков.

Совет министров, желая доказать искренность и правдивость своих обещаний бороться с большевиками, в заседании 7 февраля постановил организовать „особое совещание“. В задачу совещания входила борьба с большевиками и „лицами, изобличаемыми в содействии большевикам с целью захвата последними власти“[1].

Кроме „особого совещания“, был создан „Комитет по оказанию помощи добровольческой армии“. Но этого главкому было мало. Он ставил своей задачей объявление военного положения с передачей власти военному командованию.

То был момент, когда Деникин прекратил игру с местными демократическими организациями. Рост угрозы со стороны большевиков, боязнь потерять власть и сознание того, что буржуазные правители могут мешать ему в проведении самой реакционной программы, привели к тому, что Деникин ультимативно требовал ввести военное положение. В случае несогласия он собирался вывести из Крыма части армии.

Это была угроза, на которую даже автор ее пойти не мог, ибо отвод войск из Крыма ускорил бы его занятие советскими войсками. Отдать Крым советам значило навсегда проститься с желанием занять Москву, а Деникин, метивший в диктаторы всея России, не мог, конечно, отказаться от весьма для него привлекательной перспективы.

Ответом на притязания Деникина было согласие на уплату для содержания добровольческой армии 1,5 мил. рублей ежемесячно. Одновременно правительство предприняло шаги к тому, чтобы договориться о защите Крыма от большевиков силами союзнических армий. Переговоры оказались неудачными, не пришел еще час, когда разуверившееся в силе Деникина и углубившее свои противоречия союзное командование начало искать нового вождя.

Кроме требований и ультиматумов, командование решило воздействовать на краевое правительство и мерами эко-

[1] Книга протоколов пр-ва. Постановление № 883. АОР.

номического характера. В Крыму чувствовался недостаток продовольствия, пополнить его можно было ввозом из северных уездов бывшей Таврической губернии. Продовольственные запасы этих уездов привлекали внимание и командования добровольческой армии. Чтобы увеличить базу снабжения добровольцев хлебом и поставить Крым в зависимость от командования,

„Главнокомандующий вооруженными силами юга России приказал присоединить уезды Мелитопольский и Нижнеднепровский к территории Крыма с тем, чтобы в этих уездах было введено военное положение с подчинением всей гражданской администрации власти командира Крымско-Азовского корпуса. Гланоуполномоченный по продовольствию в этих уездах... по постановлению особого совещания назначен Барыков, которому должны всецело подчиняться местные конторы хлебного бюро".

Меры экономического воздействия дали свои результаты[1]. Даже жалкие попытки установления „демократических" свобод забыло правительство и приняло меры к тому, чтобы, договорившись целиком, выполнить волю Деникина. Особенно ярко это проявилось после поездки трех членов Крымского правительства в Екатеринодар (ныне Краснодар) в ставку Деникина.

В ставке правительство договорилось с командованием, обязавшись в „тесном единении с Добровольч. армией охранять гражданский правопорядок в Крыму и бороться с разрушающими государственный организм большевистскими течениями"[2].

Совешание в ставке решило вопрос объединения железных дорог Кубани, Дона и Крыма с передачей дорог в распоряжение добровольческой армии.

Для управления северными уездами бывшей Таврической губернии было решено назначить особого товарища министра. Эта мера была принята потому, что военное командование окончательно скомпрометировало себя грабежами и насилием населения. Внимание масс отвлекалось таким образом тем, что уезды переходили под „высокую руку демократической" Крымской власти. Хотя демократическая власть в своих формах ничем не отличалась, по собственному признанию, от командования добровольческой армии.

На второй день после опубликования правительственного сообщения о поездке в Екатеринодар посыпались, как из рога изобилия, особые чрезвычайные и всякие иные законы.

Наиболее замечательным в законодательном творчестве кадетов является постановление о борьбе с большевиками. Этим постановлением создано указанное выше „Особое

---

[1] Подробнее об экономике см. ниже.

[2] „Таврический Голос", 6 февраля, стр. 1.

совещание“ в составе министров юстиции, внутренних дел и начальника штаба добровольческой армии.

„Совещанию“ предоставлялось право высылки из пределов Крыма всех, кого оно признает „угрожающими общественной безопасности или успеху борьбы с большевиками“ [1].

Если высылка представлялась невозможной, она заменялась арестом на 6 месяцев с правом продлить на новый срок. Сроки предварительного ареста могли быть продлены до 3-х месяцев.

В докладе на Земском съезде министр Набоков объяснял издание этого закона тем, что Крым находится в совершенно исключительных условиях. „На нас надвигается грозная опасность. На границах Крыма уже происходят военные действия, и нет гарантии в том, что война не придвинется еще ближе... В разных городах Крыма открыто появились фигуры большевистских деятелей“ [2].

Большевистскую опасность внутри Крыма Набоков преувеличил. Он сам, перепуганный наступлением советских войск и недовольством внутри, старался запугать других.

Желая отпарировать неизбежные со стороны социалистов-соглашателей нападки, Набоков заявлял о том, что даже правительство Керенского приняло аналогичные данному исключительные законы. Успех законов Керенского не был достигнут, по мнению Набокова, только потому, что слабо законы применялись. „Мы,—говорит он,—по тому пути не пойдем, мы приняли закон, чтобы его применять“ [3]. Отвечая в заключительном слове на выступление меньшевиков, предлагающих бороться с большевиками демократическим путем, Набоков иронически спрашивал их, что они будут делать, если в Крыму организуются анархисты и создадут склады динамита. „Что же прикажете с ними делать? Тоже уговаривать или писать статьи в газете“ [4].

Нет, меньшевики и статьи в газетах не написали бы, вероятно, так уж перепугал их министр. Министр труда Бобровский, принадлежащий к группе „Единство“, и социалист-революционер Никонов—министр просвещения и исповеданий—поспешили сообщить Земскому съезду о своем согласии со всеми законами, принятыми правительством. Вслед за постановлением о борьбе с большевиками приняты законы, запрещающие созыв собраний, устанавливающие просмотр телеграмм, писем и всех печатных изданий, в том числе и, особенно, газет.

Краевой сейм, который должен был создать в Крыму ответственную власть, показался Деникину опасным. Он ви-

---

[1] Книга протоколов правительства, постанов. № 883. АОР.
[2] „Таврический Голос“, № 38 от 19 февраля, стр. 2.
[3] Тоже.
[4] Тоже.

дел в нем выражение самостийности Крыма. Послушное правительство приняло меры к тому, чтобы оттянуть выборы и созыв сейма. Виновниками, по заявлению правительства, и в этом оказались большевики. Сейма так и не удалось созвать. Красная армия действительно вмешалась в это дело, выбросив кадетское правительство за границу.

Правительство и рабочее движение

Все кары правительства и добровольческой армиии сыпались в первую очередь на голову рабочих Крыма.

Аресты более или менее активных рабочих начались с первых дней после появления в Крыму „добровольцев".

Несмотря на суровые законы и расправы офицерских банд с заподозренными в большевизме рабочими, отдельно разбросанные по городам Крыма большевики начали собирать силы, привлекая к себе сочувствующих. Был создан Областной комитет, в городах же местные Комитеты. Крепких связей между Комитетами не было установлено. Это значительно мешало установлению плановости в работе и единству действий. Некоторым из Комитетов (Севастопольскому) удалось установить связь с Харьковом, с комитетом Украины, а через него и с Центральным Комитетом партии. В первых числах января власти были ошеломлены распространяющимся воззванием Комитета коммунистической партии, в котором массы призывались к борьбе за советскую власть. В дикой злобе против большевиков одна из газет, критикуя воззвание, напечатала[1] его у себя и достигла обратных желаемым результатов, ибо всякий читающий газету в условиях недовольства добровольческой армией почувствовал, что есть сила, которая продолжает вести борьбу с реакционерами.

Севастопольский партийный Комитет, организуя ячейки на предприитиях, связался с французскими моряками. Связь начали устанавливать через рабочих, работающих на крейсере „Мирабо", который налетел при входе в бухту на камень. Кроме организационной работы, была достаточно развита печатная агитация. Многие из листовок были специально рассчитаны на французов и греков (солдаты и матросы).

Евпаторийский Комитет сосредоточивал свое внимание на помощи отряду „Красной каски", а после того как он был разбит, Комитет вынужден был прекратить временно работу, ибо она стала совершенно невозможной.

Керченский Комитет принужден был главную тяжесть работы перенести в каменоломни, где скрывались оставшиеся красноармейцы и те из большевиков, которые не могли выехать из Керчи. Это не исключало совершенно работы

[1] „Ак-сес" (Голос Правды), № 12—3 января 1919 г., стр. 1.

среди рабочих, но значительно ее затрудняло. С Комитетом большевиков вынуждено было считаться местное городское самоуправление. Комитет предъявлял самоуправлению ряд требований, которые обсуждались в управе. Так, например, подпольный Комитет требовал через городское самоуправление отмены предположенной, на случай отступления белых, эвакуации рыбачьих лодок [1]. „Рыбачьи лодки из себя никакой ценности для военных целей не представляют, — пишет Комитет в обращении, — но от этой эвакуации пострадают сотни и тысячи рабочих рук, лишенных заработка“. Обращение заканчивается указанием на то, что в случае его невыполнения будут приняты „всевозможные меры к ликвидации данного приказа“.

Значительным тормозом в работе Комитетов было отсутствие вполне подготовленных для работы партийцев. В основном организации составлялись из партийного молодняка, не имеющего революционного опыта. Исключением может служить разве только Севастополь.

Общее недовольство армией и ее отношением к населению создавало благоприятные условия для агитации. Недовольство питалось также растущей безработицей, затруднениями продовольственного порядка, дороговизной и недостатком товаров.

В декабре месяце действия добрармии вызвали предъявление правительству целого ряда протестов. Феодосийские печатники объявили забастовку протеста, железнодорожники на съезде 31 декабря решительно протестовали против разгула и террора „чинов армии“, требуя принятия строгих мер.

В Симферополе конференция рабочих и служащих потребовала от правительства освобождения арестованных за политические преступления, отказа от помощи добрармии. Совет министров обсудил на специальном заседании требования рабочих и угрозу забастовкой. В правительственном ответе рабочим сообщалось, что арестованные являются врагами единой России, что они связаны с Махно и освобождены не будут. В этом же сообщении правительство твердо заявило о своем отказе от демократических обещаний, соглашаясь с действиями командования армией, считало для себя обязательной поддержку армии, „угроза забастовкой ни в какой мере не может побудить правительство отказаться от того образа действий, который оно считает правильным“ [2].

Для всех после такого ответа стало ясно, чем является правительство в руках военного командования. Разговари-

[1] Дело № 50 Керчь-Еникальской гор. управы. Керчь, Райархив.

[2] „Таврический Голос“, 4 января, № 4 (77), стр. 4.

вать с ним нужно было не резолюциями, а более авторитетным языком забастовок и вооруженного выступления.

Объявившее свое решение правительство, однако, под напором требований и угрозой всеобщей забастовки занялось рабочим законодательным творчеством, желая тем самым отвечь внимание от главного вопроса о власти.

15 февраля был опубликован закон о больничных кассах с изменениями, внесенными правительством. Изменения сводились к расширению круга страхуемых путем распространения закона на те группы, которые раньше не подходили под действие закона, и на предприятия не с 5 рабочими, как было, а с 3-мя. Устанавливался минимум взносов владельцев на врачебную помощь, размер денежных пособий увеличивался до полной заработной платы и не ниже средней заработной платы чернорабочего. Увеличены сроки выдачи пособий по беременности и на кормление ребенка. Приплаты владельцев увеличивались до полуторного взноса рабочих. Был учрежден единый страховой совет, вместо страховых присутствий и совета.

Был правительством принят и закон о биржах труда, а на этом творчество министра труда закончилось. Удовлетворить рабочих такими законами было нельзя, особенно после того, как они имели возможность испытать значительно большие достижения при советской власти.

Куцыми реформами разрешить рабочего вопроса не удалось, тогда правительство с еще большей суровостью начало проводить особые и исключительные законы, принятые им. Попросту начался разгром профессиональных союзов и других рабочих организаций. В ответ на телеграмму деникинской ставки правительство согласилось ввести военное положение на железных дорогах с тем, чтобы было категорически воспрещено „вмешательство профессиональных организаций в дело управления дорогами“, вопросы регулирования заработной платы железнодорожникам передавались командованию.

Был совершен налет на рабочий клуб в Симферополе. Налет сопровождался массовыми арестами рабочих, обысками не только в клубе, но и на квартирах тех, которые в клубе были задержаны. Налет объяснялся тем, что рабочие не выполнили закона, запрещающего собрания.

В Севастополе наступление началось приказом о закрытии газеты меньшевиков „Прибой“. Печатники объявили забастовку протеста, к ним присоединились рабочие других предприятий.

Наиболее твердо, настойчиво вели себя металлисты. Они имели с правительством весьма затянувшуюся борьбу о вы-

плате им разницы заработка, по вопросу о начале работ на почти совершенно бездействующем морском заводе.

Еще в ноябре месяце правительством была создана комиссия по разбору требований рабочих. Это были требования, в свое время предъявленные правительству Сулькевича и немецкому командованию.

Комиссия, созданная правительством, признала правильными ряд требований рабочих. Так, например, решено было выплатить заработную плату за вторую половину апреля 1918 года (время, когда явились в Крым немцы), выдать разницу по добавочной заработной плате с марта 1917 года и заштатное шестимесячное содержание. Комиссия считала, что выдача всех сумм лежит на обязанности Великорусского правительства и полностью выполнение требований непосильно краевому казначейству. Однако, решено было выделить три миллиона рублей для выдачи в счет требований рабочим[1].

Решение комиссии, утвержденное советом министров в декабре, задерживалось выполнением и вызывало массовые недовольства. Комитет коммунистической партии, учитывая рост недовольства рабочих масс и необходимость организованного руководства, созвал конференцию (в начале марта), на которой присутствовали два представителя от Евпатории. Конференция решила начать подготовку к всеобщей забастовке, чтобы тем самым облегчить продвижение Красной армии, уже подошедшей к Крыму.

Собрания рабочих и служащих относились к забастовке весьма сочувственно. Первыми вынесли решение о забастовке металлисты. Нужно отметить, что к этому времени в Севастополе был создан подпольный Ревком—Исполком, как его называли тогда. В Керчи, Феодосии также существовали подпольные революционные комитеты. Заслуживают внимания решения отдельных организаций по вопросу об очередных задачах и забастовке. Собрание рабочих и служащих ж.-д. станции Севастополь 11 марта обсуждало резолюцию о забастовке, принятую на митинге в цирке Труцци. Меньшевики, выступавшие на собрании, убеждали рабочих отказаться от забастовки. Они мотивировали свое предложение тем, что забастовка может принять характер политический, хотя этого и не нужно было доказывать или предполагать, т. к. в резолюции митинга было прямо определен ее характер, как политической забастовки. Дезорганизованность рабочих, отсутствие стачечного фонда, забастовка ухудшит и без того скверное положение рабочих, забастовка превратит Крым в арену гражданской войны со всеми ужасными последствиями ее и не усилит, а ослабит

[1] См. Книгу протоколов краевого правительства.

рабочий класс. Таковы мотивы меньшевиков против забастовки. Сладкопевцам-меньшевикам удалось было убедить собрание этими мотивами и тем, что забастовка не вызывается „достаточными местными причинами“. Резолюция, признающая забастовку в целях „восстановления власти“, была отвергнута в первом голосовании, но достаточно было внести в резолюцию указание на „восстановление Советской власти“, как резолюция эта была абсолютным большинством принята (89 за резолюцию, против 23 и 5 воздержалось от голосования). Металлисты на своем собрании решили отказаться от денег, ассигнованных правительством, работы прекратить, союзу предложить на работу никого не посылать.

13 марта была созвана конференция профессиональных союзов Севастополя. После длинных ожесточенных споров с меньшевиками удалось провести на конференции такую резолюцию:

„Конференция профсоюзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, признает, что при создающемся положении, как внутри области, так и на Крымском фронте, на пролетариате и беднейшем крестьянстве Крыма лежит священный долг приттн на помощь героической Красной Армии и свергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку в Севастополе с требованием: 1) удаления добровольческой армии, 2) ухода крымского краевого правительства, 3) установления Советской власти, 4) освобождения всех политических заключенных. Для руководства всеобщей забастовкой и всей развивающейся борьбой за Советскую власть конференция постановляет избрать стачечный комитет из 7 лиц, в который могут войти с правом совещательного голоса представители социалистических партий, стоящие на платформе признания Советской власти. День объявления всеобщей забастовки, а также и указание производств и учреждений, на какие она распространяется, поручено установить стачечному комитету и до этого работы производить“.

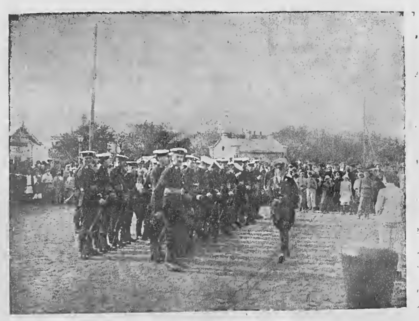
Резолюция и возбужденное настроение измученных и изголодавшихся рабочих внесли большой переполох в ряды защитников добровольческой армии и краевого правительства. Меньшевики на своем собрании категорически заявили, что они не допустят организации Советской власти. Защищать правительство они также не рискнули, признав его неудовлетворяющим „основным требованиям демократии“. Меньшевики высказались за социалистическое правительство [1]. В целях борьбы с безработицей, по их мнению, правительство должно было провести „принудительный заем у состоятельных классов населения из спекулятивных прибылей“, заем предполагался для организации общественных работ.

[1] „Таврический Голос“, 15 марта 1919 года, № 56 (129), стр. 2.

Французское командование издало приказ, в котором предупреждало всех, что оно не признает „никакой власти, исходящей от большевиков"[1].

Собрание военных моряков присоединилось к решению о забастовке и требовало разоружения и ухода из Крыма добровольческой армии.

В ответ на требование об освобождении политических заключенных правительство и командование решило перевести всех арестованных из Севастополя в Симферополь.

Отряд английских солдат в Феодосии в 1920 г.

Ни угрозы французского командования, ни предательская позиция меньшевиков не помогли. Забастовка 15 марта была объявлена

В первый же день забастовали железнодорожники, трамвай встал, прекратил подачу воды водопровод, потухло электричество, магазины закрылись, служащие гостиниц, ресторанов прекратили работу.

Французское командование, вопреки обещаниям не вмешиваться во внутреннюю жизнь края, немедленно выслало вооруженные отряды на электростанцию, по городу разгу-

[1] „Таврический Голос", 15 марта 1919 г., № 56 (129), стр. 2.

ливали усиленные патрули французов, под угрозой штыков французов был отправлен из Севастополя один воинский поезд.

Забастовка проходила весьма организованно, никаких эксцессов со стороны рабочих не было. Меньшевикам в первые два дня не удалось дезорганизовать рядов бастующих. Настроение повышенное. Стачечный комитет предложил предприятиям выделить депутатов в организуемый городской совет. Командование и правительство, чтобы расстроить ряды бастующих, начало аресты, принявшие на 3-й день забастовки массовый характер. Арестовали всех, кто имел отношение к агитации за забастовку. Арестовано было несколько человек членов городской думы, которые попытались протестовать против арестов, производимых на улице. Арестованных отправляли в военные арестные помещения. На город были направлены жерла французских и греческих орудий. Многочисленные группы военных патрулей, вооруженных до зубов, разгуливали по городу.

Бастующие под влиянием военного положения, нажима со стороны французов, арестов и агитации меньшевиков дрогнули. Стачечный комитет созвал конференцию, которая постановила забастовку прекратить, но требовать освобождения политических заключенных. Борьба за Советскую власть не прекратилась, она приняла только иные формы. Ревком продолжал существовать.

По инициативе большевиков был организован сбор средств для помощи семьям арестованных. Военное начальство намерено было отправить арестованных в Симферополь и выполнило свое намерение по отношению наиболее заметных руководителей движения. Массовые протесты против нового насилия угрожали превратиться в новую забастовку, но угроза со стороны союзников и освобождение некоторых арестованных временно разрядили атмосферу.

В Феодосии командование предупредило начало забастовки тем, что разгромило рабочие организации. Из арестованных рабочих 24 человека были расстреляны в тюрьме.

Террор привел к тому, что лучшая часть социалистов-революционеров и меньшевиков начала уходить из партии, примыкая к коммунистам. На опыте научились они правильно оценивать Советскую власть. Господство генералов и союзников, скрывающихся за спиной Краевого правительства, раскрыло лучшим из меньшевиков ту пропасть, которой они отделили себя от рабочего класса переходом на сторону белогвардейцев.

На одном из заседаний комитета труда, созданного при министерстве, рабочая часть комитета заявила о своем нежелании дальше оставаться в составе комитета. Политика

правительства направлена на защиту только буржуазии, рабочие интересы игнорируются, поэтому рабочая часть комитета не захотела своим присутствием прикрывать реакционности правительства. Министры-социалисты остались в одиночестве.

Метаморфоза не осталась незамеченной, военные власти, чувствуя, как удаляются от них сохранившие еще совесть и рассудок социалисты, направили удар в их сторону. Был произведен ряд арестов среди с.-р., запрещено собрание их в Севастополе. Казалось, что эсеровскому вождю Никонову, входящему в правительство, нужно было уйти из его состава, тем более, что было требование об уходе Никонова в одной из с.-р. организации. Нет, он этого не сделал. Этот потерявший всякую честность, и особенно политическую, человек сидел в правительстве и подписывал указы об аресте товарищей по партии. Дальше этого в предательстве уж некуда было двигаться, для него оставались один путь—заграницу, куда он вскоре в приятной кампании кадетов и отправился.

Крестьянство и аграрный вопрос

Обманутое демократическими обещаниями правительства, крестьянство первые дни ожидало от него решения вопроса о земле.

Разгул белогвардейщины скоро разубедил деревню, она поняла, что ждать серьезной аграрной реформы от кадетов нельзя.

Грабеж, производимый в деревнях, убедил крестьянство в том, что единственным выходом из создавшегося положения является борьба с правительством и добровольческой армией. Только этим можно объяснить то, что крестьяне не явились по мобилизации правительства в армию и оказывали весьма существенную поддержку продовольствием и людьми скрывающимся в каменоломнях большевикам. То, что крестьяне шли искать приюта от грабежа и насилий добровольцев в отряд „Красной каски“ (Евпаторийские каменоломни), а в Керченские каменоломни ежедневно сообщали о движении частей добрармии, просили у отрядов защиты от грабежей и, несмотря на угрозу расправой, активно помогали разоружать разъезды добрармии, все это с очевидностью подтверждает положение о том, что крестьяне вступили на путь борьбы с правительством.

Протест, стремление вести борьбу за землю, не давать сыновей на борьбу с большевиками возникло у крестьян не потому только, конечно, что там вели агитационную работу большевики, некоторые данные о начале агитации среди крестьян относятся к концу января и февраля месяцев. До этого крестьяне выступали против правительства единственно потому, что иного отношения к грабителям, тер-

рористам, людям, которые возвращают землю помещикам, а за убытки, причиненные во время господства большевиков, пытаются уплатить помещикам деньгами крестьян,— иного отношения и не могло быть.

Большевиков в деревне создала добровольческая армия и правительство своими действиями. Они вскрыли крестьянину классовую сущность гражданской войны. Агитация за коммунистов и Советскую власть в деревне велась неграмотными людьми, которые пришли к большевизму на опыте борьбы в Крыму.

Интереснейшим документом, проливающим свет на вопрос о том, как велась агитация в деревне и среди солдат, является воззвание, распространяемое в деревнях Керченского и Феодосийского района.

Привожу полностью с сохранением орфографии это воззвание. Оно распространялось написанными от руки печатными буквами.

ВАЗВАНIЕ.

Товарищи. Все в ком не угасло
желание освободится от гнета произвола
и насилий порабощения буржуазий берите в
ково есть какое оружие и организуйтесь в
отряды и уничтожайте тех которыя хотят
вас мобилизовать. Товарищи знайте что
23 февраля н. с. вся буржуазия
собираится в Керчь на совещание с добра
вольческой армией чтобы отнять у вас сыно-
вей и погнать их на убой сражаться во имя
каких идей во имя каких интересов
оне мобилизуют ваших сыновей чтобы пон
ать срахатся с вашими товарищями
большевиками срахаться с теми которые
несут свет и свободу равенства и братство
и нам ли итти дратся с ними нет
тысячу раз пущай дерется тот в кото-
рово полные карманы денег добытые вашей
кровию и потом к вам товарищи солд-
аты мы обращаемся подержите нас 18-го
февраля н. с. Керчь востала и ждуть
от вас помощи. Товарищи если вы испо-
лните это, то исполните долг гражданина
не кто не даст вам земли не кто вам не дасть
хлеба пока вы сами не востаните и не забир-
ете все что вам принадлежить давным
давно и так товарищи с твердой верой в
успех нашего общего дела. Да вздравству-
ет Земля и Воля свобода братство
и равенство.

Организация.

Вот такие безграмотно написанные воззвания пользовались у крестьян вниманием, они читали их и передавали друг другу.

Правительство в стремлении создать в деревне базу своего влияния, ухватилось за старые методы царских времен. По докладу министра просвещения и исповеданий эсера Никонова совет министров 23-го декабря отпустил для выдачи пособия священникам, диаконам и псаломщикам 113.100 руб.[1]. Способ действия на крестьянство через попов не дал, однако, результатов, уже очень ясна была каждому реакционность правительства и велики были желания получить землю.

Созванный в январе месяце крестьянский съезд был даже, по свидетельству земцев и кадетов, настроен так: „З е м л и ц ы н а д о! В о т и в с я н е д о л г а!“

Но землицы правительство не давало. Объявившее в своей декларации о том, что реформы будут проводиться учредительным собранием единой России, правительство в вопросах о земле, однако, не утерпело. Уж очень большой срок до учредительного собрания. Да и кто знает, а вдруг в нем большинство возьмут социалисты. Чтобы обеспечить себя и окончательно разделаться с аграрной проблемой, правительство заявило о том, что за выкуп землю можно дать, не дожидаясь учредительного собрания. Собственно, правительство по указке кадетов заняло даже такую позицию, что по областям, по мере их завоевания, решать вопрос значительно выгоднее. Если аграрный вопрос будет разрешен по области, каждая как захочет, и тогда, говорит правительственная газета, отпадут всякие принципы, „социализации и рационализации“.

Наивная постановка вопроса, но что же поделать—„блажен, кто верует“, а кадетам в свой проект хотелось верить.

Добровольческая армия, на обращенные к ней вопросы о ее планах в аграрной политике, молчала, а когда вопросы становились все настойчивее,—многомудро изрекла, что землю крестьяне п о л у ч а т „з а к о н н ы м п о р я д к о м“. Что подразумевалось под законным порядком? Когда именно получат землю крестьяне, хотя бы и законным порядком? Ответ этот может быть получен в декларации, которую Деникин опубликовал в начале апреля 19 года. Декларация сводилась к закреплению права собственности на землю за крупными собственниками и, кроме того, был взят курс на „с о з д а н и е и укрепление п р о ч н ы х мелких и средних х о з я й с т в“.

Что же значит укреплять и создавать мелкие и средние хозяйства?

Только то, что Деникин взял курс на создание и укрепление кулака в деревне. Кулак, который получит землю за

[1] Книга протоколов Краевого правительства, постановление № 495. Крымцентроархив.

выкуп, должен явиться опорой белогвардейщины на юге, он помощник генералов в их стремлении к „единой неделимой России“.

В Крыму закон Деникина не успели даже опубликовать, помешало отступление добрармии, но за месяц до декларации местная печать, захлебываясь, доказывала невозможность национализации или социализации земли. Производительность сельского хозяйства не может подняться от того, что земля будет разделена крестьянам, наоборот, при низкой технике крестьянского сельского хозяйства производительность упадет. Раздел земли—это скачек назад от культуры, прогресса и проч. и т. п. Давно известные истины изрекали все крымские газеты, начиная от кадетских и кончая татарскими.

В сознании буржуазии никак, конечно, не могло уложиться то, что сельское хозяйство примет совершенно другой характер, что техника, машинизация, вообще рост производительных сил пойдет по линии кооперативного, колхозного строительства, что этот рост примет и может принять размах, недоступный кулацкому, капиталистическому хозяйству. Не хищническое разграбление богатств земли кулаком и помещиком предполагает раздел ее крестьянам при совхозном, кооперативном и колхозном направлении, а развитие производительных сил, способствующее общему улучшению материального благополучия огромнейших масс населения.

На указанном выше крестьянском съезде была вынесена резолюция, предложенная социалистами-революционерами. Резолюция предлагала отложить решение вопроса до учредительного собрания, а в качестве временных мер до учредилки съезд высказался за установление предельных арендных цен, отмену скопщины и архаических законов о найме рабочих в хозяйствах. Резолюция эта не удовлетворяла желаний крестьянства, она не отвечала на основное: „землицы бы“. Даже с точки зрения социалистов-революционеров выносить такую резолюцию, при тех настроениях, которые были в деревне, являлось риском, способным привести к утрате влияния на крестьян. Откладывать решение вопроса до учредительного собрания, которое будет только после победы добровольческой армии над большевиками, а в самую добровольческую армию крестьянство не верило, она,—эта армия,—грабила, порола крестьян, расстреливала не только рабочих, но даже умеренных земских деятелей и членов учредительного собрания, выбранных крестьянами.

Если эсеры оказались весьма близорукими, то правительство проявило невиданное упорство. Несмотря на безобидность требований о регулировании арендных отношений,

правительство не желало издавать по этому вопросу законодательных актов. Только 14 марта, когда недовольство в городе и деревне начало выходить из берегов, правительство издало закон об аренде. По закону, договоры, заключенные в течение шести лет до закона, по желанию арендаторов могли быть сохранены, при условии ограничения арендуемой площади до двадцати десятин на одно хозяйство или каждого участника товариществ и обществ арендаторов, в том случае, если эти хозяйства безземельны или владеют участками земли не более 10 десятин [1].

Арендная плата по продленным договорам должна быть равна арендной плате 1914 г., умноженной на семь. Если договор был заключен на условиях скопщины, он мог быть изменен на уплату деньгами по желанию арендатора.

Закон этот не мог удовлетворить желаний крестьян и остался почти незамеченным. Крестьянство, вследствие неясности в аграрной политике и потому, что в памяти были свежи массовые случаи захвата посевов помещиками после ухода Советской власти в 1918 г., начало резко сокращать посевную площадь. Засевали столько, чтобы обеспечить существование своей семьи и хозяйства, без расчета на вывоз.

Сокращение посевов очень обеспокоило правительство. Продовольственные затруднения конца 18 и начала 19 года, сокращение с каждым днем территории, откуда можно было вывозить хлеб для Крыма,—толкало на изыскание путей, обеспечивающих такой посев, который бы дал возможность прожить без ввоза. Ничто не помогло, крестьяне не хотели увеличивать посевную площадь, правительство же не могло дать крестьянам посевного материала, отсутствие которого у слабых хозяев служило в некоторой степени причиной сокращения посевов.

Национальная политика добрармии и татарский парламент

Татарское население Крыма в своем большинстве крестьянское, ему присущи те же нужды, желания и стремления, что и крестьянству других национальностей, населяющих полуостров. Отдельное рассмотрение татарского вопроса вызывается тем, что он переплетается с национальной политикой правительства и командования добровольческой армии.

Уход от власти правительства Сулькевича и появление, вместо немецких войск в Крыму, союзнических кораблей с военным десантом—было показателем того, что надежды на „самостоятельный" Крым с германской и турецкой политикой рухнули. Татарская националистическая буржуазия оказалась побежденной более сильной группой, которая ставила своей задачей цели, прямо противоположные своему

[1] Книга протоколов правительства. Постановление от 14 марта 1919 г.

предшественнику. Вместо Крыма--дороги в Индию, появился лозунг—Крым часть единой России, при чем сама Россия представлялась, как буржуазная страна, где царствуют кадеты и военные генералы.

Члены татарской директории, творившие политику при правительстве Сулькевича, ушли в отставку и на их место пришли новые лица. Наиболее правая реакционная часть мурзаков и мулл примкнула к кадетскому правительству, взявши курс на единую Россию.

Верным националистическим мелкобуржуазным и буржуазным взглядам остался центр Курултая и парламента, руководимый партией „Милли-Фирка". Новый состав директории занял место в рядах оппозиционных правительству групп. До поры до времени милли-фирковцы как будто отказались от объединения мусульманских народов и занялись разработкой проекта „Положения о культурно-национальной автономии мусульман Крыма".

Отказ был, однако, внешним, направление же их политической деятельности было тем же. Они исходили в определении своего политического курса из новых посылок. В Европе и на Востоке победил англо-франко-американский капитализм. Победители делят награбленное, справляют тризну по побежденным. Победа империалистов не окончательная, она вдохнет силы народам Востока, Европы и Азии. Лозунги освобождения народов понесутся уже не из Европы, они началом своим будут иметь Восток. Лозунги эти будут говорить о свободном сожительстве народов, изгнании империалистов-победителей.

Путь к свободному сожительству народов—федеративный принцип государственного строительства. Если Крымское правительство откажется от реакционной кадетской политики и возьмет твердый курс на федеративную Россию, если оно и в своей политике и в своем составе будет отражать интересы татарской крупной и мелкой буржуазии, тогда милли-фирковцы помогут этому правительству.

Правительство не хочет считаться с татарскими националистами—оно само толкает их на союз с турецким движением.

Вот круг политических рассуждений милли-фирковцев. Они, кроме того, объявляли совершенно законным стремление крымских националистов к более им родственному „турецкому народу".

Эпоха протекторатов закончилась, протекторат не совершенен и шовинистичен—так рассуждала татарская газета „Крым". Место протекторатов занимает форма выгодных для всех союзных отношений.

Отвечая на обвинения директории в подготовке переворота, редакция газеты „Крым" писала, что „о нем может

идти речь лишь после того, как вы сделаете переворот", т. е. после того, если кадетам удастся „окончательно силами реакционных вождей образовать чиновничью Россию".

Федеративную единую Россию татарская директория воспринимала, как переходную ступень после закрепления, на которой удастся вступить на путь свободного сожительства мусульманских народов.

Милли-фирковцы восприняли принципы кемалистской Турции и в стремлении к их внедрению в практику государственной жизни они вели борьбу с реакционной кадетской и генеральской политикой.

Татарские националисты не прочь были признать даже советскую власть, с тем, однако, чтобы вышелушить из нее основное содержание. Советскую власть без стремления к коммунистическому обществу, без мероприятий, которые уничтожают силу буржуазии и создают условия строительства социалистического хозяйства, только как власть, представляющую право свободного самоопределения народов,— принимали националисты Советскую Россию. Они хотели бы исключить и классовый характер самоопределения, и тогда союз с советской страной. Пока советская власть не отказалась от своих основных принципов, до тех пор она случайна, анархична, насильственная и проч. и т. п.

Плохо сводились концы с концами во всей теории националистов, но что им до этого. Нагрузившись разного рода эклектической смесью, они шли в массы татарского населения и там искали себе опоры.

„Государственные" эксперименты правительства Сулькевича, десятки невыполненных обещаний со стороны татарского парламента способствовали отрыву масс из-под влияния „вождей" типа Джафер Сейдамета. Почва для развенчивания узко-националистической политики татарского парламента и директории была. Крестьянство могло быть направлено на борьбу за советскую власть, особенно, конечно, бедняки и середняки, жаждущие землицы не меньше, чем крестьяне других национальностей.

Разгул белогвардейцев толкал крестьян на борьбу с ними. Недостаток продовольствия, отсутствие рынка сбыта для продуктов табаководства и садоводства—явился не меньшей причиной роста недовольства крестьян.

Почему же, однако, при наличии всех условий, не было ярко выраженных советских настроений и стремлений у Крымского крестьянина?

Ответом на это может служить то, что в период Республики Тавриды (январь—апрель 1918 г.) татарский крестьянин не получил от советской власти того, что он по праву от нее ожидал. Ни съезд советов Тавриды, ни практика со-

ветской работы в татарских районах не разрешили земельного вопроса. Раздел земли на посев 1918 г. не мог, конечно, удовлетворить желаний крестьян. Крестьянин, вынужденный выполнять обязанности перед продовольственными органами Советов, был значительно ограничен в сфере товарооборота.

Свободная торговля была затруднена, взамен взятого у крестьян хлеба и сырья им нельзя было, вследствие общего разрушения хозяйства, предоставить фабрично-заводских изделий.

Кроме этого, отрицательное значение имела и недостаточная оценка национальных особенностей крымско-татарской деревни, проявленная съездом советов Республики Тавриды.

Но это еще не все для ответа на поставленный вопрос. Ведь, используя недовольство крестьян, примеры безобразнейшего к ним отношения, можно было разъяснить им ошибки 18 года, показать, что они не найдут повторения. Вот тут-то мы и подходим ко второму факту субъективного порядка. Подпольные партийные организации Крыма не были совершенно связаны с татарским крестьянством, не вели среди него особой работы при учете всех особенностей этой группы населения. Татарская группа коммунистов, организованная в ноябре 18 г., не имела больших связей с деревней, количественно была слабой. У этой группы, только что ушедшей от националистов, не изжиты еще некоторые националистические иллюзии; будучи, может быть, и весьма искренними революционерами, они нуждались в руководстве со стороны белее опытных партийных организаций.

В Крыму за все годы гражданской войны довольно ярко выявлялось отсутствие партийных организаций, или их слабость. На крымских примерах многие маловеры могут убедиться в огромнейшей организационно-пропагандистской роли партии. Здесь было много примеров того, как объективные революционные стремления масс из-за отсутствия руководства не получали необходимого направления и развития. Татарское движение начала 19 года лишнее подтверждение этого. При наличии недовольства, которое при правильном руководстве можно было превратить в революционный порыв, направить в сторону борьбы за советы, татарское крестьянство шло, однако, за националистами.

Сменили деятели из парламента и директории истрепанные одежды времен немецкой оккупации на новые. Не изменяя ничего в принципах своей узко-националистической программы, они, однако, своевременно усвоили то, что крестьянство нельзя привлечь лозунгами свободного ханства, в беспочвенности их большинство уже убедилось.

Нормальную экономическую жизнь края обеспечит связь с областями бывшей России. Там на севере рынки сбыта

крымских изделий и продуктов сельского хозяйства, там же, в этом ставшем недосягаемым крае, важнейшие промышленные центры. Нужно объединиться с ними. Объединение может привести к старым порядкам, чтобы этого не допустить,—боритесь за федеративное устройство, против генералов, которые уже показывают свою реакционность. Обеспечить себя от реакции можно демократическим строем с участием татар у власти. Советская власть не может быть воспринята целиком, она против собственности.

Так рассуждали националисты-татары и это у мелкобуржуазного крестьянства, при высокой товарности хозяйства, пользовалось популярностью. Крестьяне-татары степных районов, где товарность хозяйства ниже, относились к националистической агитации директории более равнодушно. Так, например, после обысков и ареста в директории в феврале,— степные деревни не приняли участия в кампании протестов, тогда как предгорные и приморские деревни посылали, наряду с резолюциями для выражения возмущения арестом, делегации[1].

Правительство и командование добровольческой армии не могли, понятно, обходить молчаньем настроения татарской деревни и деятельность директории и парламента.

Первые полтора месяца господства кадетов характеризуются некоторой терпимостью к директории. Свободно выходят татарские газеты „Крым“ и „Миллет“. Правительство интересуется татарскими настроениями и с этой целью приглашает специального работника для перевода статей и заметок из газет на татарском языке. Оно оставляет директорию в ранее ею занимаемом помещении, предоставляет отсрочки от мобилизации служащим директории наряду с земскими служащими. Совершенно не вмешивается в вопросы школьного и религиозного характера.

Внешне казалось, что наступила эпоха мирного национального сожительства, но это только внешне. Заигрывая с директорией, правительство и командование готовило ей удар и в самые уязвимые места.

Уже с конца декабря начинается наступление. В Ялте 25 декабря в день рождества закрываются все татарские торговые предприятия по случаю христианского праздника. Директория насторожилась. Ждать пришлось не долго. Вскоре, в январе, собрался съезд по народному образованию, который обсуждал вопрос о включении всех татарских школ в общую сеть учебных заведений, изъяв их из-под руководства директории. Это было уже чувствительным ударом. Взять школы—значило лишить директорию центров ее идеологического влияния на деревню, вырвать от нее учитель-

[1] См. газету „Крым“, № 22—5 марта и следующие №№.

ство. Директория, которую не приглашали даже на съезд, подняла шум, обвиняя правительство в стремлении к национальному гнету.

За первым ударом последовал и второй: правительство предложило (18 января) директории освободить занятое ею помещение, а когда получился отказ, то была применена для выселения вооруженная сила.

Чтобы привлечь на свою сторону реакционное духовенство, правительство выдвинуло проект о передаче вакуфных земель правительственной комиссии. Мера эта способна была выбить материальную базу у директории.

С помощью реакционной мурзацкой группы татар, командование добровольческой армии решило созвать татарский съезд в противовес предположенному к созыву расширенному татарскому парламенту. 7-го февраля татарский съезд собрался, но в таком количестве, что командование не рискнуло назвать его съездом. Газеты кадетов стыдливо сообщали о том, что состоялось собеседование представителей командования добрармии с делегатами от татарского населения. Было бы еще полбеды, если хоть и небольшое количество татар оказалось бы на стороне командования. Вышло иначе,—совещание превратилось в демонстрацию протеста против правительства и армии. По всем вопросам, которые выдвигались командованием, татары заявляли, что решение их они предоставляют Курултаю или парламенту. Убедившись в том, что из затеи со съездом ничего не выйдет, командование заявило делегатам прямо, сняв маску национальной терпимости, что никаких вопросов Курултаю, да и этому совещанию они не позволяют решать. Реакционное мурзачество, сконфуженное провалом съезда татар, через своего представителя выступило на совещании с речью, в которой благодарило добровольческую армию за заботы о татарах. Речи этой никто уж не слушал,—было совершенно ясно, что мурзачество не пользуется популярностью и не может являться опорой правительства.

Обиды, нанесенной срывом съезда, а затем и провалом мобилизации,—правительство не могло забыть. Оно занялось изысканием новых способов борьбы с директорией, подготовляя в то же время наступление на нее.

В союзе с командованием правительство объявило, что, по „настойчивым просьбам татарского населения“, оно разрешило формирование татарского конного полка. Началась агитация за вступление в полк, но результатов от этого никаких не получилось. При разработке положения о выборах в сейм, правительство, наученное опытом и потерявшее надежду на привлечение татарских масс на свою сторону, пошло по пути дальнейшего разжигания национальной розни.

Ялта, Алушта и другие города в татарских районах были выделены в особый округ, с тем, чтобы оставить больше путей для разного рода избирательных махинаций и не дать перевеса татарам при выборах.

23 февраля—это число для кадетов стало прямо роковым—Челебиева они арестовали, 23-го же июля—за несколько дней до открытия расширенного заседания татарского парламента офицерский отряд совершил налет на помещение директории, арестовал несколько человек из активных националистов, изъял документы ,дела, одним словом, произвел разгром директории и редакции газеты „Миллет".

Но поистине,—когда бог хочет наказать, так он отбирает разум. Кадеты тоже потеряли разум. Налетом они окончательно восстановили против себя и добровольческой армии татарское население.

В многочисленных протестах, посыпавшихся после разгрома и арестов, татары писали о том, что „правительство становится на путь произвола и насилия, такое правительство не имеет права называться демократическим".

Финал налета был копией такого же в июле 1917 г., как и тогда,. Какты этим поступком укрепляли влияние националистов тата и в 1917 г., кадеты начали судебное преследование летарской директории. Разница заключалась только в характере обвинений. В 1917 г. обвиняли татисполком в агитации против войны, а в 1919 г. за дела 1917 г. Искусственность судебного следствия была очевидна, дела 17 года были просто притянуты за уши для того, чтобы хоть чем-нибудь оправдать разгром директории и редакции газеты.

Налет оказался сигналом для наступления по всем участкам фронта. В районах начались обыски, аресты и расстрелы без суда и следствия. Убийства оправдывали принадлежностью к большевикам, хотя в действительности убитые никакого отношения к большевикам не имели.

Часть членов парламентского бюро и директории вынуждены были скрываться из опасения быть убитыми. Оставшиеся на легальной работе старались окружить арестованных и скрывающихся ореолом национальных героев, хотя на самом деле это были буржуазные деятели, мало интересующиеся судьбой беднейшего крестьянства, поставившие своей задачей не освобождение бедняка, а укрепление основ буржуазного общества, в котором эксплоатировать и господствовать будет татарский буржуа. Как ни странно, но кадеты своими выступлениями против татар помогали буржуазно-националистическим деятелям наживать политический капитал, обманывать татарскую бедноту лозунгами борьбы за демократический строй, национальное самоопределение,

затушевывать классовые противоречия внутри татарского населения края.

4 марта расширенное заседание парламента открылось при небольшом числе представителей.

События, развертывающиеся к этому времени в связи с приближением Красной армии к Крыму, помешали работе парламента, и он скоро закрылся. В национальной политике правительства по отношению к другим нациям, населяющим Крым, основным было использование национальных противоречий, развитие национальных антагонизмов.

Так, например, по указанию добровольческой армии после провала мобилизации были приняты меры к формированию греческого полка. Антисемитизм получил широчайшее распространение. Не мало обвинений сыпалось на головы украинцев, которые почему-то должны были отвечать за авантюризм украинской буржуазии. „Разделяй и властвуй"— было принципом добрармии и Крымского правительства. Укрепление власти наиболее сильной русской буржуазии было задачей кадетского правительства, недаром же они писали в своем обращении, что „благополучие и процветание всех народов, населяющих Россию..., не может быть построено на... стремлении к отторжению от нее".

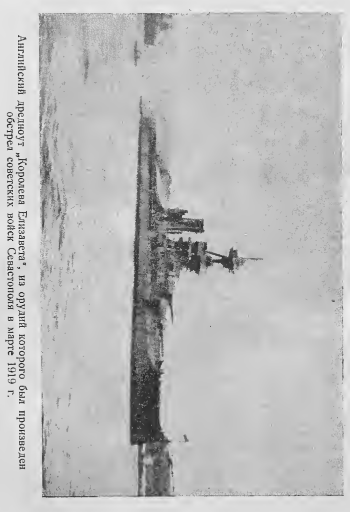
Экономическая жизнь края и „союзники"

Экономическая жизнь края к моменту прихода к власти кадетов—была подорвана. Торговля замерла, промышленные предприятия закрывались одно за другим, не было топлива. Садоводческие, виноградные и винодельческие хозяйства терпели огромнейшие убытки за отсутствием рынка сбыта. Ко всему прибавился еще и недостаток продовольствия. В ноябре в городах Крыма была установлена хлебная норма в $^3/_4$ фунта. Совет министров, еще до ухода от власти Сулькевича, решил уплачивать за хлеб, ввозимый из других областей, на 50% выше цен, установленных в Крыму. Мера эта, однако, не дала ощутительных результатов, вследствие того, что таможенная война Крыма с Украиной продолжалась, общая картина хозяйственного развала дополнялась почти полным отсутствием денежных знаков.

Угроза голода в городах настойчиво требовала решительных мер. Нужно было немедленно добиться ввоза хлеба с Украины. Как, однако, сделать это? Украинское правительство при его германской ориентации и стремлении захватить Крым могло дать хлеб, обусловив это присоединением Крыма к Украине. Правительство и добровольческая армия не могли встать на этот путь, ибо новый хозяин, в лице англо-французского капитала, не позволял иметь связи с побежденной Германией, да и сами кадеты, мечтающие о Дарданеллах, не хотели отказываться от своих целей. Выход

один: включить Украину в состав территории, занятой генералами и кадетами.

Помощью „благодетельных“ союзников, двинувших военные суда к Одессе, и добровольческой армии, которая повела наступление на Украину с востока,—основная цель

Английский дредноут „Королева Елизавета“, из орудий которого был произведен обстрел советских войск Севастополя в марте 1919 г.

была достигнута. Казалось, что вопрос разрешен. Но нет,—союзники помогали присоединять Украину совсем не потому, чтобы дать хлеба Крыму: их этот вопрос меньше всего интересовал. Они шли в Россию для захвата юга, объединение всех частей нужно было для того, чтобы облегчить

грабеж хлебного, каменноугольного и железоделательного юга. Некоторый демократизм Крымского правительства мог помешать выполнению планетарных планов империалистов и их ставленника—Деникина. Нужно было принудить правительство признать методы Деникина. С этой целью и была установлена в северных уездах бывшей Таврической губернии военная власть. Продовольственное дело сосредоточилось в руках уполномоченного, назначенного главнокомандующим.

В первую очередь уполномоченный выполнял требования на хлеб со стороны армии, союзников—и уж последними—требования городов.

Открытие границ Крыма и Украины привело к увеличению спекуляции хлебом. Хлеботорговцы, владельцы имений, имеющие хлеб, повели наступление, требуя отмены хлебной монополии. Вопрос этот весьма живо обсуждался в местной печати. Правительство наметило было издать закон об отмене монополии, но этому помешала угроза выступлений со стороны масс и окрик командования, которое тогда вынуждено было бы значительно увеличить расходы, что неизбежно потребовало бы увеличения выпуска бумажных денег, которые и без того принимались крестьянством неохотно.

Напряженное состояние с продовольствием не удалось изжить до ухода правительства. Цены, несколько понизившиеся в первые дни после ухода немцев, к февралю вновь невероятно повысились. Так, например, десяток яиц с 5—8 р. в октябре достиг 18 руб., масло, понизившееся в ноябре до 16 р., к февралю повысилось до 24 р., молоко продавалось по 4—5 руб. кварта, картофель 2 р. 20 к. фунт[1], хлеб выдавался по цене 2 р. 50 к. фунт, керосин по 7 р. 25 к. и 7 р. 50 к. по одной кварте на семью в месяц, сахар по 3 р. 75 к. фунт, по фунту на человека, при чем выдача производилась не в зависимости от сроков, а тогда, как откуда-нибудь сахар поступал на склады продорганов[2].

На земском съезде 14 февраля министр продовольствия Стевен сообщал, что запасов хлеба хватит всего на один месяц. Чрезвычайно остро стоял и вопрос с семенами. Некоторое количество семенного материала, доставленного с Кубани, кризиса не разрешало. Министр высказывал уверенность в том, что население обойдется своими скрытыми им от продорганов семенама.

15 марта продовольственный кризис настолько обострился, что норма выдачи хлеба была сокращена до полфунта на человека. Продовольственная управа обратилась

---

[1] „Южные Ведомости“ 28 февраля 1919 г., стр. 2.
[2] Тоже, 29 марта, № 68, стр. 2.

с воззванием к населению, в котором давала обещания увеличить паек в скором времени, объясняя сокращение его тем, чтобы избежать полного прекращения снабжения[1].

Снабжение фабрично-заводскими изделиями было поставлено из рук вон плохо и только потому, что их не было на территории Крымского правительства и добрармии. „Благодетельные" союзники пришли на помощь. В обмен на продукты, „которые имеются на Кавказе", англичане предоставляли добровольческой армии сельско-хозяйственные машины, мануфактуру и проч. Добровольческая армия для целей товарообмена предоставляла тоннаж в 300 тысяч пудов, который в первую очередь должен быть использован для отправки товаров в Англию.

Союзники не торопились ввозить большие партии товаров в занятый ими край, они совсем не намерены были рисковать. Для правильного товарообмена нужны нормальные условия и крепкая власть. Ни того, ни другого в лице добровольческой армии, в Крыму—в Крымском правительстве союзники не видели. Занимаясь вывозом некоторых продуктов из России, они в отношении ввоза ставили весьма суровые условия обеспечения.

Задыхаясь от товарного голода и в поисках рынков сбыта продуктов, производящихся в Крыму, правительство командировало одного из министров за границу для установления торговых сношений с Францией, Англией и Америкой. В Симферополе был организован смешанный комитет по товарообмену. В задачу комитета входило регулирование ввоза, вывоза и использования иностранной валюты. Командированному за границу министру поручалось создание комитета по торговле с Крымом в Париже.

Французское командование отнеслось к выезду за границу весьма несочувственно. Генерал Аметт в беседе с министром внешних сношений Крыма Винавером высказался за решение вопросов товарообмена союзническим комитетом, организованным в Париже.

Отдельные попытки ввоза товаров в Крым из Константинополя кончились тем, что французское командование запретило купцам выезд за товарами, уже закупленными в Константинополе.

Командующий французскими войсками, называвший себя одновременно и дипломатическим представителем, предложил правительству представить список товаров, которые могут быть вывезены из Крыма и в коих Крым не нуждается.

Маклаков, бывший послом во Франции в дооктябрьские дни и объявивший себя представителем России и в момент интервенции союзниками юга России,—предлагал Крым-

[1] „Южные Ведомости" 30 марта, № 69, стр. 2.

скому правительству выслать в Париж образцы назначенных к вывозу товаров. Он предупреждал правительство в том, что „рубли“ отказываются принимать не только иностранцы, но и русские финансисты и коммерсанты, бежавшие за границу[1].

На юг, в том числе и в Крым, из Франции и Англии выехало несколько различных официальных и частных миссий для установления товарообмена. Но ни одна из миссий не хотела вести расчеты на русские (крымские, донские и „царские“) деньги. Возникала мысль о выпуске специальных банковских билетов, выраженных в иностранной валюте. Предположение это не нашло применения в практике, но являлось лишним доказательством того, что торговля с заграницей может быть организована только при условии уверенности в ее бесперебойности. В тот момент, когда Красная армия развила наступление на юг, а на востоке Колчак откатывался к Уралу, потеряв Казань, Самару, рисковать торговый мир капиталистических стран не хотел.

В переговорах о товарообмене Крымское правительство, кроме затруднений общего характера, было связано соглашением с командованием добровольческой армии. Деникин был против сепаратных выступлений Крыма. Несколько иной точки зрения держалось французское командование— оно старалось установить экономические связи с правительствами отдельных областей. Не допускало выезда за границу отдельных представителей командование только потому, что опасалось, что они с своими предложениями будут перехвачены другой капиталистической страной и в первую очередь Англией. Деникин находился под влиянием Англии, захватившей Кавказ с его богатейшими нефтеносными районами.

Французы стремились обеспечить свое политико-экономическое влияние на юго-западе в угольном и железоделательном районе. Крым—путь вывоза богатств юга во Францию, вот почему французское командование поддерживало крымское правительство в его спорах с Деникиным.

Только этим можно объяснить и то, что, несмотря на настойчивые требования Деникина ввести военное положение в Крыму, т. е. передать всю власть военному командованию, Крымское правительство продолжало управлять и краем.

Французское командование устраивало приемы министров Крыма, уверяя их в том, что французы не ставят целей интервенции, а в то же время увеличивало количество французских, греческих, цветных и прочих войск в Крыму. Французы уверяли, что они ни в коем случае не допустят Красную армию в Крым, что в Крыму они нашли единственное на всем юге культурное правительство.

[1] „Таврический Голос“, 27 марта, № 66 (139), стр. 2.

Англичане редко появлялись в Крыму. Они были заняты на Кавказе, там был более лакомый для них кусочек— нефть. К Крыму притягивало англичан его господствующее положение на Черном море. Владеть Крымом—значило быть хозяином в море, подчинить своему влиянию юг России. Мечтавшие о таком положении англичане проектировали укрепить подступы к Крыму, сделать их неприступными, а затем, засевши „соловьем-разбойником" в Крыму, брать поборы с больших и малых судов, которые захотят появиться в водах Черного моря.

Англо-французские представители уверяли Крымское правительство в том, что их появление не ставит целей политическо-юридической оккупации. Красивая фраза, для простаков даже не совсем понятная, на практике превращалась в полное хозяйничание в занятой территории.

Расстрел союзническими пушками Евпаторийских каменоломен, разгром забастовки в Севастополе, закрытие газет приказом генерала французской службы, постоянная готовность расстрелять любой город, в котором массы рискнут выступить против насильников, и, наконец, торжественные заявления о том, что „власти большевиков" они не допустят, и высылка отрядов против Красной армии—все это, по уверению „союзников", не было „политическо-юридической формой" оккупации.

На совещании командования союзников, добрармии и Крымского правительства союзники твердо уверили всех, что „они не допустят никаких беспорядков и вообще революционных выступлений"[1].

Кадетское правительство Крыма, „как и все антибольшевистские силы России, рассчитывало на помощь союзников"[2]. Чтобы доказать общественному мнению необходимость общей интервенции и аккуратно обрабатывать французских, греческих и иных солдат, правительство предприняло два издания на французском языке—„Bulletin" и „Devuievg Nouvelles".

Адмирал Аметт сообщил однажды Крымскому правительству, что большой помехой в увеличении количества французских войск в Крыму и Одессе является генерал Деникин. Аметт ставил себе в заслугу то, что он не подчинился требованиям Деникина и увеличил состав войск выше нормы, принятой соглашением с Деникиным.

Французские войска получили от правительства Крыма хлеб, сахар, вино, на ремонт казарм единовременно было отпущено 500 тысяч рублей. И это все в то время, как тысячи безработных переживали голод.

---

[1] „Таврический Голос" 15 марта 1919 г., № 56 (129), стр. 2.

[2] Справка о деятельности Крымского правительства, о причинах его падения. Сост. Винавером. Крымархив. АОР.

Буржуа, ожидавшие с нетерпением восстановления единой России и возвращения им отобранного Октябрьской революцией богатства, высказывали нетерпение медлительностью союзников, недостаточным военным напором на Красную армию.

Более благоразумные успокаивали нетерпеливых, призывая их к выдержанности, ибо, „кроме технических трудностей, связанных со всякой коалицией, политическое положение всех победивших стран настолько трудное, что нам видно, что ни злая воля, ни злые умыслы причины кажущегося равнодушия. Заставить сейчас их войска сражаться в России выше сил какого бы то ни было правительства[1]... Потому союзники принуждены оказывать ту степень помощи, которую они могут давать, не имея дела с опасным людским материалом"[2]. Большевики в странах-победительницах признаются массами за демократов, тогда как помощь оказывается представителям „если не старого режима в дурном смысле, то все же не революционного периода"[3]. Такое положение затрудняет развитие борьбы с большевиками и вовлечение в эту борьбу масс.

Это невольное признание своей реакционности и бессилия союзников при вовлечении в борьбу с большевиками „опасного людского материала" заканчивалось советами о том, что сейчас нужно считаться с стремлениями к национальному самоопределению. Союзники, по мнению автора статьи-письма, помогают Эстонии, Латвии не потому, что они за раздел России, а потому, что страны эти прекрасно выполняют указания о борьбе с большевиками и следуют „общим принципам демократического государства".

„Опасный людской материал" вскоре не за границей, а в Севастополе доказал, что он не желает войны с Красной армией.

В момент, когда Крым уже был очищен от добровольческой армии, а союзники держались еще в Севастополе, вспыхнуло восстание моряков французского флота. Пребывание в России показало матросам, зачем, на борьбу с кем привезены они сюда. Общение с рабочими, а затем связь с подпольными партийными организациями большевиков открыли многим глаза на характер борьбы и ее задачи. Небольшая вначале группа революционных французских матросов количественно выросла, укрепив свое влияние в массах.

20 апреля, когда части Красной армии были на подступах к Севастополю, обстреливаемые адским огнем французских

[1] Разрядка моя, *М. Б.*
[2] „Таврический Голос" 6 апреля, № 75, стр. 2.
[3] Тоже.

батарей, по Большой Морской улице в Севастополе двигалась демонстрация французских моряков, с красными революционными знаменами, с криками: „Vive les bolcheviks“ (Да здравствуют большевики). Улицы ожили, наполнились народом, радостно встречавшим демонстрантов. Буржуа почуяли опасность.

Но ликование продолжалось недолго. Возбужденный гул демонстрантов и сочувствующих им масс городского населения прорезали сухие резкие залпы. Первые ряды упали убитыми или тяжело ранеными, остальные дрогнули и начали рассыпаться в разные стороны. Демонстрация была расстреляна по приказу французского командования греческими солдатами.

Руководители революционных групп матросов т.т. Марти и Бадина были впоследствии строго осуждены французским судом и освободились из тюрьмы только под влиянием массового движения.

Финансовая политика

Следует особо остановиться на вопросах финансовой политики Крымского правительства. Денежный сундук правительства к моменту его прихода к власти был пуст. Земские налоги не поступали в кассу. Земство сводило свой баланс с огромнейшим дефицитом. Общие налоги тоже не поступали. Население, враждебно относящееся к правительству и ожидавшее со дня на день его падения, не намерено было уплачивать налогов. Аппарата, способного собрать текущие налоги и недоимки прежних лет, не было.

Создалось такое положение, при котором правительство не могло уплачивать заработной платы, не имело средств на текущие расходы, так, например, в Ялте голодали больные в госпиталях, милиция несколько месяцев не получала жалования. Расходы невероятно выросли в связи с тем, что небольшой Крым должен был содержать чрезвычайно разбухший аппарат власти, содержать армию, нести расходы по содержанию частей союзных войск.

Расходы росли, производственная же и торговая деятельность в крае замирала с каждым днем. Не было денег на расходы правительства, рынок же при весьма сократившемся товарообороте был заполнен бумажными деньгами, стоимость которых очень быстро падала и которые крестьянство не хотело принимать.

В конце ноября рынок и банки отказались принимать при расчетах и вкладах германскую марку.

Финансовый кризис хватал за горло, перед правительством стояла во весь рост угроза краха. Нужны были какие-то меры, которые бы хоть временно вдохнули жизнь в умирающий хозяйственный организм.

Одной из самых радикальных мер должно было быть обложение местной и сбежавшейся в Крым буржуазии. Но

Денежный знак, предполож. к выпуску Керченским городским самоуправлением в 1919 году.

разве могли пойти на такую меру те, кто и к власти-то пришел только потому, чтобы спасти веками награбленное добро.

Привительство на путь обложения буржуазии не пошло, оно избрало другой путь—переложения всей тяжести кризиса и расходов на трудовые массы населения.

Постановлениями правительства был введен ряд косвенных налогов. Облагалось все, что могло хоть немного увеличить доходы правительства. Так, например, устанавливался налог на сахар, керосин, значительно увеличен налог на табачные изделия и гильзы, установлен сбор пошлин с товаров, ввозимых и вывозимых[1]. Попудный сбор на товары, идущие за границу иiз-за границы, был установлен в 8 коп. С каждого фунта сахара взыскивалось по три рубля, фунт табаку высшего сорта облагался налогом в 22 рубля, сотня гильз в 40 копеек.

Самым доходным являлось обложение табака и табачных изделий.

Было установлено обложение предметов роскоши, ввозимых в Крым „из-за границы бывшей Российской империи". Обложение это не могло дать сколько-нибудь доходов, ибо в то время ввоз предметов роскоши и не имел места.

Кроме налогов, правительство стремилось получить денежные знаки от Донского правительства и занялось изготовлением своих денег. Решено было выпустить крымских денег на сумму в 75 миллионов рублей. Изготовление денег было организовано в Симферополе и Феодосии[2].

После десятка телеграмм, адресованных генералу Краснову, Крым получил донские деньги. При выпуске их в обращение не обошлось без затруднений. Торговцы и крестьяне отказывались принимать деньги, оправдывая отказ тем, что много фальшивых, при чем указывали номера признаваемых ими фальшивыми. Каково же было удивление властей, когда оказалось, что торговцы называют им все те номера, которые выпущены в обращение в Крыму.

Донские деньги вышли в обращение, а вот с крымскими у правительства получилась заминка. Командование добровольческой армии было против выпуска денег в Крыму и настаивало на подчинении финансовой политики приказам главнокомандующего добрармии. Хаотичность в финансовых делах добровольческой армии и различных краевых правительств на ряду с весьма глубоким финансовым кризисом может найти подтверждение хотя бы в том, что керченское самоуправление, в тот же период, когда добровольческая армия, сдав Крым Красной армии, держалась в Керчи, решило выпускать свои собственные денежные знаки. Уже было приступлено к их изготовлению в местной типографии, но

---

[1] Книга протоколов К-вого пр-ва. Постановления №№ 370, 369, 375.

[2] Тоже. Постановление № 391. Опубликовано в „Вестнике Крымского Пр-ва" № 4.

некоторое улучшение для добрармии на фронте задержало выпуск денег в обращение. Были допущены к обращению в Крыму купоны процентных бумаг и, наконец, в марте разрешено обращение украинских карбованцев.

Финансовые деятели понимали, что долго финансовая вакханалия продолжаться не может. Совершенно очевидным было и то, что налоги на табак, сахар и проч. не способствуют развитию производственной и торговой деятельности, а, наоборот, убивают ее и загоняют в подполье.

С бесчисленными налогами производственная деятельность предприятий становится невыгодной для собственника предприятия, а когда он, чтобы остаться в прибылях, повышает цены, то это вызывает новое увеличение общих расходов и расходов рабочих и служащих. Возникает потребность в увеличении оплаты труда и пр., что ведет к увеличению потребности в деньгах. Создается заколдованный круг, выходом из которого может служить увеличение производства, развитие товарооборота.

Для Крымского правительства выход этот был недоступен—оно не было правительством организующим, восстанавливающим хозяйство, роль его сводилась к разрушению, растрате материальных ценностей общества на войну.

Задача развития торговли была поставлена правительством, но радикально не была разрешена. В постоянной угрозе со стороны фронта, при нарушенной экономической связи края с другими областями, наконец, при отсутствии рынков сбыта тех продуктов, которые производились в Крыму, и невозможности ввести товары с европейских рынков — нельзя было и думать о развитии товарооборота. Предметами вывоза из Крыма могли служить вино, фрукты и табак. Ни первого, ни второго нельзя было вывозить во Францию, а табак лучшего качества и более крупными партиями мог быть вывезен с Кавказа и из Турции.

Вопросам разрешения финансового кризиса путем получения полноценной иностранной валюты придавалось большое значение, а так как получить валюту можно было только за табак, то правительство и банковские организации были заняты мыслью о поддержке и развитии табаководства и табачной промышленности. Краевому банку решением 7 декабря 18 года было поручено выработать предположения о расширении подтоварного кредита, о выдаче ссуд под готовые табачные изделия и о поощрении частных банков, выдающих кредиты на приобретение листового табаку.

С головой увязло правительство в финансовых противоречиях, вытекающих с неизбежностью из самого факта его существования. Кризиса до конца существования правительства так и не удалось разрешить. Перед бегством

правительства за несколько дней единственным выходом признавали выпуск новых бумажных денег. „Наша денежная система уже не существует. Мы сами не подозреваем, что стоят наши деньги... Можно печатать денег сколько угодно. Хуже не будет"[1]. Так говорил один из крупных финансистов. Другой, признавая, что выпуск бумажных денег всей тяжестью ложится на „малоимущих и лиц, получающих жалованье", вносил проект о введении налога на оборот, по типу введенного во время войны в Германии. Суть его сводилась к обложению сборами всего торгового оборота, при чем сам автор проекта признавал, что налог этот должен „фактически упасть на потребителя"[2].

Все мысли кадетов из правительства были заняты тем, как бы увеличивающиеся расходы переложить на плечи трудового населения. Только в последние дни был введен налог на буржуазию, но в таких размерах, что прошел совершенно незамеченным. В конце марта совет министров постановил ввести чековое обращение. Обращение чеков должно было несколько сократить потребность в выпуске бумажных денег. Мера эта не могла быть реальной. Правительство подходило к решению вопроса не с того конца. Изживать финансовый кризис полумерами нельзя, и нужны были такие мероприятия, которых кадетское правительство по своей классовой природе не могло провести.

Поражение добровольческой армии и бегство правительства

К концу марта 1919 г. положение на фронте значительно обострилось. Части Красной армии заняли Мелитополь и двигались к Чонгарскому мосту и Перекопу.

Прекратился ввоз хлеба, каменного угля и нефти. Кадеты начали нервничать, обвиняя добровольческую армию и ее командование в неспособности и бездарности; развенчивались вчерашние герои, превращаясь в трусов.

Командование добровольческой армии держало правительство в неведении, сообщая ему заведомо ложные сведения о состоянии фронта и не допуская представителей правительства на фронт с целью изучения его состояния на месте.

28 марта командующий добровольческой армией в Крыму уверил правительство, что положение твердое и не внушает опасений, отступление на отдельных участках фронта объясняется слабостью той части, которой поручены эти участки. На следующий день начальник штаба армии сообщал уже о том, что нужно готовиться к эвакуации, т. к. Чонгарский полуостров уже занят большевиками, мост не укреплен и даже не подготовлен для взрыва. Правительство

[1] „Таврический Голос", 4 апреля, № 73 (146), стр. 2, 5 апреля, № 74.
[2] Тоже.

срочно выделило один миллион рублей и командировало инженера Чаева для работ по укреплению моста и перешейков.

В рядах союзников к этому моменту произошли некоторые изменения. Англия уже менее активно выступала на Крымском участке, в это время на Дону добровольческая армия также отступала.

Французы, для которых Деникин с его резко английской ориентацией являлся помехой, были заинтересованы в ослаблении Деникинской добрармии, чтобы, пользуясь слабостью, заставить его пойти на большую зависимость от французского командования в ущерб английскому влиянию. Сделать это было легко, потому что на участке Крым—Одесса английских войск было очень мало, французы же стянули в Крым до 5.000 прекрасно вооруженных солдат.

Новый командир французских войск в Крыму полковник Труссон, осмотрев фронт, сообщил командованию добрармии, что он вышлет свои войска только после того, как добровольцы удержат вторую линию позиций у Перекопа. Труссон проявил большую самонадеянность, он думал, что ему легко будет задержать наступление Красной армии даже в случае сдачи добрармией указанных позиций. Труссон мечтал о том, что ему удастся собрать разрозненные части добрармии и местные формирования под своим руководством. В таком смысле он и выступал в беседе с правительством. В воззвании к населению, написанном Труссоном от имени правительства, он уверял, что большевиков в Крым не допустят.

Труссон просчитался и жестоко был наказан за это. Когда он выслал небольшой отряд греческих войск против Красной армии, так на второй же день они оказались разбитыми на голову и в панике бежали с фронта. Понял Труссон, что он имеет дело с сильной армией, но было уже поздно. Красная армия заняла Перекоп и двигалась к Симферополю. Разбитые части добрармии беспорядочно отступали.

7 апреля Труссон, считая, что удержать даже только Севастополь он может только при условии, если у него будет 10.000 войск, посоветовал правительству выезжать из Крыма.

8 апреля правительство решило эвакуировать Симферополь и переехать в Севастополь, откуда собиралось управлять незанятой Красной армией территорией Крыма.

Труссон попытался было собрать разрозненные части добрармии, но положение было уже безнадежно потеряно, последняя попытка полковника Слащева взять Армянск была бита. Красная армия приближалась к Джанкою.

Союзные войска стягивались в Севастополь, который был объявлен на осадном положении. Полковник Труссон

объявил себя военным генерал-губернатором Севастополя. Правительству нечего было делать, и оно, выдав чиновникам трехмесячное эвакуационное содержание и миллион рублей на эвакуацию и защиту Севастополя, занялось собиранием пожитков, намереваясь удрать за границу.

10 апреля командующий греческими военными судами разрешил правительству занять места на судне „Трапезунд". Оставаться на суше было опасно не только потому, что двигалась Красная армия, но и потому, что с правительством могли расправиться за все его поступки „большевистски настроенные массы" [1].

Тихо и плавно покачиваясь на волнах, правительство ожидало часа отправки в обетованный край. Уезжало правительство без опасений за свою будущность. С ними было больше 10 миллионов ценных бумаг и золота, захваченного в банках и казначействе.

Прекрасное будущее с награбленным добром представлялось уже взорам министров, беспокойные месяцы остались позади.

Но велико было удивление и возмущение министров, когда 11 апреля в 5 часов вечера на судно, где находились министры, явился офицер с приказанием доставить к полковнику Труссону всех министров Крымского правительства. Очень нелюбезно встретил Труссон министров и приказал им немедленно сдать ему все деньги, розданные чиновникам. На замечание министров, что деньги выданы по закону, Труссон ответил, что законы устанавливает он и, вообще, его не могут смущать законы, и он предлагает вернуть деньги, иначе ни одно судно из порта не выйдет. Горе-министры попытались вручить адмиралу Аметт протест против грубых требований Труссона, но он отказался принять их, а Труссон приказал французскому комиссару финансов проверить наличность сумм в кассе Крымского правительства. Министры подписали „ноту", в которой разъясняли статьи произведенного расхода. Труссон „ноту" читать отказался и кратко заявил: „Где деньги? Дайте деньги, иначе не уедете. Мне нужны деньги, а не ваши разъяснения" [2].

12 апреля министрам приказали высаживаться с „Трапезунда", вследствие того, что судно уходит в Константинополь, правительство же задерживается в Севастополе. В тот же день правительство решило передать „союзному командованию" вывезенные им ценные бумаги и деньги.

---

[1] Журнал заседания совета министров Крымского кр-го правительства на судне „Надежда" 16 апреля 1919 года. Крымцентроархив. АОР.

[2] Тоже.

Деньги были сданы по акту с предоставлением права „французским властям расходовать их на нужды края по их усмотрению, а остаток, который окажется, передать одному из российских посольств в Европе“ [1].

15 апреля на высотах у Севастополя показались разъезды Красной армии, а через несколько часов начался обстрел наступающих войск с французских военных кораблей. Канонада продолжалась, а министров все еще держали на рейде (они были размещены на судне „Надежда“).

В 10 часов вечера 15 апреля был дан приказ выйти в море. Трусливые правители направились к берегам давно желанного Босфора и Дарданелл.

16 апреля, оправившись от страха, правительство устроило заседание, в протоколе которого изложило „события последних дней“, постановив копию протокола „сообщить, как союзным правительствам, так и русским послам при них“.

Так заканчивался второй этап борьбы за Крым. Борьба, которая приняла характер не внутригосударственный, не столкновения сил российского пролетариата со своей буржуазией, а характер столкновения империалистических стран-победительниц в войне 1914—18 года с освободившимися пролетариатом и крестьянством России. С одной стороны, это была борьба за право без капиталистов строить свое хозяйство, с другой же—за захват и раздел России, привлекавшей капиталистов своими богатствами, России, которая стала знаменем борьбы мирового пролетариата.

---

[1] Журнал заседания совета министров Кр. кр-го пр-ва на судне „Надежда“ 16 апреля 1919 г., приложение к журналу заседания.

ГЛАВА VIII

Второй период Советской власти в Крыму

„Свершилось... Пришла долгожданная Советская власть. Велика наша радость и гордость за победу советской идеи... В настоящее время на всей территории Крыма д. армия остается еще в Феодосии и Керчи. В последние дни она оставила Ялту. Нет сомнения, что славная Красная армия, сумевшая преодолеть Перекопский „рубикон“, без больших усилий прогонит „последние тучки рассеянной бури“[1].—Так писали газеты в дни, когда под ударами Красной армии очищался Крым от Деникинских банд.

Отступающие в панике добровольческие части грабили население деревень. Было много случаев, когда при приближении отступающих „добровольцев“ крестьяне покидали деревни, уходили в степь, в лес, в надежде там найти спасение от диких расправ и разгула защитников „единой неделимой России“.

Маленькими группами стягивались разбитые части добрармии к Керчи, Феодосии и Севастополю—последним пунктам, от которых единственным путем отступления являлось море, единственным спасеньем—берега „заграницы“—чуждой, неизведанной и весьма нелюбезно встречающей беглецов.

9-го апреля в Симферополе власть перешла в руки военно-революционного комитета, который организовался 7 апреля из состава областного и городского комитетов большевиков, 2-х представителей от меньшевиков и по одному от анархистов и „Дашнакцутюн“ (армянская партия).

Советские войска в это время были еще далеко за Симферополем, занятые окончательным разгромом, отступающей добрармии. Город нуждался в охране, темные уголовные элементы решили было воспользоваться отсутствием охраны, но быстро организованная рабочая дружина взяла на себя охрану города. Выехавшая 9 апреля для встречи советских войск делегация вернулась обратно—войска были далеко за Сарабузом. Только в ночь на 11 апреля Красная армия

[1] „Борьба“—орган левых с.-р., № 1—2—3, за 11, 12. 13 апреля 1919 г.

выслала своих представителей вместе с делегацией Симферополя, выезжавшей второй раз для встречи. 12 апреля пришел для охраны города один эскадрон кавалерии. 10 апреля Ревком еще до прихода Красной армии освободил политических заключенных из Симферопольской тюрьмы. 101 арестованные, измучённые деникинским застенком, вышли на свободу; многих не досчитывались—они были расстреляны или замучены белогвардейцами.

В Евпатории еще 10 апреля Ревком объявил себя властью. Быстро удалось установить порядок в городе... Ялта, Алушта в эти дни также стали советскими.

Встреча первого отряда Красной армии в Симферополе превратилась в триумфальное шествие освободителей Крыма. Запруженные народом улицы, сотни красных полотнищ с лозунгами приветствия, с призывами к борьбе и цветы, цветы и цветы—путь был буквально усыпан ими. Встречали не одни симферопольцы, тут были многочисленные делегации от других освобожденных городов и сел.

Приказ командира войск Перекопского направления, призывающий к спокойствию, выдержанности и помощи Красной армии,—нашел живой отклик в массах. Случаев выступлений или беспорядков города и села не знали. Мирная трудовая жизнь почти не нарушалась. Крестьяне очень многих деревень взялись за увеличение площади посевов, они почувствовали, что их хозяйство находится под надежной охраной.

Радость, однако, была не повсеместной—Севастополь и Керчь продолжали оставаться под пятой капиталистов. В Севастополе были французы, а в Керчи—остатки добровольческой армии, которые поддерживались с моря частью Черноморского флота, уведенной усилиями адмирала Саблина и его помощников из Новороссийска в июне 1918 года.

Севастопольский Ревком, созданный еще в дни забастовки, предложил полковнику Труссону сдать власть Ревкому. Командование Красной армии в свою очередь предложило французам не препятствовать вступлению советских войск в Севастополь, при условии, что Красная армия не помешает эвакуироваться французам. Труссон не согласился и, вместо мирного разрешения вопроса, начал обстрел позиций, занятых Красной армией на высотах Севастополя. По вине французского командования, мирное население города переживало жуткие дни и ночи. Снаряды тяжелой артиллерии летели через город на позиции Красной армии с французских кораблей, а в ответ им, увеличивая ужас жителей, летели ответные выстрелы советской артиллерии. Французские корабли вынуждены были отойти дальше в море.

Роль посредника между французским командованием и Красной армией взяло на себя городское самоуправление во главе с меньшевиком Могилевским.

С французским командованием было заключено перемирие до получения им распоряжения о выходе из Севастополя. Французы начали готовиться к выходу, нагружая углем свои военные суда. 19 апреля они начали взрывать батареи крепости и готовить к уходу из Севастополя все годные к плаванию суда Черноморского флота. Соглашение о перемирии было продлено до 11 час. дня 29 апреля, к этому времени французы должны были очистить Севастополь.

Французское командование должно было ускорить свой уход из Севастополя, ибо французские солдаты не „внушали доверия". Солдаты и матросы продолжали выступления против борьбы с Красной армией, требуя отправки на родину. Французы солдаты 175 полка обратились с письмом к Красной армии, в письме они сожалели о том, что пришли в Россию, и высказывали уверенность, что правительство будет наказано за интервенцию в России. „Мы потребуем еще объяснений по этому поводу и вместе с тем оповестим весь мир, что наш, как и ваш, русские товарищи, самый большой враг—это тигр Клемансо...[1] Мы не желаем стрелять в своих братьев, стремящихся выйти из-под буржуазного ига"[2].

Продолжать обстрел советских войск при таких настроениях солдат было весьма рискованно, и французское командование отправило войска обратно на родину с тем, чтобы заменить их впоследствии цветными войсками из французских колоний.

Освободившись от непрошенных гостей, Севастополь занялся мирной хозяйственной работой.

В Феодосию Красная армия вступила 21 апреля, встреченная общим ликованием населения, измученного безобразиями добрармии и союзников.

Единственным пунктом, где добровольческая армия закрепилась, был Керченский полуостров. В Керчи собрались огромнейшие массы добрармии, с моря защитниками белой Керчи были „дорогие союзники" со своим флотом. Артиллерийский огонь с миноносцев и крейсеров англо-французского флота начинался тотчас же, как только замечалось продвижение частей Красной армии к Керчи. Степи, примыкающие к морю, давали возможность обстреливать на значительном расстоянии. Было очевидно, что Керчь решено

[1] Клемансо Жорж—видный представитель французского империализма. Председатель совета министров в 1917—1919 г. Вдохновитель Версальского договора.

[2] „Борьба" 3 мая 1919 года.

сохранить под властью Деникина с тем, чтобы при улучшении положения на юго-востоке можно было из Керчи повести наступление на Красную армию, а до этого времени ежедневно мешать мирной жизни окрестных деревень, да и всего Крыма, ибо угроза со стороны Керчи вызывала сосредоточения против нее значительных сил армии. Коммунистическая организация была поставлена в невероятно тяжелые условия. Работать среди рабочих мелкобуржуазно настроенных было весьма трудно. Кроме социальных причин, которые сводились к тому, что, слабо организованный

Похороны 24 красноармейцев, убитых снарядами английских дредноутов в боях 23—25 апреля 1919 года под Ак-Монаем и Камышами. (Могилы в г. Феодосии у фонтана Айвазовского).

в прошлом, рабочий, при всем отвращении к добрармии, трудно поддавался на организационные мероприятия партии, работа затруднялась белогвардейской контр-разведкой, которая буквально заполнила Керчь шпиками. Вот вся эта сумма условий толкнула керченских коммунистов в каменоломни, где ушедшие уже раньше товарищи создали боевую группу и были заняты ее вооружением.

Керченские каменоломни

В каменоломнях партийная организация решила во что бы ни стало содействовать взятию Керчи частями Красной армии. Горсточка храбрецов, очень плохо вооруженная, решила выступить, чтобы отвлечь силы с фронта и дезорганизовать белый тыл.

Помощниками засевшим в каменоломнях оказались крестьяне—они снабжали отряд продовольствием, сообщали ему о передвижениях частей добрармии и давали даже значительное пополнение людьми. С особым желанием шла в каменоломни, расположенные близ деревни Аджимушкай, молодежь призывных возрастов. Не желая драться на стороне белых,—она с удовольствием шла на борьбу с ними.

К несчастью, в отряде, кроме революционной части, была группа присосавшегося к революции уголовного элемента. Неорганизованная, пьяная, мечтающая о легкой наживе, эта часть разлагающим образом действовала на здоровую часть отряда. Руководитель уголовной группы ни в коем случае не хотел подчиняться распоряжениям штаба отряда. Большой помехой являлись они в общей борьбе отряда с белыми. Непродуманные, самостийные выступления, бесцельная гибель в перестрелках с белыми вынуждали штаб к мерам изоляции группы уголовно-бандитского характера. Нужно было отделить от них наиболее здоровую часть и сохранить ее для общего дела. Ряд реорганизаций и иных мер (переформирования) позволил поставить уголовную публику в положение, при котором их влияние если не исключалось совсем, то значительно суживалось. Штаб отряда развил большую агитационную работу, об отряде узнали матросы, городские рабочие и крестьяне. В марте отряд произвел нападение на казармы одной из добровольческих частей и захватил много оружия. В каменоломнях была организована оружейная мастерская, занятая ремонтом винтовок и ружей.

В половине марта к отряду присоединились матросы, ушедшие с судов, приготовленных деникинцами для эвакуации. Отряд разбился на пять строевых рот. Было произведено несколько удачных выступлений, давших отряду оружие и снаряжение.

Белогвардейцы забеспокоились. Почти ежедневные выступления этого отряда, разгром сторожевых отрядов белых, захват маяков, порча железнодорожного пути, обстрел поездов, и, наконец, нападение на Керченскую крепость—выводили белых из терпенья. Офицерские карательные отряды двинулись в деревни, прилегающие к каменоломням, „чинить суд и расправу“ над крестьянами, помогавшими каменоломщикам. Один из карательных отрядов был атакован партизанами из каменоломен и разбит ими на голову. В бою партизаны захватили оружие и обмундирование. Весьма удачно было проведено также нападение на Брянский завод. Эта операция дала массу пленных и пополнила вооружение и снаряжение отряда.

Белогвардейцы бесились от злости,— каменоломщики были неуловимы даже при нападениях на город.

22 мая штаб каменоломен решил напасть на город Керчь и захватить в свои руки власть. Ночью вошли каменоломщики в город, разгромили деникинское учреждение; офицеры в панике разбегались, отряд рассыпался по городу, а в это время английская судовая артиллерия начала обстрел города с моря, с суши же город обстреливался бронепоездом белогвардейцев. Разбросанные маленькими группами, каменоломщики не могли противостоять оправившимся от испуга белогвардейцам. С огромными потерями они отступили. Отряд был разбит, думать о продолжении борьбы стало невозможно. В конце мая последние остатки отряда покинули каменоломни[1]. Десятки убитых в бою, сотни арестованных по подозрению в большевизме и содействии каменоломщикам явились расплатой за смелую попытку освобождения.

Белогвардейцы ловили после разгрома партизан всякого рабочего. Доказательством его виновности была рабочая куртка и мозолистые руки.

Генералы и офицерство праздновали Пиррову победу.

Героическая борьба в Керчи закончилась трагически—не удались планы руководителей отряда. Причинами этого надо признать: неорганизованность выступления и отсутствие связи с наступающими частями Красной армии. Но на неудаче ковалась воля к дальнейшей борьбе, уверенность в своих силах и неизбежность победы[2].

Крымская ССР На всей территории Крыма, занятой Красной армией, организовались революционные комитеты. Земские управы, полукадетские, полусоглашательские городские думы—были распущены. Началась горячая, лихорадочная организационная и экономическая деятельность.

6 мая Крым был объявлен Советской Социалистической Республикой, организовалось временно рабоче-крестьянское правительство. Следует отметить, что в состав этого правительства вошли и представители татарской части коммунистической партии[3].

Правительство в опубликованной декларации призывало население к защите Советской власти и последовательному проведению таких мероприятий, которые обеспечивают окончательное освобождение трудящихся из-под экономического и политического гнета буржуазии.

---

[1] „Красный Аджнмушкай.“ Брошюра. Изд. Керч. Райкома 1921 г. Гелнс—Красные кроты. Сборник Истпарта КрымОК ВКП(б), № 3.

[2] Тоже.

[3] Правнтельство было создано в следующем составе: Дмитрий Ильнч Ульянов—НКЗдрав и Зам. Предправительства, П. Е. Дыбенко—Наркомвоенмор, Ю. П. Гавен--внутренних дел, Сулейман Идрнсов—Наркомзем, Семен Вульфсон (Давыдов)—продовольств. и торговли, Я. Ф. Городецкнй—народного хозяйства, Селим Меметов—ностранных дел, Ст. Полонский—НКТруда, Назукнн—просвещения, Ибрагим Арабскнй—юстиции.

Полное уничтожение государственной машины капиталистов и помещиков, организация власти на принципах широкого привлечения к управлению страной масс трудящихся населения. Широкая демократия для рабочего класса и беднейшего крестьянства и беспощадная борьба с буржуазией, со всеми врагами Советской России, Украины и Крыма. Экспроприация средств производства, конфискация помещичьих, монастырских, в том числе и вакуфных земель, передача земель безземельному и малоземельному крестьянству, организация общественной обработки земли, материальная и техническая помощь крестьянству.

Правительство, кроме только что перечисленных пунктов, включило в свою программу деятельность, обеспечивающую национальное равноправие. „Мы боремся не с нацией, а с классом буржуазии всех нациий за рабочий класс и бедноту всех национальностей". Так ответило правительство и Красная армия на попытки посеять рознь между многочисленными национальными группами населения Крыма.

Крымская ССР—писало правительство в декларации—является братской всем Советским Республикам. Окончательное торжество коммунистической революции мыслимо только в международном масштабе, творчество Советской Республики в Крыму обеспечивается борьбой рабочего класса других стран. Помощь рабочему классу, организация сил для отпора врагу, упорный труд в сельском хозяйстве и промышленности. Крестьянство призывалось к засеву всех земель, передаче излишков хлеба Красной армии.

Не напрасно призывало правительство к активной поддержке армии. На восточном фронте к этому моменту создалась угроза. Колчак, собрав силы, повел наступление и заставил части Красной армии отступить. „Все на Колчака!"—пронеслось по советской стране и эхом отозвалось в массах рабочего и крестьянского населения, подняло тысячи добровольцев, которые, укрепив фронт, решили исход боев с Колчаком. В мае Колчак начал стремительно катиться к Уралу, оставляя Красной армии огромнейшие трофеи и тысячи не желающих защищать капиталистов солдат своей армии.

Крым не был глухим к призыву,—много добровольцев получила Красная армия в Крыму.

Крым находился под постоянной угрозой со стороны военного флота союзников. Керченская заноза привлекала силы армии и правительства. Нужна была постоянная военная готовность, а наряду с этим хозяйственная жизнь края требовала героических мер для того, чтобы не допустить дальнейшего разрушения и сделать Крым способным хоть в небольшой доле помогать Красной армии, т. е. экономически участвовать в обороне советской страны.

Успех хозяйственной работы был в активности масс, поэтому правительство и партийная организация с первых же дней поставили задачу привлечения рабочих и крестьянской бедноты к налаживанию хозяйства.

Полоса съездов, совещаний, привлечение к работе профсоюзов—дали свои результаты. Широкое распространение получили коллективы, артели рабочих, занятые восстановлением бездействующих заводов и мастерских. Профессиональные союзы, организованные по цеховым признакам, занялись перестройкой своих рядов. Уничтожались особые союзы электро-монтеров, младших служащих (был и такой союз), а вместо них создавались союзы по производственному принципу. Областные съезды профессиональных союзов единодушно высказывались за помощь Советской власти.

Меньшевики не могли задержать массового порыва, но отказаться от своей соглашательской работы они также не могли и решили поэтому стать советскими людьми—пойти на совместную работу с Советской властью, держа за пазухой камень. Пошли потому, чтобы „не допустить разрушения культуры варварами“. „Культурные“ откормыши рабочего класса, продавшиеся буржуазии за чечевичную похлебку „демократической государственности“, ничем не смущались. Обмануть Советскую власть, пойти на работу только для того, чтобы саботировать самую работу, прикрываясь именем советского работника, чтобы не показать рабочим своего настоящего лица, бесчестно лгать, политически проституировать — все эти качества меньшевики проявили с большим знанием лакейского дела.

Для чего, однако, нужно было все их лакейство и ложь? Только для того, чтобы не допустить разрушения буржуазной культуры, вернуть к власти капиталиста и помещика, ибо рабочий еще „не дорос до управления страной“. Сколько презрительности, гадливости скрывалось в лживо-предательской душонке меньшевиков, в то время как они, скрываясь от любопытных взоров, наблюдали единогласное признание трудящимися законности, неизбежности и срочной необходимости проведения контрибуции.

„Как, контрибуция?—Но это же экономическое разрушение. Это гибель класса, который только один способен развивать производительные силы, класса, который еще не выполнил своей исторической миссии. Это скачек в пустоту!“—вопили меньшевики.

Да, это — обезоруживание капиталистов, лишение их материальной базы контр-революции, это—передача награбленного буржуазией богатства тому классу, который это богатство создавал, который является могильщиком поро-

дившего его капитализма, организатором новых социалистических форм хозяйства, это—воля нового хозяина, исторически ему принадлежащая, ибо капитализм пережил себя, он быстро катится к закату и неспособен развивать производительных сил,—так отвечали большевики. Отвечали спокойно, деловито, с сознанием необходимости проводимых мероприятий.

Сейфы банков были вскрыты; несмотря на приглашение присутствовать при вскрытии сейфов, владельцы их не явились.

Контрибуция была наложена не только на буржуазию городов, но и на деревенского кулака и капиталиста. Контрибуция в деревне являлась, кроме всего иного, методом классового распределения сил в деревне, обезоруживанием кулака, освобождением бедноты из-под кулацкого экономического засилья. На съезде сельских Ревкомов в конце мая представители деревень, обсуждая финансовый вопрос, решили налог на кулака усилить. На съезде было произведено распределение „контрольных" цифр налога, при чем некоторые представители были недовольны суммой налога, предлагая ее увеличить. По настойчивым требованиям, было произведено увеличение в общей сумме на один миллион рублей.

В заседании Симферопольского Совета раб. и крестьянских депутатов по докладу отдела финансов решено контрибуцию с 5 миллионов довести до 12. Пятимиллионная контрибуция, по мнению Совета, после бешеной наживы и грабежа даже только в годичный период реакции „не соответствует должному обложению"[1]. Меньшевики, выступавшие в Совете, доказывали безрассудность, безрезультатность контрибуции. „Единственный выход из финансового кризиса,—говорили они,—поднять как производство, так и производительность труда"[2].

Шаблонизация марксизма, безжизненная схема—господствовала над умами меньшевиков, не позволяла им видеть настоящего соотношения сил и действительных задач революции.

Профсоюзы, придавленные сапогом реакции, разбитые, дезорганизованные в год царствования Сулькевича и кадетов, начали быстро оправляться с приходом Красной армии. Десятки делегаций из разных уголков Крыма тянулись в Симферополь „за инструкциями".

Новую живую струю влила в профсоюзы Советская власть. Жизнь забила ключом, несмотря на хозяйственную разруху. Уснувшие, бездействующие предприятия оживали

[1] „Борьба" 3 июня 1919 г. № 40, стр. 3.
[2] Тоже. Разрядка подлинника, *М. Б.*

по воле рабочих коллективов. Казавшееся невозможным, в руках организаций разрешалось при участии масс довольно легко. После реакции наблюдался подъем сил, энергии.

Учет оставленного капиталистами имущества, предприятий, учет товаров, организация мастерских—все проходило при участии профсоюзов.

Рабочие клубы, закрытые при краевом правительстве, открывались с помощью Отделов народного образования.

Конференция професиональных союзов в Симферополе, вопреки предложениям меньшевиков, обратилась с призывом помочь Советской власти укрепиться; союз металлистов, деревообделочников — своим делегатам в Совет поручал „ни в коем случае не допускать разделения власти“ [1], шофера, торгово-промышленные служащие, фармацевты приветствуют Советскую власть, как „нашу власть“.

При выборах в Совет и Украинский съезд профсоюзов разыгрывались весьма поучительные сцены. При выдвижении в Совет или на съезд профсоюзов левых с.-р. или меньшевиков рабочие, узнав партийность кандидата, отказывались голосовать за него, потому что он не защищает Советскую власть, а когда оказалось, что от металлистов делегатами на съезд прошли два левых с.-р., скрывших свою партийную принадлежность при выборах, то рабочие категорически потребовали лишить их полномочий. После долгих убеждений согласились послать, но при условии, что делегаты будут в точности выполнять наказ, выработанный общим собранием. Наказ этот был кратким, в нем требовалось безоговорочное признание власти Советов, привлечение рабочих к восстановлению промышленности и сельского хозяйства.

Советские учреждения оказались засоренными таким элементом, который саботировал мероприятия власти. Бюрократизм начал свивать себе гнездышко в отделах совета, удаляя этим совет от масс. Профсоюзы нашли выход— чистить надо учреждения и заменять выдвиженцами от рабочих тех, кого выгонят с работы. Провели чистку—оживилась работа. Трудно было работать выдвиженцам, непривычное дело, запугивали их, смеялись над ними, а они делали большое дело, создавали аппарат новой государственной власти. Не мало было в профсоюзах шептунов, желающих создать политическую погоду на провокационных слухах или внесении вражды в союзы, но они в общем подъеме скрылись, стали незаметными, а затем многие союзы организованно провели чистку и у себя.

Разжигание национальной вражды в дореволюционное время нашло отклик и при Советах, выливаясь в форму

[1] „Таврический Коммунист“, май 1919 года.

гнусной антисемитской агитации. Печатники в ответ на эту агитацию исключили из союза агитаторов и предупредили, что и дальше будут гнать всех, кто попытается вносить в профсоюз элементы национальной розни.

Очень интересовал профсоюзы продовольственный вопрос. Неурожай прошлого года, укрывательство хлеба кулаками, невозможность доставки хлеба из других районов создали продовольственные затруднения. Хлебный паек составлялся из полуфунта на человека. К пшеничной муке примешивали 30% ячменя. Продовольственные организации развернули сбор хлеба в Крыму. Профсоюзы выделили своих представителей. За май месяц только в Евпаторийском районе было реквизировано 262.829 пуд. хлеба[1].

Вследствие неурожая, Крым был включен в состав потребляющих губерний; все собранное оставалось для питания населения и, кроме того, из Мелитопольского уезда получено было в мае 199.000 пудов, с Украины в начале июня 420.000 пудов муки, Киев прислал в Крым 709 вагонов сахару, Москва 8 вагонов мануфактуры.

Чтобы привлечь продукты в города и исключить спекуляцию, применили такой способ: на рынке продукты продаются по установленной крестьянами цене, для установления единых цен на местах в селах созывались собрания крестьян. Деревня везла по установленным ценам масло, яйца и проч.

Свободная торговля, допущенная в первые дни после прихода Красной армии, вырождалась в спекуляцию, мародерство, продажу из-под полы. Рабочие кооперативы в это время оказались неподготовленными к новым формам не торговой, а распределительной работы. Деревенские потребительские общества распались еще при Краевом правительстве. Вызванные к жизни Советами, они не успели укрепиться и не являлись организациями, экономически связывающими деревню и город.

Продовольственные организации не могли, понятно, мановением волшебного жезла организовать четкую систему снабжения населения. Были случаи сепаратных выступлений в уездах. Некоторые пытались получить особые для себя наряды, а чтобы доказать необходимость особого снабжения, раздувались затруднения, из мухи делали слона, и часто такими поступками сами содействовали паникерам.

За 75 дней, которые существовала Советская власть, из Крыма в голодающие северные губернии не было отправлено ни одного вагона хлеба. Отправляли на север консервы, повидло и табак, т. е. продукты, которые Крым имел с избытком.

[1] „Таврический Коммунист", № 12 (53), стр. 2.

Вывоз консервов белогвардейцы не замедлили, конечно, вписать под рубрикой „грабеж"; еще до ухода Советской власти распускали они различные слухи по этому поводу. Вывезенное из Крыма в весьма небольшой доле покрывало ввоз в Крым, поэтому-то советы по докладам продовольственных комитетов и принимали решения об увеличении вывоза тех продуктов, которые в Крыму имелись в избытке.

На второй день после ухода Красной армии из Крыма белогвардейская печать подняла невиданный шум на тему о большевистском грабеже, о насильственном вывозе продуктов из Крыма. Ложь всех обвинений становится очевидной и потому особенно отвратительной, если принимать в расчет не только то, что было ввезено в Крым, но и то, как крестьянство относилось к призывам советов о продовольственной помощи. Крестьяне только одного Евпаторийского уезда добровольно, кроме реквизированного, доставили на продовольственные склады 229.754 пуда хлеба. Съезд крестьян Симферопольского уезда, созванный 29 апреля, единогласно решил „имеющиеся в уезде излишки взять на учет для правильного и равномерного распределения среди населения, принять меры к подвозу хлеба из мест, где он имеется" [1]. Крестьяне села Новые Серагозы на волостном собрании „признали необходимым притти на помощь голодающим товарищам севера... Решили приложить все силы к тому, чтобы все товарищи крестьяне данной волости вывезли имеющиеся у них излишки на ссыпной пункт и этим самым спасли голодающих рабочих и крестьян от голодной смерти" [2]. В селе Чехоградка крестьяне обещают отдать все излишки тем, „которые, измученные голодом, терпеливо переносящие все нужды, неустрашимо продолжают проводить в жизнь равенство и братство во всем мире" [3]. Да не только эти данные говорят в пользу советов против белогвардейской лжи, с достаточной очевидностью подтверждает лживость и деятельность, направленная на восстановление хозяйственной жизни края. Подтверждается это данными о промышленности и работе совета народного хозяйства.

Потребность Крыма в топливе выражалась в 3 миллиона пудов каменного угля и около 4-х миллионов пудов нефти.

Получение топлива из Донецкого бассейна было весьма затруднено, нефтью же распоряжались англичане. Создавалось катастрофическое положение, запасы топлива ограничивались 20—30 тысячами пудов. Выход, однако, был найден в том, что приступили к добыче угля в Бешуйском районе. Производственный план был рассчитан на добычу 2-х мил.

[1] „Таврический Коммунист", № 19, стр. 4.
[2] „Крымский Коммунист", № 5 (46) 5 июня, стр. 2.
[3] Тоже.

пудов угля, кроме этого была организована заготовка дров с расчетом на доставку 4—5 миллионов пудов дров.

Совнархоз пустил в ход кожевенные заводы. Потребность армии исчислялась в 12 тысяч кож рогатого скота, 700 конских и 2.000 барашек, при условии, что всего в Крыму можно было собрать кож рогатого скота 35 тысяч штук, конских 7.000 штук, телячьих 10.000 штук и барашка до 200 тысяч штук. Таким образом, огромнейшие остатки предположены были к распределению среди населения, тогда как при власти буржуазии они попали бы все в руки добрармии, немцев и спекулянтов[1].

Табачные фабрики при довольно неисправном оборудовании все же продолжали переработку табака. Запасы табачных складов и плантаторов достигали 400 тысяч пудов. Урожай 1918 года дал всего 40 тысяч пудов в 19 году при некотором по сравнению с 18 годом увеличении площади посева, ожидался урожай в 70 тысяч пудов[2]. Крым был заполнен табаком, тогда как север ощущал в нем большой недостаток, переброска табаку в центральный район ни в какой мере не отразилась на производстве крымских фабрик. Буржуазия была зла на советы за вывоз, потому что ей не удалось выполнить своих предположений об обмене табака на иностранную валюту.

Владельцы консервных фабрик, бросивши все, убежали с добрармией и союзниками. Пустить в ход фабрики было невозможно, не наступил еще сезон сбора фруктов. Урожай овощей и фруктов ожидался хороший. Фабрики способны были переработать до 500 тысяч пудов при условии получения сахару, масел и тары[3].

Дополнительно к переработке нужно было организовать и сушку овощей, ибо вывоз в сыром виде был затруднен, вывоз же на иностранные рынки в условиях экономической блокады и интервенции совершенно невозможен.

Короткий перечень экономических мероприятий и предположений позволяет уже сделать вывод, во-первых, о вполне правильном курсе в хозяйственных вопросах, и, во-вторых, о большой энергичной работе Советской власти, несмотря на то, что два с половиной месяца ее пребывания в Крыму были временем постоянных военных столкновений с деникинцами при ежесекундной угрозе высадки англо-французского десанта.

К военным опасностям внутри Крыма присоединилось выступление эсера Григорьева на Украине. Григорьевцы угрожали Крыму со стороны Перекопа. Лозунги „Советская

---

[1] „Известия Временного раб.-крестьянск. пр-ва", № 21.
[2] Тоже, № 20.
[3] Тоже.

власть без коммунистов“ дошли до крымской деревни, но не встретили сочувствия у крестьян. Очень свежи были в памяти расправы добрармии над крестьянами, грабеж и насилия, которые производили деникинцы. Крымский крестьянин, у которого с первого взгляда, если судить по характеру хозяйства, были основания выступить за эсеровские лозунги, за григорьевцами не пошел. Кроме добрармии, научившей крестьянина ценить Советскую власть, передача земли, помощь беднейшей части деревни продовольствием привязывали деревню к Советской власти и коммунистической партии.

Крымские социалисты-революционеры при выступлении Григорьева на Украине поспешили заявить о своей непричастности к этой авантюре, открывающей путь „всесветной контр-революции“. Лозунг—„долой власть большевиков, да здравствует власть советов“—с.-р. объявили контр-революционным „с точки зрения попытки свалить большевиков, ибо большевики есть основная сила, двигающая и созидающая Советскую власть“[1]. Отказ на самом деле был шит белыми нитками. С.-р. считали, что большевики дали повод и способствовали тому, чтобы лозунг стал популярным среди крестьян. Повод этот, по мнению с.-р., заключался в том, что большевики не дают социалистам-революционерам господствовать в советах, не допускают в деревню для агитации за Советскую власть. „Монополия большевиков на власть“—вот причины григорьевского выступления.

„Григорьев предпринял свое выступления во имя чистоты революции. Он зовет трудовые массы восстать против диктатуры над ними большевиков“[2]. Так, отказавшись от Григорьева, с.-р. оценивали самое выступление: „Корнилов спасал родину от немецкого сапога, Григорьев от иностранного и отечественного империализма“. Только одна аналогия с Корниловым должна была раскрыть массам весь смысл эсеровского политикантства.

Совершенно ясно для каждого, что мелкий буржуа, обрядившийся в тогу социалиста, спекулирующий украденными лозунгами советов, лезет в объятия белогвардейцев. Деревенский кулак был недоволен тем, что под руководством коммунистической партии ему подвязали крылья, лишили его права эксплоатировать бедноту, а награбленным годами имуществом заставили поделиться с государством, защищающим землю для крестьян и фабрики и заводы для рабочих—этот кулак эсеровской глоткой кричал о диктатуре не класса, а только партии. Диктатура рабочего класса неугодна кулаку. „Насильственная коммунизация, оби-

[1] „Борьба“, орган Симф. Комитета с.-р., № 34, стр. 1.
[2] „Борьба“, № 34, стр. 2.

рательство крестьян в виде налогов, насаждение назначенцев... При таких условиях кулаку легко было совратить массы на путь... протеста в защиту справедливых требований крестьянства"[1]. Восстание Григорьева не является результатом его авантюристских дарований, движение „в потенции имелось, благодаря недальновидному хозяйничанию в деревне большевиков"[2].

После всех этих рассуждений, заканчивающихся единственным выводом, что нужно поделить власть между коммунистами и социалистическими партиями, можно ли было верить эсерам? Люди из кожи лезут вон, чтобы доказать и свою непричастность и правильность требований Григорьева. Понятно, никто клятвам эсеров не верил.

Мелкая буржуазия не может осмыслить и принять классовую пролетарскую политику, до конца последовательный курс коммунистов на привлечение на сторону пролетариата бедноты и середняков-крестьян, экспроприация кулака, твердая власть, обеспечивающая успех революции, со всем этим кулак и его защитники—социалисты-революционеры—не могут согласиться.

Советская власть их соглашательскому уму представлялась не как диктатура пролетариата, а как „разноплеменная и разноликая" социалистическая коалиция, в которой бы руководство принадлежало не рабочему классу, а деревенскому кулаку. Не суждено, однако, было выполнение желания горе-социалистов, которые после съезда на Украине окончательно продали себя кулацкому дьяволу и были объявлены нелегальной партией, враждебной Советской власти.

Мечты эсеровских друзей меньшевиков, ставших советской партией только для того, чтобы саботировать советскую работу „в интересах культуры" и буржуазии, также разлетелись, как дым. Начали свою советскую работу меньшевики в 1919 году речью одного из вождей, мечтающих о возврате большевиков к состоянию, в котором они были до революции, „только с этой частью партии большевиков мы будем работать".

Не забыл этот горе-вождь напомнить, при обсуждении вопроса об итогах выборов в советы на первом заседании совета 18 мая, об удобствах выборов на принципах четыреххвостки. Указав на неправильности, якобы имевшие место при выборах в совет, меньшевики воздержались при голосовании вопроса о неправильности выборов. Вместе с с.-р. при голосовании меньшевики имели 23 голоса воздержавшихся из общего числа 237 человек депутатов.

[1] „Борьба", № 35, стр. 1.

[2] Тоже, стр. 2.

Былое господство меньшевиков осталось в невозвратном прошлом; массы научились понимать пресловутую оппозиционность меньшевиков на примерах их предательств и продажности. Выборы повсеместно дали большинство в советах большевикам. Прикрываясь рубищем лже-социалистической позиции, меньшевики сохранили кое-где свое влияние в профсоюзах, но и там популярность их и авторитетность руководства очень и очень упала.

Следует еще остановиться на состоянии национально-татарского движения за этот период пребывания Советской власти в Крыму.

Вслед за Красной армией в Крым возвратились коммунисты-татары, а также вышли из подполья члены коммунистической партии татары, создавшие в ноябре первую партийную ячейку. Кроме этих работников, в Крым приехала группа турецких эмигрантов-коммунистов.

Вскоре начала выходить на турецком языке коммунистическая газета „Ени-Дунья“ (Новый Мир). Мусульманское бюро, организованное при Областом Комитете ВКП(б), издавало газету „Догру-Ел“ (Прямой Путь).

Обе газеты решительно отмежевались от узкого национализма, защищаемого татарской буржуазией и интеллигенцией. Националисты, не желая терять влияния на массы, быстро перекрасились. Они на каждом перекрестке кричали о том, что истинными представителями татарских трудовых масс является национально-революционная партия „Милли-Фирка“. Один из деятелей „Милли-Фирка“ в стремлении представить свою партию советской дошел до того, что заявил: „они (члены татарского парламента, *М. Б.*) стали серьезно и вполне искренне готовиться и готовить идущие за ними массы к новому строю на советских началах“[1]. Каков характер „советских начал“ хотели осуществить националисты, было понятно каждому. Они в советских формах в оболочке советов пытались гальванизировать труп самостоятельного ханства.

После неудач с Сулькевичем и реакции добрармии массы татарского населения потянулись к советам. Миллифирковцы решили воспользоваться лозунгом советов для выполнения своих шовинистических планов. Они просто рассчитывали на то, что им удастся обмануть массы, и под внешне советским покровом преподнести им буржуазное содержание. Заслугу коммунистов-татар, выразившуюся в организации охраны Симферополя перед приходом Красной армии и в подготовке населения к приему Советской власти, националисты приписывали себе.

[1] „Таврический Коммунист“, № 15, стр. 2.

В некоторых деревнях Ялтинского узда при арестах кулацко-буржуазных деятелей были допущены незначительные ошибки, арестованы наряду с кулаками несколько крестьян-середняков. Националисты немедленно подняли вой. По внешности они защищали от арестов невиновных середняков, на самом же деле добивались освобождения всех арестованных.

На мусульманском съезде милли-фирковцы, выступая единым фронтом, далеко не двусмысленно настаивали на „расширении представительства от татар в правительстве". Иными словами, не рискуя открыто выступать против введенных в правительство татар-коммунистов, они хотели бы и сами пролезть к власти. Не удались, однако, эти попытки. Настоящее авантюристическое лицо филли-фирковцев, продававших Крым Германии и Турции, обнимающихся с предательскими буржуазными группами федералистов, знали все. Обмануть было невозможно. Ни советы, ни трудовые массы татарского крестьянства не поддались на удочку националистических буржуа и интеллигентов.

Отступление Красной армии из Крыма

В начале июня положение на фронтах обострилось. Деникин, собравшись с силами, повел наступление. Довольно быстро ему удалось захватить ряд уездов юга России и продвинуться к Донбассу, создав угрозу для Крымской группы войск Красной армии. Успехи деникинских частей окрылили надеждой на спасение и даже победу керченский отряд добрармии, и он более энергично начал предпринимать попытки сбить Красную армию с занятых позиций.

Флот союзников пиратствовал на Черном море, нападая на продовольственные транспорты и даже небольшие торговые парусные суда, баркасы и лодки. Нападением флота исключалась возможность более или менее нормальной связи с Одессой и другими городами юга, кроме того, не было решительно никакой гарантии того, что союзники не сегодня так завтра высадят десант и поведут наступление.

Деникин продолжал продвигаться вперед. Создавалась угроза быть отрезанными от центра советской страны, оказаться в мешке.

Совет народных комиссаров Крыма обратился с призывом вступать в ряды Красной армии. Партийные организации коммунистов объявили мобилизацию 25% членов организации. „Крым,—боевой лагерь, вооруженный народ"— так писалось в воззвании партийной организации.

Преобразился Крым. Отодвинулись на второй план вопросы хозяйственного строительства. Непосредственная военная угроза нависла над ним.

Красная армия не могла сдержать наступления деникинцев, ее силы отвлекало еще в этот момент упорство колчаковских частей. Деникин направлялся в Москву, чтобы послушать „звон московских колоколов“ и ускорить объявление России восстановленной под властью одного из диктаторов севера, юга, востока или запада.

Боевой клич: „Крым в опасности“ всколыхнул массы. Симферопольский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов большинством решил объявить набор добровольцев. Меньшевики внесли свою резолюцию, в которой говорили о защите революции, но с тем, чтобы было уничтожено „комиссародержавие“. Вместо прямого и решительного ответа в такой ответственный момент, меньшевики пустились в рассуждения о злоупотреблениях представителей власти, с которыми большевиками и раньше и теперь велась решительная борьба в советах и в армии.

Главным в выступлениях меньшевиков было, конечно не то, что кто-то допустил злоупотребления. Они и сами, вероятно, понимали, что это только повод, причины же заключались в требованиях о разделе власти социалистическими партиями, о необходимости изменить экономическую политику Советской власти. Мало научившиеся за годы гражданской войны, меньшевики предали Советскую власть в критический момент жизни Крыма. Резолюция их собрала всего 40 голосов против 230 поданных за резолюцию большевиков[1]. После голосования стало очевидным, что меньшевики готовят себя вновь к роли „оппозиции“ белогвардейской власти.

Добровольческая армия с помощью флота приготовила десант, который, высадившись, 24 июня подошел к Симферополю. На подступах к городу произошел бой, в результате которого Красная армия оставила город и начала отход к Перекопу. Засевшие в Керчи части добрармии повели энергичное наступление с целью отрезать путь отступающим из Симферополя частям. В боях под Владиславовкой удалось, однако, задержать белогвардейцев и тем обеспечить отход частей. 29 июля, после довольно сильных боев, части добрармии заняли Армянск, создав непосредственную угрозу укреплениям Перекопа.

1-го июля командир корпуса добрармии генерал Добровольский доносил командующему, что очистил Крым от регулярных частей большевиков. „Завтра лично выезжаю в Севастополь делать ликвидацию последнего крупного большевистского гнезда в Крыму“[2]. Так заканчивалось

[1] „Известия Врем. Раб.-кр. правительства Крыма“, № 23, 17 июня.

[2] „Таврический День“, Бюллетень военных известий и местной жизни. 2 июля 1919 г., № 4, стр. 1.

донесение „бравого“ генерала. Ликвидацию он произвел со свойственным белогвардейскому рубаке умением, десятки арестованных служили тому доказательством.

3 июля генерал обратился с воззванием к татарскому населению Крыма. Он звал татар „всем сердцем воссоединиться с ним для скорейшего воссоздания единой могущественной России“ [1]. Обещал установить в Крыму гражданскую власть на общих основаниях „Управления областями и губерниями“. „Самостоятельному Краевому правительству не может быть здесь места“. Обещания были немедленно выполнены. В Крым явился губернатор, который в беседе с представителями печати, а затем и в приказе объявил все законы кадетского Крымского Краевого правительства отмененными, городские управы и думы, начавшие было управлять городами, распущенными. Городские управы, в которых недоставало работающих членов управ, пополнялись назначенными губернатором лицами. Такая же участь постигла и земские управы.

Начался новый период господства генералов и буржуазии под теплым крылышком союзнического флота.

[1] „Таврический День“, № 5, стр. 1.

ГЛАВА IX

Крым под властью Деникина

„Курск—Орел—Тула—Москва. Россия—родина—отечество—законность—свобода“.

Вот небольшое число слов, в которые вкладывалось все содержание задач, целей и стремлений деникинского лагеря.

Единая Россия, без всяких оговорок, без исключений кому бы то ни было. „Россия создалась духовным подъемом в прошлом, им же она воскресает к новой жизни и теперь“ [1]. Духовный подъем ведет белогвардейцев. Такую оценку давали они белому движению.

Деникин, в июне 1919 года занявший Крым, обновил свою программу, его политика в это время отличалась от политики конца 18 и начала 19 года.

Начало 19 года было таким временем, когда звезда Деникина только всходила, он и окружающая его клика входили во вкус власти.

Вторая половина 19 года—полный расцвет реакционности, беспредельная звериная жадность к возврату всего былого, старого.

До нового прихода в Крым Деникин терпел на территории, занятой добрармией, „различные государственные образования“, в том числе и Крымское правительство, он заигрывал с защитниками федеративных лозунгов. Допускалось в Крыму существование выборной татарской директории. Отдельные области готовились к созыву областных законодательных собраний, съездов, парламентов и проч.

Перед падением Крыма под ударами Красной армии деникинцы начали наступление на буржуазный „демократизм“, но наступление это было похоже на прощупывание почвы, пробу сил. Во всяком случае, в Крыму, несмотря на наступление Деникина, была сохранена внешность демократической власти, созданной съездом земств и городов. Власть утратила к апрелю свою самостоятельность, она была игрушкой в руках командования, но все же она представи-

[1] „Голос Жизни“. Керчь, 17 июля 19 года, № 195, стр. 2.

тельствовала перед населением, спекулируя своими демократическими лозунгами.

Совсем иная картина развертывается после отхода частей Красной армии из Крыма. Никакого самостоятельного краевого правительства в Крыму Деникин не допускает. Высшей властью считается главноначальствующий губернией, он же является командиром всех военных частей в Крыму. По приказам главноначальствующего работает губернатор— он воплощение гражданской власти в губернии. В каждом армейском корпусе у командира есть начальник гражданской части—будущий губернатор-правитель занятой белогвардейцами местности.

Земские и городские думы „демократического“ состава были распущены. Всякий, неугодный деникинцам, член управы мог быть заменен другим по приказу губернатора.

В Симферополе вернулся к власти городской голова, бывший до февральской революции. Социалисты, радостно встречавшие добрармию, вынуждены были уйти из городских управ. В Крыму, по выражению „Крымского Вестника“, создалось „безголовье“. Социалисты уходили, бросая посты городских голов и членов управы, заместители находились не сразу. Вскоре правительство Деникина издало закон о выборах в городские думы, который устанавливал: а) повышение возраста избирателей до 25 лет; б) ценз оседлости для города в 2 года; в) двустепенность выборов в земство; г) куриальная система выборов[1].

Общее управление занятыми добрармией районами принадлежало верховному правителю России—Колчаку, которого Деникин признал и представителем которого он являлся на юге России. Деникин был заместителем всероссийского диктатора. „Русское государство, как единое целое, с момента признания в нем единой Верховной власти, в лице Верховного правителя адмирала Колчака, восстановлено“[2]. Так писал Деникин в переданном им конференции представителей областей положении об управлении югом России.

При заместителе верховного правителя на юге России создавались органы управления, которые „могут называться правительством“, но на самом деле это были организации, выполняющие волю диктатора. Высшая власть в отдельных областях „должна иметь всю полноту и независимость полномочий“. „Переговоры и соглашения с представителями отдельных областей могут иметь значение лишь обмена мнений предварительного и подготовительного характера и юридическим основанием к созданию государственных учре-

[1] „Голос Крыма“, № 4, стр. 2.
[2] „Голос Жизни“. Керчь, № 152, 6 августа 19 года, стр. 2.

ждений не являются“ [1]. Всякие союзы между областями допускались в целях культурного и экономического характера, создание союзов „правового значения“ признавалось противоречащим идее „государственного единства России“.

При диктаторе юга создавался законосовещательный орган, членами которого не могли быть допущены представители политических или общественных организаций, они назначались из лиц, отмеченных особыми „заслугами на почве церковного, государственного и общественного служения“ [2]. Законосовещательный орган имел право представлять правительству вопросы, но ни в коем случае не мог решать вопроса о доверии или недоверии правительству.

Особое почетное место в законосовещательном органе предоставлялось казакам за их „заслуги“. В положении оговаривалось, что число представителей от казаков ни в коем случае не может быть равным представительству „всех прочих частей России в совокупности, как Поволжье, Московский район и другие области“ [3].

Курс на диктатуру при поддержке реакционных слоев казачества был взят довольно твердо. Несколько позднее этот реакционный курс привел Деникина к столкновениям с буржуазной более прогрессивной группой Кубанской области. Кубанцы отстаивали принципы буржуазно-демократической самостоятельности и кончили тем, что Деникин издал распоряжение об аресте руководителей войскового казачьего круга. Реакционные газеты были заполнены ругательствами по адресу кубанских „самостийников — губящих единую Россию“.

Весьма ярко желания реакционеров выразила одна из крымских газет, вот какие планы излагала она:

„Теперь Россия стоит на распутьи и думает, кого ей поставить у власти, кому вручить бразды правления в настоящий трудный и ответственный перед историей момент. Ведь сколько бы ни говорилось, ни писалось об учредительном собрании, какие бы новые теории народоправства ни создавались в кабинетах и доморощенных учениях,—ясно одно: Россией будет управлять небольшая группа лиц, составляющих министерство.

Министерство должно быть однородно по своему составу, с ясными всем понятными лозунгами, с определенным национальным великодержавным направлением как во внутренней, так и во внешней политике.

Этим самым из состава его отметаются все элементы с интернациональным направлением от эсеров до больше-

---

1 „Голос Жизни“, Керчь, № 152, 6 августа 1919 г., стр. 2.
2 Тоже.
3 Тоже.

виков включительно. Этим течениям мы можем предоставить возможность совершить паломничество в Швейцарию и там в деревенской глуши выносить свои решения. Но к делу управления мы их не должны подпускать на пушечный выстрел“ [1].

„Небольшая группа лиц“, в которую не допускаются не только большевики, но даже такие „интернационалисты“, как эсеры, под сомнение ставятся и кадеты, ибо они не прочь иногда для красного словца поступиться великодержавностью в пользу куцой автономности. Буржуазные деятели, допускающие различные ориентации, устраняются, ибо „великая Россия ни на одну минуту не может допустить, чтобы ее правители имели какую-нибудь ориентацию, кроме русской“ [2].

„В духовном общении всех классов“ искали реакционеры утраченную Россию. Им не нравилось по своему составу даже такое правительство, как совет министров Колчака. Создавались планы его замены „людьми государственного ума и образования“, кроме этих качеств будущее правительство должно удовлетворять требованиям торгово-промышленного порядка.

При весьма реакционном курсе Деникин, однако, стремился к тому, чтобы учесть опыт годичной борьбы с Советской властью. Он начал понимать, что неприкрытая реакционность может оставить его с весьма ограниченным кругом последователей, оттолкнет от него окончательно массы. Надежды на привлечение рабочего не было, но какая-то сила должна была стать опорой Деникина. В поисках такой силы, кроме казачьих крепких хозяев, Деникин начинает забрасывать удочку в сторону крестьянства и, главным образом, его наиболее крупной части—кулаков.

В цитированной уже газете имеется такое место:

„Правительство должно опираться на земледельческое, главным образом, крестьянское население и вести наиболее полезную именно для него политику. Надо яснее представлять себе социальную силу каждого сословия России и вести дело управления в духе наиболее многочисленного и государственно полезного элемента. Тут, как нигде, должен быть соблюден принцип—„всяк сверчок знай свой шесток“, и все претензии и посягательства других классов должны рассматриваться под этим единственно правильным углом зрения“ [3].

„Наиболее полезная политика“ не замедлила своим появлением на свет. Деникин издал приказ о порядке расчета

[1] „Голос Жизни“, Керчь, № 135, 17 июля 1919 года.
[2] Тоже.
[3] Тоже.

скопщинников с владельцами земли. По приказу устанавливался взнос в пользу владельца земли в размере одной пятой урожая для хозяйств с посевом до 10 десятин, выше 10—$^1/_3$ урожая. По вопросу о земле Деникин подтвердил изданное им ранее положение, в котором он обещал обеспечить интересы „трудящегося населения“.

Диктатор начал понимать, что бороться с Советской властью только военной силой нельзя, „нужна борьба с цельной общественной экономической системой и психологическими настроениями рабочих“[1].

Но признать одно, а сделать из этого соответствующие признанию выводы совсем иное. Деникин, сказавши „а“, не может идти последовательно дальше, и вместо мер, которые хотя бы в малой степени могли привлечь на свою сторону отдельные слои рабочих, деникинский официоз громко заявляет, что „нельзя ни минуты допускать привилегированного сословия рабочих, постоянно увеличивающих свою заработную плату“.

Заигрывание с крестьянством в этот период деникинщины идет также весьма недалеко, так, например, Деникин возвращает помещикам их имения, а когда содействие добровольческих частей армии помещикам начинает принимать характер диких расправ с крестьянами, „Правитель юга“ издает приказ, в котором рекомендует не вмешиваться в решение споров между владельцами земли и крестьянами“. Приказ на деле не применялся, он был просто жестом и не совсем даже красивым.

Великодержавность правительственной программы определяла уже отношение к отдельным национальностям, населяющим Россию. О самоопределении, конечно, не могло быть и речи. Уничтожались всякие признаки автономности. Все части России должны безраздельно управляться волей верховного правителя.

Через месяц после захвата Крыма (28 июля 19 года) главноначальствующий Таврической губернии по представлению губернатора „приказал: 1) прекратить деятельность, во всем ее объеме, незаконной организации, именующей себя Крымско-татарской национальной директорией“[2]. Уничтожив директорию, губернатор восстановил в правах таврического муфтия Кипчакского, который был назначен на эту дожность в декабре 1916 года и смещен еще в марте 17 года решением первого мусульманского съезда. Одновременно с муфтием восстанавливалась правительственная вакуфная комиссия. Директория обязывалась сдать все капиталы и имущество вакуфной комиссии.

[1] „Голос жизни“, № 150, 3 августа 1919 года.
[2] „Таврические Губерн. Ведомости“, № 14, стр. 36.

Татарские реакционеры праздновали победу, массы татарского населения пока молчаливо затаили злобу на белогвардейцев, которые разрушили всякие надежды на получение крестьянами вакуфных земель.

Упоенный победами своей и Колчаковской армии, Деникин в национальном вопросе дошел до того, что в беседе с корреспондентом „Дейли Экспресс“ высказал неудовольствие политикой английского правительства, направленной к поддержке отделившихся от России прибалтийских государств.

Эта „вольность в мыслях“, однако, не говорила о том, что Деникин отказывается от ориентации на Англию. Ни в коем случае. Признание им Колчака было проведено по указке англичан, которые надеялись объединением сил ускорить победу над большевиками. Английское правительство к этому времени принудило Деникина подписать акт, по которому англичанам предоставлялось господствующее положение на Каспийском море. Черное море было заполнено английскими военными судами, которые обстреливали с моря позиции Красной армии, тем самым облегчая наступление добрармии.

На складах только в Екатеринодаре, по утверждению официозных газет, к 10 июля было английского оружия и огнеприпасов на сумму в 17 тысяч фунтов стерлингов (около 170 тысяч рублей по довоенному курсу).

После занятия Феодосии белогвардейское командование наградило английских матросов миноносца, обстреливающего Ак-Манай, орденами св. Георгия. Когда Азейберджанское правительство попыталось было поднять голос против передачи Каспийского моря англичанам, деникинская ставка весьма недвусмысленно указала, что она вынуждена будет принять меры, которые бы исключили всякую возможность проявления „самостийности“[1].

Вся печать была занята дифирамбами в честь Англии. Создавались проекты во всем мире английской морской и русской сухопутной армии. Эти две силы способны, говорит одна из газет, обеспечить прогресс человечества.

Французы в этот период были в некотором загоне, французские интересы поставлены на последнее место. „Таврический Голос“ обвиняет французов в сдаче Одессы, они, по словам газеты, „поспешно сели на корабли и оставили Одессу на произвол большевиков, а добровольческая армия почти без оружия и снарядов пошла пешком в неведомую даль бессарабских степей...

Крик ужаса вырвался тогда у всех, кто искренне болел за Россию. Но в кают-кампании сверх-дредноута хранил молчание генерал...“[2].

---

[1] „Голос Жизни, № 161.

[2] „Таврический Голос“ 1919 г., № 3 (153), стр. 1.

Газета спрашивает, где был генерал тогда, когда советские части наступали на Ростов, и почему сейчас в момент наступления Деникина французский генерал „радостно улыбаясь, готов обеими руками пожать руку генерала Деникина, расшаркивается, говорит сладкие слова“[1].

Французы после первого разгрома добрармии потеряли надежду на получение богатого юга России, они видели, что тактика Деникина не обеспечивает им немедленной победы, получения царских долгов и права на разграбление юга. Это заставило их временно отойти в сторону и пересмотреть свою политику. Когда был потерян юг, Крым и добрармия сжались в комок на северном Кавказе, у французов не было никаких надежд на получение каких-нибудь результатов от их помощи Деникину.

Политика Деникина привела к его поражению; защищать добрармию на Кавказе это значит помогать своему исконному врагу—англичанам—закрепить за собой нефть. Поэтому-то французское правительство заняло осторожную выжидательную позицию по отношению к Деникину и устремило свой взор в сторону Польши и Колчака. Победа Деникина воскресила надежды французских буржуа, они оживились, поздравляли добрармию, но усилить своей помощи и влияния не могли—на пути им стояла Англия, поставившая себе задачей превращение Черного моря в свою базу, укрепившись в которой англичане сумеют усилить политико-экономическое влияние на Востоке.

Чтобы не потерять своей доли в дележе России, французское правительство, не ограничиваясь поздравлениями Деникину, командировало в Севастополь и ставку главнокомандующего своих инструкторов и военно-техническую комиссию.

Дни „радостного“ перезвона колоколов, торжественных встреч, парадов, крестных ходов по случаю победы добровольческой армии сменились очень быстро по всему Крыму штилем в общественной жизни. „Крым теперь, когда укрепилась здесь власть добровольческой армии, представляет картину чуть не мертвого царства“[2], и неудивительно, что замерло все. Буржуазия обрела своего избавителя и громко на весь мир прокричала, что она на вопрос „Как веруете“ отвечает: „в е л и к а я е д и н а я н е д е л и м а я и с в о б о д н а я Р о с с и я“.

Все, кто против, кто малодушен, кто сомневается, нейтрален, осторожен,—объявлены врагами.

„Теперь идет не спор, а кровавая борьба двух групп—России и коммуны, каждый должен быть или на одной или на другой стороне. Государства теперь еще нет, есть тыл

[1] „Таврический Голос“, 1919 г., № 3 (153), стр. 1.
[2] „Таврический Голос“, № 8 (158), стр. 1.

и фронт, а раз так, то нет места политическим партиям, они способны только дезорганизовать армию“[1].

Свобода печати допускалась, как временная мера. В любой момент газеты, неугодные правительству, могли быть закрыты. Даже такая либеральная лакейская газета, как „Южные Ведомости“, и та находилась под угрозой и имела несколько предупреждений губернатора.

В июле месяце в Симферополе собралось совещание председателей земских управ и городских голов. Совещание высказало полное удовлетворение декларациями верховного правителя, но, видимо, почувствовали „головы“, что слова о широком привлечении к решению государственных вопросов местных самоуправлений расходятся с делами добрармии, и совещание весьма осторожно выражало надежду, что „в законосовещательный орган будут привлечены выборные представители земств и городов Таврической губернии“[2]. В заключительном заседании совещанию была предложена резолюция „об эксцессах, творимых... чинами добровольческой армии... преимущественно к еврейскому населению“. Несмотря на весьма осторожный тон, резолюция была признана „неудовлетворительной по форме, в виду того, что она недостаточно ярко отражает исключительность и случайность этих прискорбных явлений, отнюдь не характерных для добровольческой армии[3].

Систематический разгул, издевательства, грабеж являлись для „отцов“ города не характерным.

Основной задачей совещания являлось решение вопросов о городском и земском хозяйстве. Финансовый кризис городских управ и земства был настолько глубоким, что субсидия правительства в 5 миллионов рублей, распределенная на совещании, абсолютно никого не удовлетворяла. Так, например, Ялтинская городская управа при условии составления нищенской сметы нуждалась в 35 мил. рублей, поступало же в кассу управы всевозможных сборов 4—5 мил. Севастопольцы проектировали устройство 25-тимиллионной лоттереи.

Городское хозяйство разрушалось, погибало, а у управы не было даже денег на поддержание санитарного состояния городов. Улицы утопали в грязи, разваливались мостовые, тротуары, гибли зеленые насаждения, а городские самоуправления сидели и ждали подачки от правительства в форме ссуды или займа.

Финансовую и хозяйственную разруху городов и земств объясняли тем, что в демократические управы после фев-

[1] „Таврический Голос“, № 1 (151).
[2] „Таврический Голос“, № 1 (151).
[3] „Таврический Голос“, № 4 (154), стр. 3.

ральской революции пришли неопытные и расточительные новые хозяева.

Избирательный закон 19 года давал надежду на то, что от неугодных „новых хозяев“ буржуазия освободится. Выборы в городские думы, состоявшиеся в начале сентября, подтвердили ожидания — в думы прошло большинство „деловых“ людей. Выборы дали следующие результаты:

	Севастополь	Евпатория	Ялта	
Социалист. блок	38	—	995	голосов
Демократ. блок	12	5	536	„
Домовладельцы	21	—	—	„
Деловая группа	—	23	1062	„
Мусульмане	—	17	—	„

В Балаклаве избраны „греки старожили-домовладельцы политически умеренных взглядов“[1].

Победа на выборах была получена, потому что население, имеющее право избирать, в выборах не участвовало. Так, например, в Евпатории из 12.168 избирателей в голосовании принимало участие 1.703, в Балаклаве из 1.113 избирателей — 384, в Ялте участвовало в выборах всего 2.891 человек. Даже кадетская печать вынуждена была признать, что выборы прошли очень вяло и не могут служить показателем того, кому население больше всего доверяет.

Трудовые слои населения, враждебно относившиеся к добровольческой армии еще в первый период ее господства в Крыму, и на этот раз не имели основания к тому, чтобы воспылать любовью к буржуазно-генеральскому сапогу.

Диктатор юга, увлеченный временными победами, торопился в своем законодательном творчестве укрепить силу торгово-промышленной буржуазии.

Не обращая внимания на обострение продовольственного кризиса, при котором хлебный паек дошел до 1/4 фунта на человека, а перспективы ближайших дней обещали только кукурузную муку, уполномоченный продовольствия категорически заявил о необходимости срочно отменить хлебную монополию и начать свободную продажу хлеба.

Отмена хлебной монополии мотивировалась тем, что нельзя „душить крестьянство твердыми ценами“.

Приближалась уборка урожая, и Деникин решил свободой хлебной торговли подкупить кулацкие слои крестьянства и дать волю крупным землевладельцам и спекулянтам. Управление снабжения добрармии, видимо, для того, чтобы показать превосходство свободной торговли, разрешило продажу населению продуктов из армейских лавок. Цены

[1] „Таврический Голос“, № 48 (198), стр. 3.

в армейских лавках были значительно ниже рыночных, но лавки не могли удовлетворить спроса покупателя за недостатком запасов.

Цены к октябрю месяцу настолько выросли, что большинство населения было обречено на полуголодное существование.

Приведем цены, бывшие в октябре в Симферополе:

Хлеб белый	5	рублей	фунт
Мясо	20	„	„
Масло	150	„	„
Масло подсолнечное	45	„	„
Молоко	18—20	„	кварта
Сахар	65	„	фунт
Спички	4	„	коробка
Куры	50	„	фунт
Ботиник дамские	3250	„	пара
Сукно	1500	„	аршин
Сапоги	5500	„	пара

При таких ценах заработная плата рабочих и служащих была настолько низкой, что не обеспечивала минимума. Так, например, рабочие табачники получали 1.200 рублей в месяц, провизор получал 1.250 р., учитель в год 5.400 р. или 450 руб. в месяц. В несколько лучшем положении по сравнению с указанными группами находились печатники, заработок которых достигал 2.000 рублей в месяц.

Кроме роста цен, первые недели деникинского владычества ознаменовались приказом, запрещающим обращение советских денежных знаков. Приказ был прямо направлен против трудящейся части населения, ибо буржуазия, убегавшая с белыми, этих денег не могла иметь, а та группа ее, которая оставалась, жила и при советской власти старыми накоплениями. Советские денежные знаки принимались банками под „бесплатную“(!) квитанцию, расчет по квитанциям командование собиралось произвести в конце гражданской войны.

Свободная торговля привела к весьма быстрому росту цен и все большему голоду одной части населения, когда другая в спекулятивном угаре набивала карманы. Замалчивать рост дороговизны и торговой вакханалии было невозможно. Нашелся многомудрый спаситель, который писал: „универсальным злом и бичом современности является все растущая дороговизна, содействующая накоплению недовольства и раздражения среди тех слоев населения, которые больше всего от нее страдают“[1]. Избежать дороговизны, по мнению автора цитируемой статьи, можно выбрасыванием

[1] „Голос Жизни“, № 156.

на рынок большей массы товаров. Но где же взять товары? Оказывается, сделать это легко, отказавшись от 8-часового рабочего дня. Лозунг наступления на работих брошен. Деникинцы не допускают „привилегированного сословия рабочих“, поэтому можно держать себя с рабочими свободно.

Капиталисты прежде всего не допускают мысли об увеличении заработной платы. На требования союзов о повышении заработка предприниматели отвечают или прямым отказом, или затягивают решение вопроса, иные же не ограничиваются сопротивлением и идут сами в наступление. Так, например, табачный фабрикант Стамболи выбрасывает с фабрики 400 человек рабочих, а когда рабочие объявили забастовку, он отвечал на требования рабочих, что закроет фабрику совершенно. На требование портовых рабочих в Севастополе союз получил ответ, упрекающий рабочих в „классовом эгоизме“.

Наступление на рабочих нашло свое выражение в массовых арестах всех так или иначе проявивших свои симпатии к Советской власти. Тюрьмы очень скоро заполнились рабочими. Неделями арестованным не предъявляли никаких обвинений. Состояние было довольно угнетенным. Профсоюзы влачили весьма жалкое существование. Даже меньшевистская газета „Прибой“ вынуждена была признать, что профессиональные союзы переживают развал.

18 июля состоялся съезд профессиональных союзов, поставивший задачей рабочего движения Крыма борьбу за выполнение властями законов правительства Керенского. Основными принципами рабочих,— говорил докладчик на съезде,—является профессиональный, социалистический и кооперативный. Попытки свернуть профессиональные союзы на путь политической борьбы докладчик, а за ним и меньшевики, приехавшие с мест, отвергнули [1].

Можно, конечно, удивляться узости решения в тот момент, когда командование уже начало аресты работников профсоюзов, но таковы уже меньшевики, они ничему не научились за все время революционной борьбы. Не напрасно же им прислали письмо торгово-промышленники с выражением соболезнования по поводу оскорблений, нанесенных редактору меньшевистской газеты.

Через несколько дней после съезда представитель крымских профсоюзов меньшевик Либин выехал для участия в работах рабочей комиссии, созданной Деникиным. Меньшевики оправдывали свое участие в комиссии необходимостью использовать ее как трибуну, с которой они займутся классовым воспитанием рабочих. Отстают эти горе-социалисты от событий на целые десятилетия и вольно, или невольно,

[1] „Прибой“, орган РСДРП меньшевиков, 19 августа, стр. 2.

а все данные говорят за то, что вольно играют контр-революционную роль. В августе в сентябре вообще при Деникине с меньшевиками ничего нового не случилось, они очень последовательно играли подлую роль, отвлекая рабочих от борьбы за рабочую власть, за разложение белогвардейского тыла.

Положение рабочих с каждым днем ухудшалось, расчеты на свободную торговлю хлебом не оправдались, крестьяне не выказывали большого желания отдавать хлеб за бумажные деньги, на которые ничего нельзя было купить и которые со стремительной быстротой обесценивались.

Затруднения с закупкой хлеба обнаружились в двух хлебных районах—Евпаторийском и Перекопском. Закупочные организации в Перекопском районе ввели премии за проданный хлеб. За каждые пять пудов дополнительно к стоимости хлеба выдавался один аршин мануфактуры[1]. За сто пудов, кроме мануфактуры, выдавалась пара сапог. Крестьяне не только не хотели продавать хлеб, они отказывались выполнять приказ об уплате скопщины владельцам земли.

В Акмечетской, Унанской и Карачинской волостях после категорического отказа крестьян отдавать владельцам земли $^{1}/_{5}$ своего урожая губернатор решил „морально воздействовать“ на крестьян высылкой отряда солдат. „Моральное“ внушение закончилось расстрелом огромнейшей, около 1000 человек, толпы крестьян в Акумане. Ни газеты, ни донесения начальников не говорят о числе убитых со стороны крестьян, из отряда убито два солдата[2]. Стрельба начата,—гласит официальное сообщение,—после попыток со стороны крестьян обезоружить солдат. Доверять официальным донесениям виновников дикой расправы с крестьянами, конечно, нельзя. Расстрел был произведен по приказанию начальника отряда в тот момент, когда крестьяне меньше всего его ожидали. Неудовлетворенные расстрелом, офицеры произвели зверскую унизительную экзекуцию над крестьянами.

О нравах добровольческой армии при занятии деревень или расквартировании в них частей дает представление донесение помощника прокурора Симферопольского окружного суда. Он был свидетелем расправ добрармии с населением в первый и второй период захвата Крыма белогвардейцами и на основании богатого опыта пришел к такому убеждению: „Надо признаться, что, к прискорбию, понятия безнаказанности утвердились, повидимому, и в сознании многих представителей добрармии. Так, по донесении начальника

[1] „Голос Жизни“, № 24.
[2] „Таврический Голос“, № 7 (157).

Мелитопольского общеуголовного розыска, а равно по словам частных лиц, участившиеся за последнее время грабежи и кражи в большинстве случаев производятся солдатами проходивших воинских частей... Даже случаи предания виновных военно-полевому суду не отрезвляли любителей легкой наживы"[1]. Не желая, вероятно, компрометировать офицеров, автор донесения взваливает вину на солдат. В донесении помощника прокурора по Феодосийскому уезду имеются, однако, прямые указания на то, что в грабежах, незаконном захвате ценностей при обысках участвуют и офицеры. На донесении этом имеется резолюция об увольнении с занимаемых должностей и переводе на другую службу офицеров-виновников[2].

Крестьянское хозяйство разоряется не только грабежами, крестьяне страдают не только от экзекуций. В первом из цитированных донесений есть еще такое место: „Все это вместе с системой беззастенчивых реквизиций у населения тачанок, лошадей, скота, хлеба и др. продуктов, введением утомительной подводной повинности, осуществляемой самым возмутительным без очередного распорядка образом, естественно вызывало в населении озлобление и полное недоверие к власти" [3]. Ко всему этому надо добавить еще, что крестьяне при попытках облегчать, хотя бы немного, свое положение, если даже эти попытки носили характер невооруженного протеста, немедленно получали карательный отряд, который и чинил суд и расправу. С полным правом крестьяне могли заявить:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей.

Наиболее умные представители белогвардейского лагеря с откровенностью заявляли, что у власти нет таких нитей, которые ведут к глубине крестьянской жизни, что подлинного голоса деревни они не слышат. Аппарат, призванный проводить политику в деревне, отстал от условий современного быта. Он лишен даже внешнего представительства и твердости, не импонирует крестьянам не только по существу, но и по форме. „Деревня, — пишет один из них, — в смысле защиты ее прав стоит сейчас в позе и положении абсолютной беспомощности и заброшенности" [4]. В качестве примера бесправного положения деревни тот же автор приводит пример с приказом, устанавливающим долю крестьянского взноса за обработанную помещичью землю.

[1] Дело прокурора окр. суда. Крымархив, наряд № 5.
[2] Тоже.
[3] Тоже.
[4] „Таврический Голос", № 113 (263), стр. 2.

Он пишет:

„Вопрос — крайне существенный для деревни, только что пережившей большевистско-коммунистический захват земли и вынужденной снова вернуться к институту земельной собственности, хотя бы в проекте и ограниченной.

Ну, а где же, в действительности, соблюдаются эти властью установленные нормы „полюбовной“ дележки урожая? Да нигде.

Там, где собственник, в массе своей столь же алчный, сколь и близорукий, чувствует себя в атмосфере относительной безопасности, он требует от „захватчика“ отдачи ему урожая в нормах, далеко превышающих ту, которая установлена властью.

Увлеченный той же недальновидностью, собственник вздувает арендную плату за землю до тысячи, полуторы тысяч рублей за десятину,— и слепо игнорирует ропот деревни...

Кто же призван у нас следить за действительным соблюдением установленных правительством норм раздела урожаев?

Быть может, на бумаге такие органы или инстанции у нас и есть, но нет их в жизни, нет их в сознании деревни, они абсолютно ничем не отразились в нынешнем крестьянском быту“ [1].

Представление о правовых нормах защиты и охраны утрачено было и в городе, совершенно атрофировалось представление о самом существовании нормального суда. На месте правовых норм суда, как института защиты или наказания, стояли отдельные жаждущие крови белогвардейцы. Они наказывали и миловали, расстреливали, насиловали, вешали, грабили и жгли, оправдывая свои поступки защитой родины-России, законности и отечества.

Крымская организация РКП(б) в деникинском подпольи

Партийная организация в Крыму молодая, не знавшая нелегальной работы при царизме. Организация выросла в годы подъема массового рабочего движения после февральской революции. На пути к Октябрю собирались силы, происходило размежевание с меньшевиками, проводилась работа, направленная на завоевание власти Советов. Месяцы Советской власти в 18 году, а затем и кратковременное пребывание ее в апреле, июне месяце 19 года привлекли в партию количественно значительные кадры.

Организации пополнились за счет таких групп, которые, искренне сочувствуя Советской власти и ее целям, не представляли себе всей сложности партийной работы; политически это был весьма сырой, невоспитанный материал. В организационном отношении вновь пришедшие в организацию знали только формы работы в условиях легального, руководящего положения партии. Быстрый отход Красной армии из Крыма в июне не позволил заняться подготовкой групп, способных вести партийную работу в белогвардейском тылу и армии.

Задача подполья, которая сводилась к дезорганизации тыла, помощи Красной армии при ее наступлении или отвлечении внимания на тыл в ущерб фронту с тем, чтобы в труд-

[1] „Таврический Голос“, № 113 (263), стр. 2.

ные моменты, дезорганизуя белых, давать время для собирания сил Красной армии, не была усвоена очень многими партийцами из оставшихся для подпольной работы в Крыму. Руководящее ядро, в руках которого были сосредоточены средства, явки и проч., вскоре рассыпалось по одиночке, а затем некоторые из его состава выехали совершенно из Крыма.

Выезд из Крыма руководящей группы организации создал очень тяжелое положение. Нарушена была связь не только между городами, но и между отдельными членами партии в городах. Создалось такое положение, что приехавшие из Советской России члены партии никого не могли найти по данным им явкам. Так, например, присланный для работы среди молодежи товарищ нашел одного партийца случайно. „Заподозрив“ одного человека, часто посещающего библиотеку и там встречавшегося с одними и теми же людьми, комсомолец установил за ним слежку, а через несколько дней проводил посетителя библиотеки до квартиры и там у ворот рискнул остановить его и прямо сказать, кто он и почему занимается слежкой. Посетитель биб-ки оказался членом партийного комитета, за несколько дней до этого созданного группой партийцев.

В Севастополе положение было не лучшим. Там дело дошло до того, что довольно длительное время существовало два партийных центра. Каждый центр вел работу, подозревая соседа в связи с контр-разведкой[1]. То же имело место и в Симферополе. Здесь за второй организацией была установлена слежка. Думали даже, считая их шпиками, избавиться от некоторых, не удалось этого потому, что вторая организация была обнаружена контр-разведкой и почти вся расстреляна. Более благополучно было в Ялте, где группа оставшихся на подпольную работу партийцев сохранила связи и вела работу.

В конце августа в Симферополе собралась группа вместе с приехавшими из Советской России. Создан был временный комитет. Связи с другими городами не было, не было и средств. Работу приходилось ограничивать узкими рамками пропаганды среди немногочисленных групп рабочих.

Надо отметить, что слабо развитая промышленная жизнь Симферополя да и всего Крыма к этому времени совершенно замерла. Завод Анатра, давший в 1917—1918 годах крепкое рабочее ядро большевиков, был закрыт, рабочие выехали в промышленные районы. Фабрика Абрикосова, привлекавшая в сезон обработки продуктов и овощей квалифици-

[1] Дело Севаст. организации РКП(б) по списку внефронтовых. Дело № 05, Воспоминания т. Бабахана, сборник „Революция в Крыму“ № 3—24 г. и Дело прокурора, наряд № 5.

рованных революционных рабочих из Москвы, не работала совершенно. Кадры железнодорожников поредели. Флот почти не существовал, несколько кораблей, оставшихся незатопленными, стояли мертвецами, действующие корабли, укомплектованные весьма нереволюционным составом, не могли уж играть большой роли. Рабочие портов и мелких предприятий в стремлении обеспечить себя от голодной жизни в условиях дороговизны и спекуляции были вовлечены в общий водоворот судорожной спекулятивной хватки за обеспечение, если не хорошего, то во всяком случае и не голодного существования.

Небольшие кадры рабочих на сохранившихся предприятиях находились в организационных сетях меньшевистских профсоюзов.

Условия работы партийной организации были тяжелыми, при чем эта объективная сложность работы увеличивалась еще некоторыми внутренними трениями.

Кроме комитета в Симферополе, группа крымских работников, оставленная для подпольной работы в Крыму, создала комитет в Одессе, пытаясь оттуда руководить работой в Крыму. Местные работники отрицательно отнеслись к этому комитету, собиравшемуся из „заморской" дали руководить работой, которая ежедневно выдвигала новые и совершенно конкретные задачи.

Ко всем недостаткам и трудностям работы надо добавить еще и то, что в организацию проник очень сильный провокатор, сумевший завоевать огромнейшее доверие комитета. На ряду с сознательными провокаторами, некоторые слабые члены партии, молодые по своему опыту, будучи арестованными, не выдерживали пыток и выдавали тех, кого они знали в организации.

Но подполье знает массу случаев и другого порядка, когда, несмотря на издевательства и пытки, товарищи умирали, храня гробовое молчание.

Комитет, сумевший, наконец, связать партийные организации, был организован в ноябре месяце. Основным в своей работе комитет поставил работу в армии и подготовку вооруженного восстания. Второе занимало значительно больше внимания организации. Были созданы боевые группы членов партии, по некоторым данным удалось привлечь на свою сторону небольшие группы солдат и матросов в Симферополе и Севастополе, велась работа среди солдат, возвратившихся из Франции. Наладилась, и одно время довольно аккуратно, информация о намерениях и планах белогвардейских учреждений.

План восстания не удался, за несколько дней до выступления был арестован Севастопольский комитет партии

и, что самое главное, было несколько утеряно время самого восстания, период паники, бесцельной толкотни, страха перед наступающими частями Красной армии прошел, белогвардейцы закрепились у Перекопа, а внутри Крыма Слащев взялся „укреплять тыл“, подчиняя его воле фронта.

Партком своими силами и помощью организованного осенью комитета комсомола печатал листовки, воззвания, распространяя их по городу и среди рабочих. Печатание листовок было весьма затруднено. Своей типографии не было, бывшая под влиянием комсомольского комитета типография не могла обслужить всех нужд организации. Чтобы напечатать листовку, шли иногда на риск жизнью членов организации.

Вот как, например, описывает прокурор Симферопольского окружного суда в своем донесении печатание листовки Обл. комитета РКП(б):

„25 февраля с/г в 5 ч. 40 м. вечера в г. Симферополе в типографию „Рекорд“, помещающуюся в самой оживленной части города в д. № 2 по Екатерининской ул., зашли с улицы 8 неизвестных молодых людей, одетых просто в штатское пальто или английские шинели. Пятеро из вошедших, выхватив револьверы сист. „Браунинг“ и „Наган“, крикнули „ни с места!“, а затем приказали бывшему в типографии владельцу ее и зашедшему туда в качестве заказчика товарищу прокурора окружного суда Владимиру Янковскому перейти во второе помещение, удаленное от улицы. После этого неизвестные, потушив электричество в выходящем на улицу помещении, заставили типографских рабочих... набрать, а затем и напечатать приложенную прокламацию в количестве 1000 штук“[1].

„Неизвестные“—были не кто иные, как группа комсомольцев, выполняющая данное им комитетом партии поручение, а „прокламация“ была воззванием в связи с трехлетней годовщиной февральской революции.

Подполье знает и еще случаи вооруженного нападения в целях освобождения захваченных белогвардейцами товарищей. Так, например, 1-го марта командир Симферопольской городской стражи доносит о нападении „группы неизвестных лиц в числе 9 человек“ на 1-й участок стражи в Симферополе. Нападение было совершено в целях освобождения арестованных до этого за несколько дней членов организации.

Ревком, организованный большевиками значительно раньше, по поводу освобождения издал приказ, в первом пункте которого писал:

„27-го февраля случайно был арестован член Военно-революционного комитета и посажен в карцер 1-го уч. Государственной стражи.

По постановлению Ревкома боевая дружина в 9 час. вечера 1 марта, захватив участок, освободила члена Ревкома и других арестованных,

[1] Дело прокурора. АОР, наряд № 5. Описание этого случая см. в сборнике „Революция в Крыму“ № 3—1924 г. ст. Москалева.

находящихся в участке, и, арестовав, посадила в карцер командира Государственной стражи.

Объявляя это во всеобщее сведение, Ревком утверждает, что если Добр. власти будут очень усердствовать и под флагом бандитов избивать арестантов, как это имело место, то все участвующие лица, какого бы положения ни были, будут расстреляны, не дожидаясь прихода Кр. Армии. Предлагается быть благоразумным"[1].

Не менее смелое и решительное выступление было в феврале, когда группа членов организации освободила арестованных пленных красноармейцев, эвакуированных в Крым из Харьковской тюрьмы.

Керченская партийная организация установила на непродолжительный срок связь с Красной армией, занявшей Таманский полуостров. Было предположено организовать вооруженное восстание в Керчи, чтобы облегчить тем самым высадку десанта Красной армии, который бы мог ударить добровольческой армии с тыла и заставить ее сдать Перекоп и уйти из Крыма.

Был план восстания и в Феодосии. Феодосийцы собирались оказать помощь Красной армии в продвижении в Крым через Арабатскую стрелку.

Оба плана не удались, благодаря провалам организации.

Провалы подпольных организаций несли с собой разгром организаций, расстрелы лучших наиболее активных работников, разрушали связи. После провалов нужно было вновь начинать работу оставшимся партийным работникам.

Следует указать в работе комитетов партии отрыв от деревни, тогда как условия для собирания сил в деревне были налицо. Крестьянство, стихийно выступавшее в некоторых деревнях против белогвардейских грабежей, не желавшее уплачивать скопщины помещикам, было безусловно благодатной почвой работы. Связь с деревней начала несколько налаживаться через отряды красноселеных, но и здесь она ограничивалась узкими рамками привлечения крестьян к продовольственной помощи краснозеленым[2]. Наконец, самое зеленое движение за это время не носит еще характера организованного единым руководством массового движения.

Краснозеленые в тот момент представляли из себя разрозненные небольшие группы, составленные из дезертиров, освобожденных или бежавших из тюрьмы советских работников и красноармейцев. Было немало среди зеленых и уголовного элемента, стремящегося к личной наживе, к грабежам. Впоследствии при уходе партийной организации в лес уголовные элементы отделились.

[1] Дело прокурора. АОР, наряд № 5.

[2] „Дело о зеленых". Крымархив. Воспоминания Макарова—архив Истпарта и ст. Бабахана и Мокроусова, сборник „Революция в Крыму", № 4—24 г.

Зеленое движение не имело резко очерченной политической физиономии. Наряду с большевиками, создавшими отряд под руководством Областного и Севастопольского комитета, были отряды с анархистскими взглядами их руководителей. Одни ставили задачей помощь советской власти без всяких оговорок, другие вносили в борьбу элементы националистического и анархистского характера.

По данным сохранившегося „Дела о зеленых“ и воспоминаниям участников движения, в начале 20 года существовали отряды: Макарова—отряд оперировал в районе, прилегающем к Балаклаве, удаляясь иногда к Чатырдагу, кавалерийский отряд Пети—в Феодосийском и части Карасубазарского района, отряд Шкурина, составленный из освобожденных из тюрьмы, и несколько небольших групп, оперировавших в районе Алушты—Симферополя.

Наиболее выдержанными политически и организованными были отряды Пети и Шкурина. Отряд Макарова в это время политически не оформился, выступал сепаратно и большой роли не играл.

Интересно, что в листовках и воззваниях партийного комитета не ставятся вопросы, живо интересующие деревню. Собственно, воззвания за это время вообще отличаются некоторой отвлеченностью. В них совсем не выдвигаются в связи с общим положением местные вопросы, нет там и прямых указаний на вопрос: а что же делать?

Воззвания комитета читались в городах с большим интересом, они находили очень много сочувствующих общему лозунгу: „Долой белогвардейцев. Да здравствует Советская власть“. Но этот близкий массам лозунг не находил практического освещения, не давалось указаний на прямые задачи сегодняшнего дня.

Имел место случай обращения группы деникинских солдат за практическими указаниями о восстании, к которому комитет призывал в своей листовке. Практических указаний вследствие неподготовленности и не ясного представления о характере и плане восстания у самого комитета не было дано. Солдаты просили сообщить им, когда все будет готово[1].

Или так, например, листовка к 3-хлетней годовщине февральской резолюции, указав на предательскую роль меньшевиков, с.-р., на разгул и террор белогвардейцев, заканчивалась так:

„Памятью ваших павших братьев, погибших в борьбе против царизма и капитала, именем ваших семейств, голодающих по воле спекулянтов, мы зовем вас стать под знамена революции. Пусть годовщина революции напомнит вам рабочих и солдат Питера, героически вышедших на улицу и продиктовавших свою пролетарскую волю угнетателям.

[1] Воспоминания т. Федоровой.

Объединяйтесь, организуйтесь, вооружайтесь и будьте готовы каждую минуту по призыву коммунистической партии кинуться в бой против власти угнетателей и эксплоататоров. Завоюйте свою рабоче-крестьянскую власть. Долой генералов, спекулянтов, меньшевиков, пр. с.-р." [1].

Листовка выпущена была через несколько дней после выдачи профсоветом ручательства, что восстаний не будет, в момент, когда только что закончился съезд общественных организаций, а Деникин взял „демократический" крен. По этим вопросам практических указаний, ориентировки листовка не давала.

В обращении к казакам после довольно правильных указаний на то, что землю у казаков никто отбирать не собирался, что борьба ведется с их атаманами, конец совершенно неожиданный: „не ожидая, пока вас начнут гнать объединенное крестьянство и весь голодный пролетариат городов, вы должны для своей самозащиты предпринять все то, что подскажет вам ваш здравый смысл" [2].

Такое явление может быть объяснено двумя причинами: во-первых, тем, что комитет, оторванный от Советской России, не имеющий руководства, не установил для своей работы того круга вопросов, на которых должно быть заострено внимание, комитет искал, а выбиваемый из колеи частыми провалами не мог быстро освоиться с обстановкой, вот это отсутствие знакомства с местными условиями и теми изменениями, которые произошли за время революции, и было второй причиной.

Некоторая ошибочность в расценке происходящих событий может быть доказана, напр., следующим: на комсомольской конференции один из членов партийного комитета заявлял о том, что Деникин является более демократическим представителем белогвардейщины, чем Врангель. Эта безусловно неверная установка мешала многим вскрывать сущность „демократических" и аграрных новшеств Врангеля.

Доказательством некоторой нетвердости ориентировки в политических событиях может еще служить хотя бы и то, что партийный комитет, узнав о готовящемся выступлении капитана Орлова, начал с ним от имени Ревкома переговоры, выделив для этого одного из членов комитета. Орлов, понятно, и не думал принимать предложений коммунистической партии, затягивал ответ о совместном выступлении, а комитет вскрыл перед организацией и рабочими сущность программы орловцев только после их выступления.

Проверка опыта работы и уточнение политической линии в местных вопросах наряду с внесением ясности в вопросы тактики партийной организации произошло позднее на Кок-

---

[1] Дело прокурора симф. окр. суда. Крымархив, наряд № 5.

[2] Тоже.

тебельской конференции и после, когда внимание организации было перенесено на работу с отрядами зеленых и когда подвергся обсуждению и вопрос о работе в деревне.

Период после вступления Врангеля к власти в Крыму представляет из себя новую полосу в развитии партийной работы.

Закат деникинщины

Внутреннее разложение деникинских рядов, вся мерзость поведения „чинов добрармии", нежизненность политико-экономической программы в момент наступления и побед были скрыты, не всплывали наружу. „Победителей не судят",—так рассуждали в газетах. Но победители стали побежденными. Бесформенным комом в диком ужасе перед наступающими частями Красной армии катилась „доблестная победоносная" на юг. Курск—Харьков—Мелитополь стали Советскими. Колчак, на которого возлагалось много надежд, покатился на Урал. Красная армия миновала Омск, Ново-Николаевск и Томск. Ставка Колчака переехала в Иркутск.

Английское правительство перестало верить в возможность победы над Советской властью силами реакционных генералов. Тесное кольцо блокады начало сдавать, появились разрывы в цепи удушения Советской страны. И... вдруг... о ужас.... вчерашние друзья белых генералов английские капиталисты в речи Ллойд-Джорджа возвестили всему миру что Англия берет курс на „фактически существующее в России правительство".

Деникин почувствовал, что почва быстро уходит из-под его ног. Пропала былая самоуверенность, „умолк перезвон московских колоколов". Место мечтаний о Кремле заняли вопросы собственного спасения.

Газеты забили тревогу. Все занялись розыском причин поражения добрармии. Начали резко чувствоваться финансовые, продовольственные и всякие иные кризисы. Появилась масса новых проектов государственного устройства. Омерзительность деникинского режима предстала во всей ее красоте, и сами творцы испугались плодов своей деятельности.

В торгово-промышленных кругах появилась новая ориентация на Германию. Разрешались вопросы о том, как удавить Польшу, разделяющую Россию от Германии. Печать начала обсуждение вопроса о Русских соединенных штатах.

Деникин, „вследствие разобщенности фронта и разрыва связей с Колчаком", готовит объявление себя верховным правителем России. „Руководящие круги добрармии,—пишет одна газета,—заняты сейчас отысканием выхода из этого положения" [1].

„Правительство, — продолжает газета, — принимает меры давления на иностранные правительства с целью добиться

[1] „Таврический Голос", № 109 (259), стр. 2.

более решительной и энергичной поддержки"... Но „политика стран согласия по отношению к России оставляет желать лучшего". По мнению газеты,

Англия, а еще в большей мере Франция до сих пор не взяли твердого политического курса в русском вопросе. Англия, правда, с одной стороны, продолжает доставлять разного рода снаряжения и тем облегчает тяготы Добрармии, но зато, с другой стороны, недавно сообщенные прения в палате общин и очень двусмысленные заявления Ллойд-Джорджа показывают, что английское правительство не совсем единодушно и, следовательно, не очень устойчиво занимает свои позиции в русском вопросе. Французское же правительство, несмотря на то, что новая палата депутатов оказывается более сговорчивой по русскому вопросу, чем старая, попрежнему ведет выжидательную политику. Недавнее „мирное" предложение большевиков не встретило со стороны наших союзников того резкого отпора, какой мы хотели бы видеть".

Англичане и сами не прочь были дать большевикам резкий отпор, консерваторы толкали правительство на этот путь, но становилось уже понятно, что военная интервенция потерпела неудачу. Внутреннее политико-экономическое состояние Англии было таким, что рисковать участием в продолжении деникинской авантюры было весьма опасно. Экономическая жизнь требовала установления хозяйственной связи с Россией. Кроме того, русский вопрос обострил отношения между Англией и Францией, создавая угрозу осложнений.

Англичане повернули руль своей политики. Деникину указали на то, что его реакционная политика отталкивает от него массы и делает все предприятие ненадежным. Внял генерал голосу „союзников" и окружающих его кругов и решил развязать несколько руки „общественности". В переговорах с представителями казачьих войск Деникин принял решение о создании законодательной комиссии, с которой он делил власть. Таврический губернатор получил от начальника штаба главнокомандующего следующую телеграмму:

„Впредь до созыва законодательной палаты законодательная власть на территории вооруженных сил Юга России осуществляется главнокомандующим генерал-лейтенантом Деникиным совместно с законодательной комиссией. Законопроекты, принятые вышеуказанной комиссией, утверждаются главнокомандующим в двухнедельный срок. В случае неутверждения законопроекты возвращаются обратно в комиссию для нового рассмотрения не ранее, чем через 4 месяца. Принятые законы обнародываются главкомом. Комиссия созывается указом главкома после избрания $^2/_3$ членов комиссии и открывается им или по его поручению председателем правительства. Для законного состава заседания законодательной комиссии необходимо присутствие $^1/_3$ всего состава, а для открытия сессии не менее $^1/_2$. В исключительных случаях законодательная комиссия распускается указом главкома. Новые выборы должны быть произведены в месячный срок со дня роспуска. На время войны все вообще законодательные дела, относящиеся до устройства сухопутных и морских вооруженных сил и обороны го-

сударства, а равно всего управления армией и флотом, непосредственно представляются военно-морским министром на утверждение главкома.

В перерыв занятий законодательной комиссии особо спешные меры, требующие рассмотрения в законодательном порядке, могут быть утверждены главкомом по постановлению совета министров. Эти постановления вносятся на рассмотрение законодательных комиссий по открытии ближайшей сессии. Постановления, не внесенные и не утвержденные, теряют силу. Право законодательной инициативы принадлежит главкому, совету министров и законодательной комиссии, которой принадлежит также право предъявлять запросы и вопросы всем министрам. Министры, за исключением путей сообщения и военно-морского, ответственны перед законодательной комиссией, и в случае выражения им недоверия обязаны подать в отставку".

Демократизм, как видно, очень ограниченный, но даже и это было, по сравнению с прошлым, шагом вперед. Атаман Кубанского войска называл новое положение, принятое Деникиным, западно-европейской демократической конституцией. Казаки это могли говорить хотя бы потому, что $^2/_3$ голосов в законодательной комиссии было закреплено за „краевыми образованиями Дона, Кубани и Терека".

Представители в законодательную комиссию не назначались, а выбирались на местах. Крыму в комиссии было предоставлено 14 мест. Очень любопытно было произведено распределение мест между городами Крыма, так: Симферополь, Ялта имели по 2 места. Керчь, Феодосия, Евпатория и Севастополь—по одному месту. 6 мест заполнялись по выбору губернского избирательного собрания.

Беглый взгляд на распределение мест убеждает в том, что господствующее положение в законодательной комиссии решено дать буржуазии, иначе чем же объяснить, что меньшая по числу жителей Ялта, заполненная буржуазией, получила мест больше, чем в два раза превышающий ее по числу жителей, но рабочий Севастополь. Никаких надежд на избрание в комиссию татар не было, татарские города Бахчисарай и Карасубазар присоединены были для выборов к Симферополю. Города крестьянского типа, как Джанкой и Перекоп, совершенно не получили мест в законодательную комиссию.

На съезде по выборам в комиссию в Симферополе разыгрался весьма любопытный инцидент. Делегат Севастополя отказался принять участие в выборах, потому что считал необходимым обсуждать вопрос в местных городских думах. Местная печать набросилась на севастопольцев, обвиняя их в срыве „налаживающегося сотрудничества общественных сил". Буржуазия была вполне довольна представленной демократической отдушиной и не собиралась ее увеличивать, ибо это угрожало ей, ставило ее в ограниченное положение.

Демократический курс Деникина дошел до того, что было разрешено созвать съезд общественных организаций.

18-го февраля съезд открылся. Но уже самое открытие съезда для общественных деятелей омрачалось поступками далеко не демократическими. Дело в том, что белогвардейская клика, декларируя демократические лозунги, под шумок боролась за уничтожение самых элементарных буржуазно-демократических форм. Накануне открытия съезда общественных организаций по приказу Слащева было арестовано в Севастополе пять человек меньшевиков.

Съезд поставил вопрос об аресте в повестку дня. Обсуждение происходило в присутствии Слащева, приехавшего приветствовать съезд.

Более унизительной, лакейской, до омерзительности гадкой сцены не найдешь, вероятно, нигде. Деятели городов клялись Слащеву в том, что и они и те, кто арестован, являются самыми убежденными противниками большевиков, умоляли отпустить арестованных, доказывая, что это будет „актом величайшей справедливости и глубокой мудрости“[1].

Слащев был неумолим. Этот последовательный белогвардеец, отлично понимающий, что в период обостренной борьбы все должно служить фронту, дал хороший урок тем, кто считал возможным, оставаясь в лагере белогвардейцев, заниматься салонными разговорчиками. Слащев прямо ставил вопрос: „Не разваливайте мне фронт, для меня дело чести удержать Крым“[2]. Все, кто будет разжигать настроение масс, должны быть „либо преданы военно-полевому суду за помощь неприятелю, либо отправлены через фронт к большевикам“. Четко и ясно—или идите и помогайте строить советскую страну, или, если остались в белом лагере, не скрывайте своего белогвардейского, антисоветского капиталистического существа громкими фразами о демократии, народоправстве и других ни гроша не стоящих в условиях генеральского владычества лозунгах.

Позор закончился не в тесных стенах зала заседаний. Слащев вывел соглашателей, лакействующих перед ним, на свет и учинил над ними всенародное глумление. Он обещал, что отпустит арестованных, если ему дадут ручательство, что никаких выступлений рабочих до первого марта не будет.

Совет профессиональных союзов в тот же день передал Слащеву письмо, в котором писал:

„Руководители общественных организаций Севастополя и Симферополя заверяют, что не примут до 1-го марта[3] участия в выступлениях против фронта, а в случае таких выступлений их руководители честно явятся к генералу Слащеву“[4].

[1] „Южные Ведомости“, № 41, стр. 3.
[2] Тоже.
[3] 1-го марта в Крым ожидался десант войск с северного Кавказа.
[4] Тоже.

Генерал отпустил арестованых и приказал во всех газетах напечатать сообщение о переговорах с ним общественных деятелей.

Читали массы населения Крыма и убеждались лишний

ПРИКАЗЪ

31-го Декабря 1919 г. *ст. Джанкой № 4383.*

На фронтѣ льется кровь борцовъ за Русь Святую, а въ тылу происходитъ вакханалія. Лица же офицерскаго званія пьяными скандалами позорятъ имя добровольцевъ; въ особенности отличаются чины дезертировавшихъ съ фронта частей. Все это подрываетъ вѣру въ спасеніе Родины и нашъ престижъ. Вдобавокъ спекуляція охватила всѣ слои общества. Между тѣмъ, забывшіе свою честь видимо забыли и то, что наступилъ серьезный моментъ и накатился девятый валъ. Борьба идетъ на жизнь и на смерть Россіи.

Согласно приказа, я обязанъ удержать Крымъ и для этого облеченъ соотвѣтствующей властью и располагаю достаточными силами, но для поддержки фронта мнѣ необходимо оздоровленіе тыла. Я прошу гражданъ помочь мнѣ. Общественныя организаціи и классовые комитеты, любящіе Родину, прійдите совмѣстной работой поддержать меня. Объ этомъ я прошу всѣхъ, не потерявшихъ совѣсть и не забывшихъ своего долга, а остальнымъ заявляю, что буду продолжать борьбу не одинъ, такъ какъ безсознательность и своекорыстность жителей меня не остановитъ. Не остановлюсь и передъ крайними мѣрами.

Сейчасъ приказываю: 1) Распоряженіемъ всѣхъ комендантовъ крѣпостей, начальниковъ гарнизоновъ, комендантовъ городовъ и начальниковъ уѣздовъ (послѣднимъ подъ руководствомъ Губернатора) опечатать винные склады и магазины и безпощадно карать появившихся въ пьяномъ видѣ военнослужащихъ и гражданскихъ лицъ. Спекулянтовъ и производящихъ пьяный дебошъ немедленно препровождать подъ конвоемъ на ст. Джанкой для разбора ихъ дѣла военно-полевымъ судомъ, находящимся непосредственно при мнѣ и приговоръ котораго буду утверждать лично 2) На всей территоріи Крыма, на основаніи приказа ген. Деникина и съ согласія Губернатора, запрещаю азартную карточную игру. Содержателей подобныхъ притоновъ покараю не штрафами, а по приговору военно-полевого суда въ Джанкоѣ, какъ пособниковъ большевизма. 3) Повторно разъясняю, что мнѣ ген. Шиллингомъ приказано удержать Крымъ и что я это выполню во что бы то ни стало и не только попрошу, а заставлю всѣхъ помочь. Мѣшающихъ же этому сопротивленіемъ и индиферентностью изъ-за корыстныхъ цѣлей, наносящихъ вредъ борцамъ за Русь Святую, говорю заранѣе, упомянутая безсознательность и преступный эгоизмъ къ добру не доведутъ. Пока берегитесь, а не послушаетесь—не упрекайте за преждевременную смерть.

Генералъ Слащевъ.

Таврич. Губернск. Типографія.

Приказ № 4389 генерала Слащева 31 декабря 1919 г.

раз в предательстве интересов рабочего движения теми, кто много кричит о своей революционности.

На съезде общественных организаций подвергался обсуждению вопрос о помещичьих карательных отрядах.

В первые дни после отступления Красной армии из Крыма помещики, сгорая жаждой мести к крестьянам, засеявшим их земли, создали отряд из отъявленных хулиганов под командой офицера, владельца больших участков земли в Крыму, Шнейдера. Судебный процесс над активными сотрудниками Шнейдера, быв. в 1926 г., раскрыл безобразнейшие картины расправ карательного отряда с крестьянами и всеми неугодными ему лицами. Процесс целиком открыл страницу помещичьего разбоя, но еще во время Деникина всякий знал, чем является Шнейдер с его отрядами.

Шайка опричников рыскала по деревням, наводила своим появлением ужас на города. Сотни замученных, расстрелянных, изнасилованных жертв Шнейдера переполняли чашу терпения. Десятки повешенных на трамвайных и телеграфных столбах звали к борьбе, к свержению террористической власти.

К февралю месяцу настроение настолько накалилось, враждебность крестьянства так возрасла, что Слащев вынужден был требовать от Деникина приказа, по которому можно было закрепить урожай за теми, кто посеял хлеб. Крестьянство, разоренное карательными отрядами, отдавшее весь урожай помещикам, не намерено было засевать полей. Посевная площадь едва достигала $^3/_5$ довоенного. Белогвардейцам угрожал голод и на будущее время.

Чтобы отвести надвигающуюся угрозу голода и показать крестьянам свою „заботу об интересах земледельцев“, Слащев, кроме требований об издании приказа, закрепляющего урожай, дает приказ о замене Шнейдеровского карательного отряда регулярной воинской частью. Приказ этот он дал на съезде общественных организаций для того, чтобы сделать его наиболее эффектным.

Маневр Слащева удался, „отцы городов крымских“ были приведены в умиление „готовностью Слащева итти рука об руку с общественностью“. На деле приказ этот ничего не изменял, один палач заменялся другим—крестьянство от этого абсолютно не выигрывало.

Положение становилось невыносимым. Свободная торговля превратилась в мародерство, спекуляцию, бороться с которой власти были бессильны. Еще в декабре „Таврический Голос“ писал, что „вера в силу и авторитет власти утеряна“. По отношению к деревне эта утрата объяснялась запозданием в решении земельного вопроса. „З а в о е в а н и е д е р е в н и—вот о с н о в н а я з а д а ч а, к р а з р е ш е н и ю к о т о р о й д о л ж н ы б ы т ь н а п р а в л е н ы в с е м ы с л и и д е й с т в и я д е м о к р а т и ч е с к о г о л а г е р я“[1].

[1] „Южные Ведомости“, № 7, 10-го января, стр. 2. Разрядка подлинника, *М. Б.*

Так откликаются „Таврическому Голосу“ „Южные Ведомости“ и, продолжая, заявляют: „В борьбе с большевизмом победит тот, кто заслужит доверие у крестьян“[1]. Автор лозунга бросает клич к интеллигенции итти в деревню на завоевание крестьянства.

Другие газеты понимают, что походом интеллигенции в деревню ничего не сделаешь,—они идут дальше, выдвигая положение о том, что даже только земельной реформой нельзя ограничиться, что нужны демократические формы управления деревней. Волостной старшина, воскрешенный Деникиным, был неподходящей фигурой в борьбе за крестьянство.

Газеты признают, что, если даже допустить отрицательное отношение деревни к большевикам, то и „за нас она не пойдет, ибо не знает, что будет с землей“.

Если деревня стонала от произвола белогвардейцев и не хотела итти за ними, то город не менее враждебно относился к деникинцам. Город рабочих и служащих голодал, подвергался оскорблениям, издевательствам, жил в постоянной угрозе арестов, заключения в тюрму и расстрелов. Особенно массовый характер носили аресты в Севастополе, Симферополе, Феодосии и Евпатории. Так, в октябре 1920 г. в Евпатории было арестовано в один раз десять человек, обвиненных „в принадлежности к большевикам“, вслед за этим были десятки случаев ареста по одному, по два, по три человека. Симферополь имел сотни случаев арестов. В Севастополе особенно ярким надо признать арест девяти в январе и 36 человек в марте. Второй случай особенно характерен со стороны того, какими же правовыми нормами руководствовались белогвардейцы. 10 человек, выделенных из числа 35 арестованных 19-го марта, 22-го марта предстали перед военно-полевым судом. Суд приговорил трех к расстрелу, двух к десяти годам каторги, а пять человек оправдал. Однако, дело судом не кончилось, ночью 23 марта всех десять человек, по приказу Слащева, вывезли в Джанкой и там расстреляли.

Протесты рабочих, просьбы, даже вмешательство бежавшего в это время из Новороссийска в Севастополь министра деникинского правительства Мельникова, ничто не помогло. Слащев ответил, что он не позволит, чтобы тыл диктовал фронту. Расстрел был произведен, а на другой день рабочие объявили забастовку. Не помогли обещания меньшевиков, осталось на бумаге решение Крымпрофа, недопускающее забастовку, из Севастопольской она превратилась в Общекрымскую. Массовые аресты среди бастующих, а затем и предательская роль меньшевиков не позволили

[1] „Южные Ведомости“, № 7, 10-го января, стр. 2.

превратить забастовку в восстание, через три дня решено было приступить к работе, уступая силе штыка.

Следует остановиться на борьбе со спекуляцией, которая приняла невиданные размеры. Спекулянты очень умело доставали товары, и весьма быстро перевозили их. Уполномоченные государственных организаций неделями сидели на станциях железных дорог, терпеливо дожидаясь нарядов на вагоны, а спекулянты за взятки жел.-дор. начальству разъезжали во всех направлениях без задержки.

Бороться со спекуляцией, ибо она разлагает тыл,—сократить аппетиты торгового класса. Такую задачу поставили себе власти, но разрешить ее не могли. В переписке тов. прокурора с начальником государственной стражи есть такие указания: „При наличном составе командированных для этой цели (борьбы со спекуляцией, *М. Б.*) чинов стражи вряд ли дело это может иметь какой-либо успех... За февраль месяц ими было составлено два протокола, по которым можно судить только о непонимании ими дела“[1]. При такой характеристике тех, кто должен был бороться со спекуляцией, нельзя было ждать результатов. Кроме этого, трудно было чтонибудь делать, когда власти в тылу армии были связаны со спекулянтами не только взятками, но и участием в прибылях.

Тыл жил особой от фронта жизнью. Безответственность, интриги, халатное отношение к вопросам фронта, борьба за тепленькие местечки, дающие большой доход,—такова характеристика тылового административного и военного аппарата. Неприспособленность всего аппарата к работе в напряженной военной обстановке, гнилостность всей системы стала очевидной в тот момент, как на Кавказе белогвардейцы были разбиты и волна их покатилась в Крым.

Тысячи людей, сотни различных учреждений толкались, мешали друг другу, кто пытался кем-то руководить, распоряжаться, выдвигать проекты, планы спасения России, превращать Крым в политическую государственную единицу. „Вавилонское столпотворение“, паника увеличивались по мере приближения Красной армии к Перекопу или с приездом новых непрошенных гостей Дона, Кубани и Терека.

В рядах руководителей добровольческой армии начался развал. Один из популярных в буржуазных и казачьих кругах генерал, барон Врангель, в начале февраля обратился с письмом к Деникину. Он, указывая на целый ряд стратегических ошибок штаба, писал:

„Еще в то время, когда Донцы победоносно двигались к сердцу России и слух Ваш уже улавливал перезвон Московских колоколов, в сердцах многих из Ваших помощников закрадывалась тревога. Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками,

[1] Дело прокурора Симф. окр. суда, наряд № 5.

примером своим развращающими войска, такая армия не могла создать Россию... Не имея организациониого тыла, не подготовив в Крыму ни одиой укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где население научилось ее ненавидеть, доброармия... стала безудержанно катиться назад. По мере того как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность Вашей стратегии и Вашей политики, общество стало прозревать... Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власть, окруженный бесчисленными лжецами, Вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранеиии власти. Ваше обаяние и власть выскальзывали из Ваших рук. Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать крамолу и мятеж".

Врангель, о котором еще в ноябре газеты писали, как о предполагаемом главкоме при сохранении верховной власти у Деникина, был уволен от занимаемых им должностей.

В феврале, после того как Врангель приехал в Крым „на покой", местная буржуазия и бывшие сановники обратились с письмом к Деникину, в котором просили назначить Врангеля главным начальником Крыма. В письме Врангеля, его рапортах, а затем в обращении крымских деятелей Деникин увидел попытку к его свержению и изменению западно-европейской ориентации. Врангелю было предложено покинуть Россию. Он подчинился и выехал в Турцию.

Непорядки тыла, его разложение, начавшееся в дни поспешного отступления, а затем и своеобразное желание бороться за оздоровление тыла нашли выражение в выступлении группы офицеров под командой капитана Орлова в Симферополе. Орлов, сформировавши отряд из молодых офицеров, вместо отправления на фронт с отрядом, арестовал начальника гарнизона и объявил себя властью, подчиняющейся только Слащеву и приехавшему к этому времени в Крым Врангелю. Свое выступление Орлов оправдывал желанием избавить армию от беспорядков в тылу и заменить неугодных офицерству начальников.

Слащев потребовал от Орлова немедленного выезда на фронт. Врангель рекомендовал ему „подчиниться начальникам". Получив отказ, Слащев направил в Симферополь военную часть с приказанием взять Орлова. Но взять не удалось. Орлов ушел из Симферополя и направился в Ялту. Офицерский взвод, высланный ялтинским начальником гарнизона против орловцев, в бой не вступил, и Орлов беспрепятственно занял Ялту. Чувствуя, однако, что ему не удержаться в Ялте, он согласился выступить на фронт. Слащев расстрелял орловцев при приближении к Джанкою, остатки их небольшой группой бежали в горы. Авантюра не удалась, но она вскрыла с очевидностью для всякого, что развал зашел очень далеко.

Симферопольская дума, признавшая Орлова начальником гарнизона, впоследствии старалась стыдливо умалчивать

об этом, поняв, что попалась на удочку авантюристического выступления.

Напряжение с каждым днем росло. Краснодар и Новороссийск были взяты уже Красной армией. Оставался один Крым до Перекопа. Не только внутренние силы, но и союзники открыто начали высказывать свое недовольство политикой Деникина, обвиняя его за поражение добровольческой армии. Факт замены Деникина другим генералом, который мог бы собрать для защиты Крыма новые силы и был бы популярным в военных и буржуазных кругах, не представлял из себя ничего неожиданного. Все ждали замены главкома—Верховного Правителя, а вместе с заменой фигуры и изменение политического курса. 21-го марта собрался в Севастополе военный совет в составе до 70 генералов. В результате абсолютно секретного заседания Деникин опубликовал приказ, по которому генерал Врангель назначался главнокомандующим вооруженными силами на юге России.

Послав всем „низкий поклон", Деникин уехал в Англию, а Врангель на английском миноносце, специально за ним посланном, вернулся из Константинополя в Крым.

Наступила новая полоса белогвардейского господства в Крыму.

ГЛАВА X

Врангелевщина

В конце марта 20 года—после жестоких поражений, понесенных добровольческой армией, когда, потеряв все, она судорожно ухватилась за Крым,—пришел к власти на смену Деникину генерал Врангель.

Жалкие остатки „великой" армии перебрасывались с помощью англо-французского флота с Кавказа в Крым. Потеряв вооружение, лошадей, покинув родные станицы, казаки—главная опора Деникина—открыто говорили о бесцельности дальнейшей борьбы. Орган донского корпуса „Донской Вестник", обсуждая положение казаков, сделал несколько смелых выводов о необходимости найти мирный путь сожительства с Советской властью. Врангель закрыл газету, но на смену ей появился „Голос Дона", который, несмотря на поставленную перед ним задачу защиты „идеи единства действий всех сил, борющихся за свободу родного края и за светлое будущее общей матери России"[1], обсуждал на своих страницах условия „мирного договора" с большевиками, т. е. с Советской властью, и находил, что есть очень много данных на мирный исход переговоров.

Крымское население в первые дни не почувствовало особых изменений от перемены верховных правителей, настроение масс характеризовалось в этот момент враждебностью к белогвардейцам. Так, например, в Евпатории огромная толпа, возмущенная расправой Слащева с севастопольскими рабочими (расстрел 10), требовала освобождения политических заключенных и дезертиров. Начальник уезда, с тревогой сообщая о событиях, просит выслать в Евпаторию воинскую часть. Эскадрона казалерии и команды стражи, по его мнению, мало, кроме военной силы, он надеется „на осторожность и выдержку" совета профессиональных союзов. Чтобы „власть могла заговорить твердым языком", начальник одного из уездов считает полезным прислать в город казаков, это „отрезвляюще подействовало бы на толпу и создало бы в городе реальную и надежную боевую силу".

---

[1] „Голос Дона", № 1, стр. 1. Приказ донского атамана.

Что же заставляет беспокоиться о надежной силе? Ответ дает донесение начальника государственной стражи, он пишет: „Приход большевиков стал для населения реальным недалеким будущим, на которое отдельные слои населения реагируют различно. В кругах интеллигенции и в состоятельных верхах общества эта перспектива вызывает откровенную панику. Широкие круги населения смотрят на положение мрачно и безнадежно—„все равно, мол, большевики придут“. В рабочей среде близость советских войск особенной тревоги не вызывает“.

Тот же начальник стражи отношение к перемене правителей оценивает так: „Широкие круги политически безразличных обывателей, а также и демократические элементы населения относятся к созданию Южно-Русской власти холодно, усматривая в этом факте не демократизацию правительства, а вырванный у власти обстоятельствами момента компромисс, свидетельствующий не о перемене взглядов на верхах, а о бессилии и умирании власти“.

Характеристика отношений к власти и настроений вполне правильная.

Отрицательное отношение населения к добровольческой армии и ее командованию, разложение армии и тыла делало невозможной борьбу. Надо было пойти на „компромисс, вырванный обстоятельствами момента“.

Неизбежность компромисса понимали и союзники, поставившие Врангелю условием проведение ряда демократических реформ. Собственно с переменой верхов переменилось и руководство союзников, на смену всесильной при Деникине Англии начала усиленно укрепляться Франция.

Наученные горьким опытом деникинской неприкрытой реакционности, командные верхи белогвардейщины с первого дня начинают открещиваться от „старых грехов“. „Военный Голос“, официоз штаба Врангеля, пишет о том, что нужно выявлять ошибки прошлого, ибо „этого повелительно требуют интересы настоящего и будущего“. Среди ошибок прошлого, „печальной истории печальных ошибок“, газета отмечает и то, что губернаторы, начальники, уполномоченные, председатели больших и малых комиссий, бюро и учреждений, освагов, агитпоездов „после новороссийского позора сочли за благо ретироваться „за границу“, что, дескать, испытывать дальше судьбу, побаловались, собрали немного этой, как ее там—„валюты“... Ну и с колокольни долой. Пусть уже другие кончают расхлебывать то, что мы заварили“[1].

Нести ответственность за прошлые „грехи“, проще говоря за бесшабашный грабеж, Врангель не желает, он счи-

[1] „Военный Голос“, № 3, стр. 2.

тает, что спасение „возможно только при коренной ломке, при бесповоротном оставлении практиковавшейся до сих пор тактики.

Должно произойти радикальное обновление всего правящего и начальствующего состава с беспощадным удалением всех неудачников и пораженцев“.

„Гибкий и образованный“, Врангель[1] и его министр иностранных дел Струве в стремлении привлечь на свою сторону антисоветские силы шли даже на оставление „в стороне великодержавных затей“. Это не было, конечно, отказом от России, но это было в известной степени признанием федеративного характера государства. Пусть это было временным лозунгом, который по мере укрепления силы Врангеля будет отброшен, как ненужный хлам, но даже если это и так, то все-таки симптоматичности, оригинальности у такового заявления не отнимешь.

Правая печать торжественно приветствовала приход Врангеля к власти. „Свершилось событие колоссальной важности. Свершилось то, о чем чаяли и мечтали искренние патриоты, на что возлагали последние надежды и упования лучшие сыны родины. Генерал Врангель, рыцарь без страха и упрека, блестящий и непобедимый военноначальник, любимец и гордость армии, назначен главнокомандующим вооруженными силами юга России“[2]. Так писала в передовой одна из газет, а ей вторили другие, стараясь вселить у читателя уверенность в силе и непобедимости кучки авантюристов, засевших в Крыму только потому, что внимание Красной армии было отвлечено на более серьезный в этот момент участок войны с Польшей.

Разрозненные части добрармии, расположенные в городах и селах Крыма, смешавшись с беженцами из гражданского населения, утрачивали свое боевое значение. На фронте были части Слащева. Защищать Крым и мечтать о России с небольшой группой войск совершенно невозможно. Врангель это отлично понимал, и через несколько дней после вступления в управление он предпринял поездку по всем городам и крупным местечкам, где были расположены воинские части. В результате поездки из разрозненных частей появился корпус под командой генерала Кутепова.

Мобилизация, объявленная еще Деникиным, была подтверждена, но никто идти в армию не хотел, а явившиеся разбегались из частей. Врангель вскоре издал приказ, по

[1] Врангель—генерал, барон, окончил горный институт и академию генерального штаба. Служил в конно-гвардейском полку. В японскую войну был в одном из казачьих полков. В германскую войну был на фронте, откуда бежал на Дон и присоединился к Деникину.

[2] „Ялтинский Вечер“, № 197, стр. 1.

которому обязывал в случае неявки по мобилизации одного заменять его родственником, а если не было родственников— жителем той деревни, в которой мобилизуемый живет. Даже такой способ дал очень небольшие кадры.

Офицеры, эвакуированные из Новороссийска, старались остаться в тылу или совсем освободиться от обязанности вступать в части армии. Воззвания мало действовали на офицеров. Убедившись в злостном укрывательстве от фронта офицеров, главком издал приказ, по которому всех офицеров подвергли медицинскому освидетельствованию, после которого здоровых отправили на фронт.

В апреле опубликован приказ, переименовавший добровольческую армию в народную. Сменой вывески правитель рассчитывал на то, что население, враждебное к добрармии, изменит свои отношения к народной.

Грабеж, производимый армией, нельзя было терпеть, воззвания, призывы к совести, к сохранению рыцарского достоинства и чести едва ли на кого-нибудь подействуют, нужна какая-то более радикальная мера, и вот Врангель объявляет о предоставлении права прокурорам привлекать к судебной ответственности виновников грабежей и насилия. В назидание не столько любителям грабежей и легкой наживы, а для того, чтобы демонстрировать изменение политики, был создан громкий судебный процесс по обвинению двух полковников, поручика и чиновника, бывших сотрудников комендатуры при главной квартире Деникина. В громовой речи прокурор говорил о том, что, „когда на фронте люди жертвовали жизнью, в Таганроге, в глубоком тылу, в ставке генерала Деникина совершалась часть тех преступлений, которые создали трагедию армии и привели нас в Крым... Им, этим людям, сидящим сейчас на скамье подсудимых, обязаны мы частью нашего позора и нашего горя“ [1]. Суд присудил полковников к $2^1/_2$ годам арестантских рот, поручика к 4 годам каторжных работ. Приговор предупреждал, что это наказание дано при учете больших заслуг обвиняемых, без заслуг же нужен был смерный приговор.

Приговор мелкой рыбешке, каковой являлись обвиняемые, являлся, тем не менее, показателем обвинения деникинского прошлого армии.

Вслед за армией нужно было показать рабочим, что верховный правитель защищает их интересы. По приказу Врангеля, рабочим в Севастополе должны были выдать продовольствие из интендантских складов. Общее количество назначенного к выдаче было мизерным, Врангелем руководило не желание действительно помочь, а стремление к развращению рабочих мелкими подачками. Приближенные пра-

[1] „Военный Голос“, № 14, 24 апреля 1920 г., стр. 1—2.

вителя, однако, решили не выдавать и жалких крох, ложно сообщая на докладах Врангелю о выполнении распоряжения. Узнав от рабочей делегации, что рабочие ничего не получали, Врангель уволил мелких чиновников интендантства. Заигрывание с рабочими имело место не только в Севастополе, но и в других городах Крыма.

Не мало возмущался Врангель бюрократизму, царящему в учреждениях. В специальном приказе по этому поводу главком писал: „Заметил, что в гражданских учреждениях сильно развит бюрократизм, работа идет по шаблону, лишь в известные часы, творчества вкладывается мало, нужды населения встречают мало отзывов. Приказываю это прекратить и помнить, что мы живем в эпоху, когда лихорадочная работа должна вестись всеми...

... беспощадно удалять лиц, которые не могут возвыситься над простым пониманием старых бюрократических приемов и перейти к живой работе[1].

Упорное желание обновить, оживить работу, влить в нее элементы творчества не покидает Врангеля, но делается все это тем же бюрократическим путем; не понимает автор приказов, что развитие творчества, уничтожение бюрократизма зависит не от чиновников многочисленных канцелярий, а от самой системы власти, существа всего строя.

Создал Врангель комиссии по борьбе с грабежами и насилиями в деревне, но закончилась работа комиссий тем, что они превратились в организации, защищающие мародеров.

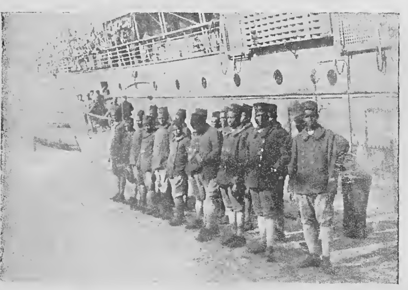
Новостью по сравнению с Деникиным было объявление амнистии всем красноармейцам, взятым в плен или перешедшим на сторону белой армии. Всем, кто добровольно переходил из Красной армии, возвращались чины и преимущества, бывшие до вступления в Красную армию. В попытках обновления, создания нового фетиша, способного привлечь к геройству, главком ввел орден Николая чудотворца, являющийся высшей наградой за военные доблести.

Значительным изменениям подверглась при Врангеле система агитационной работы среди войск и населения. Широко применялась система субсидий газетам. Было проведено несколько конкурсов на брошюры и пьесы для армии и деревни и, наконец, начали издавать газету „Беднота". По внешности издаваемая Врангелем „Беднота" почти не отличалась от советской газеты, издавалась она от имени... Центрального Комитета РКП(б), но в содержании статей и заметок даже неопытный читатель мог понять, что это наглый обман, провокационная попытка использовать популярную среди красноармейцев и в деревне газету в целях антисоветской агитации.

[1] „Военный Голос", № 30—14 мая, стр. 1.

Для подготовки агитаторов в деревню, особенно после издания земельного закона, организованы были курсы в Симферополе и Севастополе.

Широкое распространение получила агитационная деятельность попов и мулл. Не ограничиваясь выступлениями в церквах, попы организовывали митинги, крестные ходы, религиозные концерты и проч. Один из попов дошел до того, что начал звать женщин в отряды, которые по замыслу инициатора священника Востокова должны были без оружия пойти через фронт к красноармейцам, звать их в родные

Сенегальский конвой при пленных русских солдатах, доставленных из Солоник на русском пароходе „Император Александр III“, зафрахтованном французским правительством.

семьи, убеждать в ненужности борьбы с белыми. Затея эта кончилась тем, что несколько десятков обманутых женщин собрались в назначенное время на вокзале и, не дождавшись своего „вождя“, разошлись по домам.

Врангель понял, что Востоков в своей агитации зашел слишком далеко, и запретил ему не только ехать с одураченными женщинами на фронт, но и выступать с подобными этому призывами.

Симферопольская городская дума в одном из своих заседаний просила правителя сдержать несколько переусердствовавшего священника Востокова. Решение было вызвано тем, что вся здоровая часть населения была возмущена

демагогическими речами агитатора и, не прекрати Востоков своих выступлений, неизвестно еще, как бы разделалась с ним трудящаяся часть населения.

Устанавливать новые по внешности порядки в армии только показательными процессами или выступлениями с многообещающими речами верховного правителя было нельзя, надо было привлечь основной кадр армии и денежными подачками. В мае были увеличены ставки офицерских и классных чинов.

Так, напр., чиновник VII разряда, получавший до этого 1.400 рублей, с мая начал получать 18.000 рублей.

VI	разряда получал . .	2.000	установлено . . .	21.000 р.
V	„ „ . . .	2.400 – 2.800	„ . .	24.000 р.
IV	„ „ . .	3.300	„ . .	27.000 р.
III	„ „ . .	3.650	„ . . .	32.000 р.
II	„ „ . .	4.500	„ . . .	37.000 р.
I	„ „ . .	15.000	„ . . .	42.000 р.

Ставки рядовых в армии тоже были увеличены до 800 р.

Наступление армии, выход из Крыма к Мелитополю и дальше несколько приподняло настроение в армии, но наряду с этим возвратились и насилия и грабежи мирного населения. Грабеж, чтобы замести следы, сопровождался убийством ограбленного. Высшему командованию все это, конечно, было известно, но оно не принимало решительных мер, наоборот, старалось скрыть виновников от суда.

Совсем другую картину можно проследить по отношению к заподозренным в большевизме. Об интенсивности борьбы с большевизмом, иными словами, о расправах с теми, кто посмел сказать или только подумать против белогвардейцев, дает представление следующая таблица о числе заключенных в тюрьмах:

	Севастополь		Симферополь		Керчь	
	Срочных	Следств.	Срочн.	Следств.	Срочн.	Следств.
На 1 августа . . .	9	81	108	52	—	17
„ 1 сентября . .	12	126	170	131	—	13
„ 1 октября . . .	8	185	165	188	—	58

Таблица дает сведения о непрерывном росте числа заключенных по трем главным городам, а если прибавить еще, например, Ялту, где на 1 октября было заключенных политических 24 человека, и другие города, то станет еще яснее, какое же количество мирных жителей было вырвано из семьи, от работы только за то, что имели смелость критиковать правительство.

Будет, однако, ошибочно, если считать борьбу с большевизмом только по числу заключенных, надо к этому числу

добавить еще десятки, сотни расстрелянных без суда. Убивали десятками и старались скрыть убийство. Так, например, Врангель объявляет выговор одному из командиров за то, что тот разрешил похороны казненных. При чем похороны эти, бывшие в деревне, превратились в демонстрацию.

Врангель собирался с корнем вырвать революционное рабочее движение; наряду с этим он давал право легального существования меньшевистским профсоюзам. Давшие в феврале расписку не выступать до марта, меньшевики с приходом Врангеля к власти старались помирить его с рабочим движением. Происходило это не путем нажима на власть и предпринимателей, а такой тактикой, которая стирала углы революционных требований рабочих приспособлением рабочего движения в Врангелевскому режиму. Утрачивая с каждым днем влияние в массах рабочего класса, меньшевики воскресили распавшиеся ранее профессиональные союзы журналистов, сестер милосердия и проч.

Несмотря на очень усердное прислужничество, командование закрыло меньшевистскую газету „Прибой“ и выслало из Крыма некоторых руководителей меньшевиков.

В Ялте издавалась газета профсоюзов при участии чрезвычайно умеренных интеллигентов. Газета занималась на своих страницах общими рассуждениями на тему о том, „избаловался или нет мужик в революции“, является ли экономическое объединение городов политикой или экономикой, аккуратно комментировала приказы и распоряжения командования, плакала... на тему о финансовом кризисе городских и земских самоуправлений и ни словом не обмолвилась о конкретных задачах рабочего движения.

Говорить и писать о положении рабочего можно и нужно было очень много. Возьмем хотя бы вопрос о дороговизне. Цены росли с неимоверной быстротой, никакие тарифы заработка не могли угнаться за ценами. Об этом дает представление следующая таблица:

	Апрель	Май	Июнь	Сентябрь	Октябрь
	В бумажных рублях				
Хлеб пшеничный фунт	35	108	125	200	500
Мясо фунт	350	750	900	1400	1800
Картофель	5000	18000	—	—	30000
Сало фунт	—	3750	—	5000	7000
Масло	1550	3750	2650	6250	8000
Мыло	600	1800	2250	3600	5500
Сахар	1000	1200	1700	3000	9000
Молоко кварта . . .	200	300	350	1000	2500
Яйца десят.	575	—	1100	2200	10000
Дрова пуд	200	450	700	2225	3945

Прожиточный минимум небольшой семьи рабочего равнялся:

В апреле	61.072
„ мае	149.927
„ сентябре	324.698
„ октябре	534.725

А заработная плата рабочих табачников в октябре достигала 392.000 рублей. Низшие ставки у них 156.000 руб. В мае ставки выражаются в 87.000 рублей. Соответственные цифры для печатников 471.920 рублей, 250.000 руб., 60.000 рублей, металлистов 262.000 р., 165.000 р., 75.000 руб.

Заработная плата ни в какой мере не отвечала самым минимальным потребностям рабочей семьи. Рабочие обрекались на полуголодное существование. Ко всем бедам присоединялось постоянное падение стоимости бумажных денег, которое несло с собой для рабочего снижение реального заработка.

Особенно резко падение бумажных денег для рабочего чувствовалось потому, что Крым был областью со свободной торговлей, так именовали хищническую спекуляцию. Спекулировали все, кто хотел. В спекулятивной организации принимал участие даже помощник Врангеля Кривошеин. Борьба со спекуляцией не могла дать чувствительных результатов, она била по мелкому спекулянту, да и то для успокоения умов. Так, например, губернатор обвинял в сентябре Симферопольскую управу за „бездействие власти“ в борьбе со спекуляцией, даже в содействии спекулянтам, потому что губернатору казался чрезмерным сбор за убой скота и места, занятые на базаре, а дело о хранении на складах Национального банка 100 мешков сахару, 500 комплектов белья, 257 ящиков мыла и др. товаров было прекращено, „принимая во внимание наличность спекуляции во всех банках“. Крупные спекулянты, ввозившие в Крым товары, хранили их заложенными в банках, до поры до времени, пока цены не выросли в необходимом им размере. Собственно банковские операции по кредитованию промышленности и торговли заменились комиссионными сделками за хранение или перепродажу. Спекуляция достигла таких размеров, что в нее втянулись все когда-то важные сановные особы. Запастись деньгами и лучше всего в иностранной валюте старались все, не пренебрегая формой добывания денег про „черный день“.

Товары поступали на рынок в весьма ограниченном количестве, не способном удовлетворить спрос небольшой группы населения.

Улучшить положение рабочих можно было выдачей заработной платы в натуре или твердой валюте. Ни того, ни

другого правительство не могло сделать. Недостаток продовольствия доходил до того, что в конце марта была введена отмененная несколько месяцев назад карточная система на хлеб. У крестьянина хлеб был, но он его не хотел вывозить на рынок. Усилить снабжение городов Крыма можно было только при условии ввоза продуктов из северных уездов бывшей Таврической губернии, занятых Красной армией.

Хлеб северных уездов привлекал Врангеля еще и потому, что он являлся единственным наиболее ценным продуктом вывоза за границу. Колоссальные расходы на армию и стаю больших и малых начальников, вынуждавшие выпускать несчетное количество бумажных денег, вели неизбежно к финансовому краху правительства. Чем больше печаталось бумажных денег, тем они становились дешевле. Оздоровление финансового положения „страны Врангеля" можно было провести путем ввоза иностранной валюты в обмен на вывезенные из Крыма продукты, которые здесь производятся, и развитием производительных сил края, увеличением выработки фабрично-заводских изделий. Эти же условия определяли нормальную экономическую жизнь края. Но как все это сделать? Промышленности в Крыму нет. Строить новые фабрики и заводы. Но для постройки и работы надо иметь орудия производства, а потом сырье. Ни того, ни другого получить внутри Крыма нельзя, а если бы даже и можно было, так опять надо иметь деньги.

Врангель и его экономисты а за ними и весь падкий на легкую наживу торгово-промышленный класс занялись прожекторством, а, чтобы обеспечить себя от возможной неприятности, они обратили взоры свои к хлебному северу Таврии, стараясь выкачать оттуда как можно больше хлеба. За март—август было вывезено за границу ячменя, пшеницы и овса около 3.000.000 пудов. Кроме того, если верить докладу начальника управления торговли и промышленности, только за июль, август месяц было заключено договоров на вывоз хлеба за границу на 5 миллионов пудов, и вывезено по этим договорам один миллион пудов и было в погрузке 2 сентября 980 тысяч пудов.

Хлеб являлся главным предметом вывоза за границу. Покупаемый у крестьян за обесценивающиеся бумажные деньги, хлеб продавался за границей на твердую валюту или обменивался на товары. Товары становились предметом новых спекулятивных махинаций. Так, например, за десять фунтов керосина выменивали у крестьян пуд хлеба, в то время как его стоимость на рынке равнялась 45—60 тысячам рублей, а десять фунтов керосина по рыночной стоимости равнялись 20 тысячам рублей.

Закупкой хлеба были заняты правительственные агенты, которые передавали непосредственные закупочные операции частному спекулянту, выдавая ему правительственные кредиты. Спекулянт выигрывал не только от колебания цен, но и перепродажи хлеба, купленного на выданные ему правительственными комиссиями деньги. Расчет был простой: покупал спекулянт несколько тысяч пудов хлеба, часть его сдавал закупочным комиссиям, а вторую часть пускал в оборот, получая бешеную прибыль.

Закупка через кооперацию почти совершенно не производилась и не только потому, что кооперативы влачили очень жалкое существование, но еще и потому, что спекулянтам из закупочных комиссий было невыгодно заключать сделки с кооперативами. Проект производства закупок через Крымсоюзбанк исключал участие в закупках низовой сети кооперативов.

В июле месяце правительством был принят закон, по которому хлеб покупался частными торговцами [1]. Торговцы получали от правительства 80% договорной стоимости хлеба, за которую должны были доставить хлеб к портам и погрузить его на пароходы. Правительственная договорная цена обеспечивала расходы по закупке всех 100% хлеба и доставку его. За услуги по закупке и доставке правительство выдавало заключившему договор 20% вырученных от продажи хлеба за границей иностранной валютой. Кроме хлеба, предметами вывоза служили табак, соль, шерсть. Табаку вывезено за границу 120.000 пуд., соли всего 800.000 пудов, в то время как запасы соли, готовой к вывозу, достигали 18 миллионов пудов, оставленных из добытой Советской властью, и было выволочено при Врангеле около 3,5 миллиона пудов.

При рассмотрении цифр ввоза товаров из-за границы обращает внимание колоссальная цифра ввоза предметов военного снаряжения, вооружения и весьма незначительное число ввоза потребных в крестьянском хозяйстве фабрично-заводских изделий. Так, например, сельхозмашин и орудий ввезено 6.811 пудов, металлических изделий 13.593 пуда, мануфактуры ввезено за все время 52.055 пудов, предметов одеяния 791 пуд. Во ввозе жизненных припасов главное место занимают сладости, пряности, напитки, они составляют 8.023 пуда или 30% всего ввоза по этой группе, второе место занимает ввоз сахара 75.169 пуд. Прядильных материалов ввезено 15.306 пудов.

Большое место во ввозе занимает также жидкое топливо и каменный уголь, первого ввезено 363.656 пуд., второго 3.972.197 пуд.. Смазочных материалов ввезено 24.833 пуд.

[1] „Таврический Голос“, 2 сентября 1920 года, стр. 1.

Беглый взгляд на цифры ввоза говорят о том, что край переживает товарный голод. Удовлетворить спрос было совершенно невозможно, это создало дикую свистопляску спекулянтов с ценами на товары.

Еще в апреле месяце, предчувствуя неизбежность товарного голода, правительство снарядило экспедицию в Англию. Экспедицией был ввезен табак, вино из запасов бывшего удельного ведомства. В обмен на вывезенное в конце июля было доставлено в Крым: бязи 1.500.000 аршин, коленкора 315 тысяч аршин, ниток 5 тысяч гросс, иголок 600 тысяч штук, корзин 5.000, кирок и лопат по 12 тысяч. Этой же экспедицией было доставлено в распоряжение Врангеля 300 тысяч английского каменного угля [1]. Большая доля привезенного из Англии поступила в распоряжение закупочных комиссий для их спекулятивных операций. Так, например, на следующий же день по возвращении экспедиции начался обмен хлеба на доставленные из Англии джутовые мешки. Не малая часть пошла и на снабжение армии. Рынок получил из привезенного жалкие остатки. Торговые операции не содействовали установлению нормальной экономической жизни края, они, наоборот, затягивали петлю на шее правительства. Надо было где-то найти средств, которые бы обеспечили ведение борьбы с советской страной, ибо английское правительство отказалось выдавать кредиты. Правительство нашло выход в распродаже русского флота. К продаже предназначались суда с механизмами и котлами, требующие капитального ремонта, за ними в очереди к продаже стояли те, которые требовали только очередного ремонта, и, наконец, были включены и вполне годные на ходу. Миноносцы, крупные боевые суда, как „Двенадцать Апостолов“, „Георгий“, „Синоп“, „Екатерина“, легкие моторные и паровые суда,—все предназначалось к распродаже оптом и в розницу.

Правительство продавало флот иностранцам и своим русским торговым фирмам. Русские фирмы оказались простой фикцией и создавались только потому, чтобы избежать захвата судов англо-французами в расплату за те кредиты, которые отпускались белогвардейскому командованию. Дутые торговые и пароходные фирмы представляли из себя передаточные инстанции. Формально проданные им суда потом должны были продаваться иностранцам, а английские и французские банкиры не могли уже тогда предъявить своих прав на захват за долги правительства формально частных судов. В стремлении избавиться от выдачи судов „союзникам“ правительство разрабатывало проект „Славянского Ллойда“,—

[1] „Крымская Мысль“, № 166, стр. 2.

акционерной огранизации при участии сербского и русского капитала.

Продажа флота, закрепление отдельных кораблей за различными „надежными" представителями белого лагеря происходило не только потому, чтобы добыть средства на борьбу с советской страной, но и потому, чтобы обеспечить себя в случае эвакуации из Крыма.

Очень многие из руководящих кругов, при учете соотношения сил внутри страны и ослабления помощи со стороны отдельных капиталистических государств, высказывали довольно твердо предположение об оставлении Крыма. Понимая отлично, что уход из Крыма лишает их права на флот, который будет или взят советской страной, или его захватят французы и англичане, Врангель и его ближайшие соратники ищут путей закрепления награбленного. Очень опытные воры, они пытаются концы спрятать в воду. В докладе о создании „Славянского Ллойда" имеется такое место:

„ — хотя военное положение сейчас делается все более благоприятным, но все-таки нужно предвидеть случай эвакуации Крыма и лишения в этом случае главного командования функций и полномочий правительства. Это же положение может возникнуть и без эвакуации Крыма, в случае признания союзниками Советского Правительства. Если это произойдет до сдачи судов Славянскому Ллойду, то сдача не осуществится, если произойдет после сдачи, то акции, поступившие в распоряжение главного командования, будут отобраны и беженцы в Сербии опять останутся без помощи.

Союзники, т. е. Франция и Англия, могут наложить свою руку на суда, подобно тому, как они накладывают ее на денежные средства в Париже, Лондоне; особенно это может случиться в момент передачи судов, так как владение морским тоннажем дает в руки контроль над внешней торговлей, а к этому все стремятся.

Парировать эти возможности очень трудно, но, повидимому, можно сделать следующим образом:

1) Намеченные к передаче суда предварительно передаются группе частных лиц, персонально избранных главным командованием из числа лиц, пользующихся а солютным доверием.

2) Передача эта производится путем продажи на льготных основаниях, или сдаче в аренду, в зависимости, какой способ намечен при последующей передаче судов Славянскому Ллойду.

3) Вышеуказанной группе поручается заключить надлежащие договоры и осуществить передачу судов Славянскому Ллойду на основаниях, кои будут разработаны и им преподаны главным командованием, при чем денежные суммы и акции, которые будут реализованы при передаче, юридически поступают в собственность группы.

4) Группа обязуется все получаемые деньги передавать учреждениям, заведующим беженцами, по указанию главнокомандующего.

5) Группа обязуется давать отчет и исполнять приказания главнокомандующего по отношению к переданному ей имуществу, независимо от могущих произойти политических перемен.

6) Во всяком случае, группа обязуется сдать отчет и передать все деньги, акции и имущество будущему русскому правительству".

Итак, выход как-будто найден, передаются суда частной группе, за спиной которой скрывается Врангель и русское

правительство. Предчувствуя собственную гибель, белогвардейцы, однако, не отказываются от мысли бороться с Советской Россией и в этих целях они стараются обеспечить себя средствами.

Планы правительства не могли быть выполнены, флот оказался захваченным Францией. Он уже при выходе из Крыма поднял французский флаг, и вот уже несколько лет правительство Франции держит в Бизерте русские корабли.

Из экономических мероприятий правительства надо еще рассмотреть его производственную, промышленную деятельность.

Закрытое в Крыму белое царство нуждалось для снабжения населения и развития нормальной экономической жизни в изделиях промышленности. Вопрос о промышленности и связи крымского хозяйства с другими районами России, к которым он экономически тяготеет, вставал и перед ранее бывшими в Крыму правителями в лице Сулькевича и С. Крыма. Все они убеждались, что искусственный разрыв Крыма с остальной частью Советской России ведет неизбежно к гибели, развалу крымского хозяйства. Почувствовал это и Врангель, у него так же, как и у его предшественников, было мало надежд на промышленную помощь заграницы. Но он хотел стать более изворотливым, выдвигая проекты о развитии промышленности в Крыму. Проектам о развертывании промышленных предприятий „несть числа",—мыловаренные, сахарные, кожевенные заводы, суконные, текстильные фабрики, электрическая железная дорога, курортный город, металлургические, химические и всякие иные заводы собирались строить деловые круги врангельцев. Проектами дело не ограничивалось, некоторым авторам их правительство выдавало ссуду для начала работ.

Средства, данные в ссуду, шли на спекулятивные операции, а беспочвенные проекты покрывались пылью в недрах канцелярий.

Несерьезность всех проектов очевидна, если вспомнить не только то, какой характер имеет хозяйство Крыма, но и какие сырьевые рессурсы у него имеются, ну хотя бы в области текстильной промышленности или какая цель постройки городов-курортов, если от районов, которые Крым обслуживает курортами, он был отрезан.

Безрассудность проектов ясна, но не только этот вывод напрашивается при рассмотрении данных о проектах промышленного строительства и идущих за ними ссуд и разрешений на вывоз за границу хлеба, табаку, вина и проч. Разрешения давались потому, чтобы в обмен на вывезенное сырье предприниматели ввезли машины и оборудования. Однако, за все время ничего ввезено не было. На вырученные

от вывоза деньги и ссуды авторы проектов о „воздушных замках“ спекулировали, доставляя в Крым такие товары, на которые можно было быстро получить новую значительно большую партию ценного сырья.

Производственная жизнь края замирала, предприятия работали, словно через пень колоду колотили. Так, например, за 19 и 20 год было добыто всего 3.600.000 пудов соли, тогда как только годовая добыча соли могла превысить 4 миллиона пудов. Или кожевенная промышленность при производительности, достигающей почти 100.000 кож, давала всего 2.000 в месяц. Металлообрабатывающие предприятия, вместо того, чтобы заняться ремонтом сельско-хозяйственных машин и изготовлением частей к ним, вырабатывали казачьи пики, походные кухни, ремонтировали броневые машины.

Предприятия, на которых было во время войны 14—18 г. занято до 300—500 рабочих, сократились до 20—30 человек. На предприятиях этих не хватало лома железа, а правительство огромнейшими партиями вывозило железный лом из портов за границу. Табачная промышленность замирала, фабрики, перерабатывающие ранее до 7.000 пудов табаку, сократили выработку до 1.000—1.500 пудов.

В момент разрыва экономических связей и катастрофического состояния финансов буржуазия находила более выгодным заниматься наживой на спекулятивных сделках, чем развивать производственную деятельность, требующую вложения средств на более длительный срок. Жадность наживы, паразитизм в такие периоды становятся более ясными, буржуазия открывает свое отвратительное лицо.

Финансовая политика правительства не представляет чего-нибудь нового, она сосредоточена на выпуске бумажных денег и развитии системы косвенных налогов. Прямые налоги давали до смешного небольшую сумму денег, таможенные сборы то же. Обращает внимание стремление выкачать как можно больше денег путем косвенных налогов. По сравнению с 1917 годом косвенные налоги выросли в 4.000 раз. Акцизом обложено было все, в чем нуждается широкий потребитель,—кофе, сахар, табак, вино и т. д.

Не малое значение в финансово-экономической да и общей политике правительства Врангеля имела Франция. Английское правительство, состоящее из либералов, начав переговоры с Советской Россией, отозвало своих представителей из Крыма. Однако, в Крыму не теряли надежд на изменение англичанами своего отношения к Советской России в связи с наступлением Красной армии на польском фронте.

„Приближение красных войск к границам Германии делает большевистскую опасность общеевропейской... Угроза распространения этого движения должна вызвать немедленное вмешательство мировых

противобольшевистских сил... Предстоящее свидание... Ллойд-Джорджа с Мильераном... несомненно установит единство действий двух союзных государств“[1].

Так писала одна газета. Врангель тоже не прочь был напомнить союзникам об угрозе распространения большевизма. На банкете в Корниловском полку Врангель, обращаясь к присутствующим там представителям Америки, Японии и Франции, говорил: „При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волны красного Интернационала, который зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света“[2].

Как ни старался Врангель, ему не удалось привлечь Англию вновь к активной помощи антисоветскому движению, английское правительство лелеяло новую мечту об экономическом закабалении России мирным путем.

Непримиримой оказалась Франция, она, пользуясь уходом Англии, рассчитывала на получение долгов и захват юга России. Англичане к планам французов относились весьма несочувственно, ибо укрепление Франции на юге и в Черном море угрожало английскому влиянию на Востоке. Между этими двумя странами по русскому вопросу назревал конфликт.

Французское правительство, желая обеспечить свое влияние в России, заключило с Врангелем договор, основные пункты которого включали следующее:

„Врангель обязуется:

1. Признать все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и уплатой процентов на проценты.

2. По сведениям Советского Правительства Франция конвертирует все русские долги и новый $6^1/_2\%$ заем, с частичным годовым погашением, на протяжении 35 лет.

3. Уплата процентов и ежегодно погашения гарантируется:

а) передачей Франции права эксплоатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, при чем за исходную точку берется довоенный экспорт; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, при чем в основание кладется добыча довоенного времени; д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет. Указанный срок будет установлен специальным соглашением, еще не выработанным“.

Дальнейшие пункты устанавливали союз России и Франции на 20 лет, в министерства торговли, промышленности и финансов России включались французские канцелярии с контрольными целями. Договор, для Франции весьма вы-

[1] „Крестьянский Путь“, № 1, стр. 2.
[2] Тоже, № 14.

годный, Россию же он превращал в данницу французских буржуа. По договору Врангель отдавал в распоряжение французов и сельское хозяйство, и промышленность. Железные дороги, нефть и, наконец, таможенные пошлины—все уходило по этому договору в карманы французов. Россия становилась просто французской колонией. Неудивительно, что Франция признала Врангеля, а граф Де-Мартель (представ. Франции) на приеме у казаков и Врангеля заявил: „Франция никогда не мирилась с большевизмом. Всегда она была во главе антибольшевистского движения и с радостью приветствовала восшествие правительства Врангеля".

Наученное опытом крушения деникинских планов и армии, французское командование толкает Врангеля на путь „демократических" реформ, которые бы способствовали привлечению на сторону правительства масс населения. При враждебности масс все движение поставлено под смертельную угрозу. Помогать людьми французы не могли, это было опасно после Севастопольского выступления французских моряков. Субсидируя Врангеля, французы требовали от него такого положения, которое дало бы сильную опору и в тылу и в армии, обеспечивая платежеспособность правительства.

Врангель собственно и сам учел ошибки Деникина, и это заставило его взять довольно решительный курс на привлечение на свою сторону крестьянства. Первой мерой в этом направлении был закон о земле.

Закон был издан 25 мая (7 июня). По закону, за крестьянами закреплялась „в вечную наследственную собственность" каждого хозяина земля, отчуждаемая у крупных земельных владельцев.

„Земля отчуждается не даром, а за выплату государством стоимости ее. Такая передача земли обеспечивает переход ее к настоящим прочным хозяевам, а не ко всякому падкому на даровщину и чужому земле человеку.

„Цена за десятину земли определяется пятикратной стоимостью среднего годового урожая с десятины. Уплата за землю рассрочивается на 25 лет и, следовательно, каждому хозяину придется вносить ежегодно одну пятую часть урожая или выплачивать стоимость ее. Уплата государству может быть производима как хлебом, так и деньгами,— по желанию плательщика.

„При таких условиях, уплачивая значительно меньше по сравнению с тем, как обычно в прежнее время платили съемщики земли, оставаясь при том вечным арендатором, новый владелец через 25 лет, погашает весь лежащий на его участке долг и становится полным собственником своего участка.

„Владельцы отчуждаемых земель будут вознаграждаться государством. Источником для расплаты с ними будет служить выручка государства от хлебных и денежных взносов за переданные в новое владение земли" [1].

[1] Пионтковский—Гражданская война в России, глава о Врангеле, и газета „Крестьянский Путь", август.

Такой порядок устанавливался законом для передачи земли.

„Настоящим прочным хозяевам, а не всякому падкому на даровщину“ передавалась земля. Иными словами, только деревенский кулак мог рассчитывать на получение участка земли.

Уплата одной пятой должна была производиться не только с земли, засеянной хлебом, но и находящейся под выпасом и сенокосом. Это условие уплаты создавало весьма тяжелое положение и делало закрепление недоступным многим крестьянам. Так, например, при участке земли в 30 десятин, из которых засеяно всего 15 десятин при установлении среднего урожая в 50 или 60 пудов с десятины, крестьянин ежегодно должен был уплачивать государству при среднем урожае в 50 пудов—300 пудов, а при урожае в 60 пудов—360 пудов. У крестьянина оставалось немного больше половины урожая на питание семьи, корм скоту, на семена и другие расходы по хозяйству. А так как средний урожай далеко не всегда совпадает с действительным, у очень многих могло создаться такое положение, что, отдавая $1/5$ за землю, крестьянин оставался бы голодным со всей своей семьей.

Число десятин земли, оставляемой помещикам, устанавливалось земельными советами и по закону не ограничивалось. Участки, закрепленные в нескольких селах за помещиками, достигали 400—600 десятин. Оставаясь с таким участком и получая еще от правительства выкуп за отобранную землю, помещик совершенно свободно мог продолжать господствовать в деревне, эксплоатируя крестьянское население. А крестьянин в течение 25 лет остается плательщиком государству выкупных платежей, при чем достаточно не заплатить год, как земля отбирается государством и внесенная крестьянином плата ему не возвращается.

По тому же закону закреплялось право на получение всего урожая крестьянами в 1920 году, вне зависимости от того, на чьей земле произведен посев. Закон является безусловно невыгодным для основной массы крестьянства. Закабалять себя на 25 лет, жить в постоянной угрозе за то, что можешь остаться без земли,—перспектива, мало кого привлекающая. Крестьянство очень скептически отнеслось к закону, оно на призывы посредников брать землю отвечало молчанием или вынесением решения о невыгодности передачи земли. Врангель, ожидавший от опубликования земельного закона положительного эффекта, был весьма огорчен тем, что посредникам нечего было делать. Начали прием земли крестьяне нескольких деревень во всем Крыму. Губернский посредник по землеустройству в своем донесении сообщает:

„Главнейшей причиной более чем сдержанного отношения населения к возможности осуществить свою вековечную мечту о земле является неуверенность в прочности положения, увеличивающаяся по мере приближения к фронту, где до наступления большего или меньшего спокойствия население в лучшем случае совершенно индифферентно относится к вопросу о земле, решительно уклоняется от какого-либо непосредственного участия в попытках применения закона и ограничивается молчаливым, без выражения обсуждения, выслушиванием даваемых ему разъяснений".

Чтобы привлечь крестьян к покупке земли, доказать искренность стремлений, правительство отдает распоряжение о том, что помещики не имеют права возвращаться в свои имения. Появление помещиков в деревне будет пугать крестьян и толкать их на путь содействия большевикам. Насколько в самом деле было искренне стремление правительства укрепить землю... за помещиками, можно видеть хотя бы из большого количества оговорок, которые ограничивают число отчуждаемой земли.

Газета „Крестьянский Путь", начавшая выходить в августе 20 г. и обменявшаяся в день выхода приветствиями с бароном Врангелем, занялась с первого же номера толкованием закона, упорно убеждая крестьян в том, что Врангелевский закон является идеалом в решении аграрного вопроса, это закон не чета большевистской социализации страны. У большевиков,—пишет газета,—и урожаем-то своим пользоваться нельзя, там все отберут в коммуну, и землю, и скот, и хату, да что там хату, и жену-то возьмут в коммуну, и одеваться прикажут в казенную одежду.

Крестьянин читал, улыбался по адресу автора статьи и газеты, а землю „по закону" брать не хотел.

Законом о земле в своих заботах о завоевании крестьянства правительство не ограничилось, в июле был издан закон о волостном земстве. Этот новый закон был в том же направлении и рассчитан на ту же социальную группу крестьянства.

Избирательные права деревни урезывались законом. Правом участия в избирательных сходах пользовались лица, достигшие 25-тилетнего возраста и отвечающие следующим требованиям[1]:

„а) домохозяева, имеющие надельную или иную земельную собственность и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство, не исключая женщин, удовлетворяющих изложенным условиям и являющихся главами семьи;

б) землевладельцы, без различия сословий и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю или представительнице от каждого входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство. В случаях совладения к избирательному сходу приписывается и в нем участвует один из совладельцев по их о том соглашению;

[1] Положение о волостном земстве, газета „Наш Путь", № 131.

в) настоятели местных церквей, а также по одному представителю от приходских обществ всех исповеданий, если сии общества владеют землею в пределах волости;

г) лица, пользующиеся землею на праве аренды, имеющие на этой земле оседлость и проживающие в пределах волости не менее 3-х лет, если они ведут на арендуемой ими земле самостоятельное сельское хозяйство или имеют на ней торгово-промышленное или фабрично-заводское предприятие;

д) представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ, по одному от каждого, если сии учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимой собственностью".

По таким требованиям судьба выборов и вообще всякие вопросы выборов предоставлялись одной четверти деревенского населения. Бедняк, батрак, служащий или рабочий расположенного в деревне предприятия лишались права участия на выборах. Кулак, поп и помещик продолжали оставаться в деревне полноправными хозяевами, их произволу подчинялось все крестьянство по закону о волостном земстве.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Врангель, декларирующий при своем приходе к власти демократические лозунги, не только не выполнил обещаний, но во всей политике по отношению к крестьянству старался уничтожить всякие пути выявления действительной воли масс населения. В качестве доказательства того, что вынужденный поражением Деникина курс на развязывание куцого демократизма был временным, что достаточно было Врангелю стать настоящим верховным правителем России, как он ускоренным темпом создал бы буржуазное помещичье государство, может служить политика в татарском вопросе.

Татарская национальная директория была разогнана Деникиным. Врангель и решил привлечь на свою сторону татарское население. 5/18 мая в Симферополе состоялся съезд татарских представителей, который должен был решить вопрос о самоуправлении татар в области религиозной, вакуфной и просветительной. Программа съезда, несмотря на ее узость, не была выполнена. Правительство взяло курс на затягивание в решении татарского вопроса.

Съезд создал комиссию для разработки всех вопросов, которая собралась... 22 августа. После ряда весьма скучных заседаний комиссия приняла следующее решение о самоуправлении татарского населения:

„В области дел духовно-религиозных, вакуфных и культурно-просветительных татарам Крыма предоставляется право самоуправления. Для осуществления этого самоуправления учреждается Мусульманский Совет по татарским делам, состоящий из выборных на один год представителей. Выборы должны происходить по двухстепенной системе: духовные приходы татарских мечетей избирают Уполномоченных, а съезд Уполномоченных в свою очередь выбирает членов Совета. От каждого

города и каждой волости, если в них мусульманское население менее 10 тысяч, избирается по одному члену в Совет, а если более 10 тысяч—по 2 члена.

Управление (исполнительный орган) имеет три отделения: духовно-религиозное, вакуфное и культурно-просветительное.

Во главе Совета стоит—Председатель который должен быть светским лицом, Член Управления, Заведующий Дух. религиозным отделом—носит название муфтия.

Члены и состав Управления будут пользоваться правами государственной службы. Для содержания своих органов татарскому самоуправлению предоставляется право самообложения татарского населения"[1].

Оказалось, что от принятия решения до его выполнения нужен срок не меньший, чем от съезда до созыва комиссии. Положение, собственно, не предоставляло каких-либо прав татарам, это не было отказом от некоторых „великодержавных затей", о котором говорил Врангель, и, несмотря на это, проведение решения в жизнь затянулось. Только в октябре Врангель принял проект о самоуправлении, после чего до прихода в Крым Красной армии продолжалось его обсуждение правительствами, не обсуждение, а систематическое снятие вопроса с повестки дня заседаний правительства.

Так и не удалось татарам создать своего совета по религиозным и просветительным делам. Массы татарского населения в этот момент перестали уже интересоваться законотворчеством Врангелевского правительства.

Они нашли другой путь разрешения национального вопроса—участие в активной борьбе с белогвардейцами. Количественно, правда, небольшая группа татарских крестьян создала отряд краснозеленых, который своими выступлениями беспокоил тыл белых, содействуя тем самым продвижению Красной армии.

Отряд этот не был, понятно, доказательством отказа от узкого национализма, он лишь пробил в национализме брешь. Из враждебности к белогвардейцам, а на этой почве из усиления борьбы за национальное освобождение татарские массы постепенно, но верно переходили под руководство Коммунистической партии.

День гибели последней авантюры буржуа был недалек. Помощь союзников таяла. Не помогло и обращение, принятое съездом общественных организаций, к народам Франции и Соединенных Штатов Америки с „просьбой дать денег на спасение Крыма от большевистского ига", ибо „доблесть" войск Врангеля не гарантировала защиты полуострова. Красная армия настойчиво стучала в двери, перепуганная буржуазия бросилась к морю, на корабли, в далекое путешествие.

[1] „Крестьянский Путь", № 27, стр. 2.

Двигался на смену белым новый строй окрепшей и выросшей Советской страны.

Подполье и красновеленое движение

О партийном подпольи и красноземеном движении сохранилось очень мало документов, воспоминания участников страдают, как и всякие воспоминания, некоторой субъективностью в оценке событий. Сохранившиеся материалы позволяют все же разобрать схематично главные события, характеризующие работу партийной организации.

В конце марта, по инициативе некоторых местных организаций, Областной Комитет предпринял объезд организаций в целях подготовки к партийной конференции, называемой тогда съездом.

Не успел еще командированный в уездные города член Комитета закончить объезда, как Симферопольская, наиболее сильная, организация была предана провокатором. В Севастополе после отъезда делегатов на конференцию тоже началась усиленная работа контр-разведки. Она искала руководителей, в том числе и тов. Столярова. Его предал один из членов организации, расстрелянный после получения от него необходимых сведений об организации[1].

Собирать съезд-конференцию в Симферополе было нельзя, поэтому решили перенести ее в Коктебель, местечко, на которое контр-разведка не обращала особого внимания. Всего собралось на конференцию 15 человек.

Конференция обсуждала доклад Областного Комитета, военный вопрос и о работе в деревне. Следует остановиться на двух последних вопросах. В военном вопросе конференция решила главное внимание партийной организации перенести на работу в лесу с красноземеными. Неудача подготовки восстаний, выражавшаяся в замкнутости самой подготовки в небольших группах, без руководства подготовкой восстания в массовом виде, убедила Комитет, а с ним и конференцию в важности красноземеного движения. Помогать земеным, руководить движением безусловно было нужно, но красноземеные обещали успех тогда, когда это движение принимает массовый характер с привлечением крестьянства и рабочих.

Пока красноземеное движение выражалось в выступлениях разрозненных отрядов, зачастую не ставящих себе четко политических задач. Выступления могли носить геройский характер, говорили иногда о смелости участников, но это, однако, не было еще способом привлечения к движению масс.

Крестьяне да и рабочие должны являться основной силой движения. Красноземеные не имели такого характера, в этом отношении Керченские да и Евпаторийские камено-

[1] Дело прокурора, наряд № 5.

ломни стоят выше. Каменоломщики были крестьянами или рабочими, их ряды непрерывно пополнялись представителями деревень, а те, кто непосредственно с оружием в руках не участвовал в боях, занимались снабжением и выполнением обязанностей очень активной разведки.

Зеленые в своем составе имели освобожденных из тюрьмы красноармейцев, солдат, дезертировавших из белой армии, и весьма незначительный процент местного населения. Крестьяне, скрывающиеся от мобилизации, приходили к зеленым, тогда как белое командование усиливало вербовку подлежащих мобилизации. У зеленых находили мобилизуемые место, где можно укрыться от глаз белогвардейцев. Когда вербовка и розыски сокращались, крестьяне уходили обратно в свои деревни. В зависимости от географических условий зеленое движение сосредоточивалось в горном районе. Степные уезды, в которых земельные противоречия выливались в открытые столкновения с карательными отрядами, совершенно не были втянуты в движение. Горный район, заселенный главным образом татарским крестьянством, к движению, кроме общих социально-политических требований, предъявлял требования национального характера. В рядах зеленых, до организации отряда под руководством одного из татарских работников, не было людей, знающих особенности татарской экономики и быта, была даже нужда в людях, владеющих татарским языком.

Татарское крестьянство вначале очень осторожно относилось к зеленому движению, оно пошло на путь более активной помощи значительно позднее, когда и националисты увидали, что из заигрывания Врангеля ничего не получается. С рабочим движением городов зеленые организационно, в смысле единого плана выступления, не были связаны, хотя рабочие и весьма сочувствовали целям зеленого движения.

В планах вооруженного восстания у Комитета, как указано в предыдущей главе, не было необходимой точности и подготовленности, так, например, пропагандистски подготовив солдат, прибывших из Франции, к вооруженному выступлению, Комитет в момент их отправки из Симферополя не мог организовать выступления. В надежде, что удастся приготовить все необходимое к выступлению солдат, Комитет задержал их отправку взрывом на железной дороге. Но задержка результатов не дала, солдаты были отправлены, а Комитет в их лице лишился значительной силы, на которую можно было с надеждой опираться.

Решение о перенесение центра тяжести в работе на зеленых, кроме военного, имело еще то значение, что избавляло организацию от бесчисленных провалов.

В работе партийной организации до конференции надо отметить деятельность татарской секции. Она не получила особо широкого распространения, была сосредоточена, главным образом, в районе Бахчисарая, но листовки Комитета на татарском языке очень беспокоили белогвардейцев. Листовки эти путали карты белого командования в его национальной игре с татарским крестьянством.

Коктебельская конференция не закончила своей работы. Контр-разведка по указке провокатора устроила налет на Коктебель. В перестрелке с контр-разведчиками был убит один из делегатов конференции, остальным удалось скрыться.

Работа в городах после конференции замерла. В донесениях, сохранившихся в архиве, есть сообщение о том, что партийная организация разбита.

Почивать на лаврах победителям пришлось недолго. Областной Комитет мобилизовал членов партии в отряды зеленых и вскоре издал приказ, объявляющий красный террор.

Белогвардейское командование всполошилось. Зеленые начали беспокоить своими выступлениями тыл. Ложные доносы государственной стражи невероятно раздували количество зеленых. По донесениям стражи, даются очень путаные сведения о зеленых: один и тот же отряд в глазах двух различных начальников стражи количественно различен, у одного, например, отряд, оперирующий в районе Карасубазар—Феодосия, насчитывает 40—60 человек, у другого 100 человек, да еще с пулеметами.

Почему-то белое командование вообразило, что зеленое движение находится под руководством капитана Орлова. Одно из донесений сообщает, что Орлову зеленые не доверяют, и вместо него командиром выбрали поручика Гетмана, бывш. помощника Орлова. Вероятно, такие выводы делаются на том основании, что перед выступлением Орлова переговоры с Ревкомитетом от его имени велись Гетманом. Особенно нервозность белых повышается тогда, как одним из отрядов был пойман и расстрелян крупный землевладелец граф Капнист. Прокурор Харьковской судебной палаты высказывает недовольство слабой распорядительностью и совершенной неосведомленностью начальников гарнизона, недоволен он и тем, что управление государственной стражи ничего о зеленых не знает: „их осведомленность основана на слухах и сведениях, получаемых от приезжих крестьян, не видно планомерности в борьбе с зелеными“. Создать планомерность, по мнению одних, можно передачей всего дела государственной страже, другие категорически возражают и в качестве доказательства приводят случаи продажи „чинами стражи“ оружия зеленым. Отряд у Карасубазара в одном из донесений вырастает до 500 человек; „опираясь

на поголовное сочувствие жителей окрестных деревень (в особенности Таплов, Курта, Камышлов и Еленовки), зеленые безнаказанно посещают эти деревни, где получают в изобилии продовольствие и собирают необходимые сведения о продвижении войсковых частей".

500 человек в это время в отряде не было, что же касается сочувствия населения, так в этом автор донесения прав. Крестьяне находили защиту у зеленых, когда скрывались от мобилизации, получали от них помощь и в случаях реквизиции у крестьян скота белыми. Имели место такие случаи, когда реквизируемое у крестьян отдавалось обратно зелеными, отбивающими крестьянское имущество у государственной стражи.

Страх перед зелеными был настолько велик, что командование белых не останавливалось впоследствии перед снятием военных частей с фронта. В мае месяце дело борьбы с зеленым движением было сосредоточено в руках начальника тылового района. В беседе с сотрудником „Таврического Голоса" начальник района охарактеризовал зеленое движение, как болезнь, опасность которой зависит от способов борьбы с ней. Количество зеленых, по мнению того же начальника, определить трудно, „ибо сельское население, которое по своей культуре не стоит на должной высоте, чтобы понять общность государственных интересов,—в значительной степени поддерживает их в надежде, что они освободятся от необходимости нести жертвы, которых требует от них государство. Поведение крестьянства и вообще некультурной части общества в значительной мере зависит и от отношения культурного слоя—нашей интеллигенции—к государственным задачам и своим обязанностям, так что борьба с болезнью, которая вызывает появление зеленых и которая заключается в отсутствии понимания и в стремлении уклоняться от исполнения своих обязанностей, будет тем успешней, чем энергичней и добросовестней будет исполнять свой долг прежде всего культурный слой. Тогда наступит конец зеленым и вообще конец всей нашей разрухе" [1].

Крымские зеленые в глазах белых носят определенный характер „способствования большевикам", „главари их, вероятно, коммунисты". Только в июле командование приходит к мысли о том, что „вероятно коммунисты" руководят зеленым движением. Усвоивши мысль о возможности массовости зеленого движения, командование, как видно из цитированного выше, стремится борьбу с ним сделать тоже массовой, привлекая к энергичному выполнению своего долга „культурный слой общества". Но такую оценку движению дают белые, что же оно представляет к этому моменту на самом деле?

[1] „Таврический Голос", июнь 1920 г.

Партийный Комитет нашел в лесу несколько разрозненных отрядов, не имеющих единого руководства и системы организации. Были там отряды, политически совершенно безличные, поставившие себе задачей простой грабеж.

Первый период работы Комитет был занят собиранием сил, некоторыми переформированиями и уточнением задач, поставленных перед всем движением.

Постановкой партийной работы в отрядах бесформенному движению был придан характер движения с определенной политической целью.

Штаб зеленых, совмещавший в себе Ревком и Областной Комитет, обратился к населению с несколькими приказами, воззваниями, в которых призывал не принимать врангелевских денег, не давать хлеба, не позволять им вывозить др ва для добровольческой армии и железных дорог. С изданием закона о земле и выборах в волостное земство Комитет объявлял крестьянам, что покупка земли по закону белых не будет признаваться Советской властью. Было опубликовано требование бойкотировать выборы в земство. В провале Врангелевской земельной реформы некоторую роль—правда, весьма незначительную—сыграл приказ Ревкома. Основной причиной было, конечно, не призыв Ревкома, но и призыв, понятно, бесследно не прошел в условиях, когда ежедневная угроза со стороны Красной армии висела над Крымом. Крестьяне, конечно, считались с тем, что будет признавать Советская власть.

В июне отряды зеленых получили название Крымской Повстанческой Советской Армии. Отряды получили название сотен и полков. Это, понятно, не были фактически полки, по количеству людей они равнялись взводу, самое большее роте. Название полков нужно было для морального воздействия на противника.

Вылазки, набеги повстанцев, аресты офицеров, запрещение рабочим дружинам заготовлять дрова для белой армии вывели командование тылового района из терпения. Против повстанцев была двинута воинская часть, во много количественно превышающая полки повстанцев. При появлении больших отрядов противника повстанцы ушли в лес, время от времени нападая на части белых.

Сосредоточив силы партийной организации в лесу, Комитет порвал связь с работой в городах. Собственно, в городах остались одиночки партийцы, которые вели небольшую работу в низовых ячейках профсоюзов. Влиять на профсоюзы было нельзя, они продолжали оставаться во власти меньшевиков. Один из подпольщиков того времени, по поручению Областкома, должен был в Симферополе восстановить деятельность разгромленного ранее политического

Красного Креста. Когда он обратился к Совету профсоюзов, то меньшевики запротестовали, заявляя, что участие профсоюзов в Красном Кресте вызовет гнев на них со стороны Врангеля и может привести к закрытию профсоюзов. Они допускали участие в Красном Кресте их партии выдачей некоторой суммы средств. Небольшая сумма от них была получена, но была потом возвращена обратно.

Оторвавшись от работы в городе, Комитет партии от имени Ревкома дал распоряжение Профсовету прекратить свою легальную работу. Распоряжение это имело целью лишения меньшевиков руководящего влияния в профсоюзах с тем, чтобы низовые организации рабочих и служащих взять под руководство большевиков и привлечь их к более активной помощи повстанческому движению. Комитет считал, что легальные профсоюзы являются организациями не защиты рабочих, а замазывания противоречий между рабочим движением и белогвардейцами. Такая точка зрения в первой части о роспуске встречала противодействие со стороны членов организации, которые считали, что необходимо завоевать профсоюзы, начиная с низовых ячеек, и затем изгнать меньшевиков. Это, конечно, более правильная точка зрения, но она не была принята.

На съезде профсоюзов предложение Ревкома встретило отпор и выполнено не было, меньшевики, как говорят некоторые делегаты съезда, даже не сообщили, что это предложение Ревкома, и поставили его на обсуждение и голосование, не указывая автора.

Деревенская работа с уходом в лес не получила развития. Крестьяне, враждебно относившиеся к Врангелевскому режиму и белой армии, не были втянуты в активную работу. Районы, прилегающие к расположению зеленых отрядов, оказывали некоторую продовольственную помощь и то тогда, когда группы зеленых приходили за продовольствием в деревню. Доставки продовольствия по инициативе крестьян, как это имело место хотя бы у каменоломщиков или у сибирских партизан, здесь за редкими исключениями не было. В конце августа из Советской России прибыл командированный Реввоенсоветом Южфронта новый командир повстанческих отрядов с прямыми указаниями о методах борьбы зеленых.

К этому времени отряды зеленых насчитывали до 200 человек. В качестве членов военного совета при командире отрядов были выделены два члена Комитета. Партийный Комитет прекратил фактически свое существование, руководство сосредоточилось в руках военного совета. Бывшая в августе партийная конференция не могла разрешать кардинальных вопросов работы, вследствие того, что организации

на местах провалились, связи разрушились. Конференция, кроме доклада Комитета, обсуждала вопрос об отношении к созданному в это время Комитету в Мелитополе.

Комитет был создан с тем, чтобы при занятии Крыма можно было немедленно организовать власть. Местная организация отрицательно отнеслась к Комитету, а Комсомол так просто решил указаниям из Мелитополя не подчиняться.

Новый командующий произвел переформирование всех отрядов и взялся вместе с повышением военной дисциплинированности готовить боевое выступление для разгрома Бешуйских копей, имеющих большое экономическое значение для Врангеля, ибо только там он мог добывать каменный уголь. Донбасс был для него недоступен.

Партийная работа в отрядах в это время значительно сократилась. Новый руководитель, будучи анархистом, не придавал большого значения партработе, сосредоточив внимание на военизировании отрядов.

Набег на Бешуйские копи был удачным, а удача окрылила надеждами на развертывание боевой работы повстанцев. После Бешуй—операции под Сартанами, рейсы второго отряда в степь к Евпатории, набег на Зуи, весьма смелый набег и занятие Судака увеличили отряды количественно, повысили их боеспособность и за счет белых пополнили вооружение.

Октябрь приближался к концу. Отряды, внутренне спаянные боевой обстановкой, действовали по единому плану. Посланные в сентябре в города представители штаба с помощью оставшихся в городах коммунистов подготовляли выступление революционно настроенных групп рабочих. В Евпатории установили связь с белыми офицерами, которые согласились подготовить к восстанию некоторые военные части. В Симферополе создалась дружина на заводе Анатра,—завод, открытый Врангелем, имел больше 200 человек рабочих.

Движение обещало стать массовым. Врангель нервничал, беспокойство в тылу было несвоевременным, ибо к этому времени Красная армия громила Перекопские укрепления.

Самонадеянность белых генералов пропала, они, как затравленные зверки, искали выхода. Вместо московских перезвонов, им слышались всплески волн о борт удаляющегося от берегов Крыма парохода, а взорам представлялись не стены Кремля, а узенькие улицы и заплеванные трактиры портовых европейских городов.

Неудача белого движения становилась совершенно очевидной. Могучий поток народного гнева, смывший в февральские дни трон царей, захлестнувший в октябре буржуазию, двинулся к последним твердыням белогвардейцев, попытавшихся остановить исторически неизбежное разрушение отживших старых форм.

Ничто не могло задержать мощного порыва рабоче-крестьянской Красной армии. Невиданный в истории по своей беспримерной храбрости, штурм Перекопа закончился полным разгромом белогвардейцев.

В панике бросая на пути все, что успели награбить за годы революции и предшествующие им годы капиталистического гнета, генералы, помещики, фабриканты устремились к портам в надежде там найти спасение, избежать справедливого наказания за все свои преступления позорным унизительным бегством за границу.

Обманутые солдаты, бросая оружие, радостно встречали своих победителей, тех, кто освободил их от генеральских издевательств.

Крым в третий раз и окончательно стал Советским краем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

СОБРАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УКРАИНЦЕВ, ТАТАР И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КРЫМСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ШТАБЕ

Согласно постановлению чрезвычайного пленарного собрания всех татарских организаций, 30 октября с. г. началась деятельность крымского революционного штаба.

На заседании крымского революционного штаба 31 же октября при наличности представителей украинцев, татар, Совета Рабоч. и Солд. Депутаров, товарищей большевиков и товарища матроса по поводу постановлений чрезвычайного собрания крым. мус. исп. комитета поддержания в Крыму революционного порядка представ. С. Р. и С. Д. тов. Новицкий, указав на то, что в вопросе о недопущении в Крыму анархии и беспорядков расхождения между губернским комитетом спасения родины и революции и крымским революционным штабом не имеется, заявил о желательности слияния в одно двух этих органов, стремящихся к поддержанию в крае революционного порядка.

Не считая себя полномочным вносить те или иные изменения постановлений пленарного чрезвычайного собрания крым. мус. исп. ком., президиум должен был принять заявление т. Новицкого к сведению.

В дальнейшем обсуждении программы принимали участие товарищи большевики, которые, одобрив программу, с своей стороны предложили внести в принятую чрезв. собранием программу следующие пункты:

1. Немедленное закрытие несоциалистических газет в губернии.

2. Немедленная реквизиция всех средств передвижения для использования их в целях агитации в уездах.

3. Немедленный захват почт, телеграфа, жел. дор. и пр.

По тем же соображениям неуполномоченности президиума изменить программу, президиум заявил тов. большевикам, что их предложения с некоторых точек зрения не могут быть приемлемы и не могут быть внесены в программу, после чего товарищи большевики покинули зал заседания.

Товарищи же украинцы, указав на совпадение полученных ими из Центральной рады инструкций с программой крымского револ. штаба, выразили свою солидарность с татарами и приняли названную программу, что сделал также и тов. матрос.

Как практическую меру осуществления этой программы, т.т. украинцы, татары и тов. матрос решили в первую очередь выслать охраны из солдат-татар и татарской дружины.

Приложение № 2

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЕ ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

1. Курултай признает за всеми народностями право на полное самоопределение.

2. Курултай признает, что осуществление национальных идеалов возможно только изданием законов, выявляющих истинную волю народа и урегулирующих вопросы во всех областях жизни татарской нации, и считает

необходимым постоянное существование периодически избираемого мужским и женским населением на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права крымско-татарского парламента, при котором татарский народ на вечные времена получил бы возможность сам устраивать свою жизнь и решать свою судьбу.

3. Курултай признает, что жизненны и плодотворны только те законы, которые выявляют истинную волю народа и рождаются из самой жизни и духа народа, и считает необходимым периодический созыв парламента через каждые 3 года.

Примечание: Курултай, считая, что выборы народного представительства в настоящее тревожное время в стране могут быть выполнены с большими затруднениями, объявляет себя парламентом сроком на один год.

Примечание: Курултай признает созыв татарского парламента путем выбора по одному депутату от каждых 5—7 тысяч душ татарского населения.

4. Время созыва очередных сессий парламента определяется самим парламентом. Чрезвычайная сессия парламента созывается по требованию одной трети всех членов парламента через президиум.

5. Личность членов парламента неприкосновенна, и доколе будет существовать воинская повинность, от обязанностей военной службы свободна.

6. Татарский парламент обязан вырабатывать законы для татар по вопросам: 1) народного просвещения, 2) религии, 3) юридическим, 4) военным, 5) финансовым, 6) политическим и в случае необходимости торгово-промышленным и земледелия.

Примечание: По каждому из указанных вопросов в парламенте выделяются особые комиссии.

7. Курултай, признавая полную свободу и самостоятельность законодательного и исполнительного органов и суда, считает, что и каждый из отделов национального самоуправления являются вполне свободными и самостоятельными в пределах своего ведомства.

Примечание: Курултай признает совет директоров татарского национального правительства.

Примечание: Курултай, признавая в принципе избрание одного директора для каждой дирекции национального правительства, допускает в случае необходимости избрание директора для двух дирекций, а также исполнение одним директором обязанностей другого по постановлению совета директоров.

8. Курултай считает, что так как для урегулирования национальных дел необходимы соответствующие законы, то и для проведения этих законов в жизнь необходимы соответствующие исполнительные органы, поэтому татарское национальное правительство подразделяется на дирекции: 1) по народному просвещению, 2) по делам религии, 3) финансов и вакуфов, 4) юстиции, 5) по внешним делам и 6) на дирекцию председателя совета директоров.

А. Дирекция по народному просвещению ведает всеми национальными учебными заведениями (мектебами и медрессе), определяет взаимоотношения между татарами и всеми культурно-просветительными учреждениями в Крымской демократической республике и совместно с выборными просветительными учреждениями вырабатывает законопроекты по принципу автономности просветительных учреждений.

Б. Дирекция по делам религии отдает распоряжения по вопросам религии согласно шариату.

В. Дирекция финансов и вакуфов ведает национальными налогами; составляет роспись доходов и расходов национального правительства, которую представляет на утверждение парламента.

При дирекции финансов учреждается отдел, который заботится об улучшении положения вакуфов и по поднятии культурно-экономического уровня татар, живущих на вакуфных землях.

Примечание: Курултай, в целях обеспечения расходов национального управления, признает взимание национальных налогов согласно основам, принятым национальным парламентом.

Г. Дирекция юстиции выполняет гражданское судопроизводство татар согласно шариату, обычаю и традициям общественной жизни татар. Таким образом, упраздняется муфтиат и вместо него учреждается дирекция юстиции.

Д. Дирекция по внешним делам имеет отделы: 1) отдел, урегулирующий взаимоотношения между татарами и городскими и земскими учреждениями, 2) отдел по военным делам, доколе будет существовать обязательная воинская повинность, 3) по урегулированию политических, гражданских, экономических и общественных вопросов между татарами и остальными национальностями.

Е. Дирекция председателя совета директоров контролирует деятельность и законность распоряжений вышеперечисленных дирекций. Устанавливает согласованность деятельности между всеми частями административного аппарата национального правительства, которое ведет и направляет достижения национальных стремлений и идеалов.

9. Каждая из дирекций обязана выработать законопроекты и представить их на утверждение парламента.

10. Парламент простым большинством выбирает из своей среды председателя совета директоров национального правительства, которому поручает формирование национального правительства из 5 лиц, которые по получении доверия простого большинства парламента вступают в исполнение своих обязанностей.

11. По требованию одной четверти членов парламента или отдельных фракций, состоящих не менее, чем из 10 членов, парламент во всякое время может сделать запрос исполнительному органу.

12. Считать, что вопрос о форме правления в Крае может быть решен только краевым учредительным собранием, образованным на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования избирательного права.

Курултай находит, что форма правления в Крыму может быть определена Крымским учредительным собранием, поэтому Курултай поручает парламенту в кратчайший срок принять меры для созыва крымского учредительного собрания.

13. Курултай признает, что вопросы, относящиеся к жизни Края, как финансовые, политические и земельные, могут быть решены только крымским учредительным собранием после созыва такового.

14. Курултай признает необходимым участие представителя крымского парламента всюду, где только будет обсуждаться и решаться вопрос о политическом положении Крыма, для выражения мнения и воли крымского учредительного собрания и крымского парламента по данному вопросу.

15. Курултай, признавая, что судьба того или иного края может быть решена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами, требует участия на мирной и всякой другой конференциях представителей заинтересованных краев и народностей.

16. Курултай считает, что как существование необходимых в общественной жизни свободы личности, слова, печати, совести, собраний, жилища, союзов, стачек, страхование жизни рабочих, так и осуществление принципов самоопределения народов и прав меньшинства и тех законов, которые приняты Курултаем, могут быть гарантированы только при демократической республике, признает и объявляет Крымскую демократическую республику.

17. Курултай упраздняет существующие среди крымских татар звания, как-то: мурза, бей, челиби, князь, духовный, дворянин, мещанин, поселянин, и связанные с ними сословные привилегии.

18. Курултай, стоя на принципе равенства, признает и утверждает за женщиной полное равноправие наравне с мужчиной и поручает парламенту издание соответствующего закона.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ ДЛЯ ВРЕМЕННОЙ РАЗВЕРСТКИ ЗЕМЛИ НА ПОСЕВ 1918 ГОДА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пункт 1-й. Все земли нетрудовых частновладельческих, крестьянских хозяйств и могущие остаться неиспользованными совсем сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем, а также со всеми сельскохозяйственными постройками, со всеми запасами сельско-хозяйственных продуктов и материалов, воды местного значения и леса переходят в ведение и распоряжение Советов Р. и Кр. Депутатов на местах.

Пункт 2-й. Всем уездным, волостным и сельским Советам вменяется в обязанность обратить должное внимание на земли бывших помещиков, частновладельцев, крестьян и арендаторов, которые эксплоатировали указанную землю, и таковую предоставить гражданам, не имеющим как своей земли, так и арендной, а также малоземельным, но желающим заниматься сельским хозяйством, на весенний посев 1918 года.

Примечание № 1: Если в районе волостного Совета окажется большой излишек необсемененной и непригодной земли к посеву на 1918 год, то волостной Совет сообщает об этом в уездный Совет, который приходит на помощь по обработке земли по возможности машиной.

Примечание № 2: Все культурные хозяйства: садоводство, огородничество, скотоводство, коневодство, пчеловодство, птицеводство и прочее остаются под охраной и ведением уездных, волостных и сельских Советов.

Примечание № 3: Волостные и сельские Советы обязаны под ответственностью следить, чтобы вся земля, свободная от пара и выпаса, была обязательно обсеменена.

Пункт 3-й. При весеннем засеве земли на 1918 год бывших помещиков и частновладельцев могут возникать споры и недоразумения, а поэтому волостным Советам и их земельным отделам, чьей волости это будет касаться, вменяется в обязанность входить в соглашение с соседними волостными Советами и, руководствуясь принципами пропорционального числа душ населения и количеством земли, распределить между собой землю, придерживаясь приблизительного уравнительного трудового пользования.

Пункт 4-й. Волостным и сельским Советам предоставляется право разрешать вопросы о черных парах на местах количеством десятин по усмотрению Совета.

Примечание № 1: Черным паром пользуются лица, обработавшие его, руководствуясь основной нормой пропорционального распределения.

Пункт 5-й. Все трудовые артели, организованные на бывших помещичьих и частновладельческих землях, не имеют права пользоваться наемным трудом без разрешения на то уездных, волостных и сельских Советов. Наемный труд в сельских хозяйствах допускается исключительно с разрешения уездных, волостных и сельских Советов.

Примечание № 1-й: Местные Советы принимают меры к обеспечению трудовых артелей зерном как для посева, так и для продовольствия.

Пункт 6-й. Оставленный живой и мертвый инвентарь для личного пользования при обработке весеннего посева, в случае надобности на таковой, может быть установлено по усмотрению местного Совета для широкого использования в очередь по категории и при уборке урожая 1918 года. Советам вменяется в обязанность регулировать в смысле пользования инвентарем между крестьянами.

Примечание № 1-й: На местные Советы, как на правительственные органы, возлагается обязанность быть строгими и беспристрастными при распределении и регулировании всеми предметами употребления в сельском хозяйстве.

Пункт 7-й. Немедленно всем Советам Р. и Кр. Депутатов взять на учет все семена. Все сведения направлять в Губернский продовольственный Комиссариат через Уездные продовольственные Советские отделы, при чем должно быть указано, какое количество необходимо на местах и в каком количестве имеется излишек. На местные Советы возлагается распределение семян взаимообразно и по усмотрению Советов могут быть отпускаемы неимущим крестьянам семена бесплатно.

Примечание № 1-й: В тех продовольственных организациях, в которых запасы зерна недоброкачественны и к посеву негодны, местные Советы обязаны заменять их у владельцев, которые оставили хорошее зерно для кормления рабочего скота.

Примечание № 2-й: Уездным, волостным и сельским Советам предлагается за проданное зерно из запасов зажиточных владельцев деньги вносить в общенародный фонд.

Пункт 8-й. В тех местностях, в которых зерна для посева недостает, продовольственным организациям вменяется в обязанность подыскать в соседних местностях необходимое количество семян, а та продовольственная организация, где будет обнаружен излишек зерна от посева, не вправе отказать в отпуске неимущим необходимого количества зерна.

Пункт 9-й. Исходя из основного нашего мировоззрения, что вся власть как гражданская, так и военная принадлежит Советам Р., С. и Кр. Депутатов, все же ныне существующие учреждения, как-то: земельные и продовольственные комитеты, волостные и уездные земства и управы, упраздняются и все это переходит в ведение Советов на местах.

Примечание № 1-й: Взамен городских, уездных, волостных, земельных и продовольственных управ Совет Раб. и Кр. Депутатов выделяет из своей среды земельные и продовольственные отделы, ответственные перед Советом.

а) Высшим Губернским Земельным органом является Губернский Земельный Комиссариат.

б) Губернский Земельный Комиссариат составляется по следующему принципу: 1) Все уездные земельные отделы при Советах делегируют по одному представителю в Губернский Земельный Комиссариат; 2) во главе этого Комиссариата стоят Губернский Земельный Комиссар, избранный из состава этого же Комиссариата; 3) в Губернский Земельный Комиссариат входят представители Губернского Центрального Исполнительного Комитета Совета Р., С. и Кр. Депутатов.

в) Уездные, волостные и сельские земельные отделы составляются на основаниях, предусмотренных пунктом „б“.

Пункт 10-й. В виду того, что мы признали право на труд на землю для каждого гражданина, Губернский съезд Советов Р., С. и Кр. Депутатов постановляет: обложить городскую и деревенскую буржуазию и кулаков контрибуцией. Обложение буржуазии должно производиться местными Советами Р. и Кр. Депутатов, руководствуясь директивами, составленными для обложения городской буржуазии.

Пункт 11-й. Поземельные Крестьянские банки упраздняются и весь технический аппарат переходит в ведение Губернского Комиссариата Земледелия. Всем арендаторам и предпринимателям деньги не возвращаются, а трудовому крестьянству арендная плата за 1918 год возвращается по усмотрению местных Советов.

Пункт 12-й. Все граждане, поселившиеся в пределах Таврической губернии до издания закона о социализации земли, имеют право как на жительство, так и на пользование всем наравне со всеми гражданами на общих основаниях изданного закона.

Приложение № 4

Копия

Главная директория Крымского Татарского Национального Совета, № 37, 21 июля 1918 г. Ак. Медешильц.

Высокому Германскому Правительству.

Крымско-татарский народ, который благодаря падению Крымского Ханства 135 лет тому назад попал под русское иго, счастлив иметь возможность донести о своих политических надеждах до сведения Германского Правительства, в помощи коего Турецкому и мусульманскому миру он убежден, опираясь на сулящие мусульманским странам счастья исторические высокие цели Его Величества Государя Императора Вильгельма, являющегося воплощением Великого Германского Государства.

Из статистического сборника Земства бывшей Таврической губернии за 1915 г. усматривается, что до 1790 г. покинуло Крым 300.000 татар и в период времени с 1860—1862 г.—181.177 крымских татар, вследствие причиненных им теснений и несправедливостей, результатом чего (в Крыму) явилось, что в Крыму оказалось 687 селений совершенно опустелых.

Одна часть угнетенного народа, претерпевшего тысячу страданий и притеснений, нашла себе приют в Добрудже и Болгарии, главная же часть осела в Турции. Несмотря на то, что русские в течение 135 лет грабили имущество татар и оскверняли их святыни, крымские татары в Крыму составляют большинство, т. е. 60—62% рожденного в Крыму или сделавшегося коренным, благодаря землевладению, населения. Если внять мольбе эмигрантов и гарантировать им возврат в Крым, то можно допустить, что крымские татары составляют 75—80% крымского населения. Эмигрировавшие в Турцию и Добруджу татары не могут забыть своей исторической связи с Крымом и денно и нощно как в своей литературе, так и в своих песнях изливают тоску о воссоединении с Крымом. Несмотря на все жестокие притеснения, численный состав крымских татар все-таки не мог быть поколеблен, равным образом никакие притеснения не могли заставить их забыть то уважение, которым пользовалось господство их предков, перед коим некогда склонялась Москва. Замки Оскюз-Кана времени татарского владычества, опустошенные мечети, закрытые учреждения просветительные и, как жалкая тень былого славного могущества, уничтоженные религиозно-правовые установления, внушали им славную веру в освобождение и придавали им энергию. Внешние признаки этой веры выявились в 1905 году, когда незначительное потрясение русского владычества привело крымских татар в лагерь политически и национально обездоленных народов и побудило их требовать осуществления своих прав. Крымские татары, первые из русских магометан приобщившиеся к восточно-европейской цивилизации в лице основанной в 1880 году первой национальной газеты „Тержуман" (Переводчик), стремились особенно с 1905 г. при содействии самоотверженных полных надежды молодых учителей распространять всеобщее образование и развить национальную литературу. Этим путем они поддерживают национальное чувство татар, которое нагромождалось по историческим причинам, и утверждали в них веру в освобождение. Во время революции 1917 г., когда ни у одного из населяющих народов Россию не было заметно национального движения, крымские татары заявили 25 марта на конгрессе, имевшем место в Акмеджи, при участии 3000 представителей о своей национальной гражданской автономии и реквизировали вакуфные земли в количестве 87.000 десятин, каковые земли были конфискованы русским правительством, а равно реквизировали и 1 миллион рублей, составляющих национальное достояние и полученных, видимо, вследствие выгодных продаж вакуфов. Они заставили Крымское Временное Правительство признать как эту реквизицию, так и автономию. Крымские татары, которые предчувствовали падение центральной власти, решили образовать национальное войско, чтобы иметь возможность осуществить свои политические

намерения. В этих целях они неоднократно обращались с требованием к Временному Правительству русскому, чтобы добиться законного разрешения. Несмотря на несогласие Правительства, они образовали национальную военную организацию из солдат, которые должны были быть посланы на фронт, и 2000 человек пехоты и полком кавалерии поддерживали порядок в стране. 26 ноября 1917 года, т. е. тогда, когда даже Украина, принадлежащая к числу больших народностей, отколовшись от России, не могла создать своего парламента, крымские татары созвали при участии мужчин и женщин, коротко говоря, всего народа, избранный национальный совет и им удалось на основании решений, принятых этим последним в отношении общей политики Крыма, составить татарский парламент и образовать татарское правительство. Опираясь на 3.000-татарскую армию, им удалось при этом образовать правительство, они взяли на себя защиту и управление как татарами, так и другими народностями, населяющими Крым; до 13 января 1918 г. им удалось предотвратить в Крыму как аграрные, так и другие беспорядки. В конце концов в борьбе за свои идеалы они были побеждены в 7—8 раз сильнейшими черноморскими войсками большевиков. Крымский татарский народ, объявивший и взявший на себя защиту независимости Края, всего больше пострадал от ужасов большевиков, принеся в жертву в эти жуткие дни и офицеров и высокостоявших государственных людей. Несмотря на это, крымский татарский народ, опираясь на свою крепкую историческую связь с Крымом, на свое великое национальное самопожертвование и на чувства владычества, зная о приближении сулящих освобождение войск, стал играть в судьбах страны решающую роль, не отступая от железной решимости татарского парламента. Хотя Крымский парламент в отношении судьбы Крыма и принял 18 марта 1918 г. решение опять установить ту форму правления, как это усматривается из приложения к настоящему докладу, но все-таки он полагает, что, с одной стороны, большевизм еще не отжил, с другой же стороны, для того, чтобы эта форма правления могла быть проведена в жизнь, едва ли возможно рассчитывать в столь важном политическом вопросе достигнуть окончательного соглашения с Германским командованием. Исходя из этих соображений, парламент согласился до тех пор, пока он обратится к Высокому Германскому Правительству по вопросу о судьбе Крыма, на учреждение ныне образованного Крымского Правительства. Крымские татары желают восстановить в Крыму татарское владычество, опираясь на следующие основания: они составляют постоянный элемент Крыма, как наиболее старинные господа Крыма, они вырабатывают основание всей экономической жизни страны, они составляют большинство крымского населения, они объявили, защищали независимость Крыма, для этой цели они принесли в жертву тысячи офицеров, солдат, добровольцев, они добиваются (достигают) признания независимости Крыма и интернациональной дипломатии, они подготовлены в Крыму наилучшим образом, благодаря парламенту и политически-национальной организации, благодаря историческим и военным способностям своей расы, они смогут сохранить тишину и спокойствие в стране и в заключение они опираются еще и на Центральную раду Украины. Далее, они желают через правительство, которое они сорганизуют, жить в братских отношениях с немецкими колонистами (которые сами высказали это желание в своей официальной декларации) и которые свыше сотни лет в такой же мере были порабощены и в равной мере заинтересованы в благополучии и управлении страной. Чтобы достигнуть этой святой цели, следует признать необходимым, чтобы нижеследующие основные положения политической жизни Крыма были осуществлены: 1) преобразование Крыма в независимое нейтральное Ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого крымского ханства в Германии и ее союзниками и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму, с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских; 4) водворение татарских правительственных чиновников и офицеров, проживающих в Турции, Добрудже и Болгарии, обратно в Крым; 5) обеспечение образования татар-

ского войска для сохранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение. Турецко-мусульманский мир готовится к политическому союзу с Великой Германской Империей, своей спасительницей, приносятся в жертву сотни тысяч жизней и в дальнейшем готов принести жертвы еще в большем масштабе, чтобы укрепить навсегда достигнутое могущественное положение. В то время, как Россия, его великий исторический враг, погибла, и дорога в Индию освобождена для Германии, поколеблены твердыни Англии, мусульманский мир находит силы твердой решимости у тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды. Крымские татары доводят до сведения могущественного Германского правительства, союзного со славными магометанами, указывающими истории новые пути с великим решительным мужеством, которое не могли осилить столетия, с высокими надеждами и верою в твердое господство о своих целях, которые они хотят осуществить в родной стране своих предков. Главным образом они осмеливаются высказать непоколебимую веру, что Германская дипломатия, совместно со всеми магометанами высокочтимого Халифа, также с турецким правительством, верным союзником Германии, осуществят эти святые надежды.

Генеральный Директор Крымско-татарского
Национального Совета (подпись) А. Хальми.

Президент Крымско-татарского Парламента Хасан Сабри.

Генеральный Секретарь (подпись).

Приложение № 5

ЖУРНАЛ

заседания Совета Министров 16—17 августа 1918 года

№ 3

В местной печати 15 августа появилось следующее заявление Министерства Иностранных дел: Официально. Вследствие появившихся в крымских и других газетах сообщений о прибывшем в Константинополь „посланнике" или даже „после" Крымского Правительства, Министерство Внутренних Дел поясняет, что представителя Верховной Власти Крыма (Совет Министров) в Константинополе пока еще нет, а пребывает там дипломатический поверенный в делах (. . . . .), аккредитованный согласно нормам международного права не Советом Министров, а Министром Иностранных дел. Крымским поверенным в делах при Высотой Порте является член Курултая Гасан Сабри Айвазов. Вр. исп. долж. товарища Министра Иностранных дел Юсиф Бек Визиров.

16 августа в заседании Совета для необходимых объяснений по поводу этого заявления был приглашен г. Визиров, но он не был разыскан, почему объяснения по вопросу давал Советник Министерста Н. В. Избаш, рапорт коего, представленный по поручению Совета Министров, при сем прилагается. В виду отсутствия в заседании Совета 16 августа г. Премьер-Министра, разрешение вопроса было перенесено на следующее заседание, состоявшееся 17 августа, в котором принял участие и г. Визиров, подтвердивший все разъяснения г. Избаша.

В этом заседании Совет Министров установил:

1. Что поверенный в делах в Константинополе Айвазов был назначен и аккредитован исключительно Министром Иностранных дел без ведома и согласия Совета Министров.

2. Что Совет Министров готов на разъяснение и исправление непризнаваемого им правильным официального извещения Министерства Иностранных дел выступить в печати в форме официального постановления Совета с указанием на неправомерность такого назначения и отсутствия по сему надлежащего полномочия у г. Айвазова.

3. Что, однако, осуществление сего последнего (§ II) встречает на своем пути препятствие в виде нежелательных и неизбежных осложнений с точки зрения международных отношений, в особенности вслед за состоявшимся, по сведениям константинопольских газет, принятием Турцией вверительных грамот от поверенного в делах. По этим соображениям Совет Министров признал единственным выходом, предварительно какого-либо окончательного решения, поставить в известность о случившемся находящуюся в Берлине делегацию с поручением ей возможного урегулирования создавшегося международного инцидента.

В согласии с этим решением в Берлин была того же числа отправлена следующая телеграмма, адресованная графу Татищеву и Джафер Сейдамету „Джафер Сейдамет назначен уполномоченный по делам в Константинополе Айвазов, в настоящее время, по сведениям Константинопольских газет, уже признанный турецким правительством. Так как советом министров подобной должности для Константинополя не учреждалось, то и аккредитирование кого бы то ни было на эту должность со стороны Министерства Иностранных дел не могло иметь места, почему Совет Министров признает необходимым предложить Сейдамету немедленно прервать всякие действия Айвазова в качестве дипломатического агента, как не имеющего законных полномочий правительства. Не считая возможным обострять международные отношения немедленным отозванием Айвазова, просим принять все возможные меры к улажению этого печального недоразумения.

Независимо от этого Советом было постановлено по возвращении Д. Сейдамета предложить ему дать необходимые по делу объяснения, по получении коих обсуждение факта назначения министром Иностранных дел дипломатического агента без ведома и согласия Совета Министров оставить открытым.

Подлиное подписали: Сулькевич, Мильковский, А. Ахматович, Т. Рапп, Д. Никифоров, П. Соковнин, Л. Фриман, Налбандов.

СПИСОК

источников, которыми пользовался автор

1) Сборник по текущей статистике за 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. Издание Таврического Губернского Земства. Симферополь, 1909 г.
2) Статистический справочник Таврической губернии. Выпуск 4-й. Перекопский уезд, изд. 1915 года.
3) Тоже. Выпуск 5—Евпаторийский уезд.
4) Тоже. Выпуск 6—Симферопольский уезд.
5) Статистико-экономический атлас Крыма. Выпуск 1. Изд. Крымстат. Управления и Крым. ГИЗ'а. Симферополь, 1922 г.
6) Обзор Таврической губернии за 1914 год.
7) Тоже за 1910 год.
8) Тоже за 1912 год.
9) Тоже за 1909 год.
10) Тоже за 1911 год.
11) Сборник по основной статистике. Оценочная часть. Перекопский уезд. Выпуск II. Изд. Таврического Губернского Земства. Симферополь, 1906 г.
12) Тоже—Симферопольский уезд.
13) Материалы по описанию Феодосийского уезда. Выпуск I. Статбюро Таврического Губернского Земства. Симферополь, 1914 г.
14) Сельхоз. обзор Таврический губернии за 10-летие 1899—1908 г. Изд. Таврического Губернского Земства. Симферополь, 1911 год.
15) Тоже за 1909 год.
16) Тоже за 1911 год.
17) Тоже за 1912 год.
18) Сборник Истпарта Крым. ОК ВКП(б) „Революция в Крыму“ № 1.
19) Тоже № 2.
20) Тоже № 3.
21) Тоже № 4.
22) Тоже № 5.
23) Тоже № 6.
24) Допрос Колчака. Под редакцией К. А. Попова, изд. ГИЗ.
25) Пионтковский—Гражданская война в России.
26) „Пролетарская Революция“. Журнал Истпарта ЦК ВКП(б), № 7, 1922 г.
27) Тоже № 10 (57)—1926 года.
28) Газета „Южные Ведомости“ за 1916, 17, 18, 19 и 20 годы.
29) Газета „Революционный Севастополь“, орган. с.-р., за 1917 г.
30) „ „Прибой“, орган меньшевиков за 1917, 18, 19 и 20 гг.
31) „ „Таврическая Правда“, орган РСДРП (большевиков).
32) „ „Революционная Евпатория“.
33) „ „Крымский Коммунист“.
34) „ „Таврический Коммунист“.
35) „ „Известия Севастопольского Совета воен. и рабочих депутатов“, за 1917 и 18 гг.
36) Газета „Изв. Симферопольского Совета“, 1919 г.
37) „ „Изв. Временного Раб.-Кр. Правительства“, 1919 г.
38) „ Феодосийского Обществ. Комитета за 1917 г.
39) „Крым“, изд. при участии членов татарского Парламента.

40) „Ак-Сес“. На русском и татарском языке (реакционная).
41) „Таврический Голос“, 1919 и 1920 гг.
42) „Военный Голос“. Военно-общественная газета, 1920 г.
43) „Крестьянский Голос“. Изд. крестьянского союза России, 1920 г.
44) „Наш Путь“. Ялта. Изд. Совета Профсоюзов.
45) „Ялтинский Вечер“. Т-ва „Единая Русь“ (реакционная).
46) „Голос Жизни“. 1919 год. Керчь.
47) „Время“. 1920 г. газ. Бор. Суворина.
48) „Голос Татар“. 1917 г.
49) „Крымский Вестник“. 1917 г.
50) „Знамя Труда“. Орган временного Совета Профсоюзов, 1918 г.
51) „Наш Голос“. Орган Крымпроф'а.
52) „Вольный Юг“. 1918 г.
53) „Юг России“. 1920 г.
54) „Крымская Мысль“. Феодосия, 1920 г.
55) „Земля и Воля“—орган Обл. К-та партии с.-р. и Таврической губ. Совета крестьянских депутатов.
56) „Таврические Советские Известия“—орган. Центр. Ком. Советов и Симферопольск. Совета раб., солдат. и крестьянск. депутатов.
57) „Путь Борьбы“—орган Севаст. Ком. партии левых соц.-револ. интернационалистов.
58) Антанта и Врангель, сборник, изд. Госиздата 1923 г.
59) „Весь Крым“, сборник изд. Крым. ЦИК'а. Симферополь, 1926 г.

Дела Крым. Центроархива

60) Фонд Губернского комиссара Временного правительства (о событиях в губернии, аграрное движение и др.).
61) Фонд жандармского управления.
62) „ общественного комитета.
63) „ Ревкома и ЦИК Тавриды.
64) „ Краевого правительства (Сулькевича).
65) „ Краевого правительства (С. Крыма).
66) Книга протоколов Краевого правительства
67) Записка Налбандова, Секретаря Совета министров Крымского Кр. Правительства.
68) Справка о деятельности Крымского Краевого Правительства и причинах его падения. Сост. Винавером.
69) Дело Прокурора Симферопольского Окр. Суда. Наряд № 5.
70) Дело Севастопольской Парт. организации № 05.
71) Дела Гор. думы и обществ. комитета гор. Керчи. Керчьархив.
72) Дело листовок и воззваний.
73) Татарские основные законы.
74) Дела татарской Директории.
75) Книга протоколов Крым. ком. РСДРП (меньшевиков). Архив Истпарта ОК ВКП(б).
76) Воспоминания т. Турецкого.
77) „ т. Сапронова.
78) „ т. Коган.
79) „ т. Фирдевс.
80) „ т. Чистякова.
81) „ т. Кукель.
82) Протоколы Симферопольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.
83) Красный Аджимушкай. Брошюра.
84) Воспоминания т. Островской.

ОГЛАВЛЕНИЕ

